

Моему Андрюшенькѣ отъ папы 26 Іюня 1896 г.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

Моему Андрюшенькѣ
отъ тети
26 Июля 1896 г.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СЛАВЯНЕ

ДО 862 ГОДА, ХРИСТІАНСКАГО ЛѢТОСЧИСЛЕНІЯ.

Вы любите, дѣти, слушать чудные разсказы о храбрыхъ герояхъ и прекрасныхъ царевнахъ, васъ веселятъ сказки о добрыхъ и злыхъ волшебницахъ. Но, вѣрно, для васъ еще пріятнѣе будетъ слышать не сказку, а быль, т. е. сущую правду? Послушайте же, я разскажу вамъ ее о дѣлахъ вашихъ предковъ.

Встарину, въ отечествѣ вашемъ, Россіи, не было такихъ прекрасныхъ городовъ, какъ нашъ Петербургъ и Москва. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы любуетесь теперь красивыми строеніями, гдѣ вы такъ весело бѣгаете въ тѣни прохладныхъ садовъ, нѣкогда видны были непроходимые лѣса, топкія болота и дымныя избушки; мѣстами были и города, но вовсе не такіе обширные, какъ въ наше время; въ нихъ жили люди, красивые лицомъ и станомъ, гордые славными дѣлами предковъ, честные, добрые и ласковые дома, но страшные и непримиримые на войнѣ. Ихъ называли славянами.

Они были такъ честны, что въ обѣщаніяхъ своихъ, вмѣсто клятвъ, говорили только: «Если я не сдержу моего слова, то *да будетъ мнѣ стыдно!*» и всегда исполняли обѣщанное; такъ храбры, что и отдаленные народы боялись ихъ; такъ ласковы и гостепріимны, что наказывали того хозяина, у котораго гость былъ чѣмъ нибудь оскорбленъ. Жаль только того, что они не знали истиннаго Бога и молились не Ему, но разнымъ идоламъ.

Идолъ значитъ статуя, сдѣланная изъ дерева или какого нибудь металла и представляющая человѣка или звѣря.

Славяне раздѣлялись на разныя племена: у сѣверныхъ или новгородскихъ славянъ не было и государя, что̀ бываетъ у многихъ необразованныхъ народовъ: они почитали начальникомъ своимъ того, кто болѣе всѣхъ отличался на войнѣ. По этому вы видите, какъ они любили войну и все соединенное съ нею. На полѣ, гдѣ сражались они и потомъ торжествовали побѣду или славную смерть погибшихъ товарищей, можно было всего лучше видѣть истинный характеръ славянъ. Жаль, что до насъ не дошли пѣсни, которыя обыкновенно пѣлись въ то время пѣвцами ихъ. Мы такъ хорошо узнали бы тогда самихъ ихъ, потому что въ пѣсняхъ народныхъ выражается народъ. Но я могу предложить вамъ здѣсь нѣсколько строкъ, изъ которыхъ вы все-таки получите понятіе о славянахъ лучшее и подробнѣйшее, нежели какое можетъ дать вамъ небольшой разсказъ нашъ. Это отрывокъ изъ стихотворенія Жуковскаго:

Пѣсня барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей.

«Ударь во звонкій щитъ! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань—враги утихли расточенны,
    Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой;
    Лишь волкъ, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущій, бѣжитъ на ловъ обильный.
Зажжемъ костеръ дубовый; изройте ровъ могильный!»
    Сложите на щиты поверженныхъ во прахъ.
Да холмъ вѣщаетъ здѣсь вѣкамъ о бранныхъ дняхъ,
Да камень здѣсь хранитъ могущихъ слѣдъ священной!
Гремитъ... раздался гулъ въ дубравѣ пробужденной!
    Стеклись вождей и ратныхъ сонмъ;
    Глухой полнощи тьма кругомъ;
Предъ ними вѣщій Бардъ, вѣнчанный сѣдиною,
И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ.
    Объяты думою, съ поникнутой главою,
    На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ,
Оперлись на мечи; средь нихъ костеръ пылаетъ
И съ свистомъ грозный вѣтръ ихъ кудри воздымаетъ.
И се! воздвигся холмъ и камень водруженъ
И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ и токомъ орошенъ;

И се! могущими перстами
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ—
Одушевленны забряцали!
Воспѣлъ—дубравы застенали
И гулъ помчался по горамъ».

Эта картина изъ жизни древнихъ славянъ представлена прекрасно и вѣрно. Смотря не нее, кажется, видишь нашихъ горделивыхъ, воинственныхъ предковъ.

Но эта самая воинственность, охраняя землю ихъ, была причиною и большого зла для нея. Вы слышали уже, что, не имѣя государей, они почитали начальникомъ своимъ того, кто болѣе другихъ отличался на войнѣ; а какъ они всѣ были храбры, то иногда случалось, что такихъ начальниковъ было много. Каждый изъ нихъ хотѣлъ приказывать по-своему; народъ не зналъ, кого слушать, и оттого были у нихъ безпрестанные споры и несогласія. А вѣдь вы знаете, какъ несносны ссоры? И вамъ, въ вашихъ маленькихъ дѣлахъ, вѣрно случалось уже испытать, какія непріятныя слѣдствія имѣютъ онѣ и какая разница въ чувствахъ и положеніи вашемъ, когда всѣ, окружающіе васъ, довольны вами, а вы—ими.

И славяне также видѣли, что во время несогласій ихъ всѣ дѣла шли у нихъ дурно, и они даже перестали побѣждать своихъ непріятелей. Долго не знали они что̀ дѣлать; наконецъ придумали средство привести все въ порядокъ. На берегахъ Балтійскаго моря—стало быть, не очень далеко отъ отечества нашего — жилъ народъ, по имени варяги-русь, происходившій отъ великихъ завоевателей въ Европѣ — нормановъ.

Эти варяги-русь почитались отъ сосѣдей народомъ умнымъ: у нихъ давно уже были добрые государи, были и законы, по которымъ эти государи управляли ими, и оттого варяги жили счастливо и имъ удавалось даже иногда побѣждать славянъ, — правда, что это случалось только тогда, какъ они нападали на нихъ во время споровъ и несогласій ихъ.

Вотъ старики славянскіе, видя счастіе варяговъ и желая такого же своей родинѣ, уговорили всѣхъ славянъ отправить пословъ къ этому храброму и предпріимчивому

народу просить у него князей управлять ими. Послы сказали варяжскимъ князьямъ такъ: «*Земля наша велика и богата, а порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами*».

НАЧАЛО РУССКАГО ГОСУДАРСТВА И ПЕРВЫЕ ГОСУДАРИ РУССКІЕ.

отъ 862 до 944 года[1]).

(82 года).

Варяги-русь были очень рады такой чести и три брата изъ князей ихъ: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*, тотчасъ поѣхали къ славянамъ. Рюрикъ сдѣлался государемъ въ одномъ изъ первыхъ городовъ, основанныхъ славянами, въ Новѣгородѣ, Труворъ—въ Изборскѣ, Синеусъ—въ землѣ, лежащей около Бѣлаго-озера. Отъ сихъ-то трехъ варягорусскихъ князей славяне начали называться *русскими*, а земля ихъ—*Русью*, впослѣдствіи *Россіею*. Синеусъ и Труворъ скоро умерли и Рюрикъ сдѣлался одинъ великимъ княземъ русскимъ и основателемъ Русскаго государства. Онъ княжилъ счастливо два года съ братьями и пятнадцать лѣтъ одинъ.

Не хотите ли вы прочитать что-нибудь о немъ? Я могу доставить вамъ это удовольствіе. Есть стихи, написанные однимъ изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ, Державинымъ, на побѣды, одержанныя русскими въ Италіи, во времена позднѣйшія[2]), и въ этихъ стихахъ есть изображеніе Рюрика. Такъ какъ всякое описаніе, взятое изъ поэзіи, гораздо

[1]) Въ отношеніи расчисленія годовъ въ каждомъ разсказѣ берется авторомъ въ соображеніе вообще весь періодъ времени, обозначенный въ началѣ разсказа, но съ особенными подробностями описывается то происшествіе, которое было всего важнѣе въ означенномъ періодѣ и которое по этой самой причинѣ и избрано авторомъ въ заглавіе разсказа. Это примѣчаніе должно служить и для всѣхъ послѣдующихъ разсказовъ.

[2]) Въ царствованіе государя императора Павла I.

живѣе дѣйствуетъ на умъ и долѣе остается въ памяти, нежели сдѣланное прозою, то я увѣрена, что вы сохраните въ памяти черты, въ которыхъ великій поэтъ представилъ перваго государя Россіи. Вообразите, какъ было бы весело читать наизусть въ прекрасныхъ стихахъ такія примѣчательныя мѣста изъ отечественной исторіи! Я постараюсь собрать для васъ все, что поэзія наша имѣетъ лучшаго въ этомъ родѣ, а вы постарайтесь прилежнымъ изученіемъ достойно оцѣнить эти прекрасныя произведенія нашихъ поэтовъ. Но возвратимся къ портрету Рюрика:

«Но кто тамъ, бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ
Подобно синя моря льдамъ?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушаетъ временъ?—
Не тотъ ли древле, что войною
Потрясъ парижскихъ[1]) твердость стѣнъ?
Такъ, онъ плѣняется пѣвцами,
Поющими его дѣла,
Смотря, какъ блещетъ битвъ лучами
Сквозь тьму временъ его хвала.
Такъ, онъ!—Се Рюрикъ торжествуетъ
Въ Валгалѣ[2]) звукъ своихъ побѣдъ
И перстомъ долу показуетъ
На Росса [3]), что по немъ идетъ».

Послѣ Рюрика остался маленькій сынъ, Игорь, который еще не могъ быть государемъ, и для того Рюрикъ просилъ своего родственника и товарища, Олега, управлять государствомъ, пока выростетъ Игорь.

Олегъ былъ храбръ и уменъ, побѣдилъ много сосѣднихъ народовъ и такъ увеличилъ Россію, что при немъ она простиралась почти до горъ Карпатскихъ, которыя лежатъ въ Венгріи. Но этотъ Олегъ не совсѣмъ заслуживалъ похвалы. Вы увидите это сами.

Вмѣстѣ съ Рюрикомъ пріѣхали къ славянамъ многіе варяги, которые еще на родинѣ служили ему и, любя

---

[1]) Здѣсь говорится о завоеваніяхъ норманновъ, которыми они приводили въ ужасъ Западную Европу.
[2]) Такъ назывался рай у языческихъ норманновъ.
[3]) Это относится къ герою Суворову.

добраго начальника, не хотѣли разстаться съ нимъ. Рюрикъ за это усердіе дарилъ нѣкоторымъ изъ нихъ деревни и селенія славянскія: отъ этого появились у насъ *помѣщики,* т. е. такіе бояре, которые владѣли людьми и землями. Но не всѣ эти помѣщики были довольны своими помѣстьями: инымъ казалось веселѣе искать счастія на войнѣ, нежели сидѣть дома. Надобно сказать вамъ, дѣти, что тогда люди очень любили войну. Это потому, что, будучи язычниками, они почитали непремѣннымъ долгомъ отмщать за обиды, а обижали они очень часто другъ друга! Къ тому же они мало учились тогда и не понимали пріятностей мира, который доставляетъ намъ возможность предаться занятіямъ тихимъ, сладостнымъ для сердца и полезнымъ для ума. Они думали только о томъ, чтобы имъ сражаться и побѣждать своихъ враговъ.

Двое изъ такихъ смѣлыхъ воиновъ, по имени Аскольдъ и Диръ, отправились съ товарищами къ югу отъ Новгорода, и на прекрасныхъ берегахъ рѣки Днѣпра увидѣли маленькій городъ, который имъ очень понравился. Этотъ городокъ былъ — *Кіевъ.* Они недолго думали: завладѣли имъ и сдѣлались государями кіевскими.

Олегъ, управляя Новгородомъ послѣ смерти Рюрика, слышалъ, что всѣ пріѣзжавшіе изъ Кіева хвалили новое княжество Русское, и вздумалъ завоевать его. Но онъ зналъ, что князья кіевскіе и народъ ихъ храбры, что они будутъ сражаться съ такою же смѣлостію, какъ и его воины, и оттого рѣшился употребить хитрость. Подошедъ къ Кіеву, онъ оставилъ войско назади, приплылъ къ кіевскому берегу въ небольшой лодкѣ только съ Игоремъ и нѣсколькими воинами, и послалъ сказать государямъ кіевскимъ, что съ ними желаютъ видѣться купцы варяжскіе изъ Новгорода, ихъ друзья и земляки. Аскольдъ и Диръ были очень рады такимъ гостямъ и тотчасъ отправились на лодку ихъ. Но лишь только они вошли туда, какъ вдругъ воины Олега окружили ихъ, а самъ Олегъ, поднявъ на рукахъ маленькаго Игоря, сказалъ: «*Вы не князья, но я князь, и вотъ сынъ Рюрика!*» Въ эту самую минуту воины бросились на обоихъ князей кіевскихъ и убили ихъ! Вотъ одно дурное дѣло Олега,

а впрочемъ, онъ былъ хорошій опекунъ маленькаго воспитанника своего, старался о пользѣ народа русскаго, соединилъ оба новыя государства варяговъ въ одно, сдѣлалъ столицею Кіевъ, и такъ прославился своею храбростію, что даже греки въ Константинополѣ боялись его и имени русскаго. Олегъ имѣлъ съ ними войну, подходилъ къ самымъ стѣнамъ славной столицы ихъ; въ знакъ побѣды повѣсилъ свой щитъ на воротахъ ея; взялъ дань съ грековъ, и когда возвратился въ Кіевъ, народъ назвалъ его *Вѣщимъ:* это значитъ почти то же, что *всевѣдущимъ*. Славныя дѣла его кратко и въ то же время прекрасно описалъ *Языковъ* въ стихотвореніи своемъ: «*Олегъ*». Онъ представилъ, какъ наслѣдовавшій ему государь, молодой Игорь, вмѣстѣ съ народомъ отправлялъ торжественную *тризну* или поминки по немъ, и на этой тризнѣ былъ, по обыкновенію славянъ, пѣвецъ, долженствовавшій воспѣть дѣла умершаго. Но прочтите стихи Языкова съ того самаго мѣста, какъ пѣвецъ или—какъ звали его славяне—*баянъ*—приходитъ въ средину народа, торжествовавшаго память знаменитаго князя своего:

«Вдругъ, словно мятежъ усмиряется шумный
  И чинно дорогу даетъ,
Когда посѣдѣлый въ добрѣ и разумный
  Бояринъ на вѣче идетъ:—
Толпы разступились—и сталъ среди схода
  Съ гуслями въ рукахъ славянинъ.
Кто онъ? Онъ не князь и не княжескій сынъ,
  Не старецъ, совѣтникъ народа,
Не славный дружинъ воевода,
  Не славный соратникъ дружинъ;
Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
  Красой вдохновеннаго гласа...
Онъ сталъ среди схода,—молчанье кругомъ,
  И звучная пѣснь раздалася.
Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ былъ
  Правитель полночной державы;
Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
  Древлянъ вѣковыя дубравы;
Какъ дружно сбирались въ далекій походъ
  Народы по слову Олега;
Какъ шли чрезъ пороги, подъ грохотомъ водъ
  По высямъ днѣпровскаго брега;
Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ

Проворные русскіе челны:
Летѣла, шумѣла станица вѣтрилъ
И прыгали челны чрезъ волны.
Какъ послѣ, водима любимымъ вождемъ,
Сражалась, гуляла дружина
По градамъ и селамъ, съ мечемъ и огнемъ
До града царя Константина:
Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
Свой щитъ знаменитый во брани,
И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
Богатствами греческой дани.
Умолкъ онъ,—и радостнымъ крикомъ похвалъ
Народъ отзывался несмѣтный;
И братски баяна самъ князь обнималъ,
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ
И, вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ
Съ конца до конца межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ».

Олегъ управлялъ государствомъ тридцать три года: добрый Игорь не хотѣлъ напомнить ему, что уже можетъ княжить, и сдѣлался государемъ русскимъ только тогда, какъ умеръ Олегъ.

Игорь, какъ и всѣ русскіе князья, былъ храбръ, но не такъ счастливъ, какъ Олегъ: при немъ явились въ первый разъ въ землю Русскую печенѣги,—народъ, который потомъ всегда былъ страшнымъ врагомъ нашихъ предковъ.

Печенѣги поселились между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, на лугахъ, гдѣ паслись стада ихъ. Они не строили домовъ, но дѣлали подвижные шатры или шалаши. Когда стада ихъ не находили болѣе корма на лугахъ, то они переносили шалаши свои на другое мѣсто и оставались тамъ, пока была трава. Они сами и лошади ихъ бѣгали очень скоро; по рѣкамъ же умѣли плавать почти какъ рыбы. Это очень помогало имъ нападать на сосѣдей своихъ, уводить въ плѣнъ бѣдныхъ жителей и спасаться отъ погони. Злые печенѣги даже нанимались въ службу къ такимъ народамъ, которые имѣли съ кѣмъ нибудь войну, и тогда-то злодѣйствовали, сколько имъ хотѣлось.

Игорь, хотя наложилъ на нихъ дань, т. е. заставилъ каждаго изъ нихъ платить нѣсколько денегъ въ казну свою, но не могъ прогнать ихъ подалѣе отъ границъ своего государства. Важнѣйшимъ происшествіемъ его княженія былъ походъ на грековъ, но не столь счастливый, какъ Олеговъ. Впрочемъ, все-таки ему удалось собрать съ грековъ дань и заключить миръ, и по случаю этого мира послы греческіе пріѣзжали въ Кіевъ, и съ обѣихъ сторонъ принесены были клятвы въ сохраненіи этого мира вѣчно. Христіане клялись въ церкви св. Иліи, которая тогда уже была въ Кіевѣ.

Самый несчастный походъ Игоря былъ на древлянъ, которые жили тамъ, гдѣ у насъ теперь Волынская губернія. Древляне были также славянскаго племени; ихъ покорилъ Олегъ. Игорь ѣздилъ къ нимъ для того, чтобы взять болѣе дани, нежели сколько они всегда платили. Древлянамъ показалось это такъ обидно, что они забыли все почтеніе, какое должно имѣть къ государю своему, и сдѣлали ужасный грѣхъ: убили Игоря! Эти жалкіе люди не знали Бога и не понимали, какое страшное злодѣяніе дѣлали.

Такъ погибъ Игорь. Онъ княжилъ тридцать-два года, но не отличался никакими особенно примѣчательными дѣлами.

Семейство великаго князя Рюрика I.

Супруга: Эфанда, княжна Урманская.
Сынъ: Игорь.

Семейство великаго князя Игоря Рюриковича I.

Супруга: Ольга, поселянка Псковской области.
Сынъ: Святославъ.

СВЯТАЯ ОЛЬГА.

отъ 945 до 955 года.

(10 лѣтъ).

Гораздо болѣе Игоря прославилась прекрасная супруга его *Ольга*. Святославъ, сынъ ея, былъ еще очень малъ, когда умеръ отецъ его, и потому Ольга правила государствомъ вмѣстѣ съ двумя знаменитыми воеводами: бояриномъ *Асмудомъ*, дядькою маленькаго Святослава, и *Свѣнельдомъ*, начальникомъ войска. Исторія этой княгини очень любопытна. Каждый русскій мальчикъ и каждая русская дѣвочка должны знать ее. Послушайте же.

Ольга родилась простою дѣвушкой въ деревнѣ около города Пскова. Молодой князь Игорь пріѣхалъ туда на охоту и случайно увидѣлъ эту деревенскую красавицу, которая такъ понравилась ему своею скромностію и умомъ, что онъ не хотѣлъ слышать о другихъ невѣстахъ и женился на милой Ольгѣ. Въ высокомъ дворцѣ государя она была такъ же умна и любезна, какъ прежде—въ маленькомъ домикѣ своихъ родителей; такъ же добра и ласкова съ окружавшими ее знатными боярынями, какъ прежде съ своими сельскими подружками.

Услышавъ о несчастной смерти Игоря, Ольга обѣщала отмстить жестоко злымъ древлянамъ и тотчасъ послала войско свое въ землю ихъ.

Древляне отправили пословъ съ оправданіями, но Ольга приказала казнить ихъ, не желая слушать ихъ оправданій, и когда войско ея покорило ихъ, она наложила большую дань на этотъ ненавистный для нея народъ и присоединила землю его къ своему государству.

Ольга, вмѣстѣ съ маленькимъ Святославомъ, объѣзжала свои области и вездѣ приводила въ порядокъ то, что было разстроено. Съ тѣхъ поръ, какъ государи наши начали жить въ Кіевѣ, Новгородъ уже пересталъ быть столицею государства Русскаго. Князья кіевскіе, воюя съ Греціею и съ сосѣдними народами, не имѣли времени заботиться

объ отдаленныхъ подданныхъ своихъ, новгородцахъ, и позволили имъ самимъ выбирать своихъ судей и начальниковъ, которые бы чинили судъ и расправу, т. е. награждали добрыхъ, наказывали злыхъ и собирали съ народа дань для князя кіевскаго. Главнаго изъ такихъ начальниковъ новгородцы назвали *посадникомъ*. Зная, что князь кіевскій живетъ далеко отъ нихъ, они начали менѣе уважать его и думали, что могутъ обойтись и безъ государя, имѣя своего посадника.

Ольга поѣхала туда и умными распоряженіями заставила новгородцевъ вспомнить, что они должны быть покорны государю своему, хотя бы онъ жилъ еще гораздо далѣе отъ нихъ.

Народъ любилъ и благословлялъ добрую мать государя своего. Но изъ всѣхъ прекрасныхъ дѣлъ Ольги, самое лучшее и самое великое было то, что она приняла вѣру христіанскую. Она первая изъ русскихъ государей поняла, какъ глупо молиться идоламъ, которые столько же могли слышать молитвы бѣдныхъ людей, сколько слышатъ дѣтей куклы, когда они говорятъ съ ними. Умная княгиня чувствовала въ сердцѣ своемъ, что есть Богъ, безъ котораго не могъ быть міръ, и все, что мы видимъ въ этомъ мірѣ. Къ тому же, она много слышала о вѣрѣ христіанской съ тѣхъ поръ, какъ жила въ Кіевѣ, гдѣ была уже церковь христіанская: воины князя Олега и супруга ея Игоря, бывшіе вмѣстѣ съ ними въ Греческой имперіи, разсказывали дома о счастіи и добродѣтеляхъ истинныхъ христіанъ; о святости вѣры ихъ; о терпѣніи, съ которымъ они переносили несчастія здѣшней жизни, надѣясь на награду въ будущей.

Надобно сказать, что въ это время греки давно уже перестали быть идолопоклонниками и знали истиннаго Бога. Въ столицѣ ихъ, Константинополѣ, жилъ *патріархъ*, то есть начальникъ духовенства христіанъ греческихъ. У него-то княгиня Ольга хотѣла учиться закону Божію, и для того поѣхала въ Константинополь, въ 955 году, когда сынъ ея уже выросъ и она перестала управлять государствомъ.

Патріархъ и императоръ греческій, Константинъ Ба-

грянородный, дивились уму и кротости государыни русской. Патріархъ съ радостію разсказалъ ей о жизни, страданіяхъ, смерти и воскресеніи Іисуса Христа; научилъ ее всему, что должны знать всѣ любящіе Господа и вѣрующіе въ Него, и потомъ окрестилъ ее. Императоръ былъ крестнымъ отцомъ Ольги; въ крещеніи назвали ее *Еленою*. Съ восторгомъ возвратилась она въ Кіевъ, радуясь тому, что можетъ просвѣтить душу сына своего и сдѣлать его также христіаниномъ. Но молодой, гордый Святославъ не хотѣлъ слышать о новомъ законѣ. Княгиня печалилась, что не можетъ раздѣлить съ милымъ сыномъ счастіе знать истиннаго Бога, и умерла съ этою печалію черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ крещенія. Церковь наша признала ее—*святою*, а исторія—*мудрою*.

Уважайте память этой доброй княгини Ольги, милые читатели: она первая старалась о томъ, чтобы предки наши избавились отъ ужаснаго несчастія быть идолопоклонниками; она первая говорила имъ объ истинномъ Богѣ, учила ихъ вѣрѣ Іисуса Христа. Любите святую Ольгу за такое великое благодѣяніе, и старайтесь быть такъ же благочестивы, такъ же усердны къ Богу, какъ была она.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ I.

ОТЪ 955 ДО 972 ГОДА.

(17 лѣтъ).

Не удивительно, что Святославъ не слушалъ добрыхъ совѣтовъ матери, когда она говорила ему о Богѣ: онъ думалъ только о сраженіяхъ, желалъ только того, чтобы всѣ говорили о его храбрости и чтобы всѣ боялись его. Конечно, нельзя было и не говорить о немъ: мало было людей такихъ смѣлыхъ и такихъ терпѣливыхъ, какъ онъ. Онъ всегда первый бросался въ опасность и никогда не нападалъ на враговъ нечаянно, но посылалъ напередъ сказать имъ: *иду на васъ!*

Какъ храбръ былъ духъ его, такъ крѣпко—тѣло: онъ не боялся никакой погоды: ни слишкомъ жаркой, ни слишкомъ холодной; спалъ на землѣ, даже безъ палатки—войлокъ былъ его постелью, сѣдло — подушкой, грубое мясо дикихъ звѣрей—его пищею, простая вода—питьемъ! Таковъ былъ герой нашъ Святославъ; таковы почти и теперь всѣ наши добрые солдаты! Вы, вѣрно, слыхали, какъ терпѣливы они во время войны за добраго государя и родину, какъ охотно ѣдятъ они тогда одинъ черный хлѣбъ, пьютъ одну воду и спятъ—часто на мокрой землѣ! Они рады переносить все это, лишь бы не уступить побѣды непріятелю; и это дѣлаютъ не они одни, но также офицеры и генералы ихъ, если того потребуютъ обстоятельства. И вы вѣрно сдѣлаете то же, милые маленькіе читатели мои? Вѣдь и вы будете современемъ защитниками государя, отечества, родителей и друзей вашихъ.

Молодой Святославъ началъ побѣждать, какъ только принялъ начальство надъ войсками. Первые народы, покоренные имъ, были: вятичи, козары, ясы и касоги. Касогами называли тогда нынѣшнихъ черкесовъ. Когда уже всѣ сосѣдніе народы были покорены, онъ пошелъ въ Болгарію [1]), завоевалъ и эту страну, которая такъ понравилась ему, что онъ хотѣлъ было остаться навсегда жить въ тамошнемъ городѣ Переяславцѣ, но вдругъ получилъ извѣстіе, что къ Кіеву пришли страшные печенѣги. Вы помните этотъ злой народъ, который еще при Игорѣ поселился съ своими шатрами близко Россіи? Они боялись храбраго Святослава, но когда узнали, что онъ ушелъ далеко отъ своей земли, то и напали на Кіевъ, а воевода русскій Претичъ и съ нимъ немного войска стояли на другой сторонѣ рѣки Днѣпра, такъ что бѣдные кіевскіе жители не могли даже сказать своимъ защитникамъ, что они въ опасности. Въ это время русская столица и все семейство Святослава вѣрно бы погибли, если бы не нашелся одинъ смѣлый пятнадцатилѣтній мальчикъ, который спасъ ихъ.

---

[1]) Болгарія теперь княжество, по ту сторону Дуная.

Онъ надѣлъ такое платье, какое носили печенѣги, взялъ въ руку уздечку и вышелъ изъ города въ поле, будто бы искать свою лошадь. Печенѣги не замѣтили, что это русскій, и пропустили его черезъ все войско свое. Когда же онъ дошелъ до берега, то сбросилъ съ себя платье и поплылъ. Тутъ опомнились непріятели и пустили въ него множество стрѣлъ; но онъ былъ уже далеко, въ кругу своихъ, которые встрѣтили его въ лодкѣ. Претичъ, узнавъ отъ него, что Кіевъ въ опасности и хочетъ ужъ сдаться, тотчасъ велѣлъ воинамъ своимъ приготовиться къ сраженію, и на разсвѣтѣ поѣхалъ на лодкахъ къ городу съ громкою военною музыкою. Печенѣги, которые боялись одного имени Святослава, испугались ужасно, думая въ страхѣ, что самъ Святославъ возвратился изъ Болгаріи. Тутъ ужъ имъ было не до того, чтобы идти къ Кіеву: они думали, какъ бы спасти самихъ себя, и тотчасъ же удалились отъ города, а жители кіевскіе съ радостію вышли на встрѣчу къ своимъ избавителямъ. Тогда было очень весело въ Кіевѣ, — и вы вѣрно догадаетесь, что доброму молодому кіевлянину было всѣхъ веселѣе! Онъ сдѣлалъ болѣе, нежели Претичъ и всѣ его воины: онъ могъ сказать себѣ: «*Я хотѣлъ умереть за мое отечество и за дѣтей моего государя! Я спасъ всѣхъ!..*» Вы можете представить себѣ, какъ щедро наградилъ его Святославъ, который вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Кіевъ! Печенѣги же были наказаны за свою дерзость: Святославъ прогналъ ихъ далеко отъ границъ своего государства.

Но скоро наскучила ему тихая жизнь въ Кіевѣ: ему хотѣлось возвратиться опять въ любимую Болгарію, гдѣ было много золота, серебра, вина, меду и всякихъ плодовъ. Чтобы скорѣе исполнить свое желаніе, онъ поручилъ государство тремъ сыновьямъ своимъ и, приказавъ имъ жить дружно между собою, отправился самъ въ Болгарію. Но болгарскіе жители встрѣтили его совсѣмъ не съ такою любовію, съ какою проводили кіевляне: онъ не былъ природнымъ государемъ ихъ и потому неудивительно, что они не очень любили его. Къ тому же, сосѣдъ ихъ греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій совсѣмъ не желалъ видѣть храбраго Святослава въ такомъ

близкомъ сосѣдствѣ отъ Греціи и старался всѣми силами вытѣснить его изъ Болгаріи. Онъ собралъ даже войско и выступилъ самъ противъ Святослава, который, потерявъ болгарскую столицу Переяславецъ, долженъ былъ затвориться въ городѣ Доростолѣ [1]).

Іоаннъ окружилъ войскомъ своимъ этотъ городъ. Грековъ было такъ много, что Святославу и воинамъ его нельзя было думать о спасеніи. Но здѣсь-то и доказалъ князь русскій, что онъ былъ точно герой. Когда воины его, терпя болѣе двухъ мѣсяцевъ голодъ и страдая отъ ранъ, совѣтовали ему просить мира у непріятеля или убѣжать ночью въ отечество, Святославъ сказалъ: «Нѣтъ, друзья мои! могутъ ли жить весело тѣ, которые спасутся бѣгствомъ? Побѣдимъ или умремъ! *Мертвымъ срама нѣтъ!* Я пойду впередъ, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте что хотите!»

Мертвымъ срама нѣтъ! Это замѣчательное восклицаніе Святослава повторено у Жуковскаго, въ его «*Пѣвецъ въ станѣ россійскихъ воиновъ*», когда онъ, сообразно понятіямъ скандинавцевъ, воображаетъ, что тѣни древнихъ героевъ нашихъ носятся надъ полемъ битвы:

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами...
О, Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной—
«*Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!*»
Гремитъ передъ дружиной.

Такія слова храбраго князя ободрили воиновъ до того, что они громко вскричали: «Гдѣ ляжетъ голова твоя, государь, тамъ лягутъ и наши!» На другой же день они вышли изъ города на встрѣчу непріятелямъ. Не смотря на то, что грековъ было гораздо болѣе, долго нельзя было узнать, кто побѣдитъ: такъ храбро сражались русскіе! Но вдругъ подулъ страшный вѣтеръ прямо въ лицо ихъ. Бѣдное войско Святослава не могло продолжать сраженія отъ густой пыли, и греки остались побѣдителями.

---

[1]) Нынѣшняя Силистрія, въ Турціи.

Раненый Святославъ, чувствуя, что нѣсколько храбрыхъ воиновъ его не могутъ побѣдить сильнаго войска грековъ, согласился наконецъ просить мира. Іоаннъ Цимисхій обрадовался этому,—и два знаменитыхъ врага помирились. Они оба желали видѣть другъ друга. Это свиданіе было на берегу Дуная. Императоръ Іоаннъ пріѣхалъ верхомъ, платье его сіяло золотомъ и дорогими каменьями; со всѣхъ сторонъ окружали его воины въ блестящихъ латахъ. Святославъ приплылъ къ берегу въ лодкѣ, гребя самъ веслами. Простая бѣлая одежда его не имѣла никакихъ украшеній: въ одномъ ухѣ только свѣтлѣла золотая серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ; но видъ его былъ такъ важенъ, въ голубыхъ глазахъ его примѣтно было такъ много величія и благородства, что Іоаннъ почувствовалъ невольное почтеніе къ герою русскому и сошелъ съ лошади. Святославъ пристально посмотрѣлъ на него, поговорилъ съ нимъ немного и отъѣхалъ отъ берега.

Весело отправился въ Грецію Іоаннъ; грустно было плыть къ Кіеву Святославу, въ первый разъ побѣжденному! Злые печенѣги, зная, что русскихъ осталось въ живыхъ немного, ждали ихъ на берегахъ Днѣпра. Старый Свѣнельдъ, который былъ воеводой еще при Игорѣ, совѣтовалъ государю своему проѣхать сухимъ путемъ опасное мѣсто; но храбрый князь былъ часто безразсудносмѣлъ, и не смотря на то, что войско его было очень мало, пустился въ опасность. Печенѣги, которыхъ было множество на берегу, бросились на русскихъ, какъ скоро увидѣли ихъ, и гордый, безстрашный Святославъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи! Только одинъ Свѣнельдъ и нѣсколько воиновъ спаслись и сказали кіевлянамъ о смерти государя ихъ.

Куря, князь печенѣговъ, отрубилъ голову Святославу и изъ черепа ея велѣлъ сдѣлать чашу, въ которой подавали вино на его праздникахъ.

Семейство великаго князя Святослава I Игоревича.

Супруги: 1) Гречанка, плѣнная монахиня. 2) Ключница вел. кн. Ольги *Малуша.*

Дѣти: a) Ярополкъ. b) Олегъ. c) Владиміръ.

СЫНОВЬЯ СВЯТОСЛАВА.

отъ 972 до 980 года.

(8 лѣтъ).

Святославъ, уѣзжая въ послѣдній разъ въ Болгарію, раздѣлилъ все государство свое на три части: старшему сыну *Ярополку* отдалъ Кіевъ; второму *Олегу* — землю Древлянскую; младшему *Владиміру*—Новгородъ. Это раздѣленіе имѣло несчастныя слѣдствія: вмѣсто одного государя было три въ одно время. Тамъ, гдѣ распоряжается не одинъ, а нѣсколько начальниковъ, дѣла идутъ всегда дурно, и понятно, отчего это бываетъ. Нѣсколько начальниковъ не могутъ имѣть одинакій нравъ и часто что нравится одному, то сердитъ другого, а гдѣ ссорятся старшіе, тамъ и младшіе не могутъ жить въ дружбѣ. Хотя Святославъ и приказалъ двумъ меньшимъ сыновьямъ уважать и слушаться старшаго брата Ярополка и оттого назвалъ его *великимъ княземъ* Кіевскимъ, а тѣхъ—*удѣльными князьями,* но они худо исполняли приказаніе отца, и оттого всѣ сдѣлались очень несчастливы. Вы пожалѣете о нихъ, когда услышите ихъ исторію.

Прежде всего поссорились Ярополкъ и Олегъ. Въ этомъ виноватъ былъ старый воевода Свѣнельдъ, который ненавидѣлъ Олега за то, что онъ однажды на охотѣ убилъ — можетъ быть и ненарочно — сына его *Люта.* Съ тѣхъ поръ онъ безпрестанно наговаривалъ Ярополку на Олега, и наконецъ убѣдилъ его пойти войною въ землю Древлянскую.

Олегъ, услышавъ, что братъ идетъ на него, собралъ также своихъ воиновъ, но Ярополкъ побѣдилъ ихъ и заставилъ бѣжать назадъ: въ суматохѣ они такъ тѣсно столпились на мосту у города Овруча, гдѣ жилъ Олегъ, что столкнули нечаянно князя своего въ глубокій ровъ. За нимъ упало туда множество людей и лошадей. Несчастнаго раздавили до смерти.

Ярополкъ, который, хотя былъ легковѣренъ и вѣтренъ, но совсѣмъ не имѣлъ злого сердца, хотѣлъ видѣть брата,

и ему показали тѣло его, покрытое ранами и кровію. Тогда бѣдный князь забылъ, что онъ побѣдитель: не чувствовалъ ничего, кромѣ ужасныхъ мученій совѣсти, плакалъ и рвалъ на себѣ волосы, но всею своею горестію и слезами не могъ воскресить брата.

Владиміръ, князь новгородскій, узнавъ, что Ярополкъ завоевалъ Древлянскую область, испугался и убѣжалъ изъ своей столицы къ варягамъ, въ ту землю, откуда пріѣхалъ прадѣдъ его, Рюрикъ. Ярополкъ скоро забылъ убѣжавшаго брата, а въ Новгородъ послалъ посадниковъ или намѣстниковъ своихъ, т. е. такихъ людей, которые вмѣсто него управляли этою областію.

Но Владиміръ не даромъ жилъ у варяговъ. Черезъ два года онъ набралъ тамъ сильное войско и пришелъ въ свой Новгородъ, выгналъ оттуда посадниковъ Ярополковыхъ и послалъ ихъ сказать брату, что онъ идетъ наказать его за смерть Олега. Между тѣмъ онъ зналъ, что у Ярополка была прекрасная невѣста, дочь князя полоцкаго. Рогнѣда—такъ звали ее—была такъ хороша, мила и умна, что Владиміръ никакъ не хотѣлъ уступить ее брату и сталъ свататься за ней. Но Рогнѣда уже обѣщала выйти за Ярополка: какъ же ей можно было сдѣлаться невѣстой Владиміра? Она отказала. Владиміръ такъ раздраженъ былъ этимъ отказомъ, что, пришедши съ войскомъ въ Полоцкъ, лишилъ жизни отца ея, двухъ братьевъ и женился на бѣдной Рогнѣдѣ. Каково же было ей выйти за такого человѣка, который былъ причиною смерти ея отца и братьевъ? Несчастная столько плакала и была всегда такъ печальна, что ее прозвали *Гориславою*.

Вскорѣ послѣ свадьбы Владиміръ пошелъ къ Кіеву. Ярополкъ не смѣлъ выйти съ войскомъ своимъ на встрѣчу къ брату и затворился въ городѣ. Здѣсь Ярополкъ опять потерпѣлъ оттого, что скоро слушался чужихъ совѣтовъ и, не разсуждая, вѣрилъ своимъ любимцамъ. Такъ одинъ изъ нихъ, прельщенный дарами Владиміра, посовѣтовалъ ему уйти изъ Кіева въ маленькій городокъ Родню, лежавшій близко Кіева. Только что онъ сдѣлалъ это, Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и окружилъ войскомъ Родню. Тотъ же измѣнникъ началъ уговаривать тогда Ярополка

помириться съ братомъ и отправиться къ нему въ кіевскій дворецъ. Ярополкъ послушался и въ этомъ злодѣя: поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевъ и потомъ во дворецъ брата. Только что они вошли въ сѣни, какъ два варяга бросились на несчастнаго Ярополка и умертвили его! Ужасно, ужасно слышать, что братъ погибъ въ домѣ брата своего! Но такъ часто случалось у народовъ, еще не знавшихъ Бога истиннаго, у жалкихъ идолопоклонниковъ! Они считали долгомъ мстить за обиды,—и Владиміръ, наказывая одного брата за смерть другого, вѣрно думалъ, что исполняетъ дѣло, пріятное его богамъ.

Семейство великаго князя Ярополка I Святославича.

Супруга: Гречанка, бывшая потомъ супругою брата его Владиміра.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ.

отъ 980 до 988 года.

(8 лѣтъ).

Можно ли было ожидать, милые читатели, чтобы этотъ князь Владиміръ, бывшій виновникомъ погибели брата и несчастія бѣдной красавицы Рогнѣды, сдѣлался потомъ добрѣйшимъ государемъ и первымъ благодѣтелемъ своего народа? Вотъ какія чудеса можетъ Богъ дѣлать съ тѣми людьми, которые искренно раскаиваются и сожалѣютъ о худыхъ дѣлахъ своихъ.

Съ самаго начала своего княженія, Владиміръ старался побѣдами и славою заставить народъ свой забыть его прежнюю жизнь. Онъ завоевалъ у польскаго короля Галицію [1]) или города *Червенскіе;* побѣдилъ болгаръ, народъ жившій на берегахъ Волги; къ сѣверу—увеличилъ

---

[1]) *Поляки,* такъ же какъ и русскіе, происходятъ отъ народа *славянскаго.* Племя ихъ поселилось около рѣки *Вислы* и основало *Польское королевство. Галиція* была прежде польскою областію, а нынѣ принадлежитъ Австріи, и лежитъ у горъ Карпатскихъ.

Россію до самаго Балтійскаго моря. Кромѣ этихъ завоеваній, онъ старался прославиться и хорошими качествами: сердце его сдѣлалось добрѣе, нравъ спокойнѣе. Онъ очень любилъ народъ свой, старался о его счастіи, могъ уже не наказывать того, кто обижалъ его, могъ даже прощать самыхъ жестокихъ враговъ своихъ, въ числѣ которыхъ была супруга его, Рогнѣда-Горислава. Эта несчастная государыня такъ много печалилась, что сдѣлалась почти безумною отъ слезъ. Однажды она вздумала отмстить Владиміру за всѣ горести, какія терпѣла отъ него, и уже вошла съ ножемъ въ рукѣ въ ту комнату, гдѣ спалъ онъ крѣпкимъ сномъ. Къ счастію, Владиміръ вдругъ проснулся, и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ наказать смертію такое злодѣйство, но, увидѣвъ слезы маленькаго сына своего Изяслава и услышавъ трогательныя слова [2]), которыми малютка просилъ помиловать мать, простилъ ее и, по совѣту бояръ, построилъ для нея на родинѣ ея, въ нынѣшней Минской губерніи, новый городъ, назвалъ его по имени сына *Изяславлемъ* и отправилъ туда ихъ обоихъ.

Чтобы успокоить совѣсть свою, которая все еще напоминала ему объ убитомъ братѣ, Владиміръ приносилъ часто жертвы своимъ богамъ и даже сдѣлалъ одинъ новый идолъ съ серебряною головою. Но могли ли утѣшить его боги безчувственные, какъ бы усердно онъ ни молился имъ? Нѣтъ, онъ начиналъ понимать, какъ и бабушка его Ольга, что такіе боги не могутъ быть богами истинными, но не зналъ, какая вѣра лучше всѣхъ: въ Кіевѣ были и магометане, и іудеи, и римскіе католики, и греки. Каждый изъ нихъ хвалилъ свою вѣру. Владиміръ, не зная, кого слушать, рѣшился отправить десять человѣкъ въ разныя земли, чтобъ узнать, какой народъ лучше всѣхъ другихъ понимаетъ Бога истиннаго. Послы его объѣздили много государствъ и болѣе всего понравилось имъ благочестіе грековъ и святое служеніе въ церквахъ ихъ. Съ восхищеніемъ разсказывали они великому князю о вѣрѣ греческой. Владиміръ радовался, что наконецъ можетъ мо-

---

[2]) Вотъ подлинныя слова Изяслава, переданныя намъ лѣтописцами: «*Отче! егда единъ жити хощеши, пріими мечъ сей, вонзи прежде въ утробу мою, да не вижу азъ смерти матери моея*».

литься Богу истинному, и предпочелъ принять христіанскую вѣру отъ грековъ.

Но знаменитому князю русскому, привыкшему всегда повелѣвать, казалось унизительно просить съ покорностію крещенія у грековъ, прежнихъ враговъ его отечества, и для того, отправляя пословъ въ Константинополь къ императорамъ Василію и Константину, онъ просилъ у нихъ не одной вѣры христіанской, но вмѣстѣ съ нею и руки сестры ихъ царевны *Анны*. Умный Владиміръ зналъ, что, сдѣлавшись братомъ императоровъ, онъ могъ уже не стыдясь называть ихъ своими просвѣтителями въ вѣрѣ истинной.

Греки, еще со временъ Олега, начали бояться храбрыхъ князей русскихъ; Владиміръ же завоевалъ уже богатый городъ ихъ, Херсонъ, и угрожалъ идти съ войскомъ къ Константинополю, если ему откажутъ въ рукѣ царевны. И такъ, императоры должны были умолять сестру свою выйти за государя русскаго. Царевна горько плакала, желая лучше умереть, нежели разстаться съ родными и отечествомъ; но Богъ призывалъ ее просвѣтить идолопоклонниковъ;—могла ли она не повиноваться Ему? Добрая царевна со слезами простилась съ братьями и отправилась на кораблѣ въ Херсонъ, гдѣ ждалъ ее женихъ. Кромѣ придворныхъ, съ нею поѣхало много священниковъ для крещенія Владиміра и земли Русской.

Народъ въ Херсонѣ съ радостію спѣшилъ на берегъ встрѣтить прекрасную невѣсту, называлъ ее своею спасительницею, дивился ея красотѣ и привѣтливости. Но великій князь, съ нетерпѣніемъ ожидавшій ее, не былъ такъ счастливъ, какъ народъ его: въ то время у него болѣли глаза, такъ что онъ ничего не видѣлъ. Онъ могъ только плакать о своемъ несчастіи и благодарить царевну за жертву, которую она сдѣлала.

Анна, какъ Ангелъ-хранитель, посланный Богомъ Владиміру, просила его тотчасъ креститься. Великій князь послушалъ совѣта благочестивой невѣсты своей, и за то щедро награжденъ былъ Богомъ: какъ скоро епископъ херсонскій и священники константинопольскіе въ церкви христіанской приступили къ совершенію крещенія Владиміра и епископъ возложилъ руку на новокрещаемаго,

больные глаза его открылись, и онъ увидѣлъ храмъ Божій, гдѣ раздавалось святое пѣніе, увидѣлъ прелестную невѣсту свою и вмѣстѣ съ нею упалъ на колѣни благодарить Бога милосерднаго и всемогущаго! О! какъ сильно онъ чувствовалъ тогда, что молился Богу истинному, а не прежнимъ идоламъ своимъ! Бояре и дружина его[1]), удивляясь такому чуду, также крестились въ вѣру христіанскую и потомъ весело праздновали свадьбу государя съ царевною.

Прекрасная Анна уже не плакала, какъ въ то время, когда уѣзжала изъ Константинополя: она, какъ усердная христіанка, радовалась, что избавила супруга своего и народъ его отъ ужаснаго несчастія быть идолопоклонниками, потому что съ тѣхъ поръ всѣ русскіе начали креститься въ вѣру христіанскую.

Когда великій князь возвратился съ молодою супругою и со всѣмъ дворомъ своимъ въ Кіевъ, то прежде всего онъ велѣлъ жечь и рубить всѣхъ идоловъ, а главнаго изъ нихъ, *Перуна* съ серебряною головою—бросить въ рѣку. Потомъ приказалъ всѣмъ кіевлянамъ явиться на другой день на берегъ Днѣпра. Тогда-то открылось чудесное, несравненное зрѣлище. Священники освятили Днѣпръ и начали крещеніе народа. Взрослые люди вошли въ воду; маленькія дѣти были на рукахъ отцовъ и матерей, между тѣмъ какъ на берегу стояли великій князь, супруга его, бояре и воины, крещенные еще въ Херсонѣ. Они стояли въ тихомъ благоговѣніи и усердно молились за новыхъ христіанъ. Въ эту торжественную минуту Владиміръ поднялъ руки къ небу и сказалъ: «Творецъ неба и земли! благослови сихъ новыхъ дѣтей Твоихъ! дай имъ познать тебя, Бога истиннаго, и утверди вѣру ихъ».

Такъ крестились предки наши, и такое усердіе къ Богу видно было не въ одномъ Кіевѣ, но и во всемъ государствѣ Русскомъ: вездѣ народъ оставлялъ идоловъ и съ радостію принималъ вѣру христіанскую.

---

[1]) Такъ называли предки наши воиновъ и тѣлохранителей княжескихъ.

ВЛАДИМІРЪ ХРИСТІАНИНЪ.

отъ 988 до 1014 года.

(26 лѣтъ).

Владиміръ послѣ крещенія еще болѣе прославился добрыми дѣлами. Онъ уже не думалъ о завоеваніи чужихъ государствъ, но всего болѣе старался о просвѣщеніи своихъ подданныхъ: заводилъ для нихъ училища, строилъ церкви, заботился какъ отецъ о всѣхъ бѣдныхъ; на княжескомъ дворѣ его они могли во всякое время получать пищу и деньги; больнымъ же, которые не могли выходить изъ домовъ своихъ, великій князь приказывалъ развозить съѣстные припасы, хлѣбъ, рыбу, медъ и даже квасъ въ бочкахъ. Онъ сдѣлался наконецъ такъ милостивъ, что самыхъ ужасныхъ злодѣевъ боялся наказывать смертію и позволялъ имъ откупаться отъ наказанія деньгами. Такое денежное наказаніе называлось: *вира*[1]), и было тяжко для преступниковъ, потому что деньги въ то время были очень рѣдки. Однимъ словомъ, всѣ добродѣтели, которыми великій князь старался загладить прежніе дурные поступки свои, были такъ велики и угодны Богу, что церковь наша назвала его *Святымъ и Равноапостольнымъ*. Онъ заслужилъ это названіе потому, что съ такимъ же усердіемъ, какъ и святые апостолы, старался просвѣщать вѣрою въ Іисуса Христа своихъ подданныхъ-идолопоклонниковъ.

Въ старости добрый Владиміръ имѣлъ большое огорченіе. Но прежде нежели вы узнаете, какое было это огорченіе, надобно вамъ разсказать о семействѣ великаго князя. Оно было очень велико, потому что до греческой царевны Анны, послѣдней супруги его, было у него еще четыре жены. Вы помните, что первою была несчастная Рогнѣда. Отъ нея онъ имѣлъ четырехъ сыновей: *Изяслава*,

---

[1]) Однакожъ Владиміръ скоро отмѣнилъ эту *виру*, потому что священники объяснили ему, что Богъ не только позволяетъ, но даже велитъ наказывать дурныхъ людей, чтобы они не обижали добрыхъ.

Мстислава, Ярослава, Всеволода. Отъ трехъ другихъ: *Вышеслава, Святослава, Мстислава, Бориса* и *Глѣба.* Кромѣ того, онъ еще усыновилъ *Святополка*, сына убитаго брата своего Ярополка. Владиміръ называлъ этого племянника старшимъ сыномъ своимъ, потому что всѣ родныя дѣти его были моложе Святополка.

Всѣ эти князья были еще маленькіе, когда Владиміръ сдѣлалъ ихъ намѣстниками своими въ разныхъ областяхъ государства и послалъ ихъ туда съ умными воспитателями, которыхъ называли тогда *пѣстунами.* Имъ приказалъ Владиміръ управлять областями, пока выростутъ сыновья его. Прошло много лѣтъ: всѣ маленькія дѣти Владиміра сдѣлались храбрыми князьями. Одинъ изъ нихъ, Ярославъ, управлялъ Новгородомъ. Новгородцы, еще во время малолѣтства Святослава, почитались народомъ безпокойнымъ, и только умная княгиня Ольга могла усмирить ихъ гордость. При Владимірѣ они забыли опять долгъ свой къ государю и захотѣли быть вольными. Ярославъ вмѣсто того, чтобы удержать непослушныхъ подданныхъ своего отца и государя отъ такого дурного поступка, взялъ ихъ сторону и послалъ сказать Владиміру, что Новгородъ не намѣренъ болѣе платить ему обыкновенную дань и не хочетъ быть подъ его властію. Вы можете представить себѣ, каково было Владиміру услышать извѣстіе, что одинъ изъ старшихъ сыновей его осмѣлился не повиноваться ему! Тогда-то онъ узналъ, что не должно было раздѣлять Россію на многіе удѣлы, тогда-то онъ почувствовалъ, какія ссоры и несогласія начнутся послѣ смерти его! Эти размышленія о несчастіи любезнаго отечества, безъ сомнѣнія, были очень горестны для души Владиміра: онъ занемогъ и вскорѣ потомъ скончался въ загородномъ дворцѣ своемъ Берестовѣ. Народъ неутѣшно плакалъ о добромъ государѣ, бѣдные—о благодѣтелѣ! Долго разсказывали и въ Россіи, и въ чужихъ земляхъ о славномъ княженіи великаго князя Владиміра I; много говорили о богатыхъ пирахъ его и славныхъ богатыряхъ его времени. Изъ приключеній ихъ сочиняли даже много сказокъ и теперь еще добрые крестьяне наши съ удовольствіемъ читаютъ эти сказки и дивятся силѣ

Ильи Муромца, Добрыни Новгородскаго, Рогдая и другихъ богатырей Владиміра. Сказки, при всѣхъ несообразностяхъ своихъ, много помогаютъ исторіи, потому что изъ нихъ можно видѣть нравы и обычаи того времени: напримѣръ, въ сказкахъ о богатыряхъ Владиміра мы видимъ, что онъ очень любилъ храбрыхъ воиновъ своихъ, что онъ щедро награждалъ вѣрную службу ихъ, что давалъ для нихъ веселые праздники во дворцѣ своемъ. Въ одномъ изъ *Посланій* [1]) Жуковскаго есть описаніе, прекрасно изображающее время Владиміра со многими особенностями, отличавшими это славное княженіе. Здѣсь вы услышите и о богатыряхъ его, и о многихъ чудахъ и чудесахъ, которымъ вѣрили наши добродушные предки, услышите и пѣсню, которую пѣла одна изъ княгинь русскихъ, проводившая супруга своего на войну и горько плакавшая о немъ; услышите.... Но зачѣмъ говорить вамъ напередъ, — вотъ читайте. Поэтъ видитъ передъ собою давно минувшія времена:

«...Я вижу древни чудеса:
Вотъ наше Солнышко-краса
Владиміръ-князь съ богатырями;
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами;
Вотъ златоверхій Кіевъ градъ;
И бусурмановъ тьмы, какъ пруги,
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ дивной облеченъ броней,
Добрыня, богатырь могучій;
И конь его Златокопытъ;
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ,
И вѣдьмъ, и чудь, и великановъ;
И втайнѣ дѣвица-краса
За дальни степи и лѣса
Вослѣдъ ему летитъ душою,
Склоняся на руку главою
На путь изъ терема глядитъ,

[1]) Къ Воейкову.

И такъ въ раздумьи говоритъ:
«О вѣтеръ, вѣтеръ! что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ;
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью, съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга-радости моей» [1]).
Краса-дѣвица ноетъ, плачетъ,
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра-земля постель;
Возглавье—щитъ; ночлегъ—дубрава;
Тамъ бьется съ Бабою-Ягой;
Тамъ изъ ручья съ живой водой,
Подъ стражемъ змѣя шестиглава,
Кувшиномъ черпаетъ златымъ;
Тамъ машетъ дубомъ передъ нимъ
Косматый людоѣдъ Дубыня;
Тамъ заслоняетъ путь Горыня;
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасной,
Сіяетъ блескъ въ дали прекрасной,—
Чѣмъ ближе онъ, тѣмъ далѣ свѣтъ;
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;
То слышится русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдого пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня—
Дворецъ волшебный Царь-Дѣвицы».

Не правда ли, милые читатели мои, много чудесъ было въ княженіе *Краснаго - Солнышка?* — такъ народъ называлъ Владиміра. Эти чудеса, увеличиваясь въ разсказахъ, переходившихъ отъ одного поколѣнія къ другому, разливаютъ какой-то поэтическій свѣтъ на всѣ приключенія того отдаленнаго времени. Не только важнѣйшія изъ нихъ, которыми было такъ богато княженіе Владиміра I, но даже и обыкновенныя, какъ, напр., пиры и

---

[1]) Плачъ Ярославны — изъ древнѣйшаго стихотворенія русскаго «*Слово о полку Игоревѣ*».

праздники при дворѣ его, имѣли въ себѣ что-то особенное. На этихъ праздникахъ великій князь и семейство его угощали отъ души гостей своихъ, и не сердились даже и тогда, какъ эти гости отъ большихъ кружекъ вина и меда дѣлались очень веселы и говорили смѣло все, что̀ думали. Такъ однажды они сказали, что стыдно славному государю русскому подавать за столомъ своимъ деревянныя ложки. Владиміръ, услышавъ это, приказалъ сдѣлать для нихъ серебряныя и сказалъ при этомъ случаѣ: «*Серебромъ и золотомъ не достанешь вѣрной дружины, а съ нею я достану много серебра и золота*».

Вы видите, какъ государи русскіе были всегда добры и ласковы къ своимъ подданнымъ. Вы съ восхищеніемъ смотрите теперь, когда государь милостиво разговариваетъ въ лагерѣ подъ Петергофомъ съ маленькими кадетами или заслуженными воинами; вы удивляетесь этой рѣдкой снисходительности и, можетъ быть, думаете, что прежде никогда этого не бывало. Нѣтъ, друзья мои, любовь къ народу была всегда врожденнымъ чувствомъ нашихъ государей. Но зато какъ и народъ всегда любилъ ихъ! Вы, вѣрно, замѣтили это въ то время, когда читали, что воины Святослава хотѣли съ радостію умереть вмѣстѣ съ нимъ при Доростолѣ. Вы замѣтили это и тогда, какъ по одному повелѣнію Владиміра весь народъ крестился въ вѣру христіанскую и изъ любви къ государю рѣшился оставить прежнихъ боговъ своихъ. Вы увидите эту любовь и потомъ во все продолженіе нашей исторіи; вы найдете ее и въ молоденькихъ сердцахъ вашихъ, которыя такъ сильно и весело бьются всякій разъ, когда вамъ случается видѣть прекрасныхъ дѣтей нашего добраго Государя! Въ привѣтливыхъ поклонахъ, въ ласковыхъ взорахъ ихъ видите вы ясный отвѣтъ на любовь вашу. Берегите же эту взаимную любовь: въ ней заключается счастіе жизни вашей и слава отечества вашего?

Семейство великаго князя Владиміра I Святославича.

Супруги: 1) Чехиня. 2) Рогнѣда, княжна полоцкая. 3) Гречанка, вдова Ярополка. 4) Чехиня вторая. 5) Болгарка. 6) Анна, греческая царевна.

Сыновья: a) Святополкъ. b) Вышеславъ. c) Изяславъ. d) Ярославъ. e) Всеволодъ. f) Святославъ. g) Станиславъ. h) Позвиздъ. i) Борисъ. j) Глѣбъ. k) Мстиславъ. l) Судиславъ.

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ.

отъ 1015 до 1019 года.

(4 года).

То, что предчувствовалъ Владиміръ предъ смертію своею, исполнилось: несчастія дѣтей его и земли Русской начались прежде, нежели его похоронили. Племянникъ его Святополкъ, котораго онъ называлъ старшимъ сыномъ своимъ, былъ во время кончины въ Кіевѣ. Этотъ гордый, злой и хитрый князь не могъ никогда простить Владиміру убіеніе отца своего Ярополка и, не смотря на всѣ благодѣянія, которыми великій князь осыпалъ его и которыми старался загладить преступленіе своей молодости, Святополкъ оставался всегда непримиримымъ врагомъ дяди. Какъ скоро онъ узналъ о смерти его, тотчасъ объявилъ народу, что онъ государь кіевскій, и отправилъ четырехъ злодѣевъ убить Бориса, любимаго сына Владимірова, котораго отецъ незадолго передъ кончиною послалъ съ войскомъ усмирять печенѣговъ.

Борисъ былъ молодой человѣкъ, прекрасный душою и тѣломъ, кроткій, благочестивый, умный и храбрый. Уже онъ усмирилъ печенѣговъ и стоялъ съ войскомъ въ лагерѣ при рѣкѣ Альтѣ, когда получено было извѣстіе о смерти Владиміра и о новомъ государѣ кіевскомъ, Святополкѣ. Огорченный Борисъ плакалъ о нѣжно-любимомъ отцѣ, молился о душѣ его и не думалъ обижаться тѣмъ, что двоюродный братъ его завладѣлъ престоломъ; напротивъ того, онъ даже молился за него въ ту самую минуту, когда убійцы были уже въ лагерѣ и подошли къ палаткѣ его. Они услышали нѣжный голосъ Бориса, читавшаго молитвы, и задрожали такъ, что должны были остановиться

отъ страха. Но голосъ скоро замолкъ: Борисъ кончилъ молитву и легъ въ постель. Тогда злодѣи сдѣлались опять смѣлы: они вбѣжали въ палатку, убили добраго князя и вѣрнаго отрока [1]) его Георгія. Святополкъ наградилъ четырехъ убійцъ, которые такъ удачно исполнили его порученіе и, можетъ быть, ихъ же отправилъ къ другому сыну Владимірову, князю муромскому Глѣбу. И этотъ князь, во всемъ похожій на брата своего Бориса и искреннѣйшій другъ его, былъ также убитъ подкупленнымъ злодѣемъ, который назывался *Торчинъ*. Тѣло его положено было вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса, и оба брата признаны церковью нашею *святыми*.

Но для жестокаго Святополка казалось еще мало погубить двухъ братьевъ: онъ приказалъ убить и третьяго, Святослава, князя древлянскаго. Такія злодѣйства не могли оставаться долго безъ наказанія. Ярославъ, князь новгородскій, отмстилъ убійцѣ трехъ братьевъ своихъ. Онъ нанялъ варяговъ и вмѣстѣ съ ними и новгородцами пришелъ къ Кіеву, и на берегахъ Альты, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ святый Борисъ, побѣдилъ жестокосердаго брата своего.

Святополкъ убѣжалъ далеко изъ отечества, въ густые лѣса Богеміи, но и тамъ сдѣланныя имъ преступленія безпрестанно представлялись ему; мысль о нихъ такъ мучила совѣсть его, что наконецъ онъ лишился разсудка и умеръ на чужой сторонѣ, безъ родныхъ и друзей. Никто не плакалъ и даже не сожалѣлъ объ этомъ несчастномъ князѣ, и всѣ назвали его *Окаяннымъ*.

Семейство великаго князя Святополка I Владиміровича.

Супруга: Дочь короля польскаго Болеслава I.

---

[1]) *Отроками* назывались молодые тѣлохранители князей.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ I ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

отъ 1019 до 1054 года.

(35 лѣтъ).

Ярославъ Новгородскій, побѣдивъ Святополка, вошелъ въ Кіевъ и сдѣлался одинъ великимъ княземъ почти всей Руси. Только два княжества не принадлежали ему: *Тмутораканское,* лежавшее на берегу Азовскаго моря, и *Полоцкое.* Въ первомъ княжилъ послѣдній, оставшійся въ живыхъ братъ его Мстиславъ, прозванный *Удалымъ,* а Полоцкою областью владѣли дѣти старшаго брата его Изяслава, того самаго, который, будучи еще ребенкомъ, спасъ мать свою Рогнѣду отъ гнѣва государева и смерти.

Мстислава недаромъ называли *Удалымъ:* онъ былъ очень храбръ, силенъ и любилъ войну. Народы, жившіе около владѣній его, скоро испытали это: онъ побѣдилъ хозаровъ, касоговъ. Прослывъ знаменитымъ побѣдителемъ, Мстиславъ думалъ, что уже стыдно быть государемъ одной только Тмутораканской области и пошелъ съ покоренными народами къ Кіеву. Ярославъ прибѣгнулъ опять къ храбрымъ помощникамъ своимъ варягамъ, и вмѣстѣ съ ними и съ своею собственною дружиною встрѣтилъ брата у города *Листвена,* въ Черниговской губерніи. Началось сраженіе. Богъ, какъ будто бы для того, чтобъ показать, какъ гнѣвитъ Его ссора двухъ братьевъ, покрылъ все небо черными тучами; яркія молніи безпрестанно сверкали, дождь съ шумомъ лилъ на сражавшихся. Но они ничего не видали и не слыхали: всѣ мысли ихъ были заняты битвою. И зато эта битва была отчаянная. Оба войска были храбры, ни одно не хотѣло уступить другому побѣды; наконецъ, однакожъ, Мстиславъ, никогда не знавшій неудачъ, и въ этотъ разъ остался побѣдителемъ. Но онъ не поступилъ такъ, какъ поступали въ то время всѣ люди храбрые и сильные: онъ не воспользовался своимъ счастіемъ, не присвоилъ себѣ всего владѣнія брата, но предложилъ ему помириться и раздѣлить Русь на двѣ

части: Ярославу, какъ старшему, онъ отдалъ *Кіевъ;* себѣ взялъ *Черниговъ*. Днѣпръ былъ границею между владѣніями ихъ; всѣ земли, лежавшія по лѣвую сторону этой рѣки, принадлежали Мстиславу; всѣ другія, на правой сторонѣ— Ярославу.

Настало спокойное время для земли Русской: примирившіеся братья уже никогда болѣе не ссорились, но оба старались о счастіи своихъ подданныхъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ ихъ примиренія Мстиславъ заболѣлъ и скоро скончался. Послѣ него не осталось наслѣдниковъ и Ярославъ, получивъ въ свое владѣніе всю часть брата, сдѣлался одинъ государемъ Руси.

Въ его княженіе отечество наше очень прославилось: онъ былъ князь умный, храбрый, богобоязливый, справедливый, который старался не столько о завоеваніяхъ и побѣдахъ, сколько о счастіи своего народа, и какъ онъ зналъ, что нельзя быть счастливымъ безъ вѣры въ Іисуса Христа и просвѣщенія, то старался, чтобы подданные его были истинными христіанами, велѣлъ переводить священныя книги съ греческаго на славянскій языкъ, даже списывалъ самъ многія изъ нихъ для народнаго употребленія; заводилъ училища въ городахъ своихъ; уговаривалъ подданныхъ отдавать туда дѣтей; вызывалъ изъ иностранныхъ государствъ художниковъ для украшенія церквей и дворцевъ кіевскихъ; собралъ всѣ законы, по которымъ предки его управляли землею Русскою, и приказалъ написать ихъ: это была первая книга законовъ русскихъ; она есть еще и теперь и называется *Русскою Правдою.* Однимъ словомъ, слава имени Ярославова была такъ велика, что и отдаленные государи уважали знаменитаго князя русскаго и считали честію быть его союзниками и родственниками: король французскій Генрихъ I женился на одной изъ дочерей его, княжнѣ *Аннѣ;* другая была за королемъ венгерскимъ, а третья за Гаральдомъ Смѣлымъ, принцемъ норвежскимъ, бывшимъ впослѣдствіи королемъ норвежскимъ.

Замужество этой послѣдней княжны соединялось съ обстоятельствами, особенно любопытными въ отношеніи историческомъ и доказывающими, какое почетное мѣсто

занималъ Ярославъ между государями тогдашней Европы. Гаральдъ въ первой молодости своей оставилъ отечество и пріѣхалъ служить ко двору Ярослава. Въ это время у великаго князя русскаго были три прелестныя дочери: *Елисавета, Анна и Анастасія.* Молодой принцъ восхищенъ былъ первою, но, едва начиная службу свою, не успѣвъ еще отличиться знаменитыми подвигами, онъ не смѣлъ думать о рукѣ ея: государь, столь могущественный какъ Ярославъ, могъ обѣщать дочь свою только такому принцу, который извѣстенъ былъ своею славою. И вотъ Гаральдъ рѣшился заслужить эту славу, и для того прежде всего отправился въ Константинополь и тамъ вступилъ въ службу императора восточнаго; потомъ въ Африкѣ и Сициліи воевалъ съ невѣрными; былъ въ Іерусалимѣ для поклоненія святымъ мѣстамъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, покрытый славою, возвратился въ Россію и получилъ награду, для которой подвергался всѣмъ опасностямъ,— получилъ руку великой княжны. Гаральдъ не только былъ герой,— что доказываетъ названіе его: *Смѣлый,*— но и поэтъ: во время походовъ своихъ онъ сочинилъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ трогательно выражается печаль его о разлукѣ съ прекрасною княжною русскою. Одну изъ этихъ пѣсенъ *Батюшковъ* перевелъ съ норвежскаго на русскій языкъ. Здѣсь Гаральдъ, еще не увѣренный въ благосклонности къ нему Елисаветы, тоскуетъ о томъ, что она презираетъ, его и въ то же время описываетъ свои смѣлые подвиги. Очень любопытно послушать его.

Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко!
На сушѣ, на морѣ, мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуютъ намъ.
О, други! какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой
Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

О, други! я младость не праздно провелъ.
Съ сынами Дронтгейма вы помните сѣчу?

Какъ вихорь предъ вами я мчался на встрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣлъ.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ упали
И всадникъ, и пѣшій; владыка, и ты!
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ;
А море вздымалось, я помню, горами:
Ночь черная въ полдень нависла съ громами
И Гела сіяла въ соленой волнѣ.
Но волны, напрасно яряся, хлестали:
Я черпалъ ихъ шлемомъ, работалъ весломъ...
Съ Гаральдомъ, о други! вы страха не знали,
И въ мирную пристань влетали съ челномъ.
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Вы, други, видали меня на конѣ?
Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
Сквозь пепелъ и вьюгу въ пожарномъ огнѣ?
Желѣзомъ я ноги мои окрыляя
И лань упреждая по звонкому льду,
Я хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь отважный по морю иду.
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ,
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы—
Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуютъ намъ!
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Казалось, что Ярославъ, видѣвшій собственными глазами, что Русь только тогда можетъ быть сильна и счастлива, когда управляется однимъ государемъ, никогда уже не раздѣлитъ ее на нѣсколько частей, но случилось иначе: и Ярославъ, удивлявшій всѣхъ своимъ благоразуміемъ отдалъ государство пятерымъ сыновьямъ своимъ! Онъ думалъ, что родительскія наставленія его удержатъ ихъ отъ ссоръ даже и тогда, когда его не будетъ на свѣтѣ,

и потому предъ смертію долго говорилъ съ ними; напомнилъ имъ, сколько несчастій терпѣли предки ихъ отъ несогласій; просилъ ихъ не забывать, что они всѣ, какъ дѣти одного отца и матери, должны искренно любить другъ друга; приказалъ имъ слушаться во всемъ старшаго брата какъ отца и государя, и умеръ спокойно, думая, что они никогда не забудутъ завѣщанія родительскаго.

Ему было болѣе семидесяти лѣтъ. Народъ искренно плакалъ о славномъ государѣ, который такъ много заботился о его пользахъ и счастіи; но всѣхъ болѣе плакали новгородцы: Ярославъ особенно любилъ ихъ за вѣрную службу и привязанность къ нему. Онъ далъ имъ многія преимущества, какихъ не имѣли другіе подданные его, и даже позволилъ имъ самимъ выбирать князей своихъ. Прошло много вѣковъ — и новгородцы все еще помнили и любили незабвеннаго князя своего; все еще пользовались тѣми выгодами, какія онъ доставилъ имъ; все еще называли *Дворомъ Ярослава* то мѣсто, гдѣ собирались для совѣта о дѣлахъ своихъ.

Семейство великаго князя Ярослава I Владиміровича.

Супруга: Ингегерда, королевна шведская, въ крещеніи *Ирина.*

Сыновья: 1) Владиміръ. 2) Изяславъ. 3) Святославъ. 4) Всеволодъ. 5) Вячеславъ. 6) Игорь.

КУДЕСНИКИ.

отъ 1055 до 1077 года.

(23 года).

Вѣрно никто изъ васъ, милыя дѣти, не повѣритъ теперь глупымъ сказкамъ о колдунахъ и волшебникахъ, еслибы и вздумалось какой нибудь простодушной нянюшкѣ или шалуну-товарищу попугать васъ ими? Вѣрно всѣ вы понимаете уже, что чудесныя шутки, которыми

удивляютъ насъ въ деревянныхъ театрахъ у качелей на масляницѣ и Святой недѣлѣ, дѣлаются проворствомъ и ловкостію, а не волшебствомъ. Но не такъ разсудительны были въ этомъ случаѣ предки наши. Всякій хитрый человѣкъ, который зналъ болѣе ихъ и умѣлъ пользоваться ихъ незнаніемъ, могъ обмануть и напугать ихъ. Однакожъ мы не должны осуждать ихъ за это. Теперь намъ не мудрено не быть суевѣрными: съ самыхъ малыхъ лѣтъ насъ учатъ, что есть Богъ, Который заботится какъ отецъ о всѣхъ людяхъ, что подъ защитою Его и не дѣлая ничего дурного, мы ничего не должны бояться, что никакихъ волшебниковъ и колдуновъ нѣтъ на свѣтѣ. Но добрые предки наши могли думать иначе: тогда еще не прошло ста лѣтъ, какъ они начали креститься изъ прежней, языческой вѣры своей въ христіанскую; а эта прежняя вѣра ихъ была наполнена такими вздорными сказками, что совсѣмъ неудивительно, если, привыкнувъ съ малолѣтства вѣрить имъ, они вѣрили и колдунамъ. Конечно, русскіе начали просвѣщаться съ тѣхъ поръ, какъ узнали вѣру въ Іисуса Христа; но скоро ли это просвѣщеніе могло разойтиться по всему отечеству нашему? Оно всегда было очень велико, и долго еще въ разныхъ областяхъ его были безразсудные люди, вѣрившіе разсказамъ о прежнихъ, славныхъ волшебникахъ, которые у язычниковъ были въ величайшемъ почтеніи. Дурные люди пользовались этимъ легковѣріемъ и, называя себя кудесниками или колдунами, безсовѣстно обманывали бѣдный народъ, который, чтобъ избавиться отъ колдовства ихъ, отдавалъ имъ съ радостію все, что имѣлъ лучшаго.

Но самые злые изъ такихъ обманщиковъ были два злодѣя, называвшіе себя кудесниками и явившіеся около 1070 года въ городѣ Ростовѣ, во время случившагося тамъ голода. Они увѣряли людей, будто бы голодъ происходитъ отъ того, что женщины скрываютъ въ тѣлахъ своихъ хлѣбъ, рыбу и медъ. Можно ли представить себѣ, что нашлось множество людей, которые повѣрили такимъ глупостямъ и, почитая многихъ несчастныхъ женщинъ колдуньями, мучили и убивали ихъ.

Къ счастію, въ то самое время, когда эти два злодѣя дѣлали такіе ужасы въ Ростовской области, пріѣхалъ туда храбрый и умный воевода Янъ, сынъ славнаго Вышаты, полководца Ярославова. Онъ услышалъ о злыхъ кудесникахъ и велѣлъ представить ихъ къ себѣ; но они испугались его и убѣжали въ Бѣлозерскъ. Онъ поѣхалъ и туда за ними. Бѣлозерскіе жители, видно, были умнѣе ростовскихъ: они не побоялись схватить колдуновъ и представили ихъ къ Яну.

Янъ долго разговаривалъ съ ними; старался вразумить ихъ, какой страшный грѣхъ они дѣлали, губя беззащитныхъ женщинъ; но, видя упрямство, съ которымъ они спорили съ нимъ, и злость, съ которою защищали прежнихъ боговъ своихъ, Янъ, для общаго спокойствія, приказалъ повѣсить ихъ. На другой день медвѣдь взлѣзъ на дерево, гдѣ они были повѣшены, и съѣлъ тѣла ихъ.

Еще одинъ кудесникъ явился въ Новгородѣ въ то время, когда тамъ былъ князь молодой и благочестивый Глѣбъ, сынъ Святослава Ярославича. Этотъ новый кудесникъ отговаривалъ людей креститься въ вѣру христіанскую, и успѣлъ такъ прельстить чудесами своими новгородцевъ, что они собрались на главной городской площади и хотѣли убить епископа, т. е. начальника всего духовенства въ Новгородѣ. Епископъ же не испугался, но взялъ въ руки крестъ и вышелъ къ народу, спрашивая: «*Кто за него, и кто со мною?*» Князь Глѣбъ, видя, что никто изъ народа нейдетъ прикладываться къ кресту, подошелъ очень близко къ колдуну и спросилъ у него: «Знаешь ли ты, что̀ будетъ завтра?» — Все знаю, отвѣчалъ кудесникъ.—«Стало быть, ты знаешь и то, что случится съ тобою сегодня?» спросилъ опять князь.—Я сдѣлаю много чудесъ!—вскричалъ мнимый волшебникъ. Въ эту самую минуту Глѣбъ разсѣкъ ему голову топоромъ. Рѣшительность смѣлаго князя спасла отъ многихъ несчастій народъ, который, увидѣвъ собственными глазами безсиліе мнимаго колдуна и славу князя, вѣрившаго истинному Богу, понялъ обманщика и спокойно разошелся по домамъ. Этотъ примѣчательный случай старинной Россіи нашей разсказанъ вполнѣ Языковымъ:

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ, на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы
И жалуетъ миромъ сосѣдей враговъ,
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди...
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.
И старецъ-кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаетъ чудо—и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.
Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ:
Ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ,
Ужъ онъ-то, кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ
Водой—и ноги не замочитъ.
Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ
Къ народу; — народъ отъ него отступился;
Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Къ святому кресту приложился.
И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ:
«Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?»
Замялся кудесникъ—и самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.
— Я сдѣлаю чудо. -- «Безумный старикъ,
Солгалъ ты!» и княжеской дланью своею
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый и вмигъ
Чело раздвоилъ чародѣю».

Были и такіе дурные люди, которые пугали народъ разными глупыми предвѣщаніями, напримѣръ говорили: будто бы земля перевернется, рѣки начнутъ течь назадъ и всѣ земли перейдутъ изъ одного мѣста въ другое, такъ что гдѣ была Россія — тамъ будетъ Греція, а гдѣ была Греція — тамъ будетъ Россія. Иные люди смѣялись надъ такими предсказаніями, другіе вѣрили имъ и тревожились, потому что въ тѣ времена думали, что всякое необыкновенное происшествіе предвѣщало что нибудь дур-

ное. Эта несправедливая мысль утвердилась въ народѣ еще болѣе въ то несчастное время, когда послѣ смерти Ярослава отечество наше опять раздѣлилось и страдало отъ безпрестанныхъ ссоръ князей своихъ. То въ одной области люди гибли отъ войны за какую нибудь небольшую обиду, сдѣланную государю ихъ братомъ его; то въ другой—отъ набѣга сосѣднихъ народовъ, которые умѣли пользоваться слабостію несогласныхъ жителей; то въ третьей — отъ голода; а этотъ голодъ очень часто случался оттого, что всѣ взрослые люди уходили на войну и некому было обработывать полей. Такія несчастія могли быть предсказаны предкамъ нашимъ не одними хитрыми обманщиками, но каждымъ человѣкомъ, видѣвшимъ, что государствомъ ихъ правило пять государей. Изъ этихъ пяти сыновей Ярославовыхъ, которыхъ имена были: *Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Игорь* и *Вячеславъ,* старшій, Изяславъ, былъ великимъ княземъ, другіе же четверо—удѣльными князьями. Кромѣ того, вы помните, было еще особенное княжество Полоцкое, принадлежавшее потомкамъ Рогнѣды или Гориславы. Въ это время былъ тамъ государемъ молодой и храбрый Всеславъ.

Всѣ эти шесть государей русскихъ жили очень несогласно другъ съ другомъ. Всеславъ ненавидѣлъ родственниковъ своихъ и называлъ себя законнымъ наслѣдникомъ великаго княжества, потому что дѣдушка его былъ старшій сынъ св. Владиміра. Ярославичи также ссорились другъ съ другомъ за наслѣдственныя области: каждому хотѣлось имѣть болѣе другихъ. Великій князь Изяславъ принужденъ былъ даже два раза бѣжать изъ Россіи и просить помощи у чужихъ государей. Онъ возвратился въ отечество только тогда, какъ уже изъ четырехъ братьевъ его остался въ живыхъ только одинъ, Всеволодъ. Этотъ добрый братъ, узнавъ о возвращеніи Изяслава, встрѣтилъ его съ войскомъ, какъ государя, далеко отъ столицы, привезъ съ торжествомъ въ Кіевъ, уступилъ ему великое княженіе и самъ доволенъ былъ только Черниговскою областію.

Но несчастный Изяславъ ненадолго успокоился: черезъ годъ послѣ возвращенія своего въ отечество онъ

убитъ былъ въ сраженіи съ племянниками: Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ.

Семейство великаго князя Изяслава Ярославича.

Супруга: королевна польская *Мечислава.*

Сыновья: 1) Мстиславъ. 2) Михаилъ. 3) Ярополкъ. 4) Юрій.

ССОРЫ КНЯЗЕЙ.

отъ 1077 до 1097 года.

(20 лѣтъ).

Вы, конечно, удивляетесь, читатели мои, что великій князь Изяславъ Ярославичъ погибъ въ сраженіи съ племянниками? Но, къ несчастью, это была правда: примѣру отцовъ слѣдовали и дѣти; какъ несогласно жили между собою сыновья Ярослава, такъ точно и внуки его. Самые примѣчательные изъ нихъ были: *Святополкъ,* сынъ Изяслава, *Олегъ* и *Давидъ,* сыновья Святослава, *Владиміръ,* сынъ Всеволода; *Давидъ*—Игоря; *Борисъ* — Вячеслава и еще внуки шестого сына Ярославова, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ: *Володарь* и *Василько* Ростиславичи.

Знаменитѣйшимъ изъ этихъ князей были: *Олегъ* и *Владиміръ.* Богъ одарилъ ихъ самыми хорошими способностями: они были очень умны, храбры, великодушны. Владиміръ получилъ даже за военныя заслуги свои названіе *Мономаха.* Это значитъ по-гречески: *единоборецъ.* Впослѣдствіи вы еще болѣе услышите объ этомъ славномъ князѣ. Но всѣ достоинства его и Олега много теряли оттого, что они не любили другъ друга и жили совсѣмъ не такъ, какъ должны бы жить братья. Это же можно сказать и о всѣхъ другихъ князьяхъ русскихъ того времени. Главною причиною несогласія ихъ были споры за удѣлы и то, что младшимъ поколѣніямъ князей вовсе не давалось удѣловъ. Оттого и зачинщиками споровъ были чаще всего младшіе; но нельзя слишкомъ

много обвинять ихъ, потому что нерѣдко сами отцы и дяди ихъ поступали несправедливо. Такъ, Изяславъ и Всеволодъ лишили нѣкоторыхъ изъ молодыхъ племянниковъ своихъ наслѣдныхъ владѣній отцовъ ихъ. Обиженные князья удалились въ отдаленную область Тмутораканскую и думали, какъ бы отмстить дядямъ за обиду. Скоро они нашли къ тому средство.

Вы помните страшныхъ печенѣговъ, которые дѣлали столько зла нашимъ предкамъ при Игорѣ и Святославѣ? Со временъ св. Владиміра, прогнавшаго ихъ далеко отъ своего государства, не слышно было объ этихъ непримиримыхъ врагахъ Россіи; но при Изяславѣ I Ярославичѣ явился на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили, другой народъ одного съ ними племени и одинакихъ свойствъ. Этотъ народъ были — половцы. Они были такъ же злы, такъ же дики и необразованы, какъ печенѣги. Всякій, кому нужны были безжалостные воины, могъ нанимать ихъ, и за деньги они готовы были драться даже съ родными братьями.

Вотъ съ ними-то молодые, обиженные князья надѣялись отмстить дядямъ, и двое изъ нихъ, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, нанявъ цѣлыя толпы злыхъ половцевъ, вступили въ черниговское княжество, гдѣ былъ тогда княземъ Всеволодъ.

Защитниками его явились: храбрый сынъ его, Владиміръ Мономахъ, и братъ, великій князь Изяславъ. Здѣсь-то была первая ссора Олега и Владиміра: здѣсь-то, какъ вы уже слышали, былъ убитъ Изяславъ.

Встарину, послѣ смерти государя русскаго, наслѣдовалъ не сынъ его, но братъ. Итакъ, хотя Изяславъ I имѣлъ сыновей, но великимъ княземъ кіевскимъ сдѣлался братъ его, Всеволодъ I Ярославичъ. Княженіе этого государя было очень несчастливо. Онъ былъ уже такъ старъ и такъ слабъ, что не могъ усмирять безпокойныхъ племянниковъ, которые продолжали ссориться, не смотря на то, что Всеволодъ далъ многимъ изъ нихъ удѣлы. Подпорою и помощникомъ его былъ сынъ его, Мономахъ, котораго онъ сдѣлалъ княземъ черниговскимъ. Это несчастное время Россіи съ удивительною вѣрностію описано въ

нѣсколькихъ строкахъ Жуковскимъ въ стихотвореніи: «*Русская слава*».

«Была пора: губительный раздоръ
Вездѣ леталъ съ хоругвію кровавой;
За нимъ вослѣдъ бѣжали гладъ и моръ;
Разбой, грабежъ и мщенье были славой.
Отъ русскихъ русскихъ кровь текла,
Губилъ половчанинъ безъ страха,
Лежали грады кучей праха,
И Русь бѣдою поросла...
Но Русь въ бѣдѣ крѣпка была
Душой великой Мономаха».

Это было совершенно справедливо; Мономахъ служилъ отцу и храбростію, и умомъ своимъ. Безпрестанно онъ долженъ былъ то наказывать непослушаніе однихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, то мирить другихъ, то бояться третьихъ. Можетъ быть ему не удалось бы такъ удачно управлять ими, еслибы самый опасный и самый умный изъ нихъ — Олегъ вмѣшивался также въ эти ссоры; но, напротивъ того, онъ жилъ все это время очень уединенно въ области Тмутораканской, которая находилась на берегахъ Азовскаго моря, далеко отъ всѣхъ другихъ княжествъ русскихъ, почиталась какъ будто бы мѣстомъ ссылки. Мы увидимъ потомъ, что Олегъ недаромъ жилъ тамъ, но приготовлялся къ войнѣ за свое наслѣдство.

Между тѣмъ престарѣлый Всеволодъ, замѣчательный своимъ справедливымъ и кроткимъ нравомъ, умеръ послѣ пятнадцати лѣтъ княженія. Это былъ уже послѣдній изъ дѣтей Ярослава I: наслѣдникомъ его, по завѣщанію Ярослава, былъ *Святополкъ*, сынъ старшаго брата ихъ. Бѣдное отечество наше ни при одномъ изъ прежнихъ государей своихъ не было такъ несчастливо, какъ при этомъ князѣ, не имѣвшемъ никакихъ хорошихъ достоинствъ. При немъ половцы безпрестанно нападали на деревни и города русскіе и немилосердно грабили и жгли ихъ. При немъ Олегъ, собравъ въ шестнадцать лѣтъ силы свои и нанявъ цѣлое войско половцевъ, ворвался во владѣнія Мономаха и принудилъ этого храбраго князя уступить и отдать ему Черниговскую область. При немъ, и даже съ согласія его, одинъ изъ русскихъ князей сдѣлалъ такое

злодѣйство, что вы ужаснетесь, любезныя дѣти. Послушайте и подивитесь, до чего можетъ дойти злой человѣкъ!

Семейство великаго князя Всеволода I Ярославича.

Супруга: Греческая царевна *Анна*, дочь императора Константина Мономаха.

Сыновья: 1) Владиміръ. 2) Ростиславъ.

СЪѢЗДЫ КНЯЗЕЙ.

ОТЪ 1097 ДО 1113 ГОДА.

(16 лѣтъ).

Князья, для прекращенія безпрестанныхъ ссоръ за владѣнія свои, съѣхались всѣ на совѣтъ въ городъ *Любечъ*, лежавшій на берегахъ Днѣпра. Кромѣ великаго князя кіевскаго, Святополка II Изяславича, пріѣхали туда: Мономахъ, Олегъ, Володарь и Василько Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ. Они съ общаго согласія снова раздѣлили русскія земли. *Мономаху* достались: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль и Бѣлоозеро; сыну его *Мстиславу* — Новгородъ; *Олегу* — Черниговъ; двумъ братьямъ Олега—Рязань и Муромъ; *Давиду Игоревичу*—Владиміръ Волынскій; за *Володаремъ* и *Василькою Ростиславичами* утвердили два города Перемышль и Теребовль, отдѣленные еще прежде и отданные сыновьямъ Ростислава оттого, что прадѣдъ ихъ, Ярославъ, не назначилъ имъ никакого удѣла.

Это отдѣленіе двухъ городовъ отъ Волыни, принадлежавшей отцу Давида Игоревича, было первою причиною ненависти Давида къ молодымъ племянникамъ его и особенно къ младшему, Васильку, котораго всѣ прославляли за умъ, храбрость и доброе сердце. Видя на съѣздѣ уваженіе всѣхъ родственниковъ своихъ къ Васильку, прекрасному и видомъ, и душой, слушая разсказы о его неустрашимости, о его намѣреніи побѣдить, безъ помощи другихъ князей, всѣхъ непріятелей отечества—и болгаръ, и

поляковъ, и половцевъ, — завистливый Давидъ рѣшился погубить его, чтобы возвратить къ своей области отданный Васильку — Теребовль.

Вотъ князья, окончивъ всѣ дѣла свои на съѣздѣ и давъ клятву жить дружно и быть довольными своими удѣлами, поѣхали въ свои области. Одинъ Давидъ Игоревичъ отправился не домой, но въ Кіевъ, и тамъ напугалъ великаго князя, что Василько хочетъ погубить ихъ обоихъ. «Не думай»,—говорилъ этотъ злой князь Святополку, — «чтобы Василько собиралъ войско для войны съ поляками, какъ онъ объявилъ это нарочно на съѣздѣ, — нѣтъ, онъ хочетъ напасть на тебя и на меня! Не будетъ намъ обоимъ покоя, пока онъ свободенъ; схвати его, когда онъ поѣдетъ мимо Кіева, и отдай мнѣ. Я ужъ справлюсь съ нимъ!» Этого довольно было, чтобы встревожить слабаго, трусливаго Святополка: онъ повѣрилъ всему и условился съ Давидомъ, какъ заманить во дворецъ бѣднаго Василька. Они послали звать его къ себѣ въ гости въ то время, когда онъ заѣхалъ въ Кіевскій монастырь св. Михаила помолиться Богу.

Не подозрѣвая никакого обмана и полагаясь на клятву, такъ недавно еще данную въ Любечѣ, молодой князь спокойно поѣхалъ во дворецъ дяди. Святополкъ съ притворною ласкою встрѣтилъ его, привелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ Давидъ, и вышелъ будто бы за тѣмъ, чтобы велѣть подать угощеніе. Василько остался одинъ съ злодѣемъ, начиналъ дружески говорить съ нимъ, но совѣсть такъ мучила Давида, что онъ ничего не слышалъ и ничего не отвѣчалъ, но только безпрестанно краснѣлъ и блѣднѣлъ, и наконецъ вышелъ изъ комнаты, чтобы послать убійцъ. Они тотчасъ вошли, сковали удивленнаго Василька и отвели въ темницу.

На другой день духовенство, бояре и народъ просили Святополка не судить слишкомъ скоро Василька и прежде узнать справедливо ли обвиняетъ его Давидъ; но великій князь, опять напуганный обманщикомъ, отдалъ ему въ руки несчастнаго племянника. Давидъ поручилъ двумъ конюхамъ — своему и Святополкову — везти Василька въ Бѣлгородъ. Злодѣи пріѣхали ночью въ этотъ городъ, ввели

бѣднаго князя въ темную комнату, начали при немъ острить ножъ и разостлали на полъ коверъ. Василько догадался, что хотятъ съ нимъ дѣлать убійцы и началъ противиться имъ. Тогда они призвали еще двухъ помощниковъ, связали князя, положили его на полъ, бросили доску на грудь его и сѣли по концамъ доски, такъ что кости несчастнаго затрещали..... Этого еще мало. Пастухъ, Святополкъ, бывшій тутъ же, вырѣзалъ ему глаза! Въ это время бѣдный князь уже ничего не помнилъ. Безчувственнаго бросили въ телѣгу и повезли во Владиміръ.

Ужасно было положеніе страдальца, когда дорогою онъ пришелъ въ память и не могъ видѣть ни свѣтлаго солнца, ни голубыхъ небесъ, ни яркихъ звѣздъ небесныхъ! Грустно, грустно было бѣдному Васильку, милыя дѣти! темно, очень темно предъ больными глазами, но свѣтло въ доброй душѣ его! Онъ не проклиналъ враговъ своихъ, даже не роптатъ на жестокую судьбу свою, но переносилъ терпѣливо свое несчастіе и думалъ, что Богу угодно было такимъ образомъ наказать гордое намѣреніе его: побѣдить всѣхъ враговъ Россіи безъ помощи братьевъ.

Такія смиренныя мысли имѣлъ кроткій несчастливецъ и во время своего печальнаго путешествія, и при въѣздѣ во Владиміръ, гдѣ жилъ жестокій врагъ его, и въ самой темницѣ владимірской, куда заперли его тотчасъ по пріѣздѣ.

Между тѣмъ слухъ о такомъ ужасномъ злодѣяніи скоро разнесся по всѣмъ русскимъ княжествамъ и заставилъ плакать всѣхъ добрыхъ князей. Особенно огорчены были Мономахъ и Олегъ. Они условились наказать злодѣевъ и пошли съ войскомъ къ Кіеву требовать отвѣта отъ Святополка. Этотъ недостойный и малодушный князь, по обыкновенію, испугался, сложилъ всю вину на Давида и раскаявался только въ томъ, что скоро повѣрилъ ему. Сжалясь надъ его слезами и страхомъ и еще болѣе надъ несчастіями отечества, митрополитъ и старая княгиня вдова Всеволода поѣхали въ станъ соединенныхъ князей просить о томъ, чтобы они не раздирали земли Русской междоусобіемъ и помиловали Святополка. Добрый Мономахъ, привыкшій уважать и служителей Божіихъ, и почтенную

мачиху свою, согласился простить великаго князя, который обѣщалъ наказать Давида.

Но долго бы бѣдному Васильку еще томиться въ заключеніи, еслибы храбрый братъ его, Володарь, не пошелъ тотчасъ въ Владимірское княжество и не заставилъ Давида силою освободить его. Обнимая другъ друга, эти благородные, великодушные братья-христіане простили враговъ своихъ и возвратились въ свои области. Для наказанія же Давида князья назначали новый съѣздъ и наказали его тѣмъ, что Владимірскую область его прибавили къ владѣніямъ Святополка, а ему дали другую.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

отъ 1113 до 1125 года.

(12 лѣтъ).

Владимірь Мономахъ во всякомъ возрастѣ умѣлъ заслуживать любовь всѣхъ окружавшихъ его. Въ дѣтствѣ своемъ онъ былъ послушный сынъ; въ молодости—смѣлый изъ князей на полѣ битвы, привѣтливый дома, почтительный къ родителямъ, которые, въ знакъ особенной любви своей къ нему столько же, какъ и за храбрость, назвали его *Мономахомъ*[1]); въ зрѣлыхъ лѣтахъ—онъ былъ добрымъ государемъ въ наслѣдственномъ владѣніи своемъ, умнымъ совѣтникомъ великаго князя, сострадательнымъ благодѣтелемъ бѣдныхъ, знаменитымъ побѣдителемъ враговъ отечества.

Слава его еще болѣе увеличилась въ послѣдніе годы княженія Святополка; онъ уговорилъ въ это время всѣхъ князей идти на жестокихъ половцевъ, разорявшихъ Русскую землю. Владимірь говорилъ такъ увлекательно о счастіи избавить отъ опасности жизнь и имѣніе своихъ соотечественниковъ, о славѣ—умереть за родину, что всѣ

---

[1]) Греческій императоръ Константинъ, дѣдъ Владиміра по матери, назывался *Мономахомъ,* и можетъ быть въ честь его дано было это прозваніе самому достойному изъ внуковъ его.

князья забыли на время ссоры свои, и съ благороднымъ усердіемъ собрали воиновъ во всѣхъ княжествахъ. Согласіе ихъ подавало имъ надежду побѣдить, и эта надежда точно исполнилась: они побѣдили половцевъ совершенно и заключили съ ними самый выгодный миръ. Всею славою этой побѣды, всѣми выгодами этого мира Россія была обязана Мономаху. Народъ зналъ это и при всякомъ случаѣ старался показать благодарность и особенную любовь свою къ Владиміру. Эта любовь была наконецъ такъ велика, что когда великій князь Святополкъ умеръ, жители кіевскіе объявили, что не хотятъ слышать ни о какомъ другомъ государѣ, кромѣ общаго любимца всѣхъ русскихъ— знаменитаго Мономаха. Сначала онъ отказался, потому что были другіе наслѣдники престола ближе его: *Олегъ* Черниговскій и братья его — дѣти старшаго Владимірова дяди *Святослава;* но потомъ, видя, что въ Кіевѣ происходятъ ужасные безпорядки отъ безначалія, согласился на желаніе кіевлянъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Олегъ, старинный непріятель его и главный наслѣдникъ великаго княженія, не спорилъ съ народомъ, и молчаніемъ своимъ подтверждалъ его выборъ. Такой поступокъ Олега показываетъ, какъ велики были и его достоинства: надобно имѣть очень доброе сердце, чтобъ не спорить, когда нашу собственность отдаютъ другому, и еще врагу нашему! Можетъ быть причиной этого были слабыя силы и старость его; но какъ бы то ни было, мы обязаны ему благодарностью за то, что онъ не начиналъ новой войны за свое наслѣдство и согласился видѣть на престолѣ великокняжескомъ Владиміра.

Мономахъ, во все время двѣнадцатилѣтняго княженія своего, продолжалъ отличаться храбростію. Не смотря на старость свою, онъ усмирилъ еще разъ половцевъ и два новыхъ народа, появившихся на Руси: *торковъ* и *берендѣевъ*. Съ его времени эти грубые народы уже не были такъ страшны для русскихъ. Многіе изъ нихъ покорились Владиміру и поселились на берегахъ Днѣпра. Ихъ называли предки наши *каракалпаками* или *черными-клобуками*. Это названіе произошло оттого, что они носили *черныя шапки*.

Кромѣ побѣдъ надъ народами чужими и надъ непокорными князьями удѣльными, Мономахъ славился и другими дѣлами. Онъ старался улучшать законы, строилъ церкви и общественные домы, обводилъ каменными стѣнами старые города, закладывалъ новые. Въ числѣ послѣднихъ былъ на рѣкѣ Клязьмѣ городъ *Владимiръ*, основанный въ Суздальской области и названный *Залѣсскимъ*, для отличiя его отъ другого Владимiра, бывшаго на Волыни. Не забудьте названiя этого новаго города, милыя дѣти: онъ современемъ будетъ очень примѣчателенъ.

Но чтобы вы поняли совершенно, каковъ былъ Владимiръ Мономахъ, прочитайте духовное завѣщанiе его дѣтямъ своимъ. Я выпишу для васъ въ короткихъ словахъ прекрасныя наставленiя, какiя даетъ онъ молодымъ потомкамъ своимъ. Счастливы бы они были, еслибы послѣдовали этимъ наставленiямъ! Не худо и вамъ хорошенько затвердить ихъ въ памяти: дѣти русскiя найдутъ много полезнаго въ умныхъ совѣтахъ стариннаго государя своего. Читайте же:

«Приближаясь ко гробу, благодарю Бога за долгiе дни мои: рука Его довела меня до глубокой старости. А вы, дѣти любезныя, и всякiй, кто будетъ читать это писанiе, исполняйте правила, въ немъ написанныя.

«Страхъ къ Богу и любовь къ людямъ есть начало добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла Его!

«О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также людей. Не постъ, не монашество спасетъ васъ, но благодѣянiя. Не забывайте бѣдныхъ, кормите ихъ и помните, что все, чтò вы имѣете, принадлежитъ Богу, и поручено вамъ только на время. Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ обижать слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго: жизнь и душа христiанина священны. Не призывайте напрасно имени Бога; давъ же клятву, не преступайте ее. Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: всѣ умремъ. Принимайте съ любовiю благословенiе священниковъ и не удаляйтесь отъ нихъ; дѣлайте имъ добро, чтобъ они молились за васъ Богу.—Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы не вѣчны, *сегодня живы, а завтра въ*

гробѣ! Бойтесь всякой лжи.—Почитайте старыхъ людей, какъ отцовъ, любите младшихъ, какъ братьевъ.—Въ хозяйствѣ сами за всѣмъ смотрите, чтобы гости не осудили ни дома, ни обѣда вашего.—На войнѣ будьте дѣятельны. Тогда не время думать о праздникахъ.—Путешествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду княжескимъ отрокамъ. Всего же болѣе почитайте гостя, и знаменитаго, и простого, и купца, и посла: гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую, и худую о насъ славу. Кланяйтесь каждому человѣку, когда идете мимо.—Все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не узнаете, тому учитесь.—Лѣность—мать пороковъ; берегитесь ее.—Старайтесь, чтобъ солнце никогда не заставало васъ въ постелѣ!—Идите рано въ церковь принести Богу молитву утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой, такъ дѣлали всѣ добрые люди. Когда озаряло ихъ солнце, они хвалили Бога съ радостію. Потомъ садились думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту. Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку: на охотѣ и на войнѣ, днемъ и ночью, въ жаръ лѣтній и въ холодъ зимній, не зналъ покоя, не надѣялся на посадниковъ, не давалъ бѣдныхъ и вдовъ въ обиду сильнымъ; самъ смотрѣлъ за церковью и за божественнымъ служеніемъ, за домашнимъ порядкомъ, конюшнею, охотою, ястребами и соколами. Всѣхъ походовъ моихъ было восемьдесятъ три; а другихъ маловажныхъ не упомню. Я заключилъ съ половцами девятнадцать мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ и выпустилъ изъ неволи болѣе ста лучшихъ князей ихъ, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и топилъ въ рѣкахъ.—Кто ѣздилъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ, у родителя, прежде вечеренъ.—Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ бросалъ меня на рогахъ; олень—бодалъ; лань топтала ногами; медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и уронилъ коня подо мною! Сколько разъ падалъ я съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не берегъ жизни въ юности и не

щадилъ головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ, но будьте мужественны во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Господь опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Богъ лучше сохранитъ, нежели люди».

Изъ этой духовной, милые читатели, вы можете видѣть и душу Владиміра Мономаха, и образъ жизни того времени. Вы, вѣрно, замѣтили, что государи наши были очень усердны къ Богу, что они любили болѣе всего славиться храбростію, а жили очень просто, и часто сами смотрѣли за порядкомъ церкви, дворца и даже конюшенъ своихъ.

Семейство великаго князя Владиміра I Всеволодовича.

Супруги: 1) Христина, дочь шведскаго короля Ингоря. 2) Евфимія

Сыновья: a) Мстиславъ. b) Изяславъ. c) Ростиславъ. d) Ярополкъ. e) Вячеславъ. f) Романъ. g) Юрій. h) Андрей. i) Глѣбъ. j) Святославъ.

ОЛЕГОВИЧИ И МОНОМАХОВИЧИ.

отъ 1125 до 1147 года.

(21 годъ).

Олеговичами называютъ въ исторіи нашей — потомковъ *Олега*, *Мономаховичами* — потомковъ *Мономаха*, — двухъ знаменитыхъ князей, которыхъ ссоры причинили столько несчастій землѣ Русской. Несчастія еще болѣе увеличились, когда начались ссоры между этими Олеговичами и Мономаховичами.

Вы, конечно, не забыли, что Владиміръ Мономахъ сдѣлался великимъ княземъ не потому, что имѣлъ право на престолъ, но потому, что народъ любилъ его и желалъ имѣть своимъ государемъ; настоящимъ же наслѣдникомъ

Всеволода I былъ Олегъ, сынъ старшаго брата его Святослава. Любовь и уваженіе къ Мономаху были такъ велики, что и послѣ смерти его никто не думалъ спорить, когда великими князьями были *его* дѣти, а не *Олеговы*. Однакожъ эта тишина была ненадолго: только на время княженія перваго сына его *Мстислава*, который, будучи во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ наслѣдникомъ отца своего, управлялъ съ такою славою государствомъ, что заслужилъ названіе *Великаго;* при наслѣдникѣ же и братѣ его *Ярополкѣ Владиміровичѣ* дѣти Олега заговорили о томъ, что они законные наслѣдники кіевскаго престола, и съ этого-то времени начались безпрестанныя ссоры и несогласія ихъ съ Мономаховичами. Эти ссоры раздирали бѣдное отечество наше болѣе ста лѣтъ и были причиною всѣхъ бѣдствій, которыя потомъ вѣрно опечалятъ васъ, милые читатели мои!

Сначала намѣреніе Олеговичей возвратить наслѣдственный престолъ исполнилось довольно удачно, потому что Ярополкъ Владиміровичъ былъ князь слабый и въ его княженіе было много безпорядковъ въ Россіи. Новгородцы безпрестанно бунтовали, смѣняли сами своихъ посадниковъ, изгоняли князей своихъ и уже считали себя не подданными государей кіевскихъ, но людьми вольными. Сыновья Мономаха,—которыхъ, кромѣ великаго князя, было еще трое: *Вячеславъ, Георгій* и *Андрей,* часто ссорились съ племянниками своими, дѣтьми умершаго Мстислава Владиміровича: эти молодые князья, по примѣру дѣдушки своего, почитали себя, а не дядей своихъ, законными наслѣдниками. Великій князь долженъ былъ безпрестанно усмирять то новгородцевъ, то братьевъ, то племянниковъ своихъ. Это уменьшало силы его и было такъ выгодно для главныхъ враговъ его, Олеговичей, что, по смерти великаго князя Ярополка Владиміровича, Всеволодъ Олеговичъ безъ всякаго труда отнялъ у Мономаховичей престолъ кіевскій. Семь лѣтъ онъ владѣлъ имъ, старался быть въ мирѣ со всѣми князьями, и особенно съ молодыми Мстиславичами. Сильнѣйшими врагами его были: безпокойные новгородцы, *Георгій Владиміровичъ, князь суздальскій* или *влади-*

мірскій, желавшій непремѣнно быть великимъ княземъ и — *князь галицкій.*

До сихъ поръ вы еще не слышали о княжествѣ Галицкомъ. Это потому, что оно было еще новое и основано около этого времени *Владимíркомъ,* сыномъ Володаря, князя Перемышльскаго, племянникомъ бѣднаго слѣпца Василька. Владимірко былъ смѣлый, храбрый, но также и жадный князь: онъ несправедливо завладѣлъ удѣломъ племянника своего, *Іоанна Берладника,* перенесъ столицу свою въ Галичъ, лежавшій на берегахъ Днѣстра, и это новое княжество было потомъ очень знаменито. Берладникъ принужденъ былъ бѣжать отъ дяди въ Кіевъ и просить защиты у великаго князя, который принялъ его ласково. Владимірко такъ разсердился за это, что объявилъ войну великому князю, и во время этой войны Всеволодъ II скончался. Передъ смертію онъ объявилъ наслѣдникомъ своимъ родного брата своего, *Игоря Олеговича,* и заставилъ многихъ князей присягнуть ему еще при жизни своей.

Несчастный Игорь, не смотря на присягу, былъ государемъ только шесть недѣль. Никто не любилъ его, и почти всѣ князья, давшіе клятву быть ему вѣрными, измѣнили. Жители кіевскіе также: они тайно звали къ себѣ Изяслава Мстиславича, который тотчасъ собралъ войско и пришелъ къ Кіеву. У Игоря былъ одинъ только защитникъ: братъ его Святославъ Олеговичъ; но и тотъ принужденъ былъ бѣжать, когда показалось войско Изяслава, встрѣченное съ радостью народомъ кіевскимъ. Игоря нашли завязшимъ въ болотѣ съ нѣсколькими воинами и отправили въ монастырь переяславскій. Съ тѣхъ поръ потомки Олеговы уже не были болѣе великими князьями, и Мономаховичи остались побѣдителями, но ссоры ихъ еще не скоро окончатся.

Семейство великаго князя Мстислава I Владиміровича.

Супруги: 1) Христина. 2) Дочь новгородскаго посадника.

Сыновья: a) Всеволодъ. b) Изяславъ. c) Ростилавъ. d) Святополкъ. e) Владиміръ. f) Романъ.

4*

Семейство великаго князя Ярополка II Владиміровича.

Супруга: Елена, княжна Ясская.
Сынъ: Василько.

Семейство великаго князя Всеволода II Олеговича.

Сыновья: 1) Святославъ. 2) Михаилъ.

НАЧАЛО МОСКВЫ.

отъ 1146 до 1155 года.

(9 лѣтъ).

Въ то время, когда народъ кіевскій съ радостію встрѣчалъ новаго великаго князя своего, Изяслава II Мстиславича, въ отдаленной Суздальской области сбирались враги его разсуждать о томъ, какъ бы скорѣе выгнать его изъ Кіева. Главный изъ этихъ враговъ, кромѣ дяди его, суздальскаго князя *Георгія* или *Юрія Владиміровича Долгорукаго*—почитавшаго себя законнымъ наслѣдникомъ престола кіевскаго—былъ *Святославъ Олеговичъ*, братъ несчастнаго Игоря, заключеннаго въ монастырь Переяславскій. Этотъ нѣжный братъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ счастіемъ своимъ и даже жизнію, чтобы только освободить бѣднаго Игоря изъ рукъ Изяславовыхъ. Онъ думалъ, что Георгій—отецъ семи храбрыхъ князей и ненавидѣвшій великаго князя, скорѣе всѣхъ можетъ помочь ему въ войнѣ съ Кіевомъ и для того пріѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Олегомъ.

Георгій ласково принялъ и угощалъ ихъ въ новомъ городѣ своемъ *Москвѣ*. Но эта маленькая, бѣдная Москва вовсе не походила тогда на нашу нынѣшнюю бѣлокаменную Москву. Еще не прошло и года отъ ея построенія. Многіе еще и не называли ее Москвою, но *Кучковымъ*. Это названіе произошло оттого, что прежде на мѣстѣ, гдѣ она построена, было нѣсколько селъ и деревень богатаго боярина *Степана Ивановича Кучки*. Георгій былъ недо-

воленъ какимъ-то дерзкимъ поступкомъ этого боярина и приказалъ казнить его, а село взять въ казну.

Чрезъ нѣсколько времени онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ любимымъ сыномъ своимъ, храбрымъ Андреемъ, посмотрѣть имѣніе убитаго боярина. Въ одной изъ деревень жили сироты Кучки: два сына и дочь. Необыкновенная красота этой молодой дѣвушки удивила обоихъ князей: отецъ упрекалъ себя, что причинилъ несчастье такого милаго творенія; сынъ говорилъ съ восхищеніемъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ дѣвушки лучше прелестной сироты Кучковой и умолялъ отца позволить ему жениться на ней. «Родитель!» —говорилъ Андрей,— «ты облегчишь этимъ горестную судьбу бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ отнялъ отца». Георгій, нѣжно любившій сына, не могъ отказать неотступнымъ просьбамъ его: онъ велѣлъ приготовляться къ свадьбѣ и позволилъ сыну взять къ себѣ въ службу братьевъ невѣсты. Между тѣмъ красивыя мѣста по берегамъ рѣки Москвы такъ понравились ему, что онъ вздумалъ основать городокъ и назвалъ его по имени рѣки — *Москвою*. Андрей былъ очень доволенъ этимъ: ему казалось, что не было мѣста лучше того, гдѣ узналъ онъ милую невѣсту свою. Здѣсь праздновали свадьбу и здѣсь-то чрезъ нѣсколько времени потомъ Георгій Владиміровичъ угощалъ Святослава Олеговича и бояръ его, сбираясь вмѣстѣ съ ними идти къ Кіеву.

Но прежде нежели успѣли собраться защитники Игоря, этотъ несчастный князь уже былъ взятъ силою изъ монастыря и убитъ народомъ.

Такое злодѣйство еще болѣе ожесточило Святослава Олеговича: онъ могъ подозрѣвать, что великій князь самъ позволилъ народу это убійство и еще болѣе началъ просить Георгія поспѣшить походомъ.

Но Георгій, соглашаясь помогать ему, думалъ болѣе о собственныхъ выгодахъ, нежели о немъ: хотѣлъ мстить Изяславу II не за Игоря, но за престолъ кіевскій, и потому неудивительно, что онъ обращалъ мало вниманія на просьбы Святослава и вѣрно еще долго бы медлилъ, еслибы великій князь не сдѣлалъ ему новой жестокой обиды: онъ напалъ съ новгородцами на суз-

дальскіе города его, жегъ и разорялъ ихъ, и наконецъ выгналъ изъ Кіева сына Георгіева, Ростислава, прежняго друга своего. Все это заставило Георгія рѣшиться. Онъ выступилъ съ Святославомъ и наемными половцами. Пять лѣтъ продолжалась эта война почти безпрестанно. Въ небольщіе промежутки мира кіевляне имѣли государями своими то Георгія Владиміровича, то Изяслава Мстиславича, то еще третьяго князя—Вячеслава, старшаго сына Владиміра Мономаха. Этотъ послѣдній князь имѣлъ болѣе всѣхъ права быть государемъ кіевскимъ, но онъ былъ тихаго, не честолюбиваго нрава, никогда не искалъ самъ престола, но принималъ его всякій разъ, когда Изяславъ II предлагалъ ему. Изяславъ же дѣлалъ это для того, чтобы подъ его именемъ управлять государствомъ. Вячеславъ былъ уже такъ старъ, что не могъ заниматься дѣлами и отдавалъ все во власть Изяслава Мстиславича, которому обязанъ былъ именемъ великаго князя. Однакожъ, не смотря на старость свою, Вячеславъ пережилъ этого племянника своего. Война съ Георгіемъ еще не была окончена, какъ умеръ Изяславъ II. Вскорѣ послѣ него скончался и старый Вячеславъ Владиміровичъ, и тогда-то честолюбивый князь суздальскій достигъ своего желанія. Никто уже не спорилъ съ нимъ: какъ старшій изъ всѣхъ князей, онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ великаго княжества, и кіевляне должны были покориться ему, хотя и не любили его.

Семейство великаго князя Изяслава II Мстиславича.

Супруга: Обезкая княжна.

Сыновья: 1) Мстиславъ. 2) Ярославъ. 3) Ярополкъ. 4) Владиміръ.

СВОЕВОЛЬСТВО НОВГОРОДЦЕВЪ.

отъ 1155 до 1167 года.

(12 лѣтъ).

Прежде нежели мы будемъ говорить о томъ, что̀ были новгородцы при великомъ князѣ Георгіѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, надобно разсказать читателямъ исторію ихъ гораздо ранѣе того времени.

Вы помните, что новгородцы почти еще при самомъ началѣ Русскаго государства были уже непослушны къ князьямъ своимъ, жившимъ въ Кіевѣ. Въ то время мудрая княгиня Ольга усмирила ихъ. Они боялись потомъ храбрыхъ князей: Святослава I, Ярослава I, ихъ благодѣтеля, и Владиміра Мономаха; но несогласныя дѣти Ярослава и Мономаха, безпрестанно ссорясь между собою и стараясь вредить другъ другу всѣми возможными средствами, часто были такъ слабы. что и смирные подданные могли не слушаться ихъ! А о новгородцахъ и говорить нечего! Они выгоднѣе всѣхъ другихъ русскихъ отправляли торговыя дѣла свои не только съ сосѣдними народами, но даже съ Даніей и нѣмецкими городами. Торговля доставляла имъ богатство, а богатство дѣлало ихъ гордыми. Они сочинили себѣ пословицу: *Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?*—и дѣлали въ этомъ Великомъ Новгородѣ все, что хотѣли. Чтобы поднять тревогу въ городѣ и собрать гражданъ новгородскихъ на совѣтъ, стоило только ударить въ большой колоколъ, висѣвшій на *Дворѣ Ярослава*. Граждане тотчасъ сходились разсуждать о дѣлахъ своихъ. Такое собраніе новгородцевъ называлось *вѣче,* а большой колоколъ—*вѣчевымъ колоколомъ.*

Послѣ смерти Мономаха этотъ колоколъ звонилъ часто, потому что новгородцы начали съ тѣхъ поръ очень своевольничать. Такъ, при великомъ князѣ Ярополкѣ Владиміровичѣ они, досадуя на князя своего Всеволода Мстиславича, внука Мономахова, нѣсколько разъ смѣняли посадниковъ; бросили съ моста и утопили въ рѣкѣ одного

изъ главныхъ чиновниковъ, наконецъ посадили подъ стражу самого князя со всѣмъ его семействомъ, и только тогда выпустили, какъ пріѣхалъ въ Новгородъ новый князь, выбранный народомъ. Этотъ князь былъ Святославъ Олеговичъ. Съ того времени новгородцы уже не считали себя подвластными кіевскому государю, но назывались *вольными людьми*.

Чрезъ два года они изгнали и Святослава, и призвали къ себѣ княжить Ростислава Георгіевича, сына князя суздальскаго, и онъ пробылъ не болѣе двухъ лѣтъ.

При великомъ князѣ Изяславѣ II новгородцы выпросили себѣ княземъ сына его, Ярослава Изяславича. Этотъ князь былъ долѣе другихъ государемъ ихъ потому, что они любили отца его, который пріѣзжалъ къ нимъ изъ Кіева. Народъ, давно невидавшій у себя великихъ князей, былъ въ восхищеніи отъ пріѣзда Изяслава, особливо когда онъ на другой день далъ пиръ всѣмъ гражданамъ и самъ обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. *Городище*—то мѣсто, гдѣ былъ этотъ праздникъ, и теперь еще извѣстно въ Новгородѣ.

Не прошло еще пяти лѣтъ—и вѣтреные новгородцы уже забыли и Изяслава Мстиславича, и сына его. Третій внукъ Мономаха, Ростиславъ Мстиславичъ, пріѣхалъ, по желанію ихъ, княжить въ Новгородѣ. Но этотъ князь послѣ смерти Изяслава II призванъ былъ кіевлянами заступить мѣсто его при старомъ Вячеславѣ. Радуясь великому княжеству, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ и оставилъ княземъ новгородскимъ сына своего Давида.

Гордые новгородцы не любили князей, которые оставляли ихъ, хотя бы то было для престола великокняжескаго: они тотчасъ же изгнали Давида и выбрали княземъ Мстислава, другого сына Георгіева.

Въ это самое время исполнилось самое пріятное желаніе Георгія Владиміровича. Мы говорили уже объ этомъ: онъ вступилъ съ побѣдою въ Кіевъ послѣ смерти Вячеслава. Ростиславъ же Мстиславичъ едва успѣлъ пріѣхать въ Кіевъ и долженъ былъ уже выѣхать и уступить силѣ Георгія. Съ досадою поѣхалъ онъ назадъ въ Новгородъ, но тамъ стоило ему большихъ трудовъ примириться съ народомъ, который раздѣлился на двѣ стороны: одна—*Торговая*, за-

щищала новаго своего князя Мстислава Георгіевича; другая — *Софійская,* хотѣла прежняго — Ростислава. Добрый Мстиславъ Георгіевичъ, не желая, чтобы за него проливали кровь невинныхъ, уступилъ престолъ свой Ростиславу и уѣхалъ ночью изъ Новгорода.

Вотъ какіе безпорядки происходили у дерзкихъ новгородцевъ, а они были такъ безразсудны, что не винили въ томъ себя, но еще величались своимъ гибельнымъ своеволіемъ! Дерзость ихъ была такъ велика, что они сами выбирали и епископа своего.

Ростиславъ Мстиславичъ былъ княземъ новгородскимъ до тѣхъ поръ, пока кіевляне, послѣ смерти Георгія Владиміровича, въ другой разъ призвали его на престолъ свой. Уѣзжая, онъ оставилъ у нихъ сына Святослава. Безпокойные новгородцы изгнали бы и этого молодого князя, но черезъ нѣсколько времени опять помирились съ нимъ.

Ростиславъ Мстиславичъ, безпокоясь объ участи этого сына, поѣхалъ незадолго до кончины своей въ Новгородъ и взялъ клятву съ подданныхъ его въ томъ, что никогда не будутъ искать другого князя и *разлучатся съ Святославомъ только смертію.* Послѣ этой клятвы, новгородцы, казалось, успокоились. Увидимъ, надолго ли?

Семейство великаго князя Георгія I Владиміровича Долгорукаго.

Супруги: 1) Дочь князя Половецкаго. 2) Ольга, въ монахиняхъ *Евфросинія.*

Сыновья: a) Ростиславъ. b) Андрей. c) Іоаннъ. d) Борисъ. e) Глѣбъ. f) Святославъ. g) Ярославъ. h) Мстиславъ. i) Василій. j) Михаилъ. k) Димитрій.

Дѣти великаго князя Ростислава I Мстиславича.

1) Романъ. 2) Рюрикъ. 3) Святославъ.

АНДРЕЙ ГЕОРГІЕВИЧЪ БОГОЛЮБСКІЙ.

отъ 1157 до 1174 года.

(18 лѣтъ).

Когда почти всѣ князья въ южной Россіи ссорились за престолъ кіевскій, въ сѣверо-восточной части ея жилъ князь, еще въ молодыхъ лѣтъ удивлявшій всѣхъ своею храбростію и умомъ. Этотъ князь былъ мужественный *Андрей*, сынъ Георгія Владиміровича Долгорукаго. Вы уже слышали о немъ, милые читатели, — вспомните разсказъ о началѣ Москвы.

Андрей Георгіевичъ, родившійся и выросшій въ Суздальской области, не любилъ Кіева, какъ причину вѣчныхъ споровъ княжескихъ, и рѣдко ѣздилъ туда, даже и тогда, какъ великимъ княземъ кіевскимъ былъ отецъ его Георгій. Онъ отказался и отъ новыхъ удѣловъ, какіе отецъ давалъ ему на югѣ, и, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Кіева, взялъ съ собою только образъ Божіей Матери, привезенный изъ Греціи однимъ купцомъ греческимъ, по имени Пирогощи [1]). Андрей Георгіевичъ ѣхалъ изъ Кіева на родину свою въ городъ Владиміръ-Залѣсскій, основанный знаменитымъ дѣдомъ его Мономахомъ. Огорчаясь ссорами князей и видя, что всѣ несчастія земли Русской происходятъ отъ раздѣленія ея на многіе удѣлы, умный Андрей ѣхалъ во Владиміръ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поселиться тамъ и всѣми силами стараться перемѣнить обыкновеніе князей,—дѣлить свои владѣнія братьямъ и сыновьямъ, и по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ оставить княжество сильное и счастливое подъ властію одного государя.

Съ такими благодѣтельными для отечества нашего мыслями, Андрей Георгіевичъ подъѣзжалъ къ Владиміру съ драгоцѣннымъ образомъ Божіей Матери. За одиннад-

---

[1]) Говорятъ, что этотъ образъ *Богоматери Пирогощей* писанъ евангелистомъ Лукою. Онъ находится теперь въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и называется *Владимірскимъ*.

цать верстъ отъ этого города лошадь, на которой везли образъ, вдругъ остановилась и никакъ не хотѣла идти далѣе. Князь, который—какъ и всѣ предки наши—былъ очень набоженъ и богобоязливъ, почиталъ это происшествіе не простымъ случаемъ, но опредѣленіемъ Божіимъ: онъ велѣлъ построить на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась лошадь, церковь во имя Рождества Богоматери, и поставилъ въ ней образъ Ея. Потомъ построилъ тутъ дворецъ для себя и монастырь для монаховъ. Бояре и жители владимірскіе строили также домы въ любимомъ мѣстѣ государевомъ, такъ что цѣлый городъ скоро явился около церкви. Андрей Георгіевичъ назвалъ его *Боголюбовымъ.* Онъ очень любилъ этотъ городъ и отъ него получилъ названіе *Боголюбскаго.*

Андрей, желая видѣть всю Россію подъ властію одного государя и, можетъ быть, желая самъ быть этимъ самовластнымъ государемъ, не давалъ удѣловъ ни сыновьямъ, ни меньшимъ братьямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ. Оттого Владимірское княжество его не ослабѣвало, но, напротивъ того, укрѣплялось болѣе и болѣе, и было уже очень сильно, когда умеръ наслѣдникъ Георгія Долгорукаго на кіевскомъ престолѣ—Ростиславъ Мстиславичъ. Онъ назначилъ княземъ племянника своего Мстислава II Изяславича, князя, уже славнаго военными дѣлами.

Въ то же время вѣтреные и безсовѣстные новгородцы, узнавъ о смерти Ростислава, забыли клятву, которую дали ему, изгнали сына его Святослава и просили великаго князя прислать къ нимъ государемъ сына его *Романа.* Мстиславъ II зналъ, что несправедливо было бы исполнять требованіе народа своевольнаго; зналъ, что Андрей Георгіевичъ, сильный, всѣми уважаемый князь суздальскій, принялъ подъ покровительство изгнаннаго князя новгородскаго, и потому сначала не хотѣлъ отпустить Романа въ Новгородъ, чтобы тѣмъ не разсердить Андрея, но потомъ рѣшился сдѣлать это. Еще хуже отца поступилъ молодой Романъ. Какъ только онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, тотчасъ объявилъ новымъ подданнымъ своимъ, что будетъ мстить за нихъ всѣмъ князьямъ, за-

щищавшимъ прежняго государя ихъ, и пошелъ разорять города полоцкіе, смоленскіе и суздальскіе.

Андрей Георгіевичъ вступился за обиженныхъ и хотѣлъ наказать не молодого, безразсуднаго Романа, но того, кто несправедливо послалъ его къ новгородцамъ: великаго князя Мстислава. Многіе изъ князей были уже недовольны имъ. Андрей видѣлъ, что ему представлялся случай унизить навсегда важность великаго князя кіевскаго и сдѣлаться старшимъ надъ всѣми князьями русскими. Онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и уговорилъ недовольныхъ князей идти на Кіевъ. Ихъ было одиннадцать. Каждый привелъ съ собою свое войско; главнымъ начальникомъ всѣхъ былъ Андрей Георгіевичъ. Они окружили Кіевъ. Бѣдный Мстиславъ съ нанятыми черными клобуками защищался храбро два дня; на третій—древняя столица Олега, *мать городовъ русскихъ*, взята была *приступомъ!* Воины союзныхъ князей силою ворвались въ Золотыя Ворота и, къ стыду своему, забыли, что побѣжденные жители Кіева были такъ же, какъ и они, русскіе. Великій князь Мстиславъ ушелъ съ братомъ своимъ въ Волынь.

Съ тѣхъ поръ великимъ княземъ Руси былъ Андрей Георгіевичъ Боголюбскій. Столицею его былъ уже не *Кіевъ*, сдѣлавшійся простымъ удѣльнымъ городомъ, а *Владиміръ-Залѣсскій*, городъ новый, бѣдный, но счастливый, потому что государь любилъ его.

Семейство великаго князя Мстислава II Изяславича.

Супруга: Дочь Якуна новгородскаго.
Сыновья: 1) Романъ. 2) Святославъ. 3) Ярополкъ.

УБІЕНІЕ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

(1174 годъ).

Понимая, что всѣ несчастія Россіи происходили отъ ея раздѣленія на многія удѣльныя княжества и желая видѣть ее подъ властію одного государя, Андрей Боголюбскій доказалъ намъ, что былъ князь умный. Храбрость его была также извѣстна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его, когда еще происходили частыя войны за престолъ кіевскій у отца его Георгія съ Изяславомъ II.

Но эти способности Андрея Георгіевича очень ослабѣли въ старости. Совѣсть упрекала его за разграбленіе Кіева: всякое несчастіе, случавшееся въ государствѣ его, онъ почиталъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи свои и потому проводилъ большую часть времени въ молитвѣ, а государственныя дѣла поручалъ боярамъ, которые грабили и притѣсняли народъ. Бѣдный Андрей Георгіевичъ не думалъ, что такимъ поведеніемъ онъ еще болѣе увеличиваетъ вину свою передъ Богомъ: теряетъ любовь народа и доставляетъ дурнымъ людямъ случай не бояться справедливости законовъ. Дерзость такихъ людей дошла наконецъ до того, что они сдѣлали заговоръ на жизнь великаго князя.

Вы знаете, что Андрей Боголюбскій женатъ былъ на дочери боярина Кучки. Нѣжно любя прекрасную супругу свою, великій князь любилъ всею душою и братьевъ ея. Оба они занимали важныя мѣста при дворѣ и жили очень счастливо. Вдругъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ какое-то важное преступленіе, за которое по законамъ слѣдовало наказать его смертію. Онъ думалъ, что братъ великой княгини избавленъ будетъ отъ этого наказанія, или, лучше сказать, онъ надѣялся на слабость великаго князя; но на этотъ разъ Андрей Георгіевичъ поступилъ иначе, и черезъ нѣсколько дней голова Кучковича была отрублена. Братъ его, Якимъ, возненавидѣлъ за это Андрея и подговорилъ двадцать человѣкъ друзей и товарищей своихъ отмстить великому князю смертію за смерть убитаго преступника.

злодѣи, въ числѣ которыхъ были *Петръ*, зять Якима, и *Анбалъ Ясинъ*, казначей князя, положили собраться въ Боголюбовѣ, 29-го іюня, въ день Петра и Павла.

Когда князь уже помолился Богу и легъ въ постель въ своей ложницѣ [1]), заговорщики тихонько вошли во дворецъ и прежде всего въ княжескій погребъ къ Анбалу, который напоилъ ихъ до-пьяна.

Въ такомъ положеніи злодѣи потеряли послѣдній, остававшійся у нихъ страхъ, и съ неслыханною дерзостію и злобою перерѣзали всю стражу и подошли къ дверямъ ложницы. Князь проснулся отъ шума и спрашивалъ: «кто тамъ?»—Прокопій! отвѣтилъ одинъ изъ злодѣевъ, называя по имени любимца княжескаго, Прокопія. «Отвори, государь!» Но Андрей узналъ, что это голосъ не Прокопія, и не велѣлъ отроку, бывшему при немъ, отворять дверей. Тогда убійцы однимъ ударомъ вышибли ихъ и ворвались въ ложницу. Несчастный князь вскочилъ съ постели и долго защищался. Но онъ былъ безъ всякаго оружія одинъ съ молодымъ отрокомъ; злодѣи же имѣли все, что только можно было имѣть въ то время: сабли, мечи и копья, и ихъ было двадцать человѣкъ. Они рубили и кололи его до тѣхъ поръ, пока онъ, сказавъ: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» скончался. Убійцы вышли изъ ложницы и отправились окончить грабежемъ свое ужасное преступленіе.

Богъ, принявъ на небо душу набожнаго князя, такъ прогнѣвался на землю Русскую за это злодѣяніе, что, казалось, совсѣмъ оставилъ ее. Это говорили всѣ благочестивые люди того времени. Они видѣли гнѣвъ Божій въ тѣхъ ужасахъ, какіе происходили послѣ кончины государя. Убійцы его разграбили погреба и казну княжескую, разбѣжались по городку Боголюбову, сзывали къ себѣ всѣхъ жителей, чтобы вмѣстѣ идти грабить дворецъ и домы боярскіе. Не нужно сказывать вамъ, что всѣ дурные люди тотчасъ послушались ихъ. Ворвавшись во дворецъ, они вытащили тѣло князя и бросили его въ огородѣ, безъ всякой одежды. Вѣрный слуга его, Козьма

[1]) Такъ называли въ то время *спальню*.

кіевлянинъ, едва могъ выпросить у злого Анбала коверъ, чтобы покрыть его и отнести въ церковь. И туда даже безумный народъ не пустилъ своего князя. Всѣ причетники были пьяны и сторожъ велѣлъ положить тѣло на паперть. Жалко было смотрѣть и слушать, какъ добрый и чувствительный Козьма, горько рыдая надъ тѣломъ и цѣлуя покрытыя кровью руки государя, говорилъ такъ о своей горести:

— О добрый князь мой! Никто изъ слугъ твоихъ не узнаетъ тебя, который такъ ласково принималъ и угощалъ во дворцѣ своемъ всякаго: и грека, и латина, и болгара, и еврея! А тебя и въ храмъ Божій не пускаютъ!

Никто не пришелъ утѣшать его: онъ плакалъ одинъ. Да и некому было раздѣлять его горесть: весь народъ былъ въ ужасѣ и смятеніи. Одни убивали и грабили, другіе прятались отъ убійцъ и грабителей, третьи плакали объ убитыхъ. Однимъ словомъ, нельзя пересказать вамъ всего, что происходило въ это время въ великомъ княжествѣ Владимірскомъ и особенно въ Боголюбовѣ! Наконецъ священники рѣшились молить Бога о прощеніи великаго злодѣянія, сдѣланнаго въ землѣ Русской. Помолясь усердно въ церквахъ, они пошли въ ризахъ, съ образами, молитвами и пѣніемъ по улицамъ. Бунтовщики испугались, вспомнили о Богѣ, Котораго они такъ прогнѣвали, и усмирились. Тогда граждане и священники владимірскіе пришли за тѣломъ несчастнаго государя и повезли его во Владиміръ. Толпы владимірцевъ вышли изъ города, и какъ только увидѣли вдали княжескія знамена и услышали печальное пѣніе, всѣ заплакали и упали на колѣни. Грустно было имъ видѣть въ гробѣ того, кого они встрѣчали прежде съ радостью въ *Золотыхъ Воротахъ* своихъ: Андрей Георгіевичъ почти всегда возвращался изъ походовъ своихъ съ побѣдою надъ непріятелями. Онъ построилъ у въѣзда такія же Золотыя Ворота, какія были въ Кіевѣ. Сюда въѣзжалъ онъ живой съ веселіемъ и славою; сюда ввезли его и мертваго, и похоронили въ прекрасной золотоверхой церкви св. Богоматери, имъ же построенной.

Семейство великаго князя Андрея I Георгіевича Боголюбскаго.

Супруга: Улита, дочь боярина Кучки.

Сыновья: 1) Юрій. 2) Изяславъ. 3) Владиміръ. 4) Мстиславъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ГЕОРГІЕВИЧЪ.

отъ 1174 до 1176 года.

(2 года).

Послѣ несчастной смерти Андрея Георгіевича, четыре князя имѣли право быть наслѣдниками его: два брата его—*Михаилъ* и *Всеволодъ Георгіевичи* и еще два сына старшаго брата его — *Ярополкъ* и *Мстиславъ Ростиславичи.*

Подданные покойнаго государя раздѣлились въ своихъ желаніяхъ: однимъ хотѣлось имѣть государями своими— Ярополка и Мстислава, другимъ — Михаила и Всеволода. Глѣбъ Святославичъ, князь Рязанскій, одинъ изъ Олеговичей, женатый на сестрѣ Ярополка и Мстислава, старался всѣми силами, чтобы выбраны были молодые князья, братья жены его; они всегда жили въ домѣ его и потому онъ надѣялся, что, по молодости ихъ, будетъ имѣть много власти въ великомъ княжествѣ. Старанія его—хотя и не надолго—имѣли успѣхъ: Ярополкъ и Мстиславъ были выбраны, но только при этомъ случаѣ княжество раздѣлилось на два: *Владимірское* и *Ростовское.* Въ первомъ былъ государемъ Ярополкъ, во второмъ—Мстиславъ.

Княженіе ихъ было непродолжительно. Владимірцы скоро увидѣли, что не новый государь, но Глѣбъ Рязанскій управляетъ ими; и по согласію съ ростовцами отправили пословъ къ Михаилу Георгіевичу, жившему тогда въ Черниговѣ, и велѣли посламъ сказать ему такъ: «Ты внукъ Мономаха и старшій изъ князей его рода. Иди на престолъ Боголюбскаго».

Михаилъ былъ въ это время боленъ, однакожъ согласился на просьбы бояръ владимірскихъ и велѣлъ нести

себя на носилкахъ въ городъ Владиміръ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ и меньшій братъ его, Всеволодъ Георгіевичъ. Ярополкъ, услышавъ о такой неожиданной новости, пошелъ на встрѣчу врагамъ своимъ; но ни онъ, ни пришедшій на помощь къ нему братъ его Мстиславъ Суздальскій не могли остановить Михаила. Хотя онъ и былъ боленъ, но зато братъ его Всеволодъ Георгіевичъ храбро сражался и прогналъ обоихъ племянниковъ.

Михаила внесли въ городъ какъ побѣдителя; народъ встрѣтилъ его съ радостію и веселился нѣсколько дней съ новымъ великимъ княземъ, который старался исправить всѣ ошибки Ярополка: отдалъ назадъ всѣ деньги, взятыя изъ церквей, и выгналъ изъ Владиміра чужихъ бояръ, обижавшихъ бѣдныхъ жителей.

Ростовцы и суздальцы просили его также быть и ихъ государемъ. Михаилъ ѣздилъ къ нимъ, принялъ присягу и приказалъ войску приготовиться къ войнѣ, чтобы наказать Глѣба Рязанскаго за временное овладѣніе Владиміромъ до пріѣзда великаго князя. Но Глѣбъ прислалъ просить у него прощенія и отдалъ назадъ все, что вывезъ изъ Владиміра. Въ числѣ прочихъ вещей былъ и образъ Богоматери Пирогощей. Михаилъ, видя радость, съ которою народъ встрѣчалъ святую Заступницу свою, согласился простить рязанскаго князя.

Кончивъ дѣло съ этимъ хитрымъ врагомъ, Михаилъ почиталъ первымъ долгомъ своимъ наказать убійцъ брата Андрея Георгіевича: онъ приказалъ всѣхъ ихъ утопить въ озерѣ, которое съ тѣхъ поръ называлось *поганымъ*.

Великій князь Михаилъ вѣрно отличилъ бы себя многими славными дѣлами, но, къ несчастію, болѣзнь его продолжалась, и черезъ годъ народъ русскій лишился добраго государя.

Семейство великаго князя Михаила I Георгіевича.

Супруга: неизвѣстна.
Сынъ: Глѣбъ.

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА III.

ОТЪ 1176 ДО 1178 ГОДА.

(2 года).

Владимірцы тотчасъ послѣ смерти Михаила Георгіевича собрались передъ Золотыми Воротами своими и присягнули брату Михаила Всеволоду III Георгіевичу. Но не то было въ Ростовѣ. Тамъ рязанскій князь Глѣбъ Святославичъ принялся опять за прежнее любимое ремесло свое: ссорить князей и народъ, чтобы пользоваться ихъ ссорами; и ростовцы, по совѣту его, объявили, что желаютъ имѣть государемъ не Всеволода, но Мстислава Ростиславича.

Опять началась война, опять полилась кровь русскихъ! Глѣбъ, защитникъ Мстислава, доказалъ во время этой войны, что не имѣлъ никакой привязанности къ отечеству, никакой жалости къ народу; онъ нанялъ злыхъ половцевъ и первый ввелъ ихъ въ сѣверныя области наши, гдѣ они до тѣхъ поръ никогда не были. Подъ начальствомъ этого жестокаго князя они ворвались туда, какъ голодные волки въ овчарню, взяли Боголюбовъ, грабили церкви, жгли деревни боярскія, уводили женъ и дѣтей въ плѣнъ. Но Богъ наказалъ за это Глѣба Святославича; онъ, сынъ его Романъ и Мстиславъ Ростиславичъ были побѣждены великимъ княземъ и посажены въ темницу.

Въ этой темницѣ объявили безпокойному князю Глѣбу, что онъ будетъ освобожденъ только тогда, какъ откажется навсегда отъ своего княжества и уѣдетъ жить въ южную Россію. Онъ гордо отвѣчалъ, что лучше умретъ въ неволѣ, нежели согласится на такое условіе, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ скончался.

Рязанцы, услышавъ о несчастіи своего князя, испугались сильнаго Всеволода и сами привезли къ нему брата Мстислава, Ярополка Ростиславича. Народъ владимірскій, увидѣвъ опять этого князя, причинившаго вмѣстѣ съ бра-

томъ своимъ столько бѣдъ въ великомъ княжествѣ, пришелъ въ ужасную ярость, ворвался въ темницу и ослѣпилъ обоихъ братьевъ. Неизвѣстно, не хотѣлъ или точно не могъ великій князь удержать дерзость народа, сдѣлавшаго это преступленіе; мы знаемъ только то, что онъ не наказалъ злодѣевъ, и оттого нельзя почитать его совершенно невиннымъ въ этомъ дѣлѣ.

Но Ярополкъ и Мстиславъ были всѣхъ менѣе виноваты въ тѣхъ безпорядкахъ, за которые думали наказывать ихъ: они были молоды, никогда сами не начинали ссоръ, но только исполняли приказанія Глѣба, котораго привыкли слушаться, потому что выросли въ его домѣ. Богу угодно было доказать всѣмъ невинность ихъ, и вы очень удивитесь, милые читатели, услышавъ, что̀ случилось съ ними.

Когда выпустили ихъ, уже слѣпыхъ, изъ темницы, они отправились въ южную Россію и, проѣзжая мимо Смоленска, зашли помолиться въ Смядынскую церковь Св. Бориса и Глѣба. Оба князя были всегда очень набожны, но въ этотъ разъ они съ особеннымъ усердіемъ молились и, помня слова Іисуса Христа, не только не проклинали враговъ своихъ, но даже простили ихъ. Богъ не оставляетъ никогда безъ награды такія добрыя сердца, и вообразите же радость и счастіе обоихъ князей, когда вдругъ въ то время, какъ они оканчивали молитву свою, темнота, покрывавшая глаза ихъ, начала исчезать, и вмѣсто нея показывалось что-то похожее на прежній прекрасный свѣтъ дня. Бѣдные князья думали сначала, что они видятъ это во снѣ. Но вотъ уже они различаютъ образа, горящія передъ ними свѣчи, видятъ всю церковь, наконецъ узнаютъ другъ друга! Со слезами восхищенія и благодарности, громко прославляя святое имя Господа, они упали на колѣни и обѣщались всегда быть добрыми и не слушать совѣтовъ злыхъ людей.

Это чудо разнеслось по всей Руси: всѣ полюбили князей, любимыхъ Богомъ, и новгородцы призвали ихъ быть государями въ областяхъ ихъ; Мстиславъ началъ княжить въ самомъ Новгородѣ, Ярополкъ—въ Торжкѣ.

Такимъ образомъ всѣ успокоились, и Всеволодъ III Георгіевичъ уже безъ всякаго спора, какъ *старшій изъ Мономаховичей*, сдѣлался великимъ княземъ Владимірскимъ. *Старшій же* изъ *Олеговичей*, Святославъ Всеволодовичъ, сынъ Всеволода II, былъ въ это время княземъ черниговскимъ и кіевскимъ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

ОТЪ 1178 ДО 1185 ГОДА.

(7 лѣтъ).

Вѣрно многіе изъ васъ, дѣти, съ восхищеніемъ слушаютъ, когда старшіе братцы или сестрицы ваши читаютъ прелестныя сказки въ стихахъ Жуковскаго и Пушкина? Можетъ быть даже вы знаете наизусть нѣкоторыя? Припомнивъ изъ нихъ нѣсколько пріятныхъ строчекъ, прочитайте потомъ слѣдующія:

«*Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: «О вѣтрѣ вѣтрило! чему, господине, насильно вѣяше! Чему мычеши хановскіе стрѣлки на своею нетрудною крильце, на моея лады воевъ! Мало ти бяшетъ горъ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на сине морѣ! Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя! О Днѣпре словутице! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли посады до полку Кобякова! Возлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!*»

Каково показалось вамъ это, друзья мои? Однакожъ это также поэтическое произведеніе, сочиненное при великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ, въ XII вѣкѣ. Оно то самое, изъ котораго нѣсколько строкъ вы уже читали въ стихахъ Жуковскаго о княженіи Владиміра I или Святого; они взяты изъ перваго русскаго поэтическаго разсказа, который называется: «*Слово о полку Игоревѣ*». Мы называемъ его первымъ, потому что онъ былъ *первый*,

до насъ дошедшій; но надобно думать, что и до того времени были поэты русскіе: сочинитель *«Слово о полку Игоревѣ»* говоритъ о *Соловьѣ* стараго времени, стихотворцѣ Боянѣ, который сладко пѣлъ о славѣ князей нашихъ. Сочиненія ихъ, вѣроятно, истребились во время безпрестанныхъ войнъ, пожаровъ и грабительствъ, разорявшихъ встарину наше отечество.

«Слово о полку Игоревѣ», значитъ повѣсть или разсказъ о походѣ Игоря. Игорь былъ внукъ знаменитаго Олега Черниговскаго и князь Новгорода-Сѣверскаго. Этотъ городъ находился въ землѣ Сѣверской, тамъ, гдѣ теперь двѣ губерніи наши: Черниговская и Полтавская. Игорь въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ былъ чрезвычайно храбръ, любилъ войну и для славы готовъ былъ съ радостію умереть. Въ 1184 году князья южной Россіи,—изъ которыхъ главнымъ былъ Святославъ Всеволодовичъ Кіевскій,—не сказавъ ни слова Игорю Сѣверскому, пошли противъ злыхъ враговъ отечества—половцевъ, и 30-го іюля одержали надъ ними славную побѣду, взяли въ плѣнъ 7,000 человѣкъ, 417 князьковъ, — въ томъ числѣ знаменитаго Кобяка,—множество прекрасныхъ лошадей азіятскихъ и разнаго оружія. Даже самый храбрый изъ хановъ ихъ, Кончакъ, былъ разбитъ ими, не смотря на то, что у него было *огнестрѣльное оружіе,* которое предки наши называли *живымъ огнемъ.*

Слава о такой побѣдѣ разнеслась по всей землѣ Русской. И большіе, и маленькіе говорили о храбрыхъ князьяхъ; пѣвцы пѣли о дѣлахъ ихъ въ пѣсняхъ; сказочники разсказывали въ сказкахъ. Многіе завидовали такой славѣ, и всѣхъ болѣе князь Игорь Сѣверскій. Онъ совершенно потерялъ прежнее спокойствіе и веселость свою, сердился на князей за то, что они не пригласили его идти вмѣстѣ съ ними; думалъ только о томъ, чтобы прославиться еще болѣе ихъ, и для того началъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ, Всеволодомъ Курскимъ, тайно приготовляться къ походу. Не прошло года, какъ уже оба смѣлые князя, съ своими боярами, дружиною и нанятыми черными-клобуками пошли къ Дону. Около этой рѣки раскинуты были шатры половецкіе. Кончакъ, такъ не-

давно еще разбитый русскими, и пять другихъ хановъ удивились, увидѣвъ ихъ опять передъ собою. Съ ужасною злобою, съ сильнымъ желаніемъ отмстить бросились они на нашихъ, однакожъ храбрые князья побѣдили и принудили половцевъ бѣжать и оставить имъ въ добычу весь станъ и даже семейства свои.

Весело пировали князья русскіе въ завоеванной землѣ и въ шатрахъ непріятельскихъ; гордо говорили: «Что скажутъ теперь князья и братья наши? Они побѣдили половцевъ у себя, дома, и не смѣли идти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ и за Дономъ, гдѣ никогда еще не были отцы наши; истребимъ всѣхъ *поганыхъ*[1]) и достанемъ себѣ славу вѣчную».

Такая гордость, такое ненасытное желаніе прославиться истребленіемъ невинныхъ людей, никогда не остаются безъ наказанія. Это случилось и съ Игоремъ. Онъ хотѣлъ истребить всѣхъ половцевъ, а между тѣмъ они собрали силы свои, и на берегахъ рѣки Каялы[2]) истребили почти все войско русское! Некому было даже принести въ отечество извѣстіе о несчастіи ихъ: всѣ оставшіеся въ живыхъ были уведены въ плѣнъ, въ томъ числѣ князь Игорь и братъ его Всеволодъ.

Къ счастью, случилось въ это время проѣзжать по Каялѣ какимъ-то купцамъ: имъ поручили половцы сказать въ Кіевѣ, что теперь они могутъ обмѣняться съ Святославомъ плѣнниками.

Получивъ это извѣстіе, всѣ князья опечалились; Святославъ Кіевскій даже плакалъ; но никто не пошелъ выручать князей изъ плѣна, боясь такой же участи. Однакожъ Игорь вскорѣ возвратился самъ. Одинъ крещеный половчанинъ помогъ ему убѣжать отъ хана Кончака, который, не смотря на жестокое сердце свое, уважалъ храбраго Игоря и не обижалъ его во время плѣна, но позволилъ ему жить какъ князю, имѣть у себя слугъ, священника и забавляться ястребиною охотою. Зато и Игорь

---

[1]) Такъ всегда русскіе называли своихъ непріятелей, особенно нехристіанъ.

[2]) *Каяла*—называется нынѣ *Кагальникомъ*.

не скоро согласился бѣжать отъ благороднаго непріятеля своего: только сильное желаніе увидѣть печальную супругу, дѣтей и народъ свой заставило его рѣшиться на такой поступокъ, который онъ всегда называлъ постыднымъ.

Кончакъ не разсердился за это на Игоря; но, *упустивъ сокола, хотѣлъ опутать соколенка,* сказано въ *«Словѣ о полку Игоревѣ»:* у Игоря былъ молоденькій сынъ, Владиміръ, такой же храбрый, какъ и отецъ. Онъ былъ съ нимъ въ этомъ походѣ и не отставалъ отъ отца ни въ какихъ опасностяхъ. Вмѣстѣ съ нимъ попался и онъ въ плѣнъ. Это былъ тотъ соколенокъ, котораго хотѣлъ опутать ханъ Кончакъ. Такими словами сочинитель первой поэмы нашей хотѣлъ сказать, что благородный Кончакъ желалъ привязать къ себѣ молодого Владиміра любовію и благодарностію и сдѣлалъ это, выдавъ за него прекрасную дочь свою. Два года прожилъ молодой князь въ новомъ семействѣ своемъ; на третьемъ началъ просить тестя отпустить его на родину, и добрый Кончакъ согласился: Владиміръ уѣхалъ изъ земли половецкой вмѣстѣ съ женою свою.

Вотъ этотъ несчастный походъ и плѣнъ Игоря описаны въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Чтобъ оцѣнить всѣ достоинства его, надобно хорошо понимать старинный языкъ нашихъ предковъ, а вы видѣли изъ нѣсколькихъ строкъ въ началѣ этой главы, что это еще невозможно для васъ, мои читатели. Итакъ, подождите, пока вы будете постарше: тогда вы вѣрно поймете, въ чемъ состоитъ поэтическое достоинство ихъ? А до тѣхъ поръ будьте довольны тѣми немногими строками, которыя прочли здѣсь. Я постараюсь сдѣлать ихъ болѣе понятными для васъ. Въ нихъ описывается горесть супруги Игоревой, когда она узнала, что онъ въ плѣну у половцевъ.

«Ярославна плачетъ рано поутру, смотря съ городской стѣны Путивля въ чистое поле: «О вѣтеръ сильный! Для чего легкими крыльями своими наносишь ты стрѣлы ханскія на воиновъ моего друга! Развѣ мало для тебя вѣять на горахъ подоблачныхъ и лелѣять корабли на синемъ морѣ?... Для чего, о сильный, развѣялъ ты веселіе мое?...

О Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стремяся въ землю половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладіи Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго, чтобы не посылала я къ нему рано утромъ слезъ моихъ въ синее море!»

Не правда ли, что это очень мило?

ЛИВОНІЯ И РЫЦАРИ НѢМЕЦКІЕ.

отъ 1185 до 1200 года.

(15 лѣтъ).

Не берегахъ Балтійскаго моря, — стало быть на сѣверо-западѣ Россіи, въ нынѣшнихъ губерніяхъ нашихъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, — жили въ XII вѣкѣ *латыши* и народы *чудскіе*, или просто *чудь*. Потомковъ послѣднихъ мы видимъ теперь въ нашихъ чухнахъ, которые такъ часто привозятъ на рынки петербургскіе масло, молоко, угли, дрова и разныя другія вещи. Хотите ли вы знать, какъ попали къ намъ рыцари нѣмецкіе? Послушайте.

Въ то время всѣ народы европейскіе, принявшіе вѣру христіанскую, очень заботились о томъ, чтобы не было нигдѣ идолопоклонниковъ. Почти въ каждомъ государствѣ были люди, которые, чувствуя истину христіанской вѣры, такъ усердно желали сдѣлать всѣхъ христіанами, что собирались по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и старались всѣми силами крестить всѣхъ невѣрныхъ, гдѣ бы они ни жили, и защищать церковь Божію отъ всѣхъ враговъ ея. Такіе люди разъѣзжали по всѣмъ странамъ, гдѣ думали найти идолопоклонниковъ, и часто даже силою заставляли ихъ быть христіанами.

Чудскіе народы и латыши не имѣли еще никакого понятія о Богѣ истинномъ, и вотъ христіане разныхъ государствъ задумали просвѣщать ихъ. Чаще всего приходили къ нимъ шведы, датчане и нѣмцы. Бѣдненькіе

много терпѣли отъ своихъ просвѣтителей: они учили ихъ не съ тою кротостью, въ которой примѣръ показалъ намъ Спаситель нашъ, но съ жестокостью, можно сказать даже — съ злодѣйствомъ: они убивали тѣхъ, которые не слушали ихъ и, завладѣвъ землями убитыхъ, поселялись сами въ жилищахъ ихъ. Въ 1186 году одинъ изъ просвѣтителей, по имени Мейнгардъ, построилъ первую латинскую церковь въ городѣ Икскулѣ, при рѣкѣ Двинѣ. Папа[1]) былъ такъ доволенъ усердіемъ этого Мейнгарда, что сдѣлалъ его епископомъ ливонскимъ и съ тѣхъ поръ нѣмцы получили большую власть въ землѣ ливонской. Эта власть еще болѣе увеличилась въ 1197 году, когда послѣ смерти Мейнгарда пріѣхалъ изъ Германіи епископомъ ливонскимъ Албертъ фонъ-Буксгевденъ. Онъ привезъ съ собою множество родственниковъ своихъ, нѣмецкихъ купцовъ и воиновъ, чтобы поселить ихъ въ своемъ епископствѣ, и для того заложилъ въ 1200 году городъ *Ригу*. Албертъ былъ очень уменъ и хитръ: чтобъ утвердиться еще болѣе въ Ливоніи, онъ выпросилъ у папы позволеніе учредить военный и духовный орденъ рыцарей, которые бы защищали церковь ливонскую, покоряли земли невѣрныхъ и крестили ихъ. Этихъ рыцарей называли *меченосцами* или *рыцарями св. Маріи*. Послѣднее названіе получили они оттого, что церковь, которую имъ должно было защищать, была во имя Пресвятой Богородицы. Они такъ усердно помогали своему епископу, что бѣдные латыши и чудь боялись ихъ какъ огня! Изъ страха къ проповѣдникамъ, они тотчасъ соглашались креститься и быть подданными епископа. Чтобы заставить ихъ отдать все, что было у нихъ самаго лучшаго, стоило только надѣть бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ рыцаря! Завидѣвъ издали эту страшную одежду, идолопоклонники прятались куда только могли; многіе убѣгали въ дремучіе лѣса и оставались тамъ жить. Если кто нибудь изъ нихъ умиралъ, они плакали надъ нимъ, клали въ гробъ его пищу, питье, топоръ, немного денегъ и говорили: «ступай, бѣднякъ, въ

[1]) Папа или первосвященникъ есть начальникъ всего духовенства римско-католическаго. Онъ живетъ въ Римѣ.

лучшій міръ, гдѣ не тебѣ нѣмцы, но ты нѣмцамъ будешь приказывать». По этому можно судить, какъ во зло употребляли имя Божіе эти жестокіе рыцари-меченосцы и даже самъ епископъ!

При такой силѣ и при такихъ злодѣяніяхъ, не удивительно, что владѣнія епископа рижскаго безпрестанно увеличивались и скоро нападенія рыцарей съ ливонцами на сосѣдственныя къ нимъ земли полоцкія, псковскія и новгородскія сдѣлались страшны для бѣднаго отечества нашего, и безъ того разоряемаго ссорами собственныхъ удѣльныхъ князей и нерѣшительностію, можно сказать, даже слабостію великаго князя Всеволода Георгіевича, который, продолжая спокойно княжить въ сѣверныхъ областяхъ русскихъ, казалось, мало заботился о южныхъ, и совсѣмъ не думалъ, что Россія счастлива только тогда, когда зависитъ отъ одного государя. Вмѣсто того, чтобы держать въ страхѣ южныхъ удѣльныхъ князей, онъ позволялъ имъ своевольничать до того, что наконецъ они совершенно по своей волѣ распоряжали своими владѣніями и безпрестанно отнимали ихъ другъ у друга. Самымъ смѣлымъ, сильнымъ, хитрымъ и жестокимъ изъ нихъ былъ Романъ Мстиславичъ Волынскій, правнукъ Мстислава Великаго. Исторія о дѣлахъ его такъ велика, что надобно разсказать ее въ особенной главѣ.

РОМАНЪ ВОЛЫНСКІЙ И КНЯЖЕСТВО ГАЛИЦКОЕ.

ОТЪ 1200 ДО 1212 ГОДА.

(12 лѣтъ).

Ярославъ Владимірковичъ, сынъ перваго князя Галицкаго *Владимірка Володаревича,* былъ достоинъ знаменитаго отца своего, котораго читатели мои, конечно, помнятъ, потому что онъ былъ племянникъ ослѣпленнаго Василька и основатель Галича въ княженіе Всеволода II. Ярославъ Владимірковичъ увеличилъ еще болѣе это новое

княжество и сдѣлалъ его страшнымъ для сосѣдей своихъ венгерцовъ и поляковъ. Но зато единственный сынъ его Владиміръ, вовсе не походилъ ни на отца своего, ни на дѣда. Причиною этого было баловство матери, которая сначала позволяла ему дѣлать всевозможныя шалости, а потомъ не могла уже и унять избалованнаго сына!

Нельзя описать всѣхъ безпорядковъ, какіе были при Владимірѣ, когда послѣ смерти отца онъ сдѣлался государемъ галицкимъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами, онъ предавался невоздержанію, веселился какъ безумный. Послѣ этого, вы можете представить себѣ, что при такомъ государѣ бояре могли дѣлать все, что хотѣли. Бѣдный народъ терпѣлъ ужасныя притѣсненія, началъ роптать и наконецъ взбунтовался. Но надобно сказать къ чести простого народа нашего, что никогда самъ онъ не забудетъ почтенія къ государю своему, а всегда какіе нибудь дурные люди научатъ его этому. Такъ случилось и въ Галичѣ. Самымъ близкимъ сосѣдомъ галичанъ былъ Романъ Мстиславичъ Волынскій, князь гордый, хитрый, властолюбивый. Безпрестанно слыша о безпорядкахъ Владиміра, онъ зналъ, что не трудно будетъ взбунтовать недовольный народъ и заставить его изгнать слабаго государя. Онъ надѣялся также, что галичане, сдѣлавъ это, изберутъ непремѣнно его княземъ своимъ.

Надежда его точно исполнилась. Владиміръ принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а Романъ Мстиславичъ тотчасъ призванъ былъ галичанами на престолъ его. Но это было ненадолго.

Венгерскій король Бела, такъ же какъ и Романъ, хотѣлъ завладѣть Галичемъ и послалъ туда съ войскомъ сына своего Андрея, который, выгнавъ князя Волынскаго, сдѣлался самъ королемъ галицкимъ. Несчастный же Владиміръ былъ посаженъ въ темницу въ Венгріи.

Но и царствованіе Андрея было непродолжительно. Всѣ князья южной Россіи съ досадою смотрѣли, что прекраснѣйшая область въ отечествѣ ихъ была въ рукахъ у чужеземцевъ; всѣ они бросились отнимать ее у венгровъ, но никто не успѣлъ въ этомъ, потому что всѣ они, по обыкновенію своему, перессорились. Андрей радовался

этимъ ссорамъ и уже думалъ спокойно владѣть чужою областію, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно лишился ея.

Владиміръ Ярославичъ Галицкій былъ посаженъ по приказанію венгерскаго короля въ высокую башню. Ему удалось однакожъ уйти оттуда въ окно по веревкамъ, свитымъ изъ простынь и занавѣсовъ кровати. Нѣмецкій императоръ Фридерикъ Барбарусса и польскій король Казимиръ Справедливый были его покровителями. Послѣдній даже далъ ему войско, чтобы выгнать венгровъ изъ Галича. Галичане радовались этому, потому что новый государь ихъ, Андрей, дѣлалъ имъ еще болѣе зла, нежели Владиміръ. Онъ и пріѣхавшіе съ нимъ венгры такъ презирали русскихъ, что даже въ церквахъ нашихъ дѣлали лошадиныя стойла! Послѣ этого, подумайте, могли ли они не радоваться возвращенію Владиміра? По крайней мѣрѣ онъ былъ одной съ ними вѣры.

Владиміръ, выгнавъ венгровъ, боялся другихъ искателей Галича и для того просилъ о покровительствѣ великаго князя Всеволода Георгіевича. Онъ писалъ ему такъ: «Будь моимъ отцомъ и государемъ, *я Божій и твой* и со всѣмъ Галичемъ, но *только твой;* тебѣ одному хочу повиноваться». Такія слова государя княжества знаменитаго были лестны для гордаго Всеволода, и онъ объявилъ себя защитникомъ его.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Владиміръ умеръ, не оставивъ дѣтей. Тогда-то ужасна была судьба несчастнаго княжества Галицкаго! Романъ Волынскій тотчасъ явился туда съ поляками, которыхъ выпросилъ на помощь себѣ у короля польскаго. Галичане, зная жестокій нравъ этого князя, умоляли сына Казимирова, чтобы онъ самъ управлялъ ими, или прислалъ намѣстника. Однакожъ онъ не согласился и силою сдѣлалъ Романа государемъ ихъ.

Еслибы бѣдные галичане знали это, то вѣрно не показали бы Роману, что такъ сильно ненавидѣли его: дорого заплатили они за эту ненависть! Съ самаго начала его княженія не проходило дня, чтобы кто нибудь изъ бояръ не былъ казненъ. Лучшихъ изъ нихъ онъ умерщвлялъ, зарывалъ живыхъ въ землю, разстрѣливалъ и потомъ присвоивалъ себѣ имѣнія ихъ. Любимая посло-

вица его была: «*Если хочешь ѣсть медъ, то надобно задавить пчелъ*». Послѣ этого я уже не буду разсказывать вамъ, читатели мои, каково было княженіе Романа. Вы сами поймете.

Страшный князь галицкій былъ жестокъ не только къ однимъ подданнымъ своимъ. Узнавъ, что тесть его и наслѣдникъ умершаго Святослава Кіевскаго, князь Рюрикъ Ростиславичъ, замышляетъ съ Олеговичами отнять у него Галичъ, Романъ собралъ войско свое скорѣе ихъ, явился въ Кіевѣ, покорилъ всѣхъ, и тесть его съ женою и дочерью ихъ, супругою Романа, очень не любимою имъ, были насильно пострижены и заключены въ одномъ изъ монастырей кіевскихъ.

Романъ Мстиславичъ, поступивъ такъ жестоко съ бѣдною супругою своею, женился на другой. Воюя безпрестанно съ сосѣдними народами и безпрестанно побѣждая ихъ, онъ такъ прославился своими завоеваніями, что волынскіе историки называютъ его *великимъ* и даже *самодержцемъ всей Руси*. Можетъ быть, стараясь загладить преступленія своей молодости раскаяніемъ и добрыми дѣлами, онъ такъ же, какъ и св. Владиміръ, заслужилъ бы подлинно это названіе *великаго*, но жизнь и счастіе его не были такъ продолжительны, и въ 1203 году онъ убитъ былъ въ сраженіи съ поляками. Молодая супруга его, оставшись вдовою съ двумя маленькими сыновьями, терпѣла много горя. Старшему изъ нихъ, Даніилу, наслѣднику Романа, было только четыре, младшему, Васильку, два года. Подумайте, читатели мои, что̀ могла сдѣлать слабая женщина съ двумя малютками противъ всѣхъ непріятелей князя галицкаго, которые съ нетерпѣніемъ ожидали случая отмстить ему!

Князья южной Россіи, и особенно постриженный князь кіевскій Рюрикъ, спѣшили воспользоваться смертію Романа Мстиславича, и явились въ Галичѣ. Съ другой стороны шли туда поляки. Испуганная княгиня съ обоими сыновьями бѣжала въ наслѣдственную область супруга своего, Владиміръ-Волынскій, но и тамъ пробыла недолго.

Князья сѣверскіе, сыновья Игоря, извѣстнаго несчастнымъ походомъ на половцевъ, сдѣлавшись съ общаго

согласія Олеговичей государями галицкими, требовали отъ владимірцовъ, чтобы они выдали имъ маленькихъ сыновей Романа или столица ихъ будетъ разрушена. Народъ хотѣлъ умертвить посла, привезшаго это извѣстіе, и просилъ княгиню надѣяться на его защиту; но нѣжная мать, страшась одной мысли потерять милыхъ дѣтей своихъ, не рѣшилась остаться вблизи враговъ и ночью бѣжала изъ дворца вмѣстѣ съ обоими сыновьями своими, съ дядькой старшаго, бояриномъ Мирославомъ и кормилицею младшаго. Съ ними былъ также и священникъ, вѣроятно духовникъ княгини, отецъ Юрій. Подойдя къ воротамъ городскимъ, несчастные бѣглецы нашли ихъ уже запертыми и принуждены были пролѣзть сквозь небольшое отверстіе развалившейся стѣны. Долго шли они пѣшкомъ до границъ Польши. Тамъ король Лешко Бѣлый ласково и дружески принялъ княгиню. Судьба несчастнаго семейства такъ тронула его, что онъ обѣщалъ ему всю возможную помощь и послалъ маленькаго Даніила съ письмомъ къ королю венгерскому Андрею. Въ этомъ письмѣ онъ напомнилъ Андрею дружбу къ нему Романа, отца Даніилова, и приглашалъ его вступиться за изгнанниковъ и возвратить имъ наслѣдственныя владѣнія ихъ. Андрей также очень ласково принялъ маленькаго князя, но ни тотъ, ни другой ничего не сдѣлали въ пользу его, потому что богатые подарки князей Сѣверскихъ, завладѣвшихъ Галичемъ, вскорѣ перемѣнили расположеніе Венгріи и Польши къ семейству Романа Мстиславича. Однакожъ вдова и сироты его жили при этихъ двухъ дворахъ, гдѣ мы ненадолго оставимъ ихъ, чтобы взглянуть на то, что дѣлается на сѣверѣ Россіи.

МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ ХРАБРЫЙ, КНЯЗЬ НОВГОРОДСКІЙ.

отъ 1212 до 1219 года.

(7 лѣтъ).

Великій князь Всеволодъ III имѣлъ много дѣтей, и по этой причинѣ предки наши называли его *Великимъ Гнѣздомъ*. Шесть сыновей его были: *Константинъ, Георгій, Ярославъ, Владиміръ, Святославъ* и *Іоаннъ*. Всѣхъ ихъ онъ любилъ съ одинаковою нѣжностію. Весело и богато праздновалъ онъ рожденіе каждаго изъ нихъ, но еще веселѣе и торжественнѣе *постриги* ихъ.

Это слово вѣрно непонятно для читателей нашихъ, и потому поспѣшимъ объяснить его.

Слово: *постриги* значило встарину праздникъ перваго обрѣзанія волосъ у мальчика, когда ему исполнится четыре года. Предки наши почитали это обрѣзаніе важнымъ обрядомъ: оно означало, что мальчикъ, которому при епископѣ, боярахъ и гражданахъ *стригли волосы*, и котораго потомъ *сажали на лошадь*, вступалъ въ званіе гражданина и воина. Чѣмъ знатнѣе были родители, чѣмъ нѣжнѣе они любили сына, тѣмъ богаче были *постриги* малютки. Но никто не давалъ такихъ пышныхъ пировъ при этомъ случаѣ, какъ Всеволодъ III. Онъ угощалъ тогда всѣхъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, прекрасными лошадьми, дорогими одеждами; дарилъ и бояръ своихъ мѣхами, позволялъ и народу пировать и веселиться на дворѣ княжескомъ.

Когда же всѣ сыновья великаго князя выросли, особенная любовь его примѣтна была ко второму сыну, Георгію. Онъ даже назначилъ наслѣдникомъ своимъ его, а не старшаго сына, Константина. Это подало причину къ ссорѣ между братьями, которая и открылась послѣ смерти отца. Примирителемъ ихъ былъ *Мстиславъ Мстиславичъ Храбрый*, князь знаменитый, добрый, великодушный. Дѣла его заслуживаютъ особеннаго вниманія, и

потому надобно разсказать исторію его нѣсколько прежде того времени, какъ онъ помирилъ двухъ братьевъ.

Вы видѣли, сколько безпорядковъ происходило въ продолженіе тридцати-семи-лѣтняго княженія Всеволода III; вы видѣли, что слабая нерѣшительность его не могла удержать въ повиновеніи князей южной Россіи, которые вовсе не считали его государемъ своимъ. Въ сѣверныхъ областяхъ власть его была гораздо дѣйствительнѣе, такъ что онъ могъ держать въ страхѣ безпокойныхъ новгородцевъ и по волѣ своей смѣнять князей ихъ. Гордые новгородцы славились богатою торговлею своею. Всеволодъ Георгіевичъ зналъ, что, препятствуя этой торговлѣ, всего скорѣе можно покорить сильный Новгородъ, и точно не ошибся! Какъ скоро онъ началъ мѣшать новгородскимъ купцамъ торговать по Россіи заморскими товарами, а чиновникамъ разъѣзжать по Двинской землѣ за податьми,—*вольные люди*, чтобы умилостивить хитраго князя, принуждены были выбрать государемъ своимъ одного изъ сыновей его, по имени Святослава. Всеволодъ только того и ждалъ,—и съ тѣхъ поръ начались несчастія Новгорода! Вмѣстѣ съ четырехлѣтнимъ Святославомъ Всеволодовичемъ пріѣхали въ Новгородъ опытные бояре владимірскіе, управлявшіе Новгородомъ подъ именемъ маленькаго князя. Много терпѣли несправедливостей и обидъ граждане новгородскіе отъ этихъ пріѣзжихъ бояръ, но не смѣли жаловаться, потому что боялись терпѣть еще болѣе. Надѣясь на Бога, они ожидали помощи отъ одного Его.

Эта надежда не обманула ихъ: къ нимъ явился защитникъ, сынъ прежняго, любимаго князя ихъ, знаменитаго Мстислава *Храбраго,* также Мстиславъ и также названный потомъ *храбрымъ* и *удалымъ.* Этотъ молодой князь, горячо любившій свое отечество, съ печалію смотрѣлъ на безпорядки, происходившіе во всѣхъ областяхъ его, и рѣшился употребить всѣ силы свои, чтобы поправить разстройство и примирить сколько можно князей. Дѣла было довольно для великодушнаго Мстислава Мстиславича: безпорядки были и въ Кіевѣ, и въ Галичѣ, и въ Новгородѣ. Прежде всего онъ отправился въ этотъ послѣдній городъ, объявилъ себя защитникомъ новгородцевъ,

которые, съ восторгомъ принимая новаго государя, называли его своимъ спасителемъ, отцомъ, своимъ воскресшимъ Ярославомъ! Онъ усмирилъ бояръ владимірскихъ и отправилъ ихъ вмѣстѣ съ маленькимъ Святославомъ къ великому князю. Потомъ защитилъ земли новгородскія отъ нападеній нѣмецкихъ рыцарей и литовцевъ, принудилъ чудь заплатить обыкновенную дань ея Новгороду, и наконецъ, приведя все въ порядокъ, объявилъ на вѣчѣ, что онъ долженъ идти въ южную Россію, гдѣ жадные венгры, поляки и Олеговичи безжалостно мучили бѣдныхъ жителей.

Новгородцы со слезами разстались съ незабвеннымъ княземъ, благодѣтелемъ отечества ихъ, и призвали на престолъ свой зятя его, Ярослава Всеволодовича. Но какъ онъ былъ не похожъ на добраго и благороднаго тестя своего! Ярославъ думалъ, что одна строгость можетъ удержать въ повиновеніи безпокойныхъ новгородцевъ и довелъ эту строгость до такой жестокости, что во время случившагося тамъ голода выѣхалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Торжокъ и не послалъ въ столицу новгородскую ни одного воза съ хлѣбомъ. Добрый Мстиславъ Мстиславичъ, услышавъ о дѣлахъ зятя, пріѣхалъ утѣшить новгородцевъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ помирить ихъ съ Ярославомъ, но этотъ строгій князь не хотѣлъ и слышать о мирѣ. Въ то время отца его, великаго князя Всеволода III, уже не было на свѣтѣ, а у двухъ старшихъ братьевъ, *Константина* и *Георгія,* началась ссора за престолъ великокняжескій. Войско Георгія было многочисленнѣе, и всѣмъ казалось, что побѣда будетъ на его сторонѣ. Онъ обѣщалъ помогать и меньшему брату своему Ярославу въ войнѣ его съ Мстиславомъ и новгородцами, но въ то же время и Мстиславъ обѣщалъ возвести Константина на престолъ великокняжескій, если онъ поможетъ ему усмирить зятя. Константинъ Всеволодовичъ явился съ полками своими. Сначала благоразумный Мстиславъ старался всѣми силами уговорить князей не начинать войны междоусобной, которая бываетъ всегда величайшимъ зломъ для государства; просилъ ихъ ласково

признать великимъ княземъ старшаго брата и возвратить новгородцамъ взятые у нихъ Ярославомъ города. Но гордые князья съ насмѣшкою отвѣчали, что они съ своими храбрыми суздальцами могутъ противиться всѣмъ русскимъ вмѣстѣ, а новгородцевъ *закидаютъ и одними сѣдлами*. Послѣ такого дерзкаго отвѣта они созвали къ себѣ въ шатры воеводъ своихъ, приказали имъ не щадить въ битвѣ никого, но убивать всѣхъ безъ разбора и, думая непремѣнно завоевать всю Русь, уже дѣлили ее между собою. Георгій назначилъ письменнымъ договоромъ, какія области останутся братьямъ его, какія останутся за нимъ, и, окончивъ эти распоряженія, послалъ сказать Мстиславу и Константину, что онъ и братъ его, Ярославъ, хотятъ сражаться съ ними на Липецкомъ полѣ.

Замѣтьте, милые читатели, какъ Богъ всегда наказываетъ людей гордыхъ и слишкомъ надѣющихся на себя! Георгій и Ярославъ пришли на Липецкое поле, думая непремѣнно побѣдить непріятелей своихъ и вмѣсто того были побѣждены сами! Новгородцы и полки Константиновы, подъ начальствомъ героя Мстислава, показали рѣдкую храбрость. Непріятели вскорѣ побѣжали отъ нихъ и на каждомъ шагу оставляли мертвыхъ: побѣдители гнались за ними, не щадя никого. Ярославъ ушелъ въ свой Переяславскій удѣлъ и въ гнѣвѣ умертвилъ тамъ многихъ купцовъ новгородскихъ, а Георгій прискакалъ во Владиміръ. Напрасно умолялъ онъ владимірцевъ защитить его: спустя два дня пришелъ къ нимъ Мстиславъ, и все покорилось ему и Константину. Георгій, выѣзжая изъ столицы, съ горестію жаловался на Ярослава и винилъ его во всемъ несчастіи своемъ.

Но доброму Константину горестно было видѣть въ изгнаніи брата: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ призвалъ его къ себѣ и, чувствуя свое слабое здоровье, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ.

Между тѣмъ храбрый Мстиславъ во второй разъ простился съ новгородцами. Хотите ли послушать, какъ говорили тогда князья новгородскіе съ своими подданными на вѣчѣ ихъ? Вотъ немногія слова Мстислава: «Клянусь

святой Софіи [1]), гробу отца моего и вамъ, добрые новгородцы! Чужіе народы владѣютъ знаменитымъ княжествомъ Галицкимъ: я хочу изгнать ихъ. Но васъ не забуду и желаю, чтобы кости мои лежали у св. Софіи, тамъ, гдѣ покоится родитель мой!»

Онъ точно исполнилъ свое намѣреніе и, вскорѣ по пріѣздѣ въ Галичъ, развѣялъ какъ пыль многочисленныхъ враговъ этой несчастной земли. Главными изъ нихъ были венгры и поляки, которые, убивъ самымъ жестокимъ образомъ Игоревичей, посадили на престолъ ихъ двухъ соединенныхъ бракомъ дѣтей: *Коломана*, сына короля венгерскаго, и *Соломею*, дочь короля польскаго.

Такимъ образомъ венгры и поляки уже совсѣмъ завладѣли наслѣдствомъ дѣтей Романа Мстиславича, короновали Коломана и Соломею, какъ короля и королеву галицкихъ, и между тѣмъ бояре ихъ управляли, какъ хотѣли, дѣлами государственными. Своевольство ихъ дошло наконецъ до того, что они хотѣли перемѣнить и греческую вѣру галичанъ на латинскую, и уже выгнали нашихъ священниковъ и принуждали всѣхъ русскихъ сдѣлаться католиками. Вотъ это притѣсненіе православной вѣры нашей заставило Мстислава Храбраго поспѣшить какъ можно скорѣе на помощь къ бѣдному народу галицкому.

Для героя, прославившагося дѣлами необыкновенными, не трудно было побѣдить разстроенное войско венгровъ, не имѣвшихъ опытнаго начальника, унять своевольныхъ бояръ и взять въ плѣнъ маленькихъ государей ихъ. Галичане, благословляя своего избавителя, называли его своимъ *краснымъ солнышкомъ*, а епископы русскіе, возвращенные имъ на родину, возвели его на престолъ галицкій.

Но вы, вѣрно, ожидали, что добрый и справедливый Мстиславъ отдастъ это княжество Даніилу, законному наслѣднику Романа, и это желательно было бы потому, что

---

[1]) Въ Новгородѣ была главная церковь во имя св. Софіи, покровительницы этого княжества. Она существуетъ и до сихъ поръ.

Даніилъ, еще будучи ребенкомъ, подавалъ отличными качествами своими прекрасную надежду быть со временемъ княземъ знаменитымъ. Но Мстиславъ имѣлъ тотъ недостатокъ, который имѣютъ почти всѣ добрые и откровенные люди: онъ былъ легковѣренъ и, никогда не умѣя лгать, думалъ, что и всѣ люди говорятъ правду. Хитрые бояре галицкіе, подкупленные венграми, старались воспользоваться этою слабостію и увѣрили его, что народъ не любитъ Даніила, и что миръ съ королемъ венгерскимъ гораздо выгоднѣе для Галича, нежели война съ нимъ. Мстиславъ сожалѣлъ объ этомъ, потому что любилъ Даніила и даже отдалъ за него дочь свою; но чтобы не ссориться съ венграми, не только отпустилъ въ Венгрію *Коломана* и *Соломею,* но и сговорилъ другую дочь свою за меньшого сына короля венгерскаго и обѣщалъ дать за нею въ приданое Галичъ. Это была важная ошибка Мстислава, ошибка, которая причинила вскорѣ новыя бѣды галичанамъ.

Даніилъ Романовичъ, уважая тестя, не роопталъ на него и остался княземъ только въ Волыни.

Семейство великаго князя Всеволода III Георгіевича:

Супруга неизвѣстна.

Сыновья: 1) Константинъ. 2) Георгій. 3) Ярославъ. 4) Владиміръ. 5) Святославъ. 6) Іоаннъ.

НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

ОТЪ 1219 ДО 1238 ГОДА.

(19 лѣтъ).

Если, читая эту исторію, вы, милыя дѣти, часто жалѣли о несчастіяхъ бѣднаго отечества нашего; если васъ, точно, огорчало то, что должны были терпѣть добрые предки наши, то вы вдвое болѣе будете огорчены теперь: ни злые кудесники, ни дикіе печенѣги и половцы, ни

появившіеся вновь литовцы и нѣмецкіе рыцари, ни ссоры князей и ненависть ихъ другъ къ другу—не причинили столько бѣдъ землѣ Русской, какъ ужасное, неслыханное несчастіе, которое въ исторіи нашей называется *нашествіемъ татаръ!* Вы живете въ самое счастливое время Россіи: вы веселитесь ея успѣхами, гордитесь великимъ государемъ нашимъ, который съ отеческою любовію заботится о счастіи своихъ подданныхъ, — и такъ, вы не можете судить, не можете понять, что испытали бѣдные предки наши подъ властію жестокихъ варваровъ, ихъ покорившихъ! Одна мысль, что Богъ наказываетъ въ здѣшней жизни только тѣхъ людей, которыхъ, по человѣколюбію своему, хочетъ сдѣлать лучшими, могла поддержать ихъ въ страданіяхъ и спасти отъ совершенной погибели въ продолженіе этого ужаснаго, болѣе двухъ сотъ лѣтъ продолжавшагося бѣдствія! Пусть же эта мысль о любви Божіей и о нынѣшнемъ счастіи нашемъ будетъ утѣшать насъ при чтеніи о прошедшихъ бѣдствіяхъ нашей милой родины.

Въ то время татары вовсе не походили на смирныхъ и честныхъ потомковъ ихъ, спокойно живущихъ теперь въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній, напримѣръ: Тобольской, Казанской, Таврической. Нѣтъ! то были грубые, полудикіе, безчеловѣчные воины, жившіе въ Азіи, къ югу отъ Иркутска, въ нынѣшней Татаріи Китайской, питавшіеся звѣриною ловлею, скотоводствомъ и грабежемъ. О природной жестокости ихъ вы можете судить по слѣдующему разсказу, взятому изъ дѣтства самаго знаменитаго *хана* или царя ихъ, Темучина.

Онъ остался тринадцати лѣтъ послѣ смерти отца своего, Езукая Багадура. Подданные его вдругъ взбунтовались противъ хана-ребенка. Что же сдѣлалъ этотъ ребенокъ, этотъ тринадцати-лѣтній Темучинъ? Онъ собралъ войско, усмирилъ бунтовщиковъ и приказалъ ихъ сварить живыхъ въ семидесяти котлахъ кипящей воды! Одинъ такой поступокъ показываетъ вамъ всѣ ужасныя свойства народа, у котораго даже дѣти были такъ злы и безжалостны!

Этотъ молодой Темучинъ болѣе всѣхъ другихъ хановъ прославился завоеваніями и побѣдами: онъ покорилъ

не только многія сосѣдственныя орды [1]) татарскія, монгольскія и киргизскія, но даже былъ и въ Китаѣ, и сжегъ главный городъ китайцевъ—Пекинъ. Подданные Темучина почитали его человѣкомъ необыкновеннымъ, посланнымъ къ нимъ отъ Бога для прославленія ихъ царства. Эта мысль еще болѣе утвердилась въ нихъ съ тѣхъ поръ, какъ явился къ нимъ какой-то мнимый пророкъ или колдунъ, вѣроятно подкупленный ханомъ, и объявилъ всему народу и войску татарскому, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю и повелѣваетъ ему называться впредь *Чингисъ-ханомъ* или *Великимъ-ханомъ.* Послѣ такого объявленія Темучинъ или Чингисъ-ханъ ужъ не встрѣчалъ болѣе непріятелей между татарскими народами: всѣ они почитали за грѣхъ противиться повелѣнію Божію. Не находя болѣе противниковъ въ Азіи и все еще желая увеличивать свою славу, Чингисъ-ханъ пошелъ въ 1223 году къ странамъ западнымъ,—и тѣмъ рѣшилъ судьбу Россіи!

Недалеко отъ береговъ Каспійскаго моря полководцы Чингисъ-хана встрѣтили половцевъ, разбили ихъ и гнались за ними до самыхъ границъ нашихъ. Побѣжденные половцы убѣжали въ Кіевскую область, и въ числѣ ихъ былъ ханъ Котянъ, тесть Мстислава Храбраго [2]). Этотъ ханъ встревожилъ всю Россію своими разсказами о страшныхъ татарахъ, умолялъ князей идти противъ нихъ, увѣряя, что если они не сдѣлаютъ этого, то татары придутъ и въ Русскую землю, такъ же какъ пришли въ половецкую.

Князья наши, всегда любившіе войну и славу, не съ страхомъ, но съ жадностію слушали разсказы стараго Котяна; имъ хотѣлось летѣть навстрѣчу новыхъ, еще невиданныхъ враговъ, и вотъ самые храбрые изъ нихъ: Мстиславъ Галицкій, Мстиславъ Черниговскій и Мстиславъ Кіевскій, со многими молодыми князьями, не согласившись съ старшими, безразсудно пошли искать татаръ! Въ то время великаго князя Константина Всеволодовича

---

[1]) *Орда* значитъ у татаръ кочующее племя народовъ ихъ.

[2]) Не одинъ Владиміръ, сынъ Игоря Сѣверскаго, но и многіе другіе князья наши были женаты на княжнахъ половецкихъ.

уже не было на свѣтѣ и престолъ владимірскій принадлежалъ брату его, Георгію II. Георгій, воюя съ камскими болгарами, побѣждая ихъ и основывая новые города [1]) въ мѣстахъ завоеванныхъ, не могъ участвовать въ походѣ южныхъ князей.

На Днѣпрѣ смѣльчаки встрѣтили пословъ татарскихъ. Они еще не начинали ссоры и, напротивъ того, приглашали князей нашихъ бить, вмѣстѣ съ ними, половцевъ, которыхъ татары называли своими *рабами* и *конюхами*. Но князья какъ будто сами желали своей погибели: они думали, что мирныя предложенія татаръ происходятъ отъ трусости, и съ гордостію отвергли ихъ. Молодой князь волынскій, Даніилъ, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, Мстиславомъ Храбрымъ, первые бросились на показавшійся отрядъ непріятельскій и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далѣе минутныхъ побѣдителей: они переправились со всѣмъ войскомъ за Днѣпръ и девять дней шли до рѣки Калки [2]). Здѣсь-то, на берегахъ этой несчастной для русскихъ рѣки, начались бѣдствія отечества нашего; здѣсь-то, 31-го мая 1224 года, предки наши претерпѣли ужасное пораженіе, отъ котораго не спасли ихъ храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимаго Даніила Волынскаго! Этотъ герой въ жару сраженія не чувствовалъ раны, полученной въ грудь, и продолжалъ бить татаръ. Все прекрасное войско наше исчезло: шесть князей и семьдесятъ славныхъ богатырей были убиты! Едва десятая часть спаслась бѣгствомъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Галицкимъ и Даніиломъ Волынскимъ.

Побѣдители преслѣдовали побѣжденныхъ до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селеній, чтобы смягчить враговъ своихъ покорностію, выходили къ нимъ на встрѣчу съ образами и крестами, но у татаръ было правиломъ,

---

[1]) Въ это время Георгій II Всеволодовичъ основалъ тамъ, гдѣ сливаются рѣки *Волга* и *Ока*, *Нижній-Новгородъ*, знаменитый въ наше время славною ярмаркою, которая бываетъ тамъ каждый годъ въ августѣ мѣсяцѣ.

[2]) Эта рѣка называется теперь *Калецомъ* и течетъ по Екатеринославской губерніи, близъ Маріуполя.

что *побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей.* Слѣдуя этому правилу, жестокіе татары убивали всѣхъ, кого встрѣчали, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни даже дѣтей! Народъ во всей южной Россіи былъ въ ужасѣ: ожидая неминуемой смерти, всѣ молились Богу въ церквахъ и дома, — и Милосердый сжалился надъ слезами христіанъ, и еще на нѣсколько лѣтъ отсрочилъ погибель ихъ: полководцы татарскіе вдругъ получили повелѣніе отъ Чингисъ-хана возвратиться къ нему въ Азію.

Нельзя описать той радости, какую почувствовали русскіе, услышавъ, что страшные враги удалились отъ отечества ихъ! Не зная, откуда они приходили и куда ушли, всѣ почитали ихъ наказаніемъ небеснымъ, и народъ, къ несчастію, скоро забылъ это наказаніе! Двѣнадцать лѣтъ не было слуху о татарахъ, и князья русскіе, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ временемъ и соединенными силами укрѣпить свое разстроенное государство, продолжали свое несогласіе. Двое изъ нихъ, Михаилъ Черниговскій и Ярославъ Всеволодовичъ, — уже извѣстный читателямъ нашимъ — братъ великаго князя, ссорился за Новгородъ: непостоянные новгородцы избирали то одного изъ нихъ, то другого. Наконецъ утвердился тамъ Ярославъ, имѣвшій гораздо болѣе правъ на эту безпокойную область и по той храбрости, съ которою онъ защищалъ ее отъ нападеній литовцевъ и нѣмецкихъ рыцарей, и по тому усердію, съ которымъ старался загладить прежнюю жестокость свою къ новгородцамъ. Однакожъ княженіе его у нихъ было непродолжительно: въ 1236 году онъ призванъ былъ на престолъ кіевскій. Княземъ же новгородскимъ остался сынъ его, молодой *Александръ Ярославичъ,* который прославился потомъ знаменитыми дѣлами, заслужилъ имя *Невскаго,* и еще болѣе—заслужилъ небесный вѣнецъ *святого!*

Великій князь Георгій II, усмиривъ болгаръ, жилъ спокойно въ Владимірѣ и, слѣдуя примѣру отца своего, не вмѣшивался въ ссоры князей, не старался усмирять непокорныхъ изъ нихъ, ни мирить несогласныхъ. Время

отъ времени ходилъ онъ воевать съ мордвою. Это былъ народъ, жившій недалеко отъ камскихъ болгаръ, по берегамъ Волги.

Мстиславъ Галицкій, послѣ несчастнаго сраженія при Калкѣ, уже не могъ называться *Удалымъ:* уныніе совершенно перемѣнило нравъ его: онъ сдѣлался слабымъ, недовѣрчивымъ, позволилъ вельможамъ галицкимъ управлять собою, позволилъ имъ даже оклеветать добраго, благороднаго зятя своего, Даніила Волынскаго, и, повѣривъ клеветѣ ихъ, поссорился съ нимъ. Во время этой ссоры онъ исполнилъ обѣщаніе, давно данное королю венгерскому; отдалъ дочь свою и престолъ галицкій сыну его, а себѣ оставилъ только небольшую *Подольскую* область. Великодушный, вѣрный слову своему Мстиславъ скоро раскаялся въ поступкѣ своемъ: венгерскій королевичъ отплатилъ ему неблагодарностію, а добрый Даніилъ оставался вѣрнымъ сыномъ его и во время ссоры ихъ, и тогда, какъ уже открылась клевета бояръ. Обманутый, унылый Мстиславъ не могъ долго переносить жизнь безславную и скончался въ 1228 году.

Смерть его подала новую причину къ ссорамъ. Даніилъ и Михаилъ Черниговскій спорили съ венгерскимъ королевичемъ за Галичъ, который наконецъ, по смерти королевича, достался Михаилу. Даніилъ просилъ великаго князя и брата его, Ярослава Всеволодовича Кіевскаго, помочь ему возвратить наслѣдственную область и, получивъ ласковое обѣщаніе ихъ, надѣялся наконецъ быть счастливымъ государемъ въ милой родинѣ своей, какъ вдругъ всѣ княжества снова встревожились, всѣ люди снова съ ужасомъ услышали страшную вѣсть о врагахъ, которыхъ почти забыли: наступилъ 1237 годъ и—съ нимъ бѣдствіе нашего отечества!

Чингисъ-ханъ умеръ въ 1227 году. Онъ завѣщалъ сыну и наслѣднику своему *Октаю* окончить послѣ него завоеваніе всего свѣта и *мириться только съ побѣжденными народами!* Октай такой же злой, какъ и отецъ его, спѣшилъ исполнить это приказаніе: онъ покорилъ самъ всѣ страны, лежавшія вблизи его государства, а племянника своего, Батыя, и съ нимъ 300,000 воиновъ послалъ за-

воевать сѣверные берега моря Каспійскаго и другія, сосѣднія съ ними земли. Эти *другія земли* были—русскія.

Батый въ 1237 году былъ уже въ Камской Болгаріи и разорилъ столицу болгаровъ — *Великій-городъ*. Едва эта вѣсть успѣла дойти до русскихъ, какъ уже татары были въ Рязанской области и послали нашимъ князьямъ двухъ пословъ и какую-то *колдунью*, которые объявили, что если русcскіе хотятъ остаться живы, то чтобъ были данниками и рабами татаръ, и тотчасъ же прислали бы къ нимъ десятую часть всего имѣнія ихъ. Князья удивились такой дерзости и гордо отвѣчали: «Пока мы живы, ничего не дадимъ; если же не будетъ насъ, тогда все возьмите»

Послѣ такого благороднаго отвѣта князьямъ слѣдовало бы забыть несогласія свои, думать объ одномъ спасеніи отечества и всѣми соединенными силами ударить на враговъ,—но они не сдѣлали этого, они безчеловѣчно отказывали другъ другу въ помощи, и за то пострадали, пострадали ужасно!

Рязань, напрасно ожидавшая защиты отъ великаго князя Георгія, погибла первая. Несчастные жители защищались пять дней, не сходя съ городской стѣны; въ шестой — татары ворвались въ городъ, убивая безъ всякаго милосердія всѣхъ встрѣчавшихся имъ людей: они не пощадили ни князя, ни супруги, ни матери его! Варвары распинали плѣнниковъ, связывали имъ руки, стрѣляли въ нихъ, какъ въ цѣль, для забавы, жгли священниковъ, обращали въ пепелъ всѣ домы и монастыри! Однимъ словомъ, невозможно описать всѣхъ ужасовъ, тогда происходившихъ! Небольшое повѣствованіе о нихъ есть въ стихотвореніяхъ Языкова: это разсказъ о славной смерти одного изъ бояръ рязанскихъ, *Евпатія Коловрата*. Во время бѣдствія Рязани онъ былъ съ однимъ изъ князей рязанскихъ въ Черниговѣ. Тамъ услышалъ онъ о нашествіи татаръ и о гибели Рязани. Исполненный пламеннаго желанія отмстить безчеловѣчнымъ непріятелямъ, Евпатій съ избранною дружиною бросился вслѣдъ за татарами, догналъ и разбилъ задніе полки ихъ, такъ что испуганные татары думали, не ожили ли мертвецы рязанскіе и не они ли гнались за ними. Но эта отчаянная храбрость не при-

несла никакой пользы русскимъ: Евпатій и горсть его неустрашимыхъ товарищей пали подъ ударами безчисленнаго множества татаръ. Вотъ стихи Языкова, вы увидите въ нихъ подробный разсказъ о знаменитомъ подвигѣ Евпатія:

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?
Въ рязанскія стѣны вломились татары!
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражались съ насиліемъ честь:
Но все побѣдили Батыевы рати:
Нашъ градъ—пепелище и князь нашъ убитъ!»
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ
И, страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

«О витязь! я видѣлъ сей день роковой:
Багровое пламя весь градъ обхватило.
Какъ башня спрямилось, какъ буря завыло;
На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой,
И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій
Въ дыму заглушили звенящій булатъ—
Все пало... и небо стерпѣло сей адъ!»
Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночного тумана—
То грозная рать побѣдителя хана
Покоится, тихи воитель и конь:
Лишь изрѣдка, черной тревожимый грезой,
Татаринъ впросонкахъ съ собой говоритъ,
Иль, вздрогнувъ, безмолвный подниметъ свой щитъ,
Иль схватитъ свое боевое желѣзо.

Вдругъ... что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ?
«На битву, на битву!» взываютъ татары.
Откуда-жъ свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло въ крови и въ огнѣ?
Отчизна, отчизна! подъ латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертваго руку подъемлетъ оно
Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипитъ и шумитъ,
Почуя внезапный набѣгъ урагана:
Шумятъ и волнуются ратники хана:
Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ,
Толпы за толпами, какъ тучи густыя,

Дружину отважныхъ стѣсняютъ кругомъ;
Сто копій сражаются съ русскимъ копьемъ:
И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣетъ ночного тумана покровъ,
Утихла долина убійства и славы.
Кто сей на долинѣ убійства и славы
Лежитъ, окруженный тѣлами враговъ?
Уста ужъ не кличутъ безтрепетныхъ братій.
Ужъ кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ,
А длань еще держитъ кровавый булатъ:
Сей падшій воитель свободы—Евпатій!

Татары, разоривъ Рязань, шли далѣе къ Владиміру. Дорогою Батый сжегъ Москву, взялъ въ плѣнъ сына великаго князя Владиміра, умертвилъ воеводу московскаго и почти всѣхъ жителей. Тогда-то гордый великій князь, слишкомъ много полагавшійся на свои силы, ужаснулся и, поручивъ столицу двумъ сыновьямъ своимъ Всеволоду и Мстиславу, удалился въ Ярославскую область, на берега рѣки Сити, собирать ополченіе на враговъ.

2-го февраля 1238 года татары пришли къ Владиміру и скоро приготовили всѣ нужныя для приступа орудія и лѣстницы. Князья и бояре увидѣли погибель свою, но не хотѣли просить постыднаго мира у варваровъ: они рѣшились умереть со славою. Супруги ихъ были достойны такихъ героевъ и думали точно также. Въ то время, какъ князья отдавали послѣднія приказанія свои на городской стѣнѣ и ободряли бѣдныхъ жителей, княгини ихъ съ дѣтьми своими и всѣмъ дворомъ собрались въ церкви Богоматери и просили епископа посхимить ихъ. Посхимленіе есть такой обрядъ, который дѣлается надъ принявшими монашество тогда, когда они хотятъ совсѣмъ отказаться отъ свѣта и даже не говорить ни съ кѣмъ изъ людей: это все равно, что за-живо умереть. Семейство великаго князя и знаменитые вельможи его желали такой смерти: они простились съ жизнію, со всѣми друзьями, отказались даже отъ утѣшенія видѣть другъ друга — потому что лица схимниковъ бываютъ завѣшаны покрывалами—и молили Бога только о прощеніи грѣховъ своихъ и о спасеніи отечества.

7-го февраля, послѣ заутрени, татары начали приступъ и скоро ворвались въ городъ. Все падало передъ ними, и бѣдные затворившіеся въ церкви схимники не могли умереть спокойно: злые татары вломились и къ нимъ; ограбили всѣ драгоцѣнности съ образовъ, всѣ богатыя одежды княжескія, которыя сберегались въ ризницѣ: изъ людей они обыкновенно большую часть убивали, немногихъ брали въ плѣнъ, и эти немногіе, непокрытые одеждою, умирали на дорогѣ отъ жестокаго мороза.

Георгій, услышавъ о гибели столицы и всего семейства своего, горько заплакалъ и молилъ Бога послать ему твердость перенести такое несчастіе. Въ то же время онъ услышалъ, что татары продолжали ужасный походъ свой и уже разорили Костромскій Галичъ, Ростовъ, Ярославъ, Переяславль, Юрьевъ и Дмитровъ. Въ мартѣ они дошли до Сити, гдѣ стоялъ съ войскомъ великій князь. Онъ палъ въ первой битвѣ и татары взяли въ плѣнъ племянника его, Василька Константиновича. Богъ знаетъ отчего, — только этотъ молодой князь понравился безчеловѣчнымъ татарамъ. Они не только не хотѣли убить его, но даже предлагали ему быть другомъ ихъ и воевать подъ начальствомъ Батыя. Вы вѣрно догадаетесь, друзья мои, что Василько не согласился на это предложеніе?— «Нѣтъ!» отвѣчалъ этотъ безстрашный князь, — «враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями! Злодѣи! Есть Богъ, и когда нибудь и вы погибните!» Эти смѣлыя слова привели въ такую ярость татаръ, что они тотчасъ же закололи Василька и бросили въ лѣсъ. Тѣло несчастнаго князя было найдено потомъ русскими и положено въ одной могилѣ съ Георгіевымъ.

Между тѣмъ Батый все шелъ далѣе по Россіи, къ Новгороду, покоряя своей власти всѣ города, лежавшіе по дорогѣ его. Новгородцы уже ожидали погибели своей, потому что уже не на кого было надѣяться, но судьба спасла ихъ: за сто верстъ до столицы, окруженной болотами и лѣсами, Батый вдругъ поворотилъ назадъ къ сторонѣ Калуги. Тутъ пришелъ онъ къ небольшому городку Козельску, въ которомъ былъ тогда государемъ какой-то еще малолѣтній князь Василій. Казалось, что та-

тарамъ не много будетъ дѣла у такого ничтожнаго городка; но вотъ что̀ значитъ вѣрность и мужество подданныхъ: послушайте и подивитесь жителямъ Козельска! Они посовѣтовались между собою и рѣшились, какъ настоящіе русскіе, всѣ умереть за своего князя, хотя этотъ князь еще былъ младенецъ! «Мы оставимъ по себѣ добрую славу», говорили эти достойные люди, «и за гробомъ будемъ безсмертны!» Такъ они и сдѣлали. Цѣлыя семь недѣль татары осаждали крѣпость ихъ и не прежде взошли на валъ, какъ разбивъ стѣны особенными орудіями. Но и на валу жители дрались съ ними до послѣдней крайности, положили на мѣстѣ 4,000 татаръ и легли на убитыхъ врагахъ. Татары удивились такой храбрости, и съ досады на нее назвали Козельскъ *злымъ* городомъ, а изъ жителей его не оставили въ живыхъ ни одного человѣка! Но они живы въ исторіи, живы въ сердцахъ всѣхъ русскихъ и, безъ всякаго сомнѣнія, живы на небесахъ, въ лучахъ того безсмертія, котораго желали.

Послѣ злодѣйствъ въ Козельскѣ, Батый оставилъ наконецъ Русь и пошелъ въ землю половецкую.

Семейство великаго князя Георгія II Владиміровича:

Супруга: Дочь великаго князя Всеволода II.
Сыновья: 1) Владиміръ. 2) Всеволодъ. 3) Мстиславъ.

РОССІЯ ПОКОРЕННАЯ.

ОТЪ 1238 ДО 1243 ГОДА.

(5 лѣтъ).

Уныло стояли развалины городовъ и селеній, чрезъ которые прошелъ ужасный Батый! Печально дымились обгорѣлыя стѣны ихъ; страшно лежали по пустымъ улицамъ мертвецы непогребенные; боязливо прятались, гдѣ только могли, живые, лишенные всего, что было дорого для сердецъ ихъ! Это печальное состояніе отечества нашего прекрасно описанно въ «Пѣсни Барда во время владычества татаръ въ Россіи» Языкова:

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
Баяновъ струны золотыя,
Пѣвицы вольности и славы и побѣдъ,
Народу русскому родныя?

Бывало: ратники лежатъ вокругъ огней
По брегу свѣтлаго Дуная,
Когда тревога боевая
Молчитъ до утреннихъ лучей.
Вдали—туманомъ покровенный
Станъ грековъ, и надъ нимъ грозна,
Какъ щитъ въ бою окровавленный,
Восходитъ полная луна!

И тихій сонъ во вражьемъ станѣ;
Но тамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,
Тамъ, вдохновенный, на курганѣ,
Поетъ дѣянья праотцовъ—
И персты вѣщіе летаютъ
По звонкимъ пламеннымъ струнамъ,
И взоры воиновъ сверкаютъ,
И рвутся длани ихъ къ мечамъ!

На утро солнце лишь возстало—
Проснулся дерзостный булатъ:
Валятся греки—рядъ на рядъ,
И ихъ полковъ какъ не бывало!
И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.

Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы... намъ долго цѣпи влечь!
Столѣтья [1]) протекутъ—и русскій мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья [2])
Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.

---

[1]) Татарское иго бременило Россію почти три столѣтія: отъ несчастнаго сраженія при рѣкѣ Калкѣ до сраженія при рѣкѣ Непрядвѣ, гдѣ храбрый Димитрій Донской разбилъ Мамая.

[2]) Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ. *(Ист. Гос. Росс., Т. IV, стр. 16).* Отъ временъ Василія Ярославича (періодъ самый ужаснѣйшій) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство. *(Тамъ же, Т. V, стр. 370).*

Теперь вотще младый баянъ
На голосъ предковъ запѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ
И онъ, дрожащею рукой
Поднявъ холодныя желѣзы,
Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы,
Съ неисцѣлимою тоской!

Таково было состояніе отечества и предковъ нашихъ, когда братъ послѣдняго великаго князя Георгія, *Ярославъ Владиміровичъ*, какъ законный наслѣдникъ его, пріѣхалъ въ прежній счастливый, но теперь уже не походившій на столицу Владиміръ! Больно было смотрѣть новому государю на несчастіе народа любимаго, но онъ зналъ, что не слезы освобождаютъ насъ отъ бѣдъ: всего нужнѣе тогда мужество и терпѣніе, и Ярославъ спѣшилъ показать въ нихъ примѣръ своимъ подданнымъ! Онъ приказалъ скорѣе погребать мертвыя тѣла, чтобы не сдѣлалось отъ гніенія ихъ заразительности въ воздухѣ, вызывалъ людей, убѣжавшихъ въ лѣса и мѣста отдаленныя; занимался дѣлами государственными; однимъ словомъ, старался всѣми средствами ободрять народъ и показать ему, что онъ не потерялъ еще надежды на славу и счастіе.

Батый ненадолго оставлялъ Россію: онъ хотѣлъ только завладѣть землею половцевъ. Чрезъ годъ онъ уже навсегда прогналъ оттуда въ Венгрію знаменитаго хана ихъ Котяна съ 40,000 воиновъ, и пришелъ въ южныя области наши съ тою же злобою, съ тѣмъ же звѣрствомъ, съ какими былъ онъ за годъ до того въ сѣверныхъ. Города: Муромъ, Гороховецъ, Переяславль, Черниговъ погибли точно такъ же, какъ Суздаль, Владиміръ, Рязань, Ростовъ, Ярославль!

Драгоцѣнный, святый для сердца русскаго Кіевъ, эта старинная столица и *мать городовъ* нашихъ, еще оставалась цѣлою; но слухъ о сокровищахъ церквей и дворцовъ ея, о богатствѣ жителей и многочисленности ихъ уже давно дошелъ до Батыя, и въ 1240 году онъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ своимъ войскомъ. Еще издали любовались варвары прекраснымъ положеніемъ города на крутомъ берегу гордаго Днѣпра, зелеными садами

его, бѣлою стѣною съ высокими башнями и воротами; но они не только любовались, вмѣстѣ съ тѣмъ они и радовались богатой добычѣ!

Во время этой радости татаръ какой страхъ, какой ужасъ былъ въ Кіевѣ! Князь его Михаилъ бѣжалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Венгрію, какъ скоро услышалъ о приближеніи Батыя! Даніилъ Галицкій, заступившій мѣсто его, зная, что съ небольшимъ войскомъ нельзя одолѣть великую силу татаръ, рѣшился также уѣхать къ королю венгерскому просить его помощи. Защиту Кіева поручилъ онъ искусному и храброму боярину Димитрію.

Но ни искусство и храбрость его, ни отчаянное мужество жителей, рѣшившихся умереть за вѣру и отечество, не спасли Кіева, и 9-го мая онъ былъ взятъ послѣ двухдневной осады. Кіевляне не сдавались до послѣдней крайности: даже внутри города сдѣлали наскоро заборъ около Десятинной церкви; бились еще тамъ, и почти всѣ легли на мѣстѣ! Я не буду разсказывать вамъ все, что̀ дѣлали татары послѣ побѣды своей. Вы уже имѣете понятіе о жестокости ихъ изъ описанія о взятіи городовъ въ сѣверной Россіи. Эта жестокость была всегда одинакова, и звѣрскія сердца ихъ не могли ни устать отъ вѣчнаго кровопролитія, ни наскучить имъ! Скажу вамъ только то, что красота и великолѣпіе стариннаго Кіева съ тѣхъ поръ исчезли навѣки. Печерскій монастырь или лавра, соборъ, знаменитая Десятинная церковь были совсѣмъ разрушены, и хотя чрезъ двѣсти лѣтъ потомъ они опять были возобновлены, но уже совсѣмъ не въ томъ величіи, какъ прежде. Татары похитили всѣ сокровища ихъ, искали драгоцѣнностей не только во дворцахъ, даже въ могилахъ княжескихъ! Посреди этого всеобщаго разрушенія сохранилась только православная вѣра ваша, и замѣчательно, что дикіе татары и впослѣдствіи показывали уваженіе къ русскому духовенству.

Бояринъ Димитрій, начальникъ неустрашимыхъ кіевлянъ, попался въ плѣнъ. Батый, не смотря на жестокость свою, уважалъ истинное мужество и потому полюбилъ Димитрія, бралъ его съ собою во всѣ новые походы свои и даже иногда охотно принималъ его совѣты. Бѣдный

Димитрій былъ при жестокомъ побѣдителѣ своемъ и тогда, какъ онъ изъ Кіева отправился разорять княжество Галицкое. Здѣсь-то добрый и храбрый воевода русскій съ ужасомъ смотрѣлъ на погибель своего отечества и успѣлъ оказать ему послѣднюю услугу: онъ посовѣтывалъ Батыю идти скорѣе въ богатую Венгрію, чтобы король ея не успѣлъ собрать сильнаго войска и напасть на самихъ татаръ. Батый послушался его, и несчастная Россія отдохнула! Бѣдствія ея вмѣстѣ съ татарами перешли въ Венгрію, Кроацію, Сербію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію. Вся Европа затрепетала, но судьба спасла ее: Батый получилъ извѣстіе, что великій ханъ Октай умеръ. Наслѣдникомъ престола былъ сынъ его, *Гаюкъ*, жившій всегда несогласно съ Батыемъ. Это заставило страшнаго завоевателя подумать о собственныхъ владѣніяхъ своихъ. Привыкнувъ видѣть, что все покоряется ему, онъ не хотѣлъ зависѣть отъ великаго хана и потому рѣшился основать свое собственное твердое владѣніе, которое бы признавало надъ собою одно имя, а не власть Гаюка. Для этого онъ выбралъ мѣсто около нынѣшней Астрахани, и на берегу рѣки Ахтубы, въ 60-ти верстахъ отъ устья Волги, велѣлъ строить городъ *Сарай*. Близь *Селитряннаго городка* и города Царева и нынѣ видны еще остатки этого Сарая. Все владѣніе Батыя называлось *Золотою* или *Капчакскою Ордою*. Орда же младшихъ братьевъ его, поселившаяся около Аральскаго моря, называлась *Малою*.

Бродя по астраханскимъ и донскимъ степямъ, смотря за постройкою новой столицы своей, Сарая, имѣя подъ начальствомъ полмилліона воиновъ, Батый не заботился о новомъ великомъ ханѣ и объявилъ себя повелителемъ всѣхъ областей русскихъ, земли половецкой, Тавриды, странъ кавказскихъ и всѣхъ земель отъ устья Дона до рѣки Дуная. Никто не смѣлъ съ нимъ спорить, всѣ государи согласились, всѣ покорились его ужасной силѣ.

Батый, величаясь своею славою, гордо звалъ къ себѣ, какъ своихъ подданныхъ, всѣхъ князей, имъ побѣжденныхъ, и въ томъ числѣ великаго князя Суздальскаго.

Ярославъ II почиталъ неблагоразуміемъ не повиноваться врагу ужасному, и для спокойствія своего народа,

для избавленія его отъ новыхъ бѣдъ, поѣхалъ со многими боярами въ Золотую Орду. Съ той минуты, въ которую государь русскій рѣшился признать надъ собою власть Батыя, кончилась независимость отечества нашего, и земля Русская сдѣлалась землею *покоренною*, сдѣлалась *данницею* татаръ. Это было въ 1243 году.

Жестокое униженіе ожидало бѣднаго Ярослава въ шатрѣ Батыя, который, хотя былъ ласковъ къ своимъ подвластнымъ, но принималъ ихъ съ обрядами, несносными для человѣка съ душою высокою и благородною! Грубый, полудикій ханъ татарскій сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ съ одною изъ женъ, которыхъ было у него очень много. На скамейкахъ, ниже Батыя, сидѣли его другія жены, дѣти, родня и знатныя особы. На столѣ, посреди шатра, стоялъ любимый напитокъ татаръ — *кумысъ* [1]) въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ, очень нечистыхъ: у татаръ почиталось за грѣхъ мыть посуду и платья и они обыкновенно были чрезвычайно неопрятны. Подходя къ шатру, надобно было пройти мимо двухъ костровъ огня: татары думали, что огонь очищаетъ злыя намѣренія и даже лишаетъ силы ядъ, если кто несетъ его къ хану. Прежде нежели войти, надобно было поклониться на югъ тѣни Чингисъ-хана, потомъ, вошедъ въ шатеръ, надобно было стать на колѣни и кланяться въ землю. Это должны были дѣлать безъ различія всѣ цари, князья, вельможи, покоренные Батыемъ и приходившіе къ нему. Послѣ этого унизительнаго обряда они дѣлались совершенными рабами его. Князь не могъ владѣть своими землями безъ граматы Батыя, долженъ былъ платить ему большую дань, исполнять всѣ его приказанія, являться по первому слову его въ Орду. Ярославъ Всеволодовичъ, думая только о спасеніи жизни немногихъ оставшихся подданныхъ своихъ, рѣшился перенесть такое униженіе, и мы должны помнить эту рѣшимость его, какъ величайшую жертву, какую государь можетъ принесть своему народу! Униженіе съ такою цѣлію выше отчаянной храбрости: умереть можно въ одну минуту, но государю знаменитому отказаться

---

[1]) Онъ дѣлается изъ кобыльяго молока.

отъ славы и свободы, жить въ рабствѣ у дикаго варвара,— это гораздо хуже одной смерти: это безпрестанная смерть. Еслибы великій князь и почти всѣ князья удѣльные, послѣдовавшіе примѣру его, не рѣшились тогда на эту великую жертву, злые татары вѣрно докончили бы истребленіе всѣхъ предковъ нашихъ, и имя русское уже давно, давно было бы забыто на землѣ! Сохранимъ же въ душѣ нашей уваженіе къ памяти тѣхъ князей, которые для спасенія жизни своихъ подданныхъ и для будущаго счастія потомковъ ихъ принуждены были покориться Батыю! Добрые князья страдали для насъ! Чувствуя это, мы должны доказать благодарность свою къ нимъ пламенною любовію къ тому отечеству, которое для нихъ было дороже всего на свѣтѣ. Они увидятъ наше усердіе къ нему и благословятъ насъ на небѣ, такъ какъ мы благословляемъ драгоцѣнную память ихъ на землѣ.

Семейство великаго князя Ярослава II:

Супруга: Ѳеодосія Мстиславовна.

Сыновья: 1) Ѳеодоръ. 2) Александръ. 3) Константинъ. 4) Андрей. 5) Аѳанасій. 6) Даніилъ. 7) Ярославъ. 8) Михаилъ. 9) Василій.

СВЯТЫЙ АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

ОТЪ 1243 ДО 1263 ГОДА.

(20 лѣтъ).

Когда всѣ княжества русскія почти исчезали подъ жестокими ударами татаръ; когда всѣ князья ихъ, — не исключая и неустрашимаго Даніила Галицкаго, зятя Мстислава Храбраго,—клялись предъ трономъ Батыя быть его вѣрными подданными; когда счастіе, слава и радость, казалось, совсѣмъ оставили города и селенія предковъ нашихъ — была еще область, гдѣ раздавались пѣсни побѣды, былъ еще князь, никогда не преклонявшій колѣнъ въ шатрѣ хана татарскаго! Эта область была Новгородская; этотъ князь — Александръ Ярославичъ Невскій. Всѣ читатели

мои очень знаютъ и любятъ его. Это тотъ князь, котораго мы призываемъ въ молитвахъ; тотъ князь, который почитается Ангеломъ-Хранителемъ сѣверной столицы нашей; наконецъ, тотъ князь, котораго святое тѣло почиваетъ въ прекрасномъ монастырѣ Александро-Невскомъ. Маленькіе обитатели и обитательницы Петербурга! Вѣрно вы не одинъ разъ были въ этомъ монастырѣ и молились передъ драгоцѣнною гробницею его. Вѣрно вы часто удивлялись военнымъ украшеніямъ, такъ искусно расположеннымъ по обѣимъ сторонамъ ея? И вѣрно, смотря на эти латы, шлемы, щиты и копья, вамъ очень хотѣлось знать исторію героя Невскаго? Если такъ, то ваше желаніе можетъ быть легко исполнено. Вотъ эта исторія.

Александръ былъ сынъ великаго князя Ярослава II. Необыкновенно умный, храбрый, прекрасный душою и лицомъ Александръ еще въ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался наслѣдникомъ отца своего въ Новгородѣ, и съ того времени безпрестанныя побѣды его надъ чудью, финнами, литовцами и ливонскими рыцарями разносили славу его по всѣмъ странамъ. Ливонскіе рыцари сдѣлались въ это время еще страшнѣе для русскихъ: орденъ ихъ присоединился къ другому сильному нѣмецкому ордену рыцарей св. Маріи Іерусалимской, которые завоевали почти всю Пруссію и съ такою же жестокостію учили христіанской вѣрѣ тамошнихъ жителей, какъ ливонскіе рыцари— чудь и ливонцевъ. Я уже говорила вамъ, что эти бѣдные люди убѣгали въ лѣса отъ своихъ учителей, которые въ это время, вмѣсто прежнихъ красныхъ крестовъ, нашили на бѣлые плащи свои черные, такъ какъ было это у нѣмецкихъ рыцарей св. Маріи.

Но не такъ думалъ молодой князь Александръ Ярославичъ и его храбрые новгородцы. Не однимъ ливонскимъ рыцарямъ, чуди и ливонцамъ было худо отъ него: разъ онъ побѣдилъ даже шведовъ и норвежцевъ. За эту побѣду его назвали *Невскимъ*, и такъ надобно узнать о ней получше. Къ тому же, вѣдь это случилось на берегахъ нашей родной, прекрасной Невы!

Въ 1240 году королю шведскому вздумалось завоевать Ладогу и даже Новгородъ. Для того онъ отправилъ

на рѣку Неву множество судовъ съ шведами и норвежцами подъ начальствомъ зятя своего, Биргера. Биргеръ, привыкшій къ побѣдамъ, велѣлъ гордо сказать князю новгородскому: «Иди сражаться со мною, если смѣешь; я уже въ землѣ твоей!» Александръ не устрашился, не показалъ посламъ шведскимъ досады, но спокойно отвѣчалъ имъ, что онъ готовъ къ сраженію. Тотчасъ велѣлъ онъ небольшому войску своему собраться; самъ же пошелъ въ софійскую церковь и тамъ усердно молился Богу, прося святой Его помощи. Усердная молитва имѣетъ чудесную силу надъ душой христіанина: Александръ, который не могъ въ такое короткое время ожидать помощи отъ отца своего, не могъ даже собрать все войско свое, вышелъ къ своей вѣрной дружинѣ и весело сказалъ ей: «Насъ немного, и врагъ силенъ: но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ!» Надежда Александра на небесную помощь перешла и въ сердца его воиновъ. Весело приблизились они къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы, дружно бросились на многочисленныхъ враговъ подъ личнымъ начальствомъ неустрашимаго князя и одержали побѣду въ то самое время, какъ одинъ изъ новгородцевъ, по имени Миша, утопилъ всѣ суда у шведовъ, такъ что у нихъ едва осталось два судна, которыя нагрузили тѣлами главныхъ начальниковъ. Всѣхъ же другихъ зарыли въ яму и въ темную ночь, 15-го іюля, отправились по Невѣ назадъ въ Швецію. Эта славная побѣда, одержанная въ то самое время, когда бѣдные предки наши терпѣли столько горя и униженія отъ злыхъ татаръ, обрадовала унылыя сердца ихъ и доставила храброму Александру названіе *Невскаго*.

Но слава не спасла его отъ несчастія: въ 1247 году онъ лишился отца, который не имѣлъ даже той радости въ жизни, чтобы умереть въ своемъ отечествѣ! Батый приказалъ ему ѣхать въ Китайскую Татарію, поклониться великому хану. Ярославъ Всеволодовичъ не могъ не повиноваться, но былъ такъ слабъ здоровьемъ, такъ печаленъ духомъ, что не перенесъ труднаго путешествія по степямъ и пустынямъ необитаемымъ, дикимъ, безплоднымъ и даже безводнымъ до того, что иногда люди уми-

рали въ нихъ отъ жажды. Великій князь кое-какъ доѣхалъ туда и, возвращаясь, скончался на дорогѣ. Бывшіе съ ними бояре привезли тѣло его во Владиміръ. Наслѣдникомъ престола былъ меньшой братъ его Святославъ III Всеволодовичъ.

Въ то самое время, какъ великій князь русскій испытывалъ всю тоску кончины на голой землѣ степей киргизскихъ, далеко отъ милаго семейства и родины, другой князь, столько же знаменитый, оканчивалъ жизнь свою въ ужасныхъ мученіяхъ предъ шатромъ Батыя! Это былъ Михаилъ, князь черниговскій, пріѣхавшій въ Золотую Орду по приказанію хана и не хотѣвшій поклониться ни тѣни Чингисъ-хана, ни идоламъ татарскимъ! «Нѣтъ!» говорилъ онъ варварамъ, принуждавшимъ его сдѣлать это,— «я могу поклониться царю вашему, потому что Богъ отдалъ ему судьбу государствъ земныхъ, но христіанинъ никогда не служитъ идоламъ!» Батый удивился, что еще есть люди, которые противятся ему, и объявилъ, что Михаилъ умретъ, если не будетъ повиноваться. Князь русскій не боялся смерти. Съ ангельскою кротостію читалъ онъ молитвы въ то время, когда татары мучили его самымъ жестокимъ образомъ, и тихо скончался, сказавъ: «*Я христіанинъ!*» Церковь наша признала его *святымъ* и *мученикомъ*.

Послѣ этого разсказа о смерти Ярослава и Михаила можно судить, какова была участь бѣдныхъ предковъ нашихъ подъ властію татаръ! Прибавьте къ тому еще всѣ безпорядки, какіе происходили въ то время, когда надобно было сбирать дань; всѣ притѣсненія, какія дѣлали народу татарскіе чиновники-сборщики, которые часто платили хану всю сумму вдругъ и получали за то право взыскивать ее съ русскихъ по мелочамъ, почти вдвое! [1]) Прибавьте къ тому ссоры князей, неусмиренныя и общимъ несчастіемъ всей Руси, жалобы и клеветы ихъ другъ на друга въ Ордѣ и бѣды, оттого происходившія въ ихъ княжествахъ. Однимъ словомъ, все въ древнемъ

---

[1]) Такихъ сборщиковъ русскіе называли *откупщиками бусурманскими* или *мытарями*.

отечествѣ нашемъ было печально и уныло, только слава князя новгородскаго Александра Ярославича сіяла какъ свѣтлая звѣзда на небѣ русскомъ, покрытомъ черными тучами. Эта слава, носясь по всѣмъ княжествамъ, долетѣла до слуха страшнаго Батыя и вотъ уже посолъ татарскій несетъ къ герою Невскому повелѣніе явиться къ царю, чтобы присягнуть ему въ вѣрности и *узнать славу и величіе татаръ*. Александръ, любившій свое отечество гораздо болѣе своей славы, не хотѣлъ, чтобы за него оно испытало опять новыя бѣдствія, и потому съ покорностію христіанина послѣдовалъ примѣру отца и поѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ къ Батыю, а отъ него въ Татарію къ великому хану. Грустно было сыновьямъ Ярослава ѣхать по той самой пустынѣ, гдѣ скончался отецъ ихъ! Они думали, что такъ же, какъ и онъ, не увидятъ своего отечества, но Богъ подкрѣпилъ ихъ и чрезъ два года они возвратились, осыпанные милостями великаго хана, который поручилъ Александру всю южную Россію и Кіевъ, а Андрею — престолъ владимірскій, не смотря на то, что дядя ихъ, великій князь Святославъ, былъ еще живъ. Такъ своевольно распоряжали татары судьбою и князей, и княжествъ русскихъ! Святославъ Всеволодовичъ напрасно ѣздилъ въ Орду жаловаться на несправедливость, и чрезъ два года скончался. Но и Андрей недолго былъ государемъ владимірскимъ. Онъ не имѣлъ столько христіанской терпѣливости, столько любви къ своимъ подданнымъ, чтобъ для спокойствія и безопасности ихъ покориться неизбѣжной власти побѣдителей Руси: пылкому, гордому сердцу его казалось лучше отказаться отъ престола, нежели быть государемъ-подданнымъ Батыя! Вы можете представить себѣ, друзья мои, что съ такимъ нравомъ онъ часто показывалъ свое презрѣніе къ татарамъ, часто не слушалъ приказаній ихъ! Толпы ихъ уже шли наказать дерзкаго данника. Андрей, услышавъ это, убѣжалъ въ Швецію со всѣмъ семействомъ своимъ и оставилъ великое княжество въ добычу варварамъ. Послѣ новаго разоренія оно отдано было общему любимцу не только русскихъ, но даже и татаръ, князю Александру Невскому. Видѣвъ изъ примѣра брата, какъ вредны были

для отечества гордыя и непокорныя намѣренія его, Александръ Ярославичъ еще болѣе увеличилъ осторожность и благоразуміе свое въ сношеніяхъ съ татарами, не противился имъ и тогда, какъ они прислали чиновниковъ своихъ сосчитать всѣхъ жителей въ Россіи и опредѣлили надъ ними десятниковъ, сотниковъ и темниковъ [1]) для собранія податей; уговорилъ даже гордыхъ, все еще считавшихъ себя независимыми новгородцевъ, заплатить дань, которую требовалъ отъ нихъ наслѣдникъ умершаго въ 1256 году Батыя, братъ его, ханъ *Беркій*, и тѣмъ избавилъ отъ разоренія первую столицу русскую, богатый и великій Новгородъ.

Такъ двѣнадцать лѣтъ продолжалось княженіе Александра; такъ оберегалъ онъ бѣдное отечество свое отъ новыхъ несчастій, ему грозившихъ, такъ примирялъ оскорбленныхъ соотечественниковъ своихъ съ самовластными ханами! Онъ принесъ всю жизнь свою на жертву спокойствія своихъ подданныхъ: вы можете представить себѣ, что не легко было благородному князю земли Русской ѣздить кланяться полудикимъ ханамъ татарскимъ! Послѣднее путешествіе его въ городъ Сарай было въ 1262 году, когда ханъ Беркій, сбираясь идти на новое разореніе чужихъ земель, вздумалъ требовать отъ него вспомогательнаго войска. Александръ Ярославичъ, не смотря на всю кротость свою, не могъ перенести мысли, чтобы бѣдные подданные его,—кромѣ всѣхъ несчастій, какія терпѣли отъ невѣрныхъ, — еще проливали за нихъ кровь свою! Онъ поѣхалъ умолять Беркія отмѣнить такое жестокое повелѣніе. Ханъ, чувствуя невольное почтеніе къ великому князю, не могъ отказать ему, но съ досады продержалъ его въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Тоскуя по родинѣ, насмотрясь, во время своего продолжительнаго пребыванія въ Сараѣ, на силу и могущество татаръ и потерявъ надежду видѣть освобожденіе отечества отъ жестокой власти ихъ, Александръ примѣтно ослабѣвалъ духомъ и тѣломъ, и осенью, возвращаясь на родину, прі-

---

[1]) *Тьмою* называлось у древнихъ русскихъ *десять тысячъ*. Стало быть *темникъ* значило начальникъ десяти тысячъ человѣкъ.

ѣхалъ уже больной въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ Городецъ-на-Клязьмѣ. Здѣсь онъ опасно занемогъ и скончался 23 ноября 1263 года!

Невыразима была горесть всѣхъ русскихъ, когда они узнали о кончинѣ своего ангела-хранителя; имъ казалось, что наступила совершенная погибель отечества ихъ, что уже некому будетъ защитить ихъ отъ нападеній нѣмцевъ и литовцевъ, умилостивить за нихъ жестокость хановъ, спасти ихъ отъ притѣсненій откупщиковъ татарскихъ! Митрополитъ, встрѣчая гробъ Александра у Боголюбова, воскликнулъ, проливая горькія слезы: «*Закатилось солнце земли Русской!*» и всѣ бояре, и весь народъ голосомъ отчаянія отвѣчали ему однимъ словомъ: «*погибаемъ!*»

Видя чудеса, бывшія при погребеніи Александра, духовенство и вся Россія причислили его къ лику *святыхъ*, и съ тѣхъ поръ мы молимся ему, какъ нашему заступнику предъ Богомъ. Тѣло его погребено было въ монастырѣ Рождества Богоматери, во Владимірѣ. Оно находилось тамъ до временъ Петра Великаго, который перевезъ его въ новую столицу свою, какъ бы поручая ее особенному покровительству того, кто нѣкогда прославилъ это мѣсто подвигами мужества и храбрости.

Семейство великаго князя Александра Ярославича Невскаго:

Супруга: Княжна полоцкая Александра Брячиславовна.

Сыновья: 1) Василій. 2) Димитрій. 3) Андрей. 4) Даніилъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ III И КНЯЗЬЯ ЛИТОВСКІЕ.

отъ 1263 до 1272 года.

(9 лѣтъ).

Наслѣдникомъ Александра Невскаго былъ меньшой братъ его Ярославъ Ярославичъ Тверскій; старшій же Андрей, хотя и возвратился изъ Швеціи, но умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Александра. Новогородцы, ду-

мая, что Ярославъ Ярославичъ можетъ болѣе защитить ихъ отъ нападеній татаръ, нежели маленькій князь ихъ, Димитрій Александровичъ, изгнали изъ Новгорода этого сына прежняго благодѣтеля своего—Невскаго, и назвали княземъ новгородскимъ Яровлава III. Но они жестоко ошиблись. Ярославъ не принадлежалъ къ такимъ государямъ, которые любятъ народъ свой. Съ самаго начала своего княженія онъ лишилъ новгородцевъ многихъ правъ ихъ, и когда они, по обыкновенію, взбунтовались, Ярославъ увѣрилъ хана, будто бы они враги его и не хотятъ платить ему положенной дани. Ханъ уже отрядилъ войско наказать непокорный Новгородъ, но братъ великаго князя, молодой Василій Ярославичъ, спасъ невинныхъ. Онъ нарочно поѣхалъ въ Орду и обнаружилъ несправедливость Ярослава. Ханъ остановилъ войско, но Ярославъ объявилъ войну Новгороду и безъ его помощи. Едва митрополитъ Кириллъ уговорилъ князя и народъ не ссориться. Новгородцы согласились признать Ярослава своимъ княземъ, но тогда уже, какъ онъ поклялся наблюдать вѣрно законы Ярослава Великаго и не обижать своихъ подданныхъ.

Княженіе и жизнь его были непродолжительны. Вскорѣ послѣ мира съ новгородцами онъ ѣздилъ въ Орду и, возвращаясь оттуда, скончался на дорогѣ какъ и отецъ его.

Нельзя ничего сказать въ похвалу этого князя: онъ не отличался даже и храбростію, которая была всегда обыкновеннымъ качествомъ русскихъ. Во время войны новгородцевъ съ датчанами и рыцарями ливонскими онъ не водилъ самъ войско свое въ сраженіе, но всегда посылалъ или сыновей своихъ, или другихъ молодыхъ князей. Въ его княженіе русскіе въ первый разъ услышали о князьяхъ литовскихъ; до тѣхъ же поръ литовцы извѣстны были имъ какъ дикіе разбойники, набѣгавшіе безпорядочными толпами на области русскія и польскія, на рыцарей ливонскихъ и нѣмецкихъ. Вдругъ началъ славиться между ними князь *Миндовгъ*. Погубивъ многихъ другихъ князей литовскихъ, присвоивъ себѣ земли и имѣніе убитыхъ, разбогатѣвъ грабительствомъ, онъ началъ думать о соединеніи нестройныхъ

частей своего государства въ одно цѣлое владѣніе, которое съ того времени сдѣлалось еще страшнѣе для сосѣдей своихъ. Миндовгъ не успѣлъ однакожъ окончить всѣхъ своихъ намѣреній, потому что вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ обиженныхъ родственниковъ своихъ.

За смерть его ужасно мстилъ всей Литвѣ сынъ его *Воишелгъ*, который съ самыхъ молодыхъ лѣтъ славился своимъ безстрашіемъ и такою свирѣпостію, что бывалъ печаленъ въ тотъ день, когда некого было казнить. Однакожъ, еще при жизни Миндовга, онъ вдругъ почувствовалъ раскаяніе въ своихъ злодѣйствахъ, уѣхалъ въ Галичъ, къ тамошнему князю Даніилу, который былъ друженъ съ князьями литовскими, и тамъ постригся въ монастырѣ. Никакія просьбы отца не могли убѣдить его оставить монашество; но смерть Миндовга возвратила ему всю прежнюю жестокость: онъ сбросилъ съ себя рясу и поклялся не надѣвать ее до тѣхъ поръ, пока не отмститъ за убіеніе отца. Съ этой минуты Воишелгъ проливалъ безъ всякой пощады кровь родственниковъ-враговъ своихъ и, побѣдивъ всѣхъ, сдѣлался главнымъ повелителемъ литовцевъ. Онъ исполнилъ клятву свою и, наказавъ убійцъ отца, носилъ сверхъ богатаго княжескаго платья черную мантію монаха: отъ этого часто называли его *волкомъ въ овечьей кожѣ*.

Въ это самое время умеръ Даніилъ Галицкій. У него осталось три сына: Левъ, Мстиславъ и Шварнъ. По желанію Воишелга, Шварнъ признанъ былъ княземъ литовскимъ, а самъ Воишелгъ вступилъ опять въ монастырь. Однакожъ недолго онъ прожилъ тамъ: Левъ, изъ зависти къ брату, лишилъ жизни его благодѣтеля. Но Шварнъ остался государемъ Литвы, а злой братъ его былъ у всѣхъ въ презрѣніи. Итакъ, Воишелгъ и Миндовгъ были первыми извѣстными намъ государями Литвы, Литвы, которая нанесла потомъ много горя и бѣдъ нашему отечеству!

Семейство великаго князя Ярослава III.

Супруга: Ксенія.
Сыновья: 1) Михаилъ. 2) Святославъ.

ДѢТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

отъ 1272 до 1304 года.

(32 года).

У добрыхъ родителей бываютъ часто дурныя, вовсе не похожія на нихъ, дѣти. Это удивительно; однакожъ, къ стыду такихъ дѣтей, это случается довольно часто, и случилось даже въ семействѣ добродѣтельнаго, святого князя Александра Ярославича!

У него было три сына: *Димитрій*, изгнанный изъ Новгорода по желанію Ярослава III, *Андрей*, князь Городца Волжскаго, и *Даніилъ*, князь московскій. Никто изъ нихъ не имѣлъ великихъ достоинствъ отца своего: двое, *Димитрій* и *Даніилъ*, остались почти незамѣченными въ исторіи, но зато третій, *Андрей*, своею жестокостію, своимъ непремѣннымъ желаніемъ быть великимъ княземъ, надолго оставилъ память о себѣ въ сердцахъ русскихъ. Онъ достигъ своего желанія—былъ великимъ княземъ, но когда читатели мои узнаютъ какимъ образомъ, то вѣрно пожалѣютъ о бѣдныхъ подданныхъ его.

Послѣ Ярослава III, великимъ княземъ былъ четыре года меньшой братъ его, Василій I Ярославичъ. Въ непродолжительное княженіе его не случилось ничего примѣчательнаго, кромѣ того, что татарскіе *баскаки* или чиновники переписывали во второй разъ людей во всѣхъ областяхъ русскихъ для того, чтобы вѣрнѣе получать съ нихъ дань.

Послѣ смерти Василія Ярославича законнымъ наслѣдниковъ престола былъ *Димитрій Александровичъ*. Всѣ были согласны на это, всѣ—даже безпокойные новгородцы. Одинъ братъ его, Андрей, думалъ иначе, и, надѣясь на помощь татаръ, спѣшилъ отправиться въ Орду, чтобы тамъ выпросить себѣ великое княжество, тѣмъ болѣе, что ссоры, происходившія между разными ханами татарскими, давали ему надежду очень скоро склонить на свою сторону котораго нибудь изъ нихъ. Эти ссоры въ Волжской или Кипчакской Ордѣ начались еще въ кня-

женіе Александра Невскаго. Ногай, одинъ изъ главныхъ воеводовъ татарскихъ, начальствуя многими Ордами при Черномъ морѣ, не захотѣлъ быть подъ властію хана Беркія, наслѣдника Мангу-Тимура, сдѣлался независимымъ и даже страшнымъ для прежней сильной и богатой Орды Кипчакской. Примѣру Ногая слѣдовали и многіе другіе ханы и воеводы, такъ что царство татарское дѣлилось на части, между собою несогласныя, ослабѣвало отъ этого дѣленія и мало-по-малу приготовлялось къ тому паденію, отъ котораго зависѣло освобожденіе нашего отечества. Но это счастливое время еще далеко. Много еще прольется крови русской, прежде нежели оно настанетъ.

Итакъ, возвратимся къ Андрею Александровичу: онъ радовался несогласію татаръ не для будущаго счастія своихъ соотечественниковъ, но для того, что, въ случаѣ отказа отъ одного хана, ему можно было надѣяться выпросить себѣ помощь у другого. По совѣту одного изъ недостойныхъ бояръ и друзей своихъ, какого-то Семена Тонигліевича, онъ отправился въ Золотую Орду, къ хану Мангу-Тимуру. Богатыми подарками и лестью хитрый Андрей такъ расположилъ къ себѣ этого хана, что онъ далъ ему и грамоту на великое княжество, и войско для покоренія тѣхъ областей и городовъ, которые бы вздумали противиться ему. Вотъ съ этими дикими толпами варваровъ, злодѣянія коихъ были еще такъ живы въ памяти народа русскаго, князь *русскій* же возвратился въ отечество требовать себѣ вѣнца великокняжескаго! Никто изъ удѣльныхъ князей не смѣлъ ослушаться: всѣ покорились повелѣнію Мангу-Тимура. Великій князь удалился изъ столицы въ Новгородъ, а татары, пользуясь случаемъ, предались своей природной жестокости и разорили Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Ростова, Твери и Торжка: они, безъ разбора, грабили и жгли и тѣ города, которые противились имъ, и тѣ, которые безусловно покорились ихъ власти. Все опять погрузилось въ печаль и уныніе въ бѣдномъ отечествѣ нашемъ: каждый оплакивалъ или отца, или сына, или брата, или друга. Одинъ злой Андрей радовался и пировалъ съ татарами.

Между тѣмъ несчастный Димитрій, непринятый нов-

городцами, для которыхъ выгоднѣе было перейти на сторону великаго князя, жилъ во Псковѣ, гдѣ княжилъ тогда зять его, славный въ исторіи *Довмонтъ*, одинъ изъ князей литовскихъ, изгнанный изъ отечества Миндовгомъ. Довмонтъ, терпѣвъ много несправедливостей отъ литовцевъ, не любилъ ихъ и, принявъ во Псковѣ вѣру христіанскую, сдѣлался русскимъ душою и языкомъ, и за отличныя достоинства и храбрость выбранъ былъ псковитянами княземъ надъ всею ихъ областію. Добраго Довмонта уважали всѣ князья русскіе, а Димитрій Александровичъ даже выдалъ за него дочь свою и во время несчастнаго изгнанія своего къ нему же пришелъ искать утѣшенія. Вскорѣ услышалъ онъ, что войско ханское уже ушло въ Орду. Это извѣстіе дало ему смѣлость возвратиться въ свою разоренную область. Обрадованные жители начали сбираться къ нему, а испуганный Андрей опять бросился въ Орду и привелъ съ собою новыхъ грабителей, которые со всѣхъ сторонъ нападали на области великаго княжества. Димитрій въ отчаяніи бѣжалъ къ Ногаю просить его помощи. Ногай, владѣвшій тогда всѣми землями, отъ степей нашихъ нынѣшнихъ губерній Харьковской и Екатеринославской до береговъ Чернаго моря и Дуная, принялъ его очень милостиво и былъ такъ силенъ, что однимъ повелѣніемъ своимъ возвратилъ ему престолъ: не только что Андрей, но даже самъ новый ханъ, Туданъ-Мангу, не смѣли противиться этому повелѣнію, и оба брата помирились. Однакожъ это было ненадолго: Андрей, пронырствами своими, склонилъ на свою сторону многихъ удѣльныхъ князей, и въ томъ числѣ князя Ѳеодора Ярославскаго, женатаго на дочери Ногая. Чрезъ зятя не трудно было Андрею оклеветать бѣднаго Димитрія и предъ самимъ Ногаемъ. Несчастный великій князь лишился и послѣдняго защитника: Ногай далъ Андрею грамоту на престолъ владимірскій и войско для новаго разоренія Россіи. Начальникомъ этого войска былъ *Дюдень*, братъ хана Тохты. Съ обыкновенною свирѣпостью своею татары устремились опять на области великаго княжества.

Димитрій, можетъ быть предчувствуя близкую кончину

свою, не захотѣлъ болѣе быть причиною бѣдствій своего отечества и рѣшился отказаться отъ престола великокняжескаго. За это должно благодарить, кажется, сына Ярослава II, молодого князя тверского Михаила, у котораго жилъ Димитрій во время послѣдняго изгнанія своего и который всѣми силами старался помирить братьевъ. Предчувствіе не обмануло Димитрія: онъ скончался въ 1292 году.

Наконецъ Андрей Александровичъ могъ уже надѣяться, что никто не будетъ оспаривать у него великаго княжества. Не любя новаго государя за жестокій, властолюбивый нравъ, удѣльные князья жили очень несогласно между собою, и каждый изъ нихъ хотѣлъ быть независимымъ: Михаилу Тверскому и Ѳедору Ярославскому удалось сдѣлать это во время несчастнаго княженія Димитрія. Даніилъ же Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переяславскій, старались объ этомъ же при Андреѣ.

Московское княжество вскорѣ еще увеличилось: Іоаннъ, умирая бездѣтнымъ, отдалъ городъ свой, Переяславль, князю московскому. Это случилось въ 1295 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Даніила, перваго, изъ князей московскихъ, начавшаго думать о томъ, чтобы современемъ сдѣлать Москву столицею Россіи.

Княженіе Андрея продолжалось десять лѣтъ, и каждый годъ предки наши записывали въ лѣтописи свои какіе нибудь естественные ужасы и несчастія, тогда случавшіеся. Въ числѣ явленій, пугавшихъ необразованный и суевѣрный народъ, была комета, явившаяся въ 1301 году. Но были и дѣйствительныя бѣдствія: страшные вихри, засухи, голодъ, моръ и сильные пожары. Къ этому жестокій Андрей Александровичъ прибавлялъ всѣ тѣ страданія и горести, какія терпятъ люди отъ злобы подобныхъ себѣ. Единственнымъ хорошимъ дѣломъ Андрея было то, что онъ въ 1301 году побѣдилъ безпокойныхъ сосѣдей нашихъ, шведовъ, часто нападавшихъ на новгородскія области и наконецъ построившихъ въ семи верстахъ отъ нашего нынѣшняго Петербурга, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь *Охта,* городъ и крѣпость, от-

куда имъ было еще удобнѣе приходить въ наши владѣнія. Этотъ новый городъ назывался *Ландскрона*, т. е. *Вѣнецъ земли.* Андрей взялъ его и срылъ всѣ укрѣпленія, такъ что почти не осталось и слѣдовъ ихъ. Здѣсь только, одинъ разъ въ жизни, Андрей думалъ о пользѣ отечества и сражался за него. Впрочемъ же никто изъ потомковъ Мономаха не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ этотъ гордый, властолюбивый, жестокій сынъ кроткаго, великодушнаго, святого отца!

Онъ умеръ 27 іюля 1304 г. и погребенъ въ Городкѣ Волжскомъ.

Семейства дѣтей Александра Невскаго:

Сыновья великаго князя Дмитрія I Александровича: 1) Іоаннъ. 2) Іоаннъ. 3) Александръ.

Сыновья великаго князя Андрея III Александровича: 1) Георгій. 2) Борисъ. 3) Михаилъ.

МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЪ ТВЕРСКОЙ.

ОТЪ 1304 ДО 1319 ГОДА.

(15 лѣтъ).

Съ смертію Андрея Александровича не кончились тѣ новыя несчастія, какія навлекъ онъ на Россію: примѣру его послѣдовали многіе другіе князья, и съ тѣхъ поръ клеветы ихъ другъ на друга въ Ордѣ причиняли безпрестанно новыя бѣды въ ихъ областяхъ, но самымъ усерднымъ подражателемъ Андрея былъ племянникъ его, Георгій Даниловичъ, князь московскій. Какъ Андрей спорилъ о престолѣ великокняжескомъ съ старшимъ братомъ своимъ Димитріемъ, такъ точно и Георгій не хотѣлъ уступить этого престола законному наслѣднику Андрея, дядѣ своему, Михаилу Ярославичу, князю тверскому и сыну Ярослава III. Они должны были для рѣшенія спора своего ѣхать въ Золотую Орду, гдѣ уже царствовалъ ханъ Тохта, побѣдитель сильнаго Ногая, найденнаго убитымъ на полѣ сраженія. Тохта, къ досадѣ Георгія, приказалъ быть великимъ княземъ Михаилу.

Нѣсколько лѣтъ княжилъ онъ спокойно и жилъ по большей части въ Твери, которая съ того времени сдѣлалась однимъ изъ главныхъ городовъ русскихъ.

Между тѣмъ Георгій не терялъ надежды быть со временемъ великимъ княземъ и для того часто ѣздилъ въ Орду и дружился съ татарами. Привыкнувъ видѣть, съ какимъ удовольствіемъ онъ всегда пріѣзжалъ къ нимъ, привыкнувъ слышать, какъ онъ хвалилъ нравы, обычаи, даже кушанье и отвратительный кумысъ ихъ, татары полюбили Георгія. Молодыя татарки скучали на тѣхъ пирахъ, гдѣ не было миловиднаго князя русскаго, котораго привѣтливое обращеніе и всегда веселые разговоры такъ не походили на угрюмыя лица и повелительныя рѣчи отцовъ и братьевъ ихъ. Но болѣе всѣхъ любовалась имъ прекрасная Кончака, дочь хана Тохты и любимая сестра молодого Узбека, наслѣдника престола татарскаго. Георгій замѣтилъ это и еще болѣе началъ стараться заслужить ея благосклонность не для того, чтобы онъ любилъ ее, но для того что надѣялся чрезъ нее достичь престола великокняжескаго тѣмъ болѣе, что въ это самое время Тохта умеръ и ханомъ Золотой Орды сдѣлался сынъ его, Узбекъ, братъ Кончаки. Счастіе милой сестры было для молодого царя татарскаго дороже всего на свѣтѣ; видя, что ей нравится Георгій, и думая, что и онъ любитъ ее, Узбекъ согласился, чтобы сестра его приняла вѣру христіанскую и вышла за князя русскаго. Кончаку назвали въ крещеніи *Агаѳіею*.

Сдѣлавшись зятемъ хана и получивъ отъ него войско подъ начальствомъ воеводы Кавгадыя, Георгій Даніиловичъ отправился въ отечество и прямо въ Тверь, чтобы выгнать оттуда великаго князя. Михаилъ, видя страшную силу татаръ и боясь подвергнуть народъ свой новымъ несчастіямъ, послалъ сказать князю московскому, что онъ уступаетъ ему престолъ великокняжескій и проситъ оставить ему только наслѣдственную Тверскую область его. Георгій вмѣсто отвѣта началъ разорять всѣ города и селенія этой области. Тогда Михаилъ принужденъ былъ послушаться совѣта епископа и бояръ, и идти съ полками на встрѣчу Георгія. Богъ помогъ ему побѣ-

дить враговъ и тѣмъ спасти отъ совершеннаго разоренія свое Тверское княжество. Молодая супруга Георгія, братъ его, Борисъ Даниловичъ, воевода татарскій Кавгадый попались въ плѣнъ къ Михаилу, но онъ всѣмъ имъ возвратилъ свободу, и когда Георгій не тронулся этимъ великодушіемъ и приготовлялся опять къ сраженію, Михаилъ, желая спасти своихъ подданныхъ отъ новаго кровопролитія, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Орду на судъ хана. Къ несчастію, Кончака-Агаѳія, не успѣвъ возвратиться къ супругу, умерла скоропостижно въ Твери, и Геогрій выдумалъ, что она была отравлена. Такой выдумки довольно было, чтобы обвинить Михаила въ глазахъ Узбека, нѣжно любившаго сестру свою. Несчастный князь съ чистою совѣстію своею отправился въ Орду вслѣдъ за уѣхавшими туда Георгіемъ и Кавгадыемъ. Можетъ быть, имѣя темное предчувствіе о томъ, что его ожидало тамъ, онъ написалъ завѣщаніе, назначилъ сыновьямъ удѣлы, съ чрезвычайною горестію простился съ ними и съ супругою, и въ продолженіе всей дороги причащался св. Таинъ каждую недѣлю.

Узбекъ, отъ природы добрый и справедливый, принялъ Михаила довольно милостиво и вѣрно не рѣшился бы казнить его, боясь осудить невиннаго, еслибы не злой Георгій и другъ его Кавгадый, которые каждый день такъ много наговаривали на Михаила, что наконецъ Узбекъ приказалъ вельможамъ своимъ судить его съ Георгіемъ. Главнымъ судіею былъ назначенъ Кавгадый. Разумѣется, что несчастный Михаилъ былъ обвиненъ: приставы въ ту же минуту наложили ему на шею тяжелую колодку, сняли съ него драгоцѣнную одежду и раздѣлили ее между собою.

Нельзя описать вамъ, дѣти, сколько униженія, обидъ и мученій терпѣлъ кроткій Михаилъ съ той минуты, какъ осудили его, до той, какъ Узбекъ рѣшился наконецъ утвердить этотъ судъ! Это продолжалось болѣе мѣсяца и случилось въ то самое время, когда вся Орда отправлялась на охоту къ берегамъ Терека. Нѣсколько сотъ тысячъ людей собиралось тогда для удовольствія хана. Каждый надѣвалъ лучшій нарядъ и садился на лучшую

лошадь, которыми и теперь еще славятся татары. Купцы везли за подвигавшеюся ордою множество товаровъ индійскихъ и греческихъ, однимъ словомъ: мѣсяцъ или два охоты у татаръ можно было назвать продолжительнымъ, великолѣпнымъ праздникомъ, гдѣ всѣ были веселы и счастливы. И вслѣдъ за этими счастливцами, которыхъ радостныя пѣсни шумно раздавались по дикимъ степямъ, вели несчастнаго князя русскаго! Не думайте однакожъ, чтобъ онъ шелъ съ лицомъ печальнымъ. Нѣтъ, гораздо печальнѣе были добрые бояре, его окружавшіе, и не они его, но онъ ихъ часто утѣшалъ такими словами: «Друзья мои! вы долго видѣли меня въ чести и славѣ; неужели будемъ роптать на Бога за непродолжительное униженіе? Шея моя скоро освободится отъ этихъ оковъ!»

Ожиданіе его въ самомъ дѣлѣ скоро исполнилось: безсовѣстные судьи, друзья Георгія, упросили молодого Узбека утвердить приговоръ, и день казни былъ назначенъ. Михаилъ не испугался: уже давно онъ готовъ былъ явиться къ Богу. Въ утро того дня онъ отслушалъ заутреню, благословилъ двѣнадцатилѣтняго сына своего Константина, бывшаго съ нимъ въ Ордѣ, поручилъ его и бояръ своихъ покровительству доброй супруги Узбека, царицы Баялыни, и когда Георгій и Кавгадый подъѣхали къ шатру князя и послали палачей умертвить его, онъ спокойно вышелъ къ нимъ на встрѣчу, безъ малѣйшаго ропота перенесъ все, что̀ заставили его вытерпѣть мучители, и съ молитвою въ сердцѣ и на языкѣ закрылъ навѣки глаза, заслуживъ по справедливости названіе *мученика* и *святого*.

Тѣло его было отослано въ Москву и погребено въ въ монастырѣ Спасскомъ, въ Кремлѣ.

Семейство великаго князя Михаила I Ярославича:

Супруга: Княжна *Анна* Дмитріевна Борисовичева.

Сыновья: 1) Димитрій. 2) Александръ. 3) Константинъ. 4) Василій.

СОПЕРНИЧЕСТВО МОСКВЫ СЪ ТВЕРЬЮ.

ОТЪ 1319 ДО 1328 ГОДА.

(9 лѣтъ).

Съ неописанною горестію узнали въ Твери о смерти Михаила супруга его, дѣти и народъ. Не смѣя требовать отчета въ этой смерти у Георгія Даніиловича, уже пріѣхавшаго во Владиміръ съ граматою Узбека на престолъ великокняжескій, печальное семейство думало только о томъ, какъ бы выручить изъ рукъ убійцы священный гробъ умершаго страдальца и освободить маленькаго Константина Михаиловича, котораго онъ привезъ съ собою изъ Орды какъ плѣнника. Для этого отправленъ былъ къ Георгію III второй сынъ Михаила, Александръ.

Георгій, довольный успѣхомъ своимъ, не спорилъ о томъ, гдѣ будетъ лежать его жертва; приказалъ вынуть изъ земли гробъ Михаила, уже пять мѣсяцевъ похороненный въ монастырѣ Спасскомъ, и отдать его сыну.

Княгиня Анна, вдова Михаила, и старшій сынъ ея, Димитрій, плыли въ лодкахъ далеко по Волгѣ на встрѣчу драгоцѣнныхъ останковъ супруга и отца, и уже вмѣстѣ съ ними подъѣхали къ Тверскому берегу, гдѣ приняли ихъ духовенство и народъ. Всѣ громко рыдали, всѣ тѣснились цѣловать гробъ добраго государя. Сколь же велика была радость всѣхъ, когда, открывъ его, увидѣли, что тѣло нигдѣ не было повреждено ни отъ продолжительнаго путешествія съ береговъ моря Каспійскаго, ни отъ пятимѣсячнаго лежанія въ могилѣ! Семейство святого мученика и народъ упали на колѣна, благодаря Бога за это чудо, и съ этой минуты перестали плакать о Михаилѣ: они видѣли доказательство счастія, которымъ онъ уже наслаждался на небесахъ! Добрая, благочестивая княгиня Анна съ этого дня простилась съ міромъ и постриглась въ монахини. Предки наши во всѣ времена отличались своимъ усердіемъ къ вѣрѣ и государи ихъ почти всегда оканчивали жизнь въ монастыряхъ. Тѣло св. Михаила почиваетъ и теперь въ тверскомъ Преображенскомъ соборѣ.

Между тѣмъ Константинъ Михаиловичъ и бояре тверскіе, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Орды, все еще оставались въ плѣну у Георгія и онъ не прежде отпустилъ ихъ, какъ въ 1321 году, когда Димитрій Михаиловичъ далъ ему *двѣ тысячи рублей* и слово — не искать великаго княжества.

Здѣсь надобно замѣтить, милые читатели мои, что при этомъ выкупѣ князя Константина Михаиловича въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о *рубляхъ*, которые вовсе не походили на цѣлковые рубли наши. Нѣтъ! то были простые отрубки серебра безъ всякаго клейма и вѣсили каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Крестьяне одной подмосковной деревни нашли не очень давно нѣсколько такихъ кусковъ серебра въ землѣ. Вѣрно, многимъ изъ васъ хотѣлось бы знать, какого рода были эти отрубки? Мнѣ пріятно, что могу услужить вамъ небольшимъ рисункомъ, по которому вы можете узнать по крайней мѣрѣ видъ и длину этихъ старинныхъ рублей. Вотъ онъ:

Видите, какъ некрасивы эти деньги нашихъ предковъ въ сравненіи съ нынѣшними монетами. Но это все-таки лучше, нежели прежнія деньги ихъ, которыя были просто лоскутки кожи съ клеймомъ и назывались *кунами*, отъ того, что дѣлались изъ кожъ *куницъ*.

Итакъ, заплативъ 2,000 такихъ рублей, Димитрій выручилъ изъ плѣна брата своего; что же касается обѣщанія не искать великаго княжества, то онъ далъ его не искренно, далъ въ ту самую минуту, когда въ душѣ клялся отмстить убійцѣ отца своего; и тотчасъ, по пріѣздѣ брата Константина въ Тверь, отправился въ Орду и выпросилъ себѣ у Узбека престолъ владимірскій. Георгій Даніиловичъ ходилъ въ это время съ новгородцами къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера на островѣ *Орѣховомъ*, построилъ крѣпость *Орѣховскую* (нынѣшній *Шлиссельбургъ*) для того, чтобы шведы не могли входить въ это озеро. Получивъ извѣстіе, что Димитрій не исполнилъ своего обѣщанія и уже вездѣ

объявленъ великимъ княземъ, Георгій огорчился и боялся выѣхать изъ Новгорода, чтобы не потерять и этой области, но чрезъ нѣсколько времени, одержавъ побѣды надъ шведами, литовцами и князьями устюжскими, заслужилъ благодарность новгородцевъ, принялъ клятву ихъ въ вѣрности и отправился къ Узбеку, опять просить у него великаго княжества.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ Орду и Димитрій. Этотъ князь, молодой, пылкій, названный *Грозныя-очи*, былъ представленъ Узбеку въ одно время съ смертельнымъ врагомъ своимъ. Отмстить этому врагу — было первымъ желаніемъ, всегдашнею мыслію Димитрія въ теченіе шести лѣтъ. Онъ никогда не зналъ Георгія лично и вдругъ видитъ его подлѣ себя! Кровь молодого князя закипѣла; большіе голубые глаза его сдѣлались подлинно *очами грозными;* ему казалось, что онъ видитъ предъ собою блѣдную тѣнь отца, ему казалось, что онъ слышалъ жалобные стоны, которые вырывались у него предъ смертію, и — горестный, несчастный сынъ не могъ владѣть собою, бросился на Георгія и закололъ его въ одну минуту! Тѣло убитаго князя привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичъ, и митрополитъ Петръ похоронилъ его въ церкви Архангела Михаила.

Между тѣмъ въ Твери всѣ со страхомъ ожидали, чѣмъ накажетъ Узбекъ Димитрія, осмѣлившагося въ глазахъ его сдѣлать убійство. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и ханъ все еще молчалъ. Друзья великаго князя уже начали надѣяться, что Узбекъ не будетъ мстить за Георгія. Но вдругъ, 15-го сентября 1326 года, дано повелѣніе казнить несчастнаго Димитрія, и въ тотъ же день его убили въ Ордѣ. Ему было только 27 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о казни брата, Александръ Михаиловичъ получилъ отъ хана и грамату на престолъ великокняжескій. Но недолго онъ владѣлъ имъ. Не прошло года, какъ пріѣхалъ въ Тверь двоюродный братъ Узбека, *Шевкалъ,* со множествомъ татаръ. Въ народѣ разнесся слухъ, будто бы онъ пріѣхалъ для того, что обратить всѣхъ русскихъ въ вѣру магометанскую, убить князя Александра и другихъ братьевъ его, и роздать всѣ города

вельможамъ татарскимъ. Вѣроятно этотъ слухъ былъ несправедливъ, но великій князь, боясь умереть такъ же, какъ умеръ его отецъ, и не имѣя великодушія Михаила, жертвовавшаго собою для спокойствія подданныхъ, встревожилъ этими слухами народъ, который повѣрилъ ему, и для спасенія вѣры и государей своихъ рѣшился на дѣло, чрезвычайно опасное и вовсе безполезное въ то время: рѣшился истребить всѣхъ татаръ, бывшихъ въ Твери. Онъ исполнилъ это подъ начальствомъ своего князя 15-го августа 1327 года, въ самый день Успенія Богородицы: ни одного татарина не осталось живого въ городѣ.

Непростительно было для Александра Михаиловича такъ безразсудно вовлечь подданныхъ своихъ въ неминуемую погибель! Гнѣвъ Узбека былъ ужасенъ: онъ поклялся истребить все княжество Тверское и поручилъ исполнить это Іоанну Даніиловичу, князю московскому, обѣщая въ награду сдѣлать его великимъ княземъ и прислать къ нему на помощь 50,000 воиновъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Тверь, Кашинъ, Торжокъ были опустошены со всѣми селеніями и жители истреблены или уведены въ неволю; Іоаннъ Даніиловичъ сдѣланъ великимъ княземъ; Александръ Михаиловичъ убѣжалъ въ Псковъ: меньшіе братья его—въ Ладогу.

Это ужасное состояніе сѣверной части государства нашего было еще счастіемъ въ сравненіи съ бѣдствіями южной, которая въ это время подпала подъ власть одного изъ наслѣдниковъ Миндовга, князя литовскаго Гедимина. Гедиминъ былъ необыкновенно уменъ и храбръ; однакожъ онъ сдѣлалъ великое злодѣйство, умертвивъ государя своего Буйвида и присвоивъ себѣ престолъ его. Вскорѣ нѣмцы, русскіе и поляки узнали его силу. Онъ завоевалъ Брестъ, Овручъ, Житоміръ, наконецъ самый Кіевъ и всю старинную область Кривскую или нынѣшнюю Бѣлоруссію. Хитрый Гедиминъ, понимая трудное искусство удерживать у себя завоеванія свои, не изгонялъ природныхъ князей покоренныхъ имъ земель, уважалъ ихъ обычаи, покровительствовалъ православію и позволялъ новымъ подданнымъ своимъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ митрополита московскаго. Самъ же онъ пользовался верховною властію и ти-

туломъ *великаго князя литовскаго и русскаго.* Столицею его была *Вильна,* имъ же основанная.

Семейство великаго князя Георгія III:

Супруга: Кончака, царевна *татарская,* въ крещеніи *Агаѳія.*

Семейство великаго князя Димитрія Михаиловича:

Супруга: Княжна литовская, дочь Гедимина.

Семейство великаго князя Александра Михаиловича:

Супруга неизвѣстна.
Сыновья: 1) Ѳедоръ. 2) Всеволодъ. 3) Левъ. 4) Михаилъ.

ІОАННЪ КАЛИТА И МОСКВА, СТОЛИЦА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ.

отъ 1328 до 1340 года.

(12 лѣтъ).

Ссоры князей московскихъ, потомковъ Александра Невскаго, съ князьями тверскими, дѣтьми брата его Ярослава Ярославича, напоминаютъ намъ старинное, болѣе ста лѣтъ продолжавшееся несогласіе Олеговичей и Мономаховичей. Разница была въ томъ, что прежде князья-враги явно ненавидѣли и часто истребляли другъ друга въ жестокихъ сраженіяхъ; теперь же они тайно клеветали въ Ордѣ и губили другъ друга чрезъ царей татарскихъ! Такъ погибли Михаилъ и Димитрій, то же угрожало и Александру Михаиловичу! Ужасна была судьба его, когда, послѣ разоренія Тверского княжества его, онъ долженъ былъ бѣжать изъ родины и напрасно просить пристанища и помощи у князей русскихъ! Никто не хотѣлъ принять его: всѣ боялись гнѣва Узбека и любимца его, великаго князя Іоанна Даніиловича, которому приказано было отъ хана представить бѣглеца въ Орду.

Въ то время, когда для всѣхъ русскихъ такъ ужасны казались злые татары, жители Псковской области показали

рѣдкій примѣръ неустрашимости и великодушія: они осмѣлились быть защитниками бѣднаго Александра Михаиловича и не только приняли его къ себѣ со всѣмъ семействомъ, но даже выбрали его княземъ своимъ и отложились отъ Новгорода. Никакія угрозы Узбека, великаго князя и новгородцевъ не могли заставить ихъ выдать несчастнаго князя, тѣмъ болѣе, что ему покровительствовалъ и сильный князь литовскій Гедиминъ.

Александръ прожилъ во Псковѣ около десяти лѣтъ, между тѣмъ какъ Тверью управлялъ братъ его Константинъ Михаиловичъ. Но чужая сторона, не смотря на всѣ выгоды свои, никогда не можетъ быть для насъ такъ пріятна, какъ родная, гдѣ мы въ первый разъ увидѣли свѣтъ, гдѣ выросли, гдѣ всѣ мѣста знакомы намъ, гдѣ живутъ люди, которыхъ мы привыкли любить съ младенчества! Поэтому вы не удивитесь, милые читатели мои, когда я скажу вамъ, что Александръ Михаиловичъ все время, пока жилъ во Псковѣ, грустилъ по своей родинѣ—Твери и старался всѣми силами возвратить себѣ эту наслѣдственную область. Чрезъ десять лѣтъ онъ могъ надѣяться, что гнѣвъ Узбека уже утихъ, и рѣшился ѣхать въ Орду, чтобы совершенно заслужить его милость. Онъ не обманулся: царю понравилась покорность и въ то же время смѣлость, съ которою князь сказалъ ему: «Царь верховный! я заслужилъ гнѣвъ твой и отдаю тебѣ судьбу мою. Милуй или казни: если помилуешь, я прославлю Бога и тебя. Хочешь ли головы моей?—Она предъ тобою!» Узбекъ милостиво выслушалъ его и съ улыбкою сказалъ своимъ вельможамъ: «Князь Александръ кротостію и умомъ своимъ избавляетъ себя отъ казни!» И тогда же возвратилъ ему княжество Тверское.

Но ненадолго обрадованъ былъ бѣдный Александръ Михаиловичъ! Не прошло года, какъ онъ съ семействомъ своимъ пріѣхалъ въ Тверь и уже Іоаннъ Даніиловичъ, боясь, чтобы князья тверскіе опять не усилились и не заспорили съ нимъ о престолѣ великокняжескомъ, поѣхалъ въ Орду клеветать на Александра. Узбека не трудно было обмануть: онъ вѣрилъ всему, что говорили князья русскіе другъ на друга, особливо если они прибавляли къ своимъ

словамъ богатые подарки. Іоаннъ Даніиловичъ не забылъ сдѣлать этого — и судьба тверского князя рѣшилась: онъ получилъ повелѣніе хана пріѣхать въ Орду, не смѣлъ ослушаться и былъ убитъ тамъ вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ своимъ, Ѳеодоромъ, 28-го октября 1339 года.

Узбекъ, умерщвляя князей, думалъ, что этимъ утвердитъ еще болѣе власть татаръ надъ русскими; но онъ очень ошибся; жестокость его только помогла имъ скорѣе освободиться отъ этой власти, утвердивъ на престолѣ русскомъ Іоанна I. Имя великаго князя помрачилось погубленіемъ Александра Михаиловича, но ослѣпленный честолюбіемъ, онъ думалъ, что обстоятельства оправдаютъ его. Зная, что всѣ несчастія Россіи происходили отъ несогласія и слабости князей, онъ старался, съ самаго вступленія своего на престолъ, имѣть подъ властію своею всѣ другія княжества. Самое сильное изъ нихъ было Тверское. Предвидя, сколько новыхъ бѣдъ могло случиться въ Россіи, еслибы тверскіе князья вздумали отнимать у потомковъ его престолъ великокняжескій, Іоаннъ не почиталъ за грѣхъ погубить одного князя для спасенія нѣсколькихъ тысячъ людей. Конечно, онъ очень ошибался, потому что никто, кромѣ одного милосердаго Бога, не можетъ располагать жизнію людей, и всѣ мы должны отвѣчать ему не только за несчастіе, но даже за тѣ небольшія огорченія, какія причиняемъ нашимъ ближнимъ. Еслибы не это бѣдственное заблужденіе, то намъ оставалось бы только прославлять память Іоанна Даніиловича, потому что онъ первый положилъ начало къ освобожденію предковъ нашихъ отъ власти татарской; онъ первый возобновилъ мысль Андрея Георгіевича, что для счастія и славы отечества нашего нужно, чтобы всѣ обширныя части его повиновались волѣ одного государя, а не прихотямъ нѣсколькихъ ничтожныхъ князей маленькихъ удѣловъ; онъ первый, послѣ нашествія татаръ, началъ соединять эти расторгнутыя части въ одно цѣлое; онъ первый назвалъ столицею государства — нашу Москву, родную, славную, незабвенную по тѣмъ происшествіямъ, какія потомъ случились въ ней! Казалось, что самъ Богъ назначалъ ее быть столицею: Москва лежала въ самой srединѣ тогдаш-

ней Россіи. Всѣ главныя области окружали ее почти въ равномъ разстояніи; слѣдовательно нельзя было лучше выбрать города для пребыванія государя. Кромѣ того, привязанность къ нему благочестиваго митрополита Петра, названнаго потомъ Церковью нашею *святымъ,* какъ будто бы предвѣщала новой столицѣ благословеніе и особенное покровительство Божіе. Всѣ митрополиты русскіе всегда жили прежде въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ, какъ столичныхъ городахъ государства. Св. Петръ, полюбивъ Москву, переселился въ нее прежде, нежели ее сдѣлали столицею, и просилъ Іоанна построить въ ней церковь Богоматери. Іоаннъ исполнилъ его желаніе и въ 1326 году, 4-го августа, *заложилъ* въ Москвѣ на площади *первую церковь каменную* во имя Успенія Богородицы. Святый митрополитъ собственными руками построилъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ и вскорѣ скончался. Церковь была достроена и освящена ужъ безъ него новымъ митрополитомъ Ѳеогностомъ.

Княженіе Іоанна Даніиловича продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Не смортя на несчастную смерть родственника его, Александра Михаиловича, москвитяне очень любили Іоанна за его набожность, усердіе къ строенію церквей и милосердіе къ нищимъ. Они называли его *собирателемъ земли Русской и государемъ-отцомъ.* Еще было у него одно прозваніе: *Калита.* Оно произошло отъ того, что онъ всегда носилъ со собою мѣшокъ, наполненный деньгами для бѣдныхъ, а такой мѣшокъ называли встарину *калитою.* Кромѣ Успенскаго собора, онъ построилъ еще каменный Архангельской, гдѣ былъ и погребенъ, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ князей московскихъ. Въ 1339 году онъ окружилъ новую столицу дубовыми стѣнами и возобновилъ *Кремникъ* или *Кремль,* который при немъ сгорѣлъ. Кремль былъ тогда внутреннею крѣпостію или, по старинному названію, *дѣтинцемъ*[1]).

Если вы слыхали, дѣти, пословицу: «*близъ царя, близъ смерти*», то надобно сказать вамъ, что она появи-

---

[1]) Названіе *дѣтинецъ* происходитъ отъ имени стражи, или тѣлохранителей княжескихъ, называвшихся *дѣтями* или *отроками,* которымъ поручали защищать внутреннія крѣпости.

лась въ то время, когда не только народъ русскій, но даже и князья его такъ боялись царей татарскихъ, что поѣхать въ Орду было для нихъ то же, что приготовиться къ смерти. Они прощались навѣкъ съ семействомъ и друзьямя своими, писали духовныя завѣщанія, назначали даже деньги на поминовеніе души своей. Вы можете видѣть это въ завѣщаніи великаго князя Іоанна Калиты, который написалъ его, отправляясь еще въ началѣ княженія своего къ Узбеку. Оно очень любопытно тѣмъ, что даетъ намъ понятіе о владѣніяхъ и состояніи великаго князя. Я не буду описывать подробно этого завѣщанія, но выпишу изъ него только то, что, кажется, будетъ любопытно для васъ.

Эта духовная начинается такъ: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ Ордѣ, куда ѣду, оставляю эту *душевную* грамату, написанную мною добровольно въ полномъ умѣ и совершенномъ здоровьѣ. Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ моимъ городъ Москву: отдаю *Семеону* Можайскъ, Коломну съ волостями; *Ивану*—Звенигородъ и Рузу; *Андрею*—Лопасну, Серпуховъ, Перемышль; княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми—села, бывшія въ ея владѣніи. Еще при жизни далъ я сыну *Симеону* четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ и два ковша золотые, да три блюда серебряныя; *Ивану*—четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, третій сердоликовой, два ковша, двѣ круглыя чаши золотыя, да три блюда серебряныя. *Андрею*—четыре цѣпи, поясъ жемчужный, другой съ крюкомъ, на красномъ шелкѣ, третій ханскій, два ковша, двѣ чарки золотыя, да три блюда серебряныя. Золото княгини отдалъ я дочери Фетиньѣ: 14 колецъ, новый складень, ожерелье матери ея, *чело* [1]) и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми. Изъ платьевъ моихъ назначаю: *Симеону* — шубу красную съ жемчугомъ и шапку золотую; *Ивану*—желтую объяринную шубу съ жемчугомъ и мантію съ бармами; *Андрею*—шубу соболью съ наплечниками, низанными жем-

[1]) Головной уборъ.

чугомъ; а двѣ новыя шубы съ жемчугомъ — меньшимъ дѣтямъ *Марьѣ* и *Ѳедосьѣ*. Серебряные пояса и другія одежды мои раздать священникамъ, а сто рублей, оставленныхъ мною у казначея, по церквамъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему сыну, приказываю (поручаю) меньшихъ братьевъ и княгиню съ дочерьми: будь имъ по Богѣ главнымъ защитникомъ.—Грамату писалъ дьякъ великокняжескій *Кострома* при духовныхъ отцахъ моихъ, священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосьѣ и Давидѣ. Кто нарушитъ ее, тому Богъ судія».

Вы видите, милыя дѣти, какъ невелико было богатство прежнихъ государей нашихъ; однакожъ, довольствуясь и малымъ, они высоко цѣнили его; вы можете замѣтить это по той точности, съ которою сказано въ духовной даже о кольцахъ. А мы какъ часто считаемъ за ничто не только кольцо, но и вещи, гораздо драгоцѣннѣйшія, которыми дарятъ насъ нѣжные родители наши. Какъ часто вы готовы безразсудно отдать ихъ за какую нибудь бездѣлку, болѣе блестящую! Поучимся же у старинныхъ князей нашихъ быть бережливыми и сохранимъ надолго все, что получили мы отъ людей, которыхъ такъ много любимъ и уважаемъ! Вѣдь и Іоаннъ Калита получилъ отъ отца и дѣда почти всѣ тѣ вещи, которыя отказывалъ въ духовной дѣтямъ своимъ.

Семейство великаго князя Іоанна I Даніиловича Калиты:

Супруга: Елена.
Сыновья: 1) Симеонъ. 2) Іоаннъ. 3) Андрей.
Дочери: 4) Фетинья. 5) Марья. 6) Ѳеодосія.

СВЯТЫЙ МИТРОПОЛИТЪ АЛЕКСІЙ.

отъ 1340 до 1359 года.

(19 лѣтъ).

Богъ, посылая несчастія на предковъ нашихъ, посылалъ имъ также и утѣшителей, которые облегчали страданія ихъ и иногда даже спасали ихъ отъ новыхъ бѣдствій. Этими утѣшителями были по большей части святые служители Его, т. е. митрополиты, епископы, священники и монахи. Такъ первый митрополитъ *всей Россіи,* св. Петръ, старался всегда мирить князей, и особенно московскаго съ тверскимъ, и не имѣя возможности облегчить весь народъ отъ тягостной дани татарской, ѣздилъ нарочно въ Орду, чтобы по крайней мѣрѣ избавить отъ нея церкви Божія и домы ея служителей.

Такъ потомъ св. митрополитъ Алексій—во время новаго, ужаснаго бѣдствія, случившагося въ землѣ Русской въ 1352 году, при великомъ князѣ Симеонѣ, сынѣ Іоанна Калиты—заботился, какъ отецъ, о всѣхъ страдавшихъ несчастливцахъ. Это бѣдствіе была смертельная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ *черной смерти.* Человѣкъ умиралъ отъ нея въ ужасныхъ мученіяхъ, которыя продолжались два или три дня. Не одно отечество наше испытало всѣ ужасы этой болѣзни: *черная смерть* началась въ Китаѣ, гдѣ истребила около 13 милліоновъ людей, потомъ перешла въ Грецію, Сирію, Египетъ, перевезена была на корабляхъ въ Италію, Францію, Англію, Германію, наконецъ въ нашъ Псковъ и Новгородъ. Всѣ историки говорятъ, что нельзя вообразить зрѣлища болѣе страшнаго: въ одинъ день исчезали цѣлыя семейства! Сначала люди усердно ходили за своими больными, но потомъ, когда замѣтили, что не только они, но даже вещи ихъ были заразительны, всѣ начали оставлять несчастныхъ, даже сынъ бѣжалъ отъ отца, дочь отъ матери, братъ отъ брата! Въ это время общаго унынія людей, митрополитъ Алексій, такъ же какъ и многія другія духовныя особы, были для нихъ настоящими анге-

лами-хранителями. Они погребали несчастныхъ, оставленныхъ всѣми мертвецовъ; утѣшали живыхъ, огорченныхъ потерею родныхъ или друзей, и помогали бѣднымъ, осиротѣвшимъ, безпріютнымъ малюткамъ.

Въ 1353 году ужасная болѣзнь дошла до Москвы, и тамъ въ короткое время скончались отъ нея великій князь, два сына его и братъ, Андрей Іоанновичъ. Симеонъ, во время тридцати-лѣтняго княженія, слѣдовалъ правиламъ отца своего и такъ же, какъ онъ, заботился о томъ, чтобы вся Россія повиновалась *одному* государю. Онъ былъ не только строгъ съ князьями удѣльными и важенъ въ обхожденіи съ ними, отчего и названъ *Гордымъ,* но умѣлъ заслуживать почтеніе и отъ сильныхъ въ то время князей литовскихъ, сыновей славнаго Гедимина. Знаменитѣйшій изъ нихъ, *Ольгердъ,* сдѣлавшійся потомъ повелителемъ и братьевъ своихъ, и всей Литвы, былъ даже въ родствѣ съ великимъ княземъ Симеономъ [1]), а потомъ женилъ и брата своего Любарта на племянницѣ его, княжнѣ ростовской.

Когда Симеонъ Гордый скончался, всѣ князья русскіе поѣхали въ Орду, гдѣ уже не было Узбека, умершаго еще въ 1341 году. Сынъ и наслѣдникъ его, Чанибекъ, отдалъ престолъ великокняжескій брату Симеона—Іоанну Іоанновичу Московскому, князю кроткому и даже слабому.

Правленіе такихъ государей рѣдко бываетъ счастливое: доброе сердце и слабость ихъ дѣлаютъ дерзкими и собственныхъ подданныхъ ихъ, и враговъ чужеземныхъ. Такъ, новгородцы не хотѣли повиноваться намѣстникамъ Іоанна II и дѣлали въ своей области все, что хотѣли. Такъ даже въ Москвѣ, которая во всѣ времена славилась покорностію и любовью къ государямъ своимъ, происходили при Іоаннѣ II безпорядки разнаго рода, и даже одинъ изъ любимцевъ Іоанна найденъ былъ убитымъ на площади. Такъ, Ольгердъ, князь литовскій, уже не хотѣлъ, какъ прежде, уважать великаго князя, но, напро-

[1]) Онъ былъ женатъ на своячинѣ Симеона Гордаго, княжнѣ *Іуліаніи,* дочери князя Александра Михаиловича Тверского.

тивъ того, отнималъ города русскіе и едва не завладѣлъ всею Тверью.

Въ это смутное время св. митрополитъ Алексій снова имѣлъ случай показать усердіе свое къ отечеству. Слухъ о его добродѣтеляхъ, о его святости, о милости къ нему Божіей дошелъ даже до столицы татарской. Супруга хана Чанибека *Тайдула* вдругъ опасно занемогла. Въ тоскѣ болѣзненной ей казалось, что, кромѣ молитвъ русскаго митрополита Алексія, ничто не спасетъ ее отъ смерти. Она умоляла супруга своего послать за нимъ, и Чанибекъ исполнилъ ея желаніе. Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога и теплою молитвою къ Нему. Эта молитва была услышана: ханша Тайдула выздоровѣла и не знала, чѣмъ бы возблагодарить добраго избавителя своего. Скоро ей представился къ тому случай: Чанибекъ, котораго наши историки называютъ *добрымъ*, вскорѣ послѣ того былъ убитъ роднымъ сыномъ своимъ Бердибекомъ. Этотъ ужасный злодѣй не пощадилъ и братьевъ своихъ. Вы можете представить себѣ, милые читатели, какая участь ожидала бѣдное отечество наше подъ властію такого чудовища! Всѣ князья русскіе устрашились, когда услышали о новомъ ханѣ. Страхъ ихъ еще болѣе увеличился, когда вскорѣ потомъ они увидѣли предъ собою *баскака* или посла его, которому приказано было собрать новую, дотолѣ неслыханную дань, и жестоко наказывать всякаго, кто не заплатитъ ее. Всѣ были въ отчаяніи, думая, что настала совершенная погибель отечества. Одинъ св. Алексій не пришелъ въ уныніе и, напротивъ того, рѣшился на дѣло чрезвычайно смѣлое: рѣшился ѣхать въ Орду, умолять злодѣя, котораго въ исторіи называютъ *Тигромъ*. Онъ надѣялся на милость доброй Тайдулы, матери Бердибека. Уже нѣсколько разъ она оказывала ему разныя небольшія услуги и всегда желала имѣть случай сдѣлать что нибудь болѣе. Старанія и просьбы ея имѣли полный успѣхъ: жестокій ханъ умилостивился надъ Россіею, отмѣнилъ новую дань и приказалъ баскаку своему пріѣхать назадъ.

О! какая была радость, какой праздникъ въ Москвѣ, когда добрый митрополитъ возвратился изъ Орды! Всѣ

спѣшили къ нему навстрѣчу: великій князь, семейство его, бояре и народъ. Всѣ называли его своимъ ангеломъ-избавителемъ, всѣ желали поцѣловать, если не руку, то по крайней мѣрѣ одежду его! Въ эту сладостную минуту всѣ были еще болѣе тронуты, когда вдругъ увидѣли, что осьмилѣтній сынъ великаго князя, *Димитрій*, — о которомъ вы услышите потомъ много, много хорошаго, друзья мои, — подошелъ также къ митрополиту и нѣжнымъ, младенческимъ голосомъ сказалъ ему: «О, отецъ нашъ! ты избавилъ насъ отъ войны и смерти: какъ намъ благодарить тебя». Крупныя слезы катились по лицу малютки и показывали, сколько чувствительности, сколько любви къ народу уже было въ дѣтскомъ сердцѣ его. Митрополитъ съ восхищеніемъ обратилъ взоры свои на небо, къ престолу Божію: святая душа его предвидѣла будущую славу прекраснаго младенца и благословляла минуту его рожденія.

Говоря о святыхъ утѣшителяхъ и покровителяхъ Россіи, нельзя не сказать и о св. *Сергіи*, основателѣ знаменитой Троицкой лавры или монастыря въ окрестностяхъ Москвы. Этотъ добрый, благочестивый инокъ былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла. Съ самой нѣжной молодости онъ любилъ молиться Богу, любилъ размышлять о Немъ, и удалялся отъ общества веселыхъ товарищей своихъ. Уединеніе было для него такъ пріятно, что онъ, наконецъ, поселился въ лѣсахъ дремучихъ города Радонежа, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, и жилъ пустынникомъ нѣсколько лѣтъ; потомъ построилъ тамъ деревянную церковь св. Троицы и подлѣ нея нынѣшнюю лавру, или монастырь, для тѣхъ монаховъ, которые, слыша о добродѣтеляхъ его, приходили къ нему часто изъ отдаленныхъ странъ и желали остаться съ нимъ навсегда. Слава св. Сергія, одного изъ первыхъ чудотворцевъ нашихъ, была такъ велика и при жизни его, что всѣ князья, митрополитъ, бояре и народъ показывали къ нему особенное уваженіе, какъ будто предвидя будущую святость его, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ спрашивали совѣта его. Вы увидите потомъ его усердіе къ отечеству, и если будете въ Москвѣ, не забудьте съѣздить

въ Троицко-Сергіевскую лавру и поклониться святому гробу его.

Семейство великаго князя Симеона I Іоанновича Гордаго.

Супруги: 1) *Августа,* въ крещеніи *Анастасія,* княжна Литовская. 2) *Параскевія,* княжна Смоленская. 3) *Марія* Александровна, княжна Тверская.

Сыновья: a) Василій. b) Константинъ. c) Даніилъ. d) Михаилъ. e) Іоаннъ. f) Симеонъ.

Семейство великаго князя Іоанна II Іоанновича.

Супруги: 1) *Θеодосія* Димитріевна, княжна Брянская. 2) *Александра,* въ монахиняхъ *Марія.*

Сыновья: a) Димитрій. b) Іоаннъ.

МАЛОЛѢТСТВО ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО.

ОТЪ 1359 ДО 1362 ГОДА.

(3 года).

Мнѣ не нужно сказать вамъ, читатели мои, что храбрость—врожденное качество народа русскаго: нельзя исчислить, сколько разъ доказали это воины наши во всѣхъ вѣкахъ и при всѣхъ государяхъ; но, кромѣ того, бывали примѣры въ Россіи, что и дѣти ходили въ настоящія сраженія и побѣждали непріятелей своихъ съ такою же славою, какъ и взрослые люди! Вы удивляетесь—и вамъ очень хочется узнать, какія были эти дѣти? Хорошо, хорошо, я не заставлю васъ ждать долго и скорѣе приступлю къ дѣлу.

Въ 1359 году скончался великій князь Іоаннъ II Іоанновичъ, названный *Кроткимъ.* У него остались два сына: старшій *Димитрій,* о которомъ вы уже слышали, *девяти,* младшій *Іоаннъ, семи,* и еще племянникъ, сынъ брата Андрея Іоанновича, *Владиміръ, шести* лѣтъ. Этимъ

тремъ малюткамъ Іоаннъ II отказалъ въ такой же духовной, какую писалъ и дѣдъ ихъ, Іоаннъ Калита, свое наслѣдственное Московское княжество со всѣми принадлежавшими къ нему городами и деревнями, но ни одного изъ нихъ не назначилъ *великимъ княземъ,* потому что это назначеніе зависѣло отъ царя татарскаго.

Въ это время въ Ордѣ происходили ужасные безпорядки, ссоры, убійства. Ханы безпрестанно смѣнялись, истребляя другъ друга. Одинъ изъ нихъ, Темирхожа, былъ ханомъ только шесть дней, въ седьмой татары взбунтовались, простой темникъ *Мамай* былъ начальникомъ этого бунта, убилъ Темирхожу и отдалъ ханство какому-то *Авдулу,* который во всемъ повиновался ему.

Но не всѣ хотѣли имѣть царемъ своимъ Авдула: многіе вельможи татарскіе остались въ Сараѣ съ ханомъ *Мурутомъ;* другіе овладѣли землею болгарскою, третьи— мордовскою. Такъ царство Кипчакское раздѣлялось, ослабѣвало и приготовлялось къ своему паденію. Но это паденіе еще не такъ скоро случится. Имѣйте терпѣніе, друзья мои.

Вы можете себѣ представить, что во время такихъ безпорядковъ трудно было князьямъ русскимъ узнать отъ хановъ, кто будетъ великимъ княземъ послѣ Іоанна II. Они почти всѣ поѣхали въ Орду, даже и маленькій Димитрій. Урусъ, бывшій въ то время царемъ, вздумалъ безъ всякой особенной причины сдѣлать великимъ княземъ Димитрія Константиновича Суздальскаго, сына князя ростовскаго, никакими особенными достоинствами и дѣлами не заслужившаго столь важное отличіе. Всѣ русскіе удивились этому: всѣ знали, что ни дѣдъ, ни отецъ Димитрія Константиновича никогда не были великими князьями, что это достоинство принадлежало князьямъ московскимъ.

Маленькій Димитрій Іоанновичъ обидѣлся такимъ распоряженіемъ и выѣхалъ изъ Орды съ непремѣннымъ намѣреніемъ отнять у Димитрія Константиновича непринадлежавшее ему достоинство и заслужить его славными дѣлами и побѣдами. Эта мысль очень твердо поселилась въ дѣтскомъ умѣ смѣлаго мальчика. Мать его, великая княгиня Александра, митрополитъ Алексій и всѣ вѣрные бояре, лю-

бившіе отечество и предвидѣвшіе славу его отъ величія князей московскихъ, старались поддержать эту внушенную Богомъ мысль маленькаго героя, и чрезъ два года онъ былъ такъ неустрашимъ, что объявилъ себя великимъ княземъ и звалъ Димитрія Константиновича, жившаго все время своего княженія въ прежней столицѣ Россіи, Владимірѣ-Залѣсскомъ, на судъ къ хану. Это было въ то самое время, когда нѣсколько хановъ царствовало въ Кипчакской Ордѣ, но русскіе почитали законнымъ того изъ нихъ, который жилъ въ Сараѣ. Итакъ, бояре московскіе отправились къ Муруту. Напуганный, притѣсненный мятежникомъ Мамаемъ, Мурутъ обрадовался чести, какую сдѣлали ему московитяне, и согласился признать двѣнадцати-лѣтняго Димитрія великимъ княземъ русскихъ.

Но слабый ханъ Мурутъ не могъ дать вспомогательнаго войска новому великому князю и потому Димитрій Константиновичъ не уважалъ его суда и не выѣзжалъ ни изъ Владиміра, ни изъ Переяславля-Залѣсскаго. Тогда-то дѣти русскія показали храбрость свою! Не только Димитрій, но и младшій братъ его Іоаннъ и даже осмилѣтній Владиміръ пошли вмѣстѣ съ полками московскими усмирять непокорнаго князя Суздальскаго. Конечно, ихъ не только благословилъ на этотъ походъ, но даже и поѣхалъ вмѣстѣ съ ними св. митрополитъ Алексій; ихъ окружали умные и храбрые воеводы, ихъ защищали отъ опасностей всѣ воины грудью своею, но все-таки нельзя не удивляться ихъ смѣлости, нельзя не восхищаться ихъ неустрашимостію. Димитрій Константиновичъ, зная, что княземъ московскимъ былъ почти младенецъ, никакъ не ожидалъ, чтобы москвитяне осмѣлились идти противъ него и, не приготовясь къ сраженію, принужденъ былъ бѣжать изъ Переяславля и уступить престолъ великокняжескій маленькому сопернику своему. Государи русскіе еще не короновались тогда въ Москвѣ, но въ прежней столицѣ—Владимірѣ. Димитрій Іоанновичъ поѣхалъ также туда, прожилъ тамъ нѣсколько дней послѣ коронованія и возвратился въ Москву, не желая преслѣдовать непріятеля, который остался княжить въ наслѣдственномъ удѣлѣ своемъ.

Такъ благодѣтельная для насъ мысль *Андрея Бого-*

любскаго, Іоанна *Калиты* и Симеона *Гордаго,* мысль о томъ, чтобы всѣхъ князей удѣльныхъ привести подъ власть одного государя, по промыслу Божію, сдѣлалось также мыслью Димитрія. Мы скоро увидимъ, что Димитрій имѣлъ еще другую, славную цѣль всей своей жизни: онъ хотѣлъ освободить отечество свое отъ власти татаръ. Какъ же велика должна быть наша благодарность къ этому храброму князю! О! можно сказать навѣрное, что вы, дѣти, чувствуете эту благодарность, что вы очень любите добраго, храбраго Димитрія и съ удовольствіемъ прочтете на слѣдующихъ страницахъ разсказъ о славной побѣдѣ его.

ДОНСКОЕ СРАЖЕНІЕ ИЛИ БИТВА КУЛИКОВСКАЯ.

отъ 1362 до 1380 года.

(18 лѣтъ).

Много заботъ, трудовъ, безпокойствъ и огорченій ожидало Димитрія Іоанновича на престолѣ великокняжескомъ! Сначала ему надобно было нѣсколько разъ усмирять Димитрія Константиновича, который все еще стремился быть великимъ княземъ. Наконецъ, видя, что всѣ старанія его напрасны, онъ отказался отъ желанія своего и не только помирился съ Димитріемъ Іоанновичемъ, но даже, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, отдалъ за него дочь свою, *Евдокію.*

Послѣ мира съ главнымъ врагомъ своимъ, Димитрій долженъ былъ утѣшать бѣдныхъ московскихъ жителей въ несчастіяхъ, у нихъ случившихся: прежде отъ большого пожара [1]), истребившаго почти всю Москву, потомъ отъ возвратившейся въ нее ужасной *черной смерти.*

Но эти несчастія Москвы не были такъ важны, какъ тѣ, какія навлекъ на нее гордый и честолюбивый тверской князь *Михаилъ,* сынъ Александра Михаиловича. Онъ видѣлъ намѣреніе Димитрія покорить удѣльныхъ

---

[1]) Этотъ пожаръ называется въ исторіи нашей—*Всесвятскимъ,* потому что начался въ церкви *Всѣхъ Святыхъ.*

князей своей власти и, смотря болѣе на собственныя выгоды, нежели на пользу отечества, рѣшился противиться всѣми силами трудному, великому дѣлу Димитрія. Къ несчастію, Михаилъ имѣлъ сильныя средства дѣлать зло: знаменитый Ольгердъ, князь литовскій, наводившій въ то время съ братомъ своимъ Кестутіемъ страхъ на всѣхъ сосѣдей своихъ, былъ женатъ на сестрѣ Михаила, княжнѣ тверской Іуліаніи Александровнѣ. При всякой небольшой неудачѣ въ Россіи Михаилъ уѣзжалъ къ зятю въ Литву и возвращался оттуда съ войскомъ литовскимъ, которое не менѣе татарскаго разоряло отечество наше! Такъ, въ 1368 году онъ пришелъ вмѣстѣ съ самимъ Ольгердомъ, который три дня грабилъ, жегъ, опустошалъ Москву. Великій князь, братъ его Владиміръ Андреевичъ, митрополитъ Алексій и всѣ самые знатные бояре едва спаслись въ Кремлѣ [1]). Злой Ольгердъ, выходя изъ Москвы, еще хвасталъ тѣмъ, что русскіе долго не забудутъ его. Впрочемъ, это нашествіе литовцевъ не принесло никакой пользы Михаилу: Димитрій остался на престолѣ великокняжескомъ. Тогда недостойный князь тверской рѣшился просить помощи у Мамая, который въ это время былъ уже такъ силенъ, что соединялъ силою Волжскую Орду съ Золотою или Сарайскою и, сдѣлавъ ханомъ *Мамантъ-Салтана,* повелѣвалъ имъ какъ хотѣлъ. Михаилъ Александровичъ умѣлъ угодить гордому татарину, и Мамай далъ ему грамоту на великое княжество и посла ханскаго, чтобы возвести его на престолъ.

Но прошло то время, когда князья русскіе, не разсуждая, повиновались татарамъ: Михаилъ съ ханскою грамотою едва могъ убѣжать отъ полковъ московскихъ въ Вильну. Вы помните, что это была столица князя литовскаго. Старый Ольгердъ ласково принялъ зятя и опять согласился идти съ нимъ на русскихъ.

Кремль во второй разъ спасъ великаго князя и все семейство его. Пока литовцы стояли передъ этою славною

---

[1]) Послѣ пожара *Всесвятскаго,* Димитрій, видя, что деревянныя укрѣпленія ненадежны, построилъ *каменный Кремль,* и въ немъ-то спасся отъ Ольгерда.

крѣпостію, разсуждая о томъ, начинать ли приступъ,—братъ Димитрія, Владиміръ Андреевичъ и князь Пронскій пришли съ сильными полками изъ Перемышля и Рязани. Ольгердъ, увидѣвъ, что со всѣхъ сторонъ его окружали русскіе, испугался и началъ просить мира, увѣряя, что онъ будетъ *вѣчно* другомъ русскихъ. Чтобы доказать свою искренность, онъ предложилъ даже выдать дочь свою Елену за умнаго и храбраго князя Владиміра Андреевича. Добрые предки наши повѣрили ему: княжна литовская сдѣлалась княгинею русскою, но ссоры съ Ольгердомъ оттого не уменьшились, и до самой смерти своей онъ разорялъ отечество наше въ угодность зятю своему, который не прежде, какъ въ 1375 году, былъ совершенно усмиренъ великимъ княземъ. Въ договорной грамотѣ Михаилъ поклялся при митрополитѣ Алексіѣ почитать московскаго князя старшимъ и никогда не искать престола великокняжескаго. Молодой Димитрій Іоанновичъ былъ такъ добръ, что не только не отнялъ наслѣдственнаго княжества у смертельнаго врага своего (чего онъ, по справедливости, заслуживалъ), но даже позволилъ ему называться великимъ княземъ тверскимъ. Впрочемъ, одно это названіе не было важно: такъ называли сами себя часто и разные другіе князья, напримѣръ: рязанскіе и смоленскіе.

Войско русское почти не отдыхало въ славное княженіе Димитрія: едва окончилась продолжительная война съ тверскимъ княземъ, какъ уже полки московскіе шли въ Камскую Болгарію. Великій князь, безпрестанно думая о томъ, чтобы освободить милое отечество свое отъ власти татаръ, искалъ всѣхъ случаевъ вредить имъ. Камская Болгарія тогда принадлежала имъ; довольно было, чтобы заставить Димитрія овладѣть ею. Эта страна уже называлась въ то время не Камскою, но *Казанскою* Болгаріею, потому что въ ней былъ уже славный въ исторіи нашей городъ *Казань*. Его основалъ одинъ изъ татарскихъ хановъ, по имени *Саинъ*, который, идучи воевать Россію, былъ встрѣченъ тутъ многими князьями русскими. Боясь татаръ, какъ огня, они пришли къ нимъ съ покорностію

и принесли богатые дары. Саинъ[1]) сжалился надъ ними и не пошелъ на тотъ разъ далѣе. Мѣсто ему понравилось по красивому положенію своему, по изобилію во всемъ, особенно въ *пчелахъ* и *зеленыхъ лугахъ*, и Саинъ вздумалъ основать тутъ городокъ для того, чтобы татарскіе баскаки, посылаемые для собранія дани съ русскихъ, могли тутъ отдыхать. Онъ населилъ этотъ городокъ: болгарами, черемисами, вотяками, мордвою и назвалъ Казанью. *Казань* значитъ по-татарски *котелъ* или *золотое дно*.

Вотъ эта Казань была уже при Димитріи Іоанновичѣ не городкомъ, но богатымъ городомъ. Жители, думая испугать русское войско, посланное Димитріемъ, выѣхали на встрѣчу къ нему на верблюдахъ! Русскіе бросились на нихъ такъ скоро и неустрашимо, что верблюды едва успѣли повернуться и побѣжать назадъ къ городу. Два владѣтеля болгарскіе, *Осанъ* и *Махматъ-Солтанъ*, покорились великому князю и дали ему 2,000, а на воиновъ его 3,000 рублей, и обязались и впредь быть данниками московскаго князя.

Димитрій очень досадилъ татарамъ покореніемъ области, имъ принадлежавшей, но чрезъ два года потомъ, въ 1378 году—еще болѣе: онъ побѣдилъ въ Рязанской области, на берегахъ рѣки Вожи, сильное войско ихъ, посланное Мамаемъ наказать дерзкаго князя русскаго. Эта побѣда, первая одерженная надъ татарами съ 1224 года, привела въ ужасный гнѣвъ Мамая и показала ему, что русскіе уже не тѣ покорные рабы, какими были прежде. Нетерпѣливо желалъ онъ отмстить храброму Димитрію, и чтобы вѣрнѣе сдѣлать это, набралъ страшное войско изъ татаръ, половцевъ, турокъ, черкесовъ, яссовъ, жидовъ кавказскихъ и армянъ. Но все это войско не казалось еще Мамаю достаточнымъ для усмиренія русскихъ: онъ пригласилъ на помощь князя литовскаго. Тогда Ольгерда уже не было на свѣтѣ. Наслѣдникомъ его былъ любимый сынъ его, *Ягайло*, который началъ свое правленіе тѣмъ, что убилъ дядю Кестутія и принудилъ сына его, молодого *Витовта*, убѣжать въ Пруссію.

---

[1]) Этотъ *Саинъ* былъ или сынъ Батыевъ—*Сартакъ*, или Батый, котораго татарскіе историки называютъ *Сагиномъ*.

Мамай, слыша о такихъ злыхъ дѣлахъ Ягайлы, подумалъ: «Это будетъ славный помощникъ мнѣ!» И не ошибся. Литовскій князь обрадовался предложенію его и условился съ нимъ разорить совершенно землю Русскую и сжечь всѣ города, селенія и церкви христіанскія. Съ этими двумя безбожными врагами нашего отечества соединился еще третій. Кажется, онъ былъ еще хуже ихъ; вѣрно вы согласитесь съ этимъ, милые читатели, когда узнаете, что онъ былъ *русскій!* Да, грустно сказать это, — но онъ былъ князь рязанскій — *Олегъ!* Будучи жестокъ, хитръ, лукавъ, онъ умѣлъ скрывать свои пороки и показывалъ всегда столько почтенія и любви къ великому князю, что добрый Димитрій считалъ его истиннымъ другомъ своимъ. И послѣ того онъ не постыдился измѣнить ему: самъ предложилъ Мамаю и Ягайлѣ помощь свою и тайно согласился ждать ихъ на берегахъ Оки. Мамай обѣщалъ за то раздѣлить обоимъ союзникамъ своимъ завоеванное великое княжество. Эта награда была съ самаго начала причиной измѣны Олега; онъ думалъ, что всѣ соединенныя войска татарскія и литовскія разорятъ совсѣмъ княжества русскія и надѣялся въ это время не только сохранить свое, но даже увеличить его.

Между тѣмъ, какъ безсовѣстный Олегъ разсуждалъ такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Мамай и Ягайло мысленно уже считали звонкое *золото русское,* которымъ хотѣли *обогатиться,* въ Москвѣ все было въ тревогѣ. Но эта тревога происходила не отъ страха; напротивъ того, начиная отъ самыхъ храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ, до женщинъ и дѣтей, всѣ оживлены были какою-то смѣлостію, всѣ какъ будто думали, что уже настало время освобожденія отъ власти татаръ, какъ будто предчувствовали, что Богъ, сжалясь надъ страданіями русскихъ, наконецъ поможетъ имъ побѣдить своихъ притѣснителей.

Истинно-русскій поэтъ нашъ Языковъ, пламенно любившій свое отечество, часто переносился мыслію въ эти печальныя времена нашей исторіи и въ стихотвореніи своемъ: «*Баянъ къ русскому воину*» такъ заставляетъ говорить пѣвца того времени къ воину русскому:

О, бранный витязь! Ты печаленъ,
Одинъ, съ поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и нѣмой,
Среди могилъ, среди развалинъ:
Ты видишь въ родинѣ своей
Слѣды пожаровъ и мечей.

И неужель трава забвенья
Успѣетъ вырость на гробахъ,
Пока не вспыхнетъ въ сихъ поляхъ
Война рѣшительнаго мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣпи—злато приносили
И не свобода-ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій,
Ты грозно кинешься на бой,—
Кто сильный сдержитъ предъ тобой
Враговъ тьмочисленныя рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободнаго сильнѣе
Руки измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе,
Такъ пѣснь побѣдная громчей
Глухого скрежета цѣпей.

Не гордый духъ завоеваній
Зоветъ булатъ твой изъ ножонъ:
За честь, за вѣру грянетъ онъ
Въ твоей опомнившейся длани—
И передъ челнами татаръ
Не промахнется твой ударъ!

На бой, на бой! — И жаръ баяновъ
Съ народной славой оживетъ
И арфа смѣлыхъ пропоетъ:
«Конецъ владычеству тирановъ:
Ужасенъ ханъ татарскій былъ,
Но русскій мечъ его убилъ!»

Такъ смѣло и храбро думали во время княженія Димитрія Іоанновича, и примѣръ въ этой смѣлости и въ надеждѣ на Бога подавалъ всѣмъ жителямъ московскимъ— самъ государь. Какъ скоро Димитрій узналъ о намѣреніи Мамая и Ягайлы, первою мыслію его было — идти въ церковь и молить Бога о помощи. Усердная молитва укрѣпила еще болѣе и безъ того храбрый духъ его. Почти въ тотъ же часъ онъ разослалъ гонцовъ во всѣ области великаго княжества, чтобы собирать войско и вести его прямо въ Москву. Всѣ усердно спѣшили исполнить повелѣніе государя и чрезъ нѣсколько дней почти цѣлые города готовы были идти противъ непріятелей отечества. Каждый день приходили въ Москву новые полки подъ начальствомъ князей или бояръ своихъ. Я угадываю, милыя дѣти, что вамъ хочется знать, изъ какихъ именно городовъ и мѣстъ приходили эти добрые защитники нашихъ предковъ! Такое любопытство похвально, оно доказываетъ ваше уваженіе къ памяти этихъ почтенныхъ и добрыхъ людей. Итакъ, я скажу вамъ, что то были князья ростовскіе, бѣлозерскіе, ярославскіе съ своими дружинами; бояре владимірскіе, суздальскіе, переяславскіе, костромскіе, муромскіе, дмитровскіе, можайскіе, звенигородскіе, углицкіе, серпуховскіе съ *дѣтьми боярскими* [1]). Всѣ эти дружины составили многочисленное войско, которое нетерпѣливо желало выступить въ походъ. Но Димитрій прежде этого выступленія хотѣлъ съ неразлучнымъ другомъ—и послѣ ранней кончины родного брата, Іоанна— единственнымъ братомъ и товарищемъ своимъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми главными воеводами съѣздить въ уединенный Троицкій монастырь и тамъ принять благословеніе игумена Сергія, о благочестіи котораго читатели уже слышали. Этотъ святой старецъ хотя уже давно отказался отъ міра, но все еще пламенно любилъ свое отечество. Онъ радовался, неожиданно увидѣвъ храбрыхъ защитниковъ его въ тихомъ монастырѣ своемъ; радовался смиренію, съ которымъ они желали

---

[1]) Прежде эти *дѣти боярскіе* или *дружина бояръ* назывались *дѣтскими* и *отроками боярскими*.

получить чрезъ него благословеніе Божіе, потому что это смиреніе предвѣщало имъ помощь небесную и побѣду. Онъ упросилъ великаго князя отобѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ военачальниковъ и отпустилъ съ ними, раздѣлять опасности войны, двухъ монаховъ—*Александра Пересвѣта* и *Ослабя.* Димитрій, выѣзжая изъ Троицкаго монастыря, еще болѣе надѣялся одержать побѣду.

Въ церкви Михаила Архангела, надъ гробницею предковъ своихъ, государей московскихъ, великій князь еще разъ помолился Богу и простился съ печальною супругою. Горько плакала она, отпуская друга своего на сраженіе съ безчеловѣчными татарами. Невольно приходила ей въ голову мысль о всѣхъ князьяхъ, уже убитыхъ ими. И самъ мужественный супругъ ея едва удержалъ слезы, когда въ послѣдній разъ обнялъ ее и сказалъ: «Богъ нашъ заступникъ!» Далеко за ворота городскіе провожали московскіе жители добраго государя и войско его и только къ вечеру возвратились въ тихую столицу, гдѣ остались почти одни старики, женщины и дѣти.

Въ 94 верстахъ отъ Москвы, въ городѣ Коломнѣ, соединились съ Димитріемъ два союзника его, сыновья Ольгерда, князья *Полоцкій* и *Брянскій,* обиженные братомъ своимъ Ягайломъ и поклявшіеся отмстить ему.

Здѣсь великій князь осматривалъ все войско свое. Никогда еще оно не было такъ многочисленно: болѣе ста пятидесяти тысячъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, стояло въ рядахъ! Любуясь этими прекрасными, такъ много обѣщавшими рядами, Димитрій былъ спокоенъ и твердъ: его огорчала только измѣна Олега, и огорчала не потому, чтобы онъ боялся ее, но потому, что ему горестно было узнать измѣнника въ прежнемъ другѣ. Между тѣмъ Олегъ страдалъ отъ измѣны своей гораздо болѣе его: узнавъ, что великій князь не устрашился войны и уже перешелъ за Оку въ его собственную Рязанскую землю, онъ не зналъ, что дѣлать и къ кому пристать: боялся и Мамая, и Димитрія, раскаивался въ измѣнѣ и дрожалъ при одной мысли о томъ, что будетъ съ нимъ впослѣдствіи.

Мамай уже со всею ордою стоялъ за Дономъ и

ждалъ Ягайла. Войско наше подошло къ этой рѣкѣ, и долго разсуждали князья и бояре: переходить ли ее или ожидать здѣсь татаръ? Общимъ совѣтомъ рѣшено было—*перейти*, чтобы не дать Мамаю соединиться съ княземъ литовскимъ, и на другой день, рано поутру, все войско русское уже стояло на другой сторонѣ Дона, на берегахъ рѣки Непрядвы. Здѣсь Димитрій Іоанновичъ еще разъ взглянулъ съ высокаго холма на многолюдные полки свои. Мысль, что, можетъ быть, черезъ нѣсколько часовъ всѣ эти храбрые воины погибнутъ подъ ударами жестокихъ татаръ, такъ тронула доброе сердце его, что онъ упалъ на колѣни и, смотря на золотой образъ Спасителя на *черномъ* знамени великокняжескомъ, молился за народъ свой. Потомъ онъ объѣхалъ всѣ полки, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ, называлъ воиновъ *милыми братьями*, обѣщалъ имъ славу въ здѣшнемъ мірѣ и въ будущемъ.

Это было 8-го сентября 1380 года. Въ шестомъ часу дня войско наше дошло до поля *Куликова*, которое простиралось болѣе нежели на десять верстъ. Здѣсь русскіе увидѣли непріятелей. Татаръ было болѣе нежели нашихъ. Димитрій, не смотря на просьбы князей и бояръ, которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою, сражался въ передовомъ полку. Онъ первый ударилъ на враговъ; мѣсто его было въ рядахъ простыхъ воиновъ. Три часа продолжалась страшная битва, кровь лилась на всемъ обширномъ полѣ, но все еще нельзя было рѣшить, кто останется побѣдителемъ. Въ одномъ мѣстѣ русскіе тѣснили татаръ, въ другомъ татары—русскихъ. Однакожъ уже *большія* или княжескія знамена едва спасены были отъ рукъ Мамая, уже нѣкоторые изъ полковъ московскихъ хотѣли было бѣжать, какъ вдругъ князь Владиміръ Андреевичъ, начальникъ засаднаго полка, выступилъ изъ рощи, которая скрывала его отъ всѣхъ, и быстро, неустрашимо бросился на татаръ. Это смѣлое движеніе храбраго князя рѣшило судьбу сраженія: удивленные и изнуренные непріятели не могли уже противиться свѣжему войску и всѣ побѣжали! Мамай, увидѣвъ это бѣгство, вскричалъ съ тоскою отчаянія: «Великъ Богъ христіанскій!» и также побѣжалъ за своими воинами. Русскіе

гнали ихъ до рѣки *Мечи,* убивали и топили безъ счета и взяли въ добычу множество лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоцѣнностями.

Радость и счастіе побѣдителей были неописанны. *Перваго* героя этого знаменитаго въ нашей исторіи дня—великаго князя Димитрія Іоанновича назвали—*Донскимъ; второго,* князя Владиміра Андреевича,— *Храбрымъ.* Они вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ живыхъ князьями и боярами объѣзжали поле Куликово: много было убито русскихъ, но вчетверо болѣе татаръ; всего же, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ, было до 200,000 тѣлъ. Въ числѣ убитыхъ были также два инока Троицкаго монастыря—Александръ Пересвѣтъ и Ослабя. Великій князь плакалъ надъ всѣми ими и, въ знакъ благодарности къ храбрымъ защитникамъ отечества, приказалъ праздновать вѣчно память ихъ въ Дмитріевскую субботу, которая бываетъ между 18 и 26 числами октября.

Ягайло въ день Донского сраженія былъ уже только въ 30-ти верстахъ отъ Мамая, и узнавъ, чѣмъ оно окончилось, устрашился и побѣжалъ назадъ въ Литву такъ скоро, что русскіе не могли догнать его. Такъ счастливо Димитрію удалось въ одинъ день избавить Россію отъ двухъ сильныхъ непріятелей! Извѣстіе о побѣдѣ его восхитило не только жителей Москвы и областей великаго княжества, но и всѣхъ другихъ княжествъ. Народъ вездѣ смотрѣлъ на Донского, какъ на ангела-хранителя, вездѣ встрѣчали его съ неизъяснимымъ восторгомъ, какъ освободителя отечества отъ жестокой власти варваровъ; всѣ думали, что это освобожденіе уже исполнилось, что слава и счастіе нашего отечества уже навсегда возобновились, что татары послѣ Куликовской битвы никогда уже не осмѣлятся идти на русскихъ!

НОВОЕ БѢДСТВІЕ МОСКВЫ И РАЗБОИ НОВГОРОДЦЕВЪ.

отъ 1380 до 1388 года.

(8 лѣтъ).

Бѣдные предки наши обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: не прошло двухъ лѣтъ послѣ славнаго Донского сраженія и Москва была опять въ рукахъ татаръ, и она опять терпѣла всѣ тѣ ужасы, какіе происходили въ ней во времена Батыя! Новый мучитель ея, т. е. новый царь татарскій, былъ не Мамай, котораго уже не было на свѣтѣ, но смертельный непріятель его—ханъ *Тохтамышъ*, одинъ изъ потомковъ Чингисъ-хана. Во время безпорядковъ, происходившихъ въ Кипчакской Ордѣ около 1360 года, Тохтамышъ былъ изгнанъ оттуда ханомъ Урусомъ и убѣжалъ въ Бухарію къ монголамъ чагатайскимъ. Тамъ онъ умѣлъ войти въ милость къ главному эмиру или князю *Тамерлану*. Тамерланъ очень походилъ на страшнаго Чингисъ-хана, и такъ же, какъ онъ, хотѣлъ завоевать весь свѣтъ. Читатели мои, вѣрно, очень хорошо помнятъ этого злодѣя, который бросалъ людей въ котлы. Вотъ второй Чингисъ-ханъ, Тамерланъ, жалѣя объ участи Тохтамыша, изгнаннаго изъ отечества, далъ ему войско, чтобы отнять наслѣдственный престолъ свой у Мамая, который въ это время печально возвращался съ остатками своихъ полковъ съ поля Куликова. Мамая разбили совершенно. Тохтамышъ сдѣлался царемъ въ Ордѣ и послалъ къ великому князю требовать, чтобы всѣ князья наши, какъ подданные татаръ, немедленно явились къ нему. Русскіе удивились, но не встревожились; напротивъ того, они даже показали такъ много ненависти къ татарамъ, что посолъ ханскій не смѣлъ ѣхать далѣе Нижняго-Новгорода и возвратился въ Сарай. Димитрій, слишкомъ надѣясь на слабость Орды, вовсе не думалъ ни о новомъ ханѣ, ни о томъ, чтобы приготовиться къ защитѣ.

Тохтамышъ молчалъ около года и вдругъ услышали въ Москвѣ страшную вѣсть: что онъ идетъ на Россію, и что безчестный Олегъ, не смотря на благодѣянія вели-

каго князя, простившаго прежнюю измѣну его, опять отдалъ отечество на жертву варварамъ и дружески встрѣтилъ ихъ на границахъ своего Рязанскаго княжества. Эта вѣсть была ужасна для всѣхъ русскихъ, совсѣмъ не приготовившихся къ ней; но еслибы всѣ князья равно любили свое отечество и соединили войска свои, можно было бы ручаться, что еще одно сраженіе такое, какъ было Донское, и Россія навсегда освободилась бы отъ притѣснителей своихъ. Но вмѣсто этого спасительнаго согласія, всѣ князья оставили Димитрія на жертву Тохтамышу, шедшему прямо на Москву. Даже тесть его, князь Нижегородскій, не хотѣлъ помочь ему, но, напротивъ того, послалъ къ хану двухъ сыновей своихъ съ дарами. Великій князь въ уныніи потерялъ твердость духа и, не имѣя надежды побѣдить Тохтамыша съ однимъ только вѣрнымъ помощникомъ своимъ, братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, вздумалъ, что лучше защищаться въ крѣпости, нежели выйти на встрѣчу непріятелю, и удалился въ Кострому со всѣмъ своимъ семействомъ. Тогдашній митрополитъ *Кипріанъ,* родомъ грекъ, также выѣхалъ въ Тверь, и народъ московскій, оставленный государемъ и митрополитомъ, шумѣлъ и спорилъ съ боярами: то приходилъ въ отчаяніе, то храбро защищался, и наконецъ 16 августа 1382 года сдалъ столицу Тохтамышу. Жестокій ханъ принудилъ его къ тому хитростію: онъ обѣщалъ жителямъ не разорять Москвы и тотчасъ уйти изъ нея, если они сдадутся добровольно. Москвитяне повѣрили и дорого заплатили за легковѣріе: татары злодѣйствовали въ Москвѣ съ обыкновеннымъ звѣрствомъ своимъ, убивали всѣхъ, кого встрѣчали; грабили все, что находили въ церквахъ, дворцахъ, домахъ и погребахъ; неконецъ, выходя, зажгли весь городъ.

Такую же участь вытерпѣли и другіе города великаго княжества: Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ. Не спаслась и область Рязанская, не смотря на измѣну князя ея: татары и тамъ поступили, какъ въ землѣ непріятельской, и доказали Олегу, какъ ненадежна милость, купленная безчестіемъ.

Съ горестію возвратился въ Москву великій князь и увидѣлъ всѣ несчастія столицы своей: на однѣхъ улицахъ нашли 24,000 мертвыхъ тѣлъ, не считая въ томъ числѣ сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Димитрій, видя, какъ безполезно для людей унывать въ бѣдствіяхъ, собралъ всѣ силы огорченной души своей и принялся вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ возобновлять красоту Москвы, о которой съ восхищеніемъ говорили историки того времени. На слѣдующій годъ, для спокойствія подданныхъ своихъ, онъ уже съ честію принялъ ханскаго посла, отпустилъ съ нимъ въ Орду старшаго сына своего *Василія*, заплатилъ большую дань Тохтамышу, который хотя былъ и страшенъ въ гнѣвѣ, но любилъ миловать показывающихъ раскаяніе и покорность, и потому великій князь не боялся за жизнь сына: ханъ принялъ его очень ласково.

Но Димитрію Іоанновичу видно неопредѣлено было жить спокойно: едва началъ онъ забывать ужасное нашествіе Тохтамыша, какъ уже новыя огорченія, новыя безпокойства готовились для доброй души его. Эти огорченія, эти безпокойства причиняли ему своевольные подданные его, новгородцы. Они не только отдали безъ согласія его два города свои: Ладогу и Русу, берегъ Наровскій одному изъ князей литовскихъ, *Патрикію Наримантовичу*, но въ послѣдніе годы, когда великій князь былъ занятъ приготовленіемъ къ Донскому сраженію и потомъ несчастіями Москвы отъ нашествія Тохтамыша, новгородцы, наскучивъ тишиною своей области, вздумали заниматься разбоями и называли это ужасное ремесло—*удальствомъ* или *молодечествомъ*. Они сбирались большими толпами, выбирали себѣ начальника, котораго называли *атаманомъ*, и отправлялись грабить деревни и города по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году они завладѣли такимъ образомъ Ярославлемъ; въ 1375—Костромою, и цѣлую недѣлю злодѣйствовали въ ней: брали въ неволю людей, грабили домы, лавки, бросали въ рѣку то, чего не могли взять съ собою. Оттуда они отправились далѣе внизъ по Волгѣ, и не боялись никого, разорили всѣ береговыя селенія до самаго *Хазиторақаня* или нынѣшней Астрахани. Правда, что эти разбойники были тамъ всѣ убиты татарскимъ

княземъ *Салъчеемъ*, но у новгородцевъ была не одна такая шайка. Съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивалось, и наконецъ дерзость новгородцевъ дошла до того, что правительство ихъ начало захватывать даже доходы великокняжескіе, а духовенство не захотѣло повиноваться митрополиту московскому. Великій князь сначала старался и кротостію, и угрозами напомнить имъ обязанность ихъ къ государю, но когда увидѣлъ, что все это напрасно, и что новгородцы хотятъ непремѣнно быть независимыми отъ великаго княжества, рѣшился смирить ихъ оружіемъ. Онъ собралъ войска съ двадцати шести областей своихъ; кромѣ того, соединились съ нимъ даже нѣкоторые изъ подданныхъ Новгорода, какъ-то: жители Вологды, Бѣжецка, Торжка, недовольные безпорядками своевольнаго правительства. Съ этими страшными силами великій князь расположился лагеремъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Тутъ встрѣтилъ его архіепископъ новгородскій, умоляя простить вину Новгорода, который готовъ заплатить ему 8,000 рублей за дерзости своихъ разбойниковъ. Добрый Димитрій, милостивый и для непокорныхъ подданныхъ, согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему какъ государю своему, платилъ каждый годъ *черной боръ* или *дань*, собираемую съ чернаго народа, и внесъ бы 8,000 рублей за разбойниковъ. Кромѣ того, они должны были взять у литовскаго князя Русу и Ладогу.

Такъ и гордость новгородская смирилась передъ героемъ Донскимъ! Мнѣ остается разсказать вамъ, милыя дѣти, еще одно знаменитое дѣло его! оно много облегчило судьбу отечества нашего и потому заслуживаетъ наше особенное вниманіе.

ВЕЛИКОДУШІЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА ХРАБРАГО.

1389 годъ.

Это славное государственное дѣло было: новый порядокъ въ наслѣдованіи престола. Вы помните, что до того времени наслѣдникомъ государя русскаго былъ всегда не сынъ его, но братъ, какъ старшій въ родѣ. Вы помните также, сколько споровъ и несогласій было за это въ семействахъ княжескихъ. Какъ часто сынъ, воспитанный въ глазахъ отца своего, великаго князя, наученный примѣромъ его трудной наукѣ управлять государствомъ, долженъ былъ уступить свои законныя права дядѣ, можетъ быть никогда не выѣзжавшему изъ своего маленькаго удѣльнаго городка, незнакомому съ тѣми знаніями, какія имѣлъ его племянникъ. Какъ часто народъ терялъ при такомъ случаѣ свое счастіе, или проливалъ кровь свою въ междоусобной войнѣ неуступчивыхъ наслѣдниковъ. Бѣдные предки наши чувствовали всю несправедливость такого установленія первыхъ государей своихъ, но, уважая память ихъ, не смѣли явно противиться ему. Владиміръ Мономахъ, Георгій Долгорукій, Андрей Боголюбскій были первые изъ князей, которые громко заговорили о невыгодахъ такого порядка въ наслѣдствѣ, но не имѣли еще столько силы и смѣлости, чтобы отмѣнить древній законъ отцовъ своихъ и ввести новый. Исполненіемъ этого труднаго дѣла мы обязаны Димитрію Іоанновичу Донскому и доброму, великодушному Владиміру Андреевичу. Будучи старшимъ въ родѣ, какъ двоюродный братъ великаго князя, онъ былъ законнымъ наслѣдникомъ московскаго престола послѣ смерти Димитрія. Но, любя отечество свое болѣе всѣхъ выгодъ, какія могло доставить ему великое княжество, Владиміръ добровольно отказался отъ правъ своихъ и согласился на предложеніе Димитрія постановить новый законъ о наслѣдствѣ. Въ договорной граматѣ, которая была написана у нихъ по этому случаю, сказано, что Владиміръ Андреевичъ признаетъ Димитрія отцомъ, сына его Василія—братомъ *старшимъ*, Георгія—*равнымъ*,

а *меньшихъ* сыновей великаго князя—*младшими* братьями; всѣхъ же вообще наслѣдниками великаго княжества послѣ смерти Димитрія.

Не правда ли, любезные читатели, какъ благородно, какъ великодушно поступилъ добрый Владиміръ Андреевичъ? Подписывая эту договорную грамату, онъ сравнялся заслугами отечеству съ самыми знаменитыми государями нашими; съ того времени кончились кровопролитныя ссоры дядей и племянниковъ, и навсегда утвердился лучшій порядокъ въ наслѣдованіи престола.

1389 годъ былъ несчастливъ для Россіи: она лишилась любимаго государя своего, Димитрія Іоанновича, и тогда какъ ему исполнилось только сорокъ лѣтъ! Болѣзнь его случилась вдругъ и продолжалась нѣсколько дней. Передъ смертію онъ представилъ окружавшимъ его боярамъ своего семнадцатилѣтняго сына Василія, какъ будущаго государя ихъ, и выбралъ ему девять совѣтниковъ изъ опытныхъ вельможъ. Съ удивительною твердостію говорилъ онъ съ ними еще за нѣсколько минутъ до кончины; просилъ ихъ служить вѣрно семейству его и отечеству; обнялъ нѣжную супругу свою; благословилъ каждаго изъ сыновей. Послѣднія слова его были: «Богъ мира да будетъ съ нами!»

Трудно описать горесть, какую чувствовалъ народъ о кончинѣ Димитрія. Никого изъ государей своихъ, исключая Мономаха и Александра Невскаго, не любилъ онъ такъ, какъ Донского! Димитрій въ полной мѣрѣ заслуживалъ эту любовь. Кромѣ храбрости, которая доставила ему имя *перваго побѣдителя татаръ*, онъ имѣлъ всѣ достоинства превосходнаго государя, и только по добродушію своему не присоединилъ Рязань и Тверь къ Москвѣ въ то время, когда могъ это сдѣлать. Вы помните, читатели мои, Олега Рязанскаго и Михаила Тверского? Они сдѣлали столько зла отечеству своему, что можно было бы порадоваться, еслибы Димитрій Донской былъ не столько совѣстливъ и отнялъ бы у нихъ княжества ихъ. Они, право, стоили того.

Въ двадцати-шести-лѣтнее княженіе Димитрія случилось еще много примѣчательныхъ происшествій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили. Въ числѣ самыхъ важныхъ было крещеніе въ вѣру христіанскую пермянъ и литов-

цевъ. *Пермью* называлась обширная страна въ сѣверной Россіи отъ рѣки Двины до горъ Уральскихъ. Жители ея, пермяне и зыряне, давно уже платили дань русскимъ, которые, получая отъ нихъ много серебра и мѣховъ, не принуждали ихъ креститься. Въ это время одинъ молодой монахъ, *Стефанъ*, сынъ церковника въ городѣ Устюгѣ, принялъ на себя подвигъ просвѣтить этихъ идолопоклонниковъ. Онъ выучился языку пермскому, выдумалъ для него особенныя буквы, перевелъ главныя церковныя книги съ славянскаго языка и отправился къ дикарямъ проповѣдывать Евангеліе. Богъ благословилъ его усердіе. Пермяне поняли истину его ученія, начали сами истреблять своихъ идоловъ [1]) и шли цѣлыми толпами къ Стефану, чтобы креститься. Митрополитъ московскій сдѣлалъ его первымъ епископомъ пермскимъ. Во все время жизни своей Стефанъ былъ покровителемъ народа, имъ просвѣщеннаго. Нетлѣнное тѣло его, прославленное святостію, погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія.

Но крещеніе литовцевъ происходило совсѣмъ иначе. Ихъ не просвѣщалъ кроткій служитель Божій, но крестилъ волею и неволею князь ихъ, сердитый Ягайло. Можетъ быть читатели мои удивятся, какъ это Ягайло—самъ идолопоклонникъ—вздумалъ крестить народъ свой? Вотъ какъ. Въ 1382 году умеръ король польскій Людовикъ. У него не осталось сына, но одна пятнадцатилѣтняя дочь, прекрасная, добрая, благочестивая Гедвига. Польскіе вельможи, управлявшіе государствомъ, искали для молодой королевы такого супруга, который бы могъ защитить ея владѣнія отъ нападенія враговъ чужеземныхъ. Изъ всѣхъ князей, сосѣднихъ къ Польшѣ, не было сильнѣе Ягайла. Итакъ, его избрали супругомъ прекрасной королевнѣ польской, съ тѣмъ условіемъ однакожъ, чтобы онъ принялъ вѣру христіанскую. Вотъ для того, чтобы жениться на Гедвигѣ и сдѣлаться чрезъ то королемъ польскимъ, Ягайло согласился самъ креститься и потомъ крестить весь народъ свой. И какъ же онъ крестилъ его? Онъ не училъ такъ, какъ училъ св. Стефанъ и другіе про-

---

[1]) Главнымъ идоломъ народа пермскаго былъ: *Золотая баба* или каменное изображеніе *старухи съ двумя дѣтьми*.

повѣдники вѣры Христовой, но только ставилъ литовцевъ въ ряды цѣлыми полками и заставлялъ ихъ читать *Символъ вѣры.* Въ это время священники кропили ихъ святою водою и давали имъ имена христіанскія, но чтобы не терять времени, выдумывая разныя имена—въ одномъ полку называли всѣхъ людей *Петрами,* въ другомъ—*Павлами,* въ третьемъ—*Иванами,* и такъ далѣе. Надобно сказать вамъ, что вѣра поляковъ, принятая и Ягайломъ, была не наша греческая, но латинская или католическая. Отъ этого произошли новыя бѣды для тѣхъ русскихъ областей, которыя были подъ властію Литвы и Польши [1]), теперь соединенныхъ въ одно государство. Ягайло, усердный католикъ, уже не любилъ греческихъ христіанъ и всячески старался притѣснять ихъ.

Въ княженіе Димитрія Донского предки наши перестали употреблять *куны* или кожаныя деньги и начали дѣлать, кромѣ *рублей,* мелкую серебряную монету по образцу татарской. Татары называли свою серебряную монету *тангою,* а мѣдную—*пулою.* И русскіе называли также свою. Это названіе нѣсколько измѣнилось потомъ отъ выговора: изъ *танги* сдѣлались деньги, а изъ *пулы*—*полушки.* И теперь еще у любителей древностей можно найти эти самыя старинныя серебряныя монеты наши. Каждая изъ нихъ вѣситъ $^1/_4$ золотника. На нихъ изображена фигура человѣка, сидящаго на лошади.

Въ послѣдній же годъ княженія Димитрія появилось у насъ *огнестрѣльное оружіе,* выписанное предками нашими изъ нѣмецкой земли. Здѣсь кстати сказать вамъ, что порохъ изобрѣтенъ около половины XIV столѣтія францисканскимъ монахомъ *Бертольдомъ Шварцомъ.*

Семейство великаго князя Димитрія IV Іоанновича Донского.

Супруга: Евдокія, въ монахиняхъ Евфросинія, дочь князя суздальскаго, Димитрія Константиновича.

Сыновья: 1) Даніилъ, умеръ въ дѣтствѣ. 2) Василій, наслѣдникъ престола. 3) Юрій. 4) Петръ. 5) Андрей. 6) Іоаннъ. 7) Константинъ.

---

[1]) *Литвѣ* принадлежали всѣ города, отнятые у насъ Гедиминомъ; *Польшѣ*—княжества *Галицкое* и *Волынское* или все прежнее королевство Романа Галицкаго.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ.

ОТЪ 1389 ДО 1425 ГОДА.

(36 лѣтъ).

Счастливъ тотъ человѣкъ, который горячо любитъ Бога, искренно боится прогнѣвить Его и въ горести твердо надѣется на Его помощь. Никакія опасности для него не страшны: онъ всегда можетъ быть увѣренъ, что, усердно помолясь Богу, онъ будетъ услышанъ Имъ и избавленъ отъ бѣды! Это испытали предки наши. Послушайте, какъ чудесно Онъ показалъ имъ однажды, что молитвы людей доступны свѣтлому престолу Его.

Уже прошло болѣе пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ молодой сынъ и наслѣдникъ Донского, великій князь Василій II Димитріевичъ, вступилъ безъ всякаго спора на престолъ великокняжескій; уже онъ успѣлъ показать подданнымъ своимъ, что во многомъ походилъ на знаменитаго отца своего: твердость духа, умъ, намѣренія, желанія— все было у нихъ одинаково. Василій такъ же, какъ и Димитрій, понималъ, что счастіе Россіи требуетъ усиленія великаго княжества, и уже въ первые годы своего княженія умѣлъ сдѣлать то, о чемъ не смѣлъ еще и думать отецъ его: онъ присоединилъ къ Москвѣ, съ согласія хана, сильныя княжества Суздальское и Нижегородское и, кромѣ того, получилъ отъ него города: Мещеру, Городецъ, Торусу и Муромъ.

Увеличивъ такимъ образомъ великое княжество, усмиривъ новый бунтъ безпокойныхъ поданныхъ своихъ, новгородцевъ, Василій весело праздновалъ свадьбу свою съ Софіею, дочерью литовскаго князя Витовта, какъ вдругъ разнеслась страшная вѣсть, что новый Батый, чагатайскій ханъ Тамерланъ, идетъ на Россію! Читатели мои уже слышали нѣсколько объ этомъ безстрашномъ государѣ татарскомъ, хотѣвшемъ завоевать цѣлый свѣтъ. Вы помните, что онъ помогъ Тохтамышу побѣдить Мамая и завладѣть *Золотою Ордою*. Но благодарности не знаютъ народы полудикіе. Тохтамышъ забылъ все, чѣмъ обязанъ былъ Тамер-

лану, и осмѣлился идти войною на этого государя, уже повелителя двадцати-шести царствъ въ трехъ частяхъ міра! Уже онъ послалъ войско свое разорять сѣверную Персію. Тамерланъ, узнавъ о такой дерзости, пошелъ самъ наказать его и между рѣками Терекомъ и Курою, въ черкесской землѣ, встрѣтились жестокіе враги. Тохтамышъ былъ совершенно разбитъ и бѣжалъ за Волгу. Ужасный завоеватель Востока пошелъ къ сѣверу вслѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ, перешелъ Волгу, степи саратовскія, и уже взялъ одинъ русскій городъ Елецъ. Всѣ встревожились и тотчасъ вообразили, что настало опять то время, какое было за 160 лѣтъ назадъ. Одинъ великій князь не пришелъ въ уныніе и доказалъ, что былъ достоинъ отца своего: не теряя времени, сóбралъ онъ многочисленное войско, въ которомъ еще можно было видѣть стариковъ, сражавшихся на полѣ Куликовомъ, и, поручивъ Москву храброму дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, самъ выступилъ съ полками на берега Оки.

Отпуская молодого государя своего на опасную войну съ татарами, московскіе жители показали столько унынія, что Василій, желая утѣшить и ободрить добрый народъ свой, писалъ изъ Коломны къ митрополиту московскому, чтобы онъ послалъ во Владиміръ за образомъ Божіей Матери Пирогощей, привезеннымъ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Кіева. Вы помните, милые читатели, то странное происшествіе, которое случилось съ Андреемъ въ то время, когда онъ подъѣзжалъ съ этимъ образомъ къ Владиміру. Многіе другіе случаи и особенно побѣда Андрея надъ болгарами, приписанная также помощи этого образа, внушила предкамъ нашимъ глубокое уваженіе къ нему. Молитва предъ Святою Дѣвою, на немъ изображенною, успокоивала ихъ надеждою вѣрной помощи въ бѣдствіи. Поэтому вы можете судить, какъ обрадовались москвитяне, когда услышали, что къ нимъ принесутъ чудотворный владимірскій образъ! Но зато владимірцы горько плакали о немъ! Далеко по дорогѣ провожали они святую Защитницу свою. Между тѣмъ въ Москвѣ всѣ съ восхищеніемъ приготовлялись къ принятію Ея, и митрополитъ, все духовенство, князь Владиміръ Андреевичъ, семейство вели-

каго князя, бояре и народъ встрѣтили образъ за городомъ, на *Кучковѣ* полѣ, гдѣ теперь монастырь *Срѣтенскій*. Увидѣвъ его издали, всѣ упали на колѣни и со слезами говорили: «Матерь Божія! спаси землю Русскую!» Но всѣ, говоря это, проливая слезы, были спокойны: всѣ уже имѣли сладостное предчувствіе, что Господь не оставитъ надѣющихся на Него.

И это предчувствіе было справедливо, было такъ справедливо, что всѣ удивились и не знали, какъ благодарить Бога за чудесное спасеніе свое! Представьте себѣ, что Тамерланъ уже шелъ по берегамъ Дона, разоряя всѣ селенія и города. По всему примѣтно было, что онъ хотѣлъ идти къ Москвѣ, но вдругъ остановился, цѣлыя двѣ недѣли пробылъ на одномъ мѣстѣ, и потомъ, 26 августа 1395 года — въ самый тотъ день и часъ, когда жители Москвы съ такою истинною вѣрою встрѣтили образъ Божіей Матери на Кучковѣ полѣ, поворотилъ къ югу и вышелъ изъ Русской земли! Это было удивительно, непонятно для ума человѣческаго, но легко и возможно для Бога Всемогущаго! Великій князь и все войско, радуясь избавленію отечества отъ самаго ужаснаго завоевателя, спѣшили возвратиться въ Москву и усердными молитвами передъ спасительнымъ образомъ благодарили за чудесную помощь Божію! Великій князь построилъ каменную церковь Пресвятой Богородицѣ и монастырь на полѣ Кучковѣ и установилъ съ того времени праздновать Срѣтеніе Богоматери въ день 26-го августа.

Между тѣмъ Тамерланъ заставилъ несчастный городъ Азовъ, землю черкесскую и ясскую, Астрахань и Сарай вытерпѣть все то, что̀ приготовлялъ Москвѣ: всѣ эти области были разорены и выжжены. Орда кипчакская послѣ нашествія его осталась въ самомъ жалкомъ положеніи: три хана присвоивали ее себѣ: Тохтамышъ, Кайричакъ и Тимуръ-Кутлукъ.

ВРАГИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

Богъ любитъ отечество наше, милыя дѣти! Вы вѣрно и сами видите это, читая исторію нашу. Сколько бѣдъ и несчастій оно переносило! И страшные завоеватели чужеземные, и собственные князья русскіе разоряли, жгли, опустошали его! Благородные, великодушные государи его должны были преклонять колѣна предъ дикими варварами, должны были болѣе двухсотъ лѣтъ безпрестанно дрожать за жизнь не только подданныхъ своихъ, но и за свою собственную! Кромѣ татаръ,—этихъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ мучителей Россіи,—сколько еще другихъ враговъ желали погубить ее! Сначала печенѣги и половцы, потомъ шведы, датчане, нѣмцы, литовцы, поляки, венгры — всѣ, въ свою очередь, нападали на русскихъ и истребляли ихъ. Посреди такихъ опасностей, что другое, кромѣ любви и помощи Божіей, могло спасти ихъ? И какъ премудро посылалась имъ эта небесная помощь! Когда въ ордѣ царствовалъ ханъ, болѣе другихъ любившій войну и кровопролитіе, тогда и Россіи Богъ посылалъ храбраго князя, который умѣлъ противиться злому татарину; когда, напротивъ того, царь татарскій болѣе любилъ спокойную и веселую жизнь въ Сараѣ и деньги, на которыя можно было покупать все, что̀ веселило его, тогда на русскомъ престолѣ, вѣрно, былъ щедрый и миролюбивый князь, который радовался, что деньгами — а не кровью, могъ покупать спокойствіе своихъ подданныхъ. Когда сосѣднею Литвою управлялъ злой, жестокій, жадный Ольгердъ, тогда у насъ былъ умный, неустрашимый Димитрій Донской. Когда литовскимъ княземъ сдѣлался храбрый и хитрый Витовтъ, племянникъ Ольгерда, тогда великимъ княземъ московскимъ былъ не менѣе его хитрый сынъ Донского, Василій II. Болѣе двадцати лѣтъ продолжались ссоры этихъ двухъ князей, не смотря на то, что дочь Витовта, Софія, была замужемъ за Василіемъ Димитріевичемъ. Оба они были примѣчательными людьми своего времени, и потому читатели мои вѣрно захотятъ узнать нѣсколько подробнѣе ихъ исторію.

Витовтъ былъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ завоевателей. Король Ягайло, сдѣлавшись супругомъ наслѣдницы польскаго престола, Гедвиги, уже не думалъ о войнѣ и, не заботясь о литовскомъ княжествѣ, не выѣзжалъ никуда изъ польской столицы своей, Кракова. Витовтъ, пользуясь тѣмъ, овладѣлъ Литвою, а чрезъ нѣсколько времени и Волыніею.

Но все это казалось мало ненасытному: въ 1395 году онъ завладѣлъ Смоленскомъ, такъ что уже, кромѣ литовскихъ земель, ему принадлежала вся старинная земля вятичей, т. е. нынѣшняя Орловская губернія съ частію Калужской и Тульской, множество удѣльныхъ городовъ князей черниговскихъ; однимъ словомъ, Витовтъ былъ государемъ надъ всею южною Россіею и замышлялъ отнять у Василія Димитріевича и послѣднія, оставшіяся у него, области, гдѣ сохранялась жизнь и будущее величіе русскихъ. Сколько надобно было Василію имѣть мужества, благоразумія, осторожности и даже хитрости, чтобы не допустить злого Витовта исполнить его намѣреніе! Ему удалось это совершенно, и Витовтъ, видя твердость князя русскаго, отказался отъ своихъ замысловъ и въ послѣдніе годы княженія Василія жилъ уже въ мирѣ съ нимъ. Гордость его была очень много усмирена татарами. Чрезвычайная страсть повелѣвать другими и отнимать чужія владѣнія внушила ему однажды мысль побѣдить—прежде сарайскаго хана, Тимура-Кутлука, а потомъ и покровителя его, самого Тамерлана. Чтобы завести ссору съ Кутлукомъ, онъ призвалъ къ себѣ изгнаннаго изъ орды хана Тохтамыша и обѣщалъ возвратить ему опять престолъ татарскій. Тохтамышъ обрадовался такому счастію: князь литовскій уже давно славился своею силою и храбростію, и на помощь его можно было надѣяться. Вотъ они отправились на татаръ. Витовтъ приглашалъ въ этотъ походъ и зятя своего, Василія Димитріевича; но умный великій князь, видя изъ примѣра южной Россіи, что власть литовская еще хуже для русскихъ—татарской, и зная, что послѣ побѣды надъ татарами уже все должно будетъ покориться Витовту, умѣлъ отговориться отъ приглашенія тестя и не далъ ему вспомогательнаго войска.

Гордый Витовтъ оставилъ безъ вниманія отказъ Василія: онъ надѣялся, что и безъ помощи русскихъ справится съ татарами, но ошибся. У Тимура-Кутлука былъ, хотя старый, но умный и храбрый воевода *Эдигей*. Ему суждено было наказать дерзкаго князя литовскаго, который въ первомъ же сраженіи былъ такъ разбитъ татарами, что едва могъ спасти третью часть своего войска. Ханъ Тимуръ-Кутлукъ гналъ его до самаго Днѣпра, взялъ съ Кіева 3,000 рублей серебра литовскаго, оставилъ въ этомъ городѣ своихъ баскаковъ и разорилъ области Витовта до самаго Луцка. Такъ всегда бываютъ наказаны гордые!

Старикъ Эдигей былъ памятенъ и для сѣверной Россіи: въ 1408 году онъ приходилъ разорять ее за позволеніе, данное великимъ княземъ сыновьямъ Тохтамыша, жить въ Россіи. Это нашествіе татаръ было такъ же ужасно, какъ и прежнія. Всѣ мѣста отъ рѣки Дона до Бѣлаго Озера и Костромского Галича были разорены. Только Москва, благодаря храбрости князя Владиміра Андреевича, спаслась. Впрочемъ, этотъ походъ Эдигея не принесъ большой пользы татарамъ; новые безпорядки въ Ордѣ заставили его скорѣе возвратиться туда, а русскимъ дали возможность не слушать приказаній хановъ. Хотите ли, дѣти, прочитать письмо, которое старый Эдигей написалъ съ дороги къ великому князю? Оно очень любопытно, потому что покажетъ вамъ, какъ думали и писали тогда наши гордые повелители и какъ уже мало повиновался имъ русскій великій князь!

Вотъ это замѣчательное письмо:

«Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, послѣ думы съ царевичами и князьями нашими. Великій ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, потому что слышали мы, что у тебя укрываются дѣти Тохтамыша. Да еще слышали мы, что у тебя въ московскомъ княжествѣ не право дѣлается: вы осмѣиваете и всячески притѣсняете не только купцовъ нашихъ, но даже и пословъ царскихъ. Такъ ли бывало прежде? Спроси у стариковъ: земля Русская была нашимъ вѣрнымъ улусомъ, *держала страхъ*, платила дань, почитала пословъ и гостей ординскихъ. Ты не хочешь знать того, и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ сѣлъ на цар-

ство,—ты не видалъ его въ глаза, не присылалъ къ нему ни князя, ни боярина. Прошло царство Тимурово; Шадибекъ восемь лѣтъ былъ ханомъ,—ты не былъ у него! Теперь царствуетъ Булатъ уже третій годъ,—ты, самый старшій князь въ улусѣ русскомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои недобры. Были у васъ нравы и дѣла добрые, когда жилъ бояринъ *Федоръ Кошка*, и напоминалъ тебѣ о ханскихъ благодѣяніяхъ. Нынѣ ты думы старцевъ не слушаешь. Что же вышло? Разореніе твоему улусу! Хочешь ли княжить мирно? Призови на совѣтъ бояръ старѣйшихъ: *Илью Іоанновича*, *Петра Константиновича* и другихъ, согласныхъ съ ними въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ старинными оброками, какіе вы платили царю Чанибеку, чтобъ не погибло совсѣмъ твое царство. Все, что ты писалъ къ хану о бѣдности народа русскаго, несправедливо: мы теперь сами видѣли твой улусъ и узнали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ? Куда же идетъ серебро? Земля христіанская осталась бы цѣла, когда бы ты исправно платилъ дань; а теперь бѣгаешь какъ рабъ!... Размысли и научися!»...

Но Василій Димитріевичъ не испугался этого грознаго письма, не исполнилъ ни приказаній, ни совѣтовъ Эдигея, и вообще, во все время своего тридцати-шестилѣтняго княженія менѣе всѣхъ прежнихъ великихъ князей платилъ дань татарамъ и менѣе всѣхъ признавалъ власть ихъ надъ собою. Это примѣтно и изъ духовнаго завѣщанія его, въ которомъ онъ уже явно, не ожидая согласія Орды, объявляетъ наслѣдникомъ великаго княжества малолѣтняго сына своего, *Василія*. Боясь, чтобы честолюбивые братья его, по прежнему праву дядей, не лишили малютку престола, Василій Димитріевичъ поручилъ его покровительству тестя своего, прежняго врага, но потомъ помирившагося съ нимъ,—государя литовскаго. И здѣсь виденъ хитрый умъ Василія: такая лестная довѣренность не могла не внушить гордому Витовту желанія оправдать ее предъ глазами свѣта. Если же бы въ головѣ литовскаго князя еще оставалась какая нибудь мысль о завладѣніи московскимъ государствомъ, то и на этотъ

случай Василій Димитріевичъ умѣлъ распорядиться: онъ далъ совѣту великокняжескому, который состоялъ изъ бояръ-пѣстуновъ маленькаго государя, письменныя наставленія, въ какой мѣрѣ должно принимать покровительство Витовта и до чего не допускать его.

Въ княженіе Василія Димитріевича начали показываться въ Россіи разныя искусства: Москва славилась хорошими живописцами, которые прекрасно расписывали церкви; были также въ ней и литейные мастера, а въ 1404 году одинъ монахъ, Лазарь, родомъ изъ Сербіи, устроилъ первые боевые часы, которые поставлены были на великокняжескомъ дворѣ за церковью Благовѣщенія и стоили 150 рублей серебромъ. Народъ удивлялся этимъ часамъ какъ чуду, и при каждомъ боѣ толпами сходился смотрѣть и слушать ихъ.

У предковъ нашихъ при Василіи Димитріевичѣ были также и рыцарскія игры или карусели и турниры. Они называли это *игрушками*. На этихъ *игрушкахъ* молодые люди иногда наносили смертельныя раны другъ другу.

Семейство великаго князя Василія II Димитріевича.

Супруга: Софія Витовтовна, великая княжна литовская.

Сыновья: 1) Іоаннъ, умеръ въ дѣтствѣ. 2) Василій, наслѣдовалъ престолъ.

ССОРА НА СВАДЬБѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ III.

отъ 1425 до 1433 года.

(8 лѣтъ).

27-го февраля 1425 года скончался Василій Димитріевичъ. Всѣ братья его, бывшіе въ Москвѣ, обѣщали ему почитать государемъ своимъ десятилѣтняго сына его, *Василія*. Одинъ только Юрій Димитріевичъ, князь звенигородскій, не давалъ этого обѣщанія, и какъ скоро узналъ о смерти брата, отправилъ посла съ угрозами въ Москву. Но маленькій князь не испугался дяди: у него была умная мать, былъ сильный опекунъ, дѣдъ его, Витовтъ литовскій, были усердные совѣтники и пѣстуны, между которыми самымъ искус-

нымъ, самымъ краснорѣчивымъ и самымъ хитрымъ былъ одинъ бояринъ *Иванъ Димитріевичъ*. Всѣ эти защитники малолѣтняго государя, посовѣтовавшись между собою, отправили отъ имени его къ Юрію Димитріевичу митрополита Фотія.

Убѣжденія служителя Божія подѣйствовали на Юрія: онъ согласился, хотя не совсѣмъ, отказаться отъ великаго княжества, но по крайней мѣрѣ не искать его до тѣхъ поръ, пока царь татарскій рѣшитъ, кому принадлежитъ оно.

Между тѣмъ какъ шли переговоры объ этомъ съ Ордою, новгородскія области терпѣли много горя отъ жадности къ завоеваніямъ Витовта, которая не уменьшалась въ немъ и при глубокой старости. Ему давно хотѣлось завладѣть сильнымъ Новгородомъ, котораго всѣ области были богаты и велики. Первое мѣсто между ними занималъ *Псковъ*, знаменитая родина святой Ольги. Новгородцы были такъ довольны услугами псковитянъ, всегда защищавшихъ ихъ отъ ливонцевъ и литовцевъ, что въ 1348 году сняли со Пскова верховную власть свою и назвали его *братомъ* Новгорода. Съ тѣхъ поръ псковитяне имѣли во всемъ одинакія права съ новгородцами, имѣли такое же вѣче, какое было на Дворѣ Ярослава; но со временъ *Калиты* это вѣче уже немного значило и въ Новгородѣ, и во Псковѣ: великіе князья московскіе не позволяли имъ имѣть особенныхъ князей и посылали къ нимъ только своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, привыкшіе всегда сами выбирать и по своей дерзкой волѣ смѣнять князей своихъ, не любили Москвы и при каждомъ случаѣ показывали эту нелюбовь. Витовтъ умѣлъ пользоваться этимъ расположеніемъ и старался еще болѣе разжигать ссоры Новгорода съ Москвою, надѣясь, что эти ссоры, отнимая мало-по-малу силы у обоихъ враговъ, помогутъ ему овладѣть первымъ. Такія намѣренія, вредныя для отечества нашего, вѣрно исполнились бы, еслибы Витовтъ былъ моложе или наслѣдники его имѣли столько же ума и страсти къ завоеваніямъ, какъ онъ. Но, къ счастію Россіи, слава народа литовскаго началась и кончилась съ Витовтомъ. Онъ умеръ въ 1430 году, и умеръ отъ досады! Вы удивляетесь этому, читатели мои? Точно, отъ досады. Послушайте.

Витовту очень хотѣлось назваться *королемъ литовскимъ*. Ягайло, король польскій и настоящій владѣтель Литвы, былъ согласенъ на это. Папа римскій также. Но паны или вельможи польскіе, не желая видѣть отдѣленія Польши отъ Литвы, тайно старались передѣлать все это, а между тѣмъ не мѣшали Витовту уже звать гостей на свое коронованіе и готовить для нихъ пышные праздники. Гости съѣхались. Это были князья русскіе и польскіе, ханы татарскіе, господарь Валахіи, послы императора греческаго, ландмаршалъ ливонскій, король Ягайло, великій князь Василій Васильевичъ, внукъ Витовта. Молодого государя русскаго провожалъ митрополитъ Фотій. Историки того времени говорятъ, что этотъ торжественный съѣздъ такого множества знаменитыхъ князей представлялъ необыкновенную, прекрасную картину! Сѣдой, восьмидесятилѣтній хозяинъ, окруженный первыми вельможами литовскими, угощалъ посѣтителей своихъ такъ пышно, что во всей Европѣ съ удивленіемъ разсказывали о его праздникахъ. Вообразите себѣ, дѣти, что изъ погребовъ княжескихъ отпускалось каждый день 700 бочекъ меду, кромѣ вина и пива, а на кухню привозили 700 быковъ, 1,400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ! Около семи недѣль продолжались эти пиры въ Вильнѣ и Трокахъ. Витовтъ съ каждымъ днемъ ожидалъ, что пріѣдетъ посолъ римскій короновать его; но вмѣсто короны онъ привезъ отъ папы отказъ на просьбы князя литовскаго! Гордый старикъ такъ огорчился этимъ, что сдѣлался боленъ, распрощался съ гостьми, которые спѣшили разъѣхаться, и чрезъ нѣсколько дней скончался. Послѣ смерти его владѣлъ Литвою прежде двоюродный братъ его *Свидригайло*, потомъ родной—*Сигизмундъ*, наконецъ сынъ Ягайла польскаго, *Казимиръ*. Всѣ эти государи уже совсѣмъ не походили на храбраго, неустрашимаго, хитраго Витовта.

Вѣрно князь Юрій Димитріевичъ боялся этого страшнаго опекуна молодого великаго князя: при жизни его онъ не напоминалъ Василію Васильевичу объ условіи ихъ — просить суда ханскаго, но тотчасъ послѣ смерти Витовта объявилъ опять свои притязанія на престолъ великокня-

жескій, и вотъ дядя и племянникъ поѣхали въ Орду къ царю Махмету. При отъѣздѣ великаго князя изъ Москвы народъ въ первый разъ увидѣлъ слабый нравъ его: онъ боялся одной мысли ѣхать къ татарамъ и плакалъ не отъ печали по матери и отечеству, но отъ страха погибнуть въ Ордѣ такъ же, какъ погибли тамъ многіе князья русскіе. Его ободрялъ и утѣшалъ во время всей дороги бояринъ Иванъ Дмитріевичъ. Рѣдко кто умѣлъ такъ краснорѣчиво говорить, какъ этотъ хитрый совѣтникъ великаго князя. Къ тому же у него была хорошенькая дочка, которую ему очень хотѣлось видѣть великою княгинею. Онъ уже нѣсколько разъ намекалъ объ этомъ своему воспитаннику, и молодой Василій Васильевичъ не отговаривался: гордому Ивану Дмитріевичу казалось даже, что великій князь съ удовольствіемъ слушаетъ объ его предложеніи, что онъ уже согласенъ назвать дочь его своею невѣстою; мы обыкновенно охотно вѣримъ тому, что желаемъ! Вотъ Иванъ Дмитріевичъ съ новымъ жаромъ принимается за дѣло будущаго зятя своего; ласковыми словами и богатыми подарками склоняетъ всѣхъ вельможъ ханскихъ въ пользу молодого князя, и наконецъ, съ полною надеждою на успѣхъ, является съ нимъ въ назначенный день суда къ хану Махмету. Ханъ уже зналъ, что Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ закономъ государей московскихъ, по которому сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, былъ наслѣдникомъ. Дядя же его находилъ этотъ законъ несправедливымъ и хотѣлъ быть великимъ княземъ по прежнему установленію. Когда князь Юрій кончилъ жаркую рѣчь свою, бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, сдѣлавъ низкій поклонъ, сталъ передъ Махметомъ и сказалъ: «Царь верховный! Позволь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего молодого князя. Юрій ищетъ великаго княжества по стариннымъ граматамъ русскимъ, а государь нашъ,— по твоей милости, зная, что оно въ твоей волѣ: отдашь его кому хочешь. Одинъ требуетъ, другой проситъ. Что̀ значатъ всѣ граматы противъ воли твоей? Шесть лѣтъ уже Василій Васильевичъ на престолѣ: ты не свергнулъ его, стало быть самъ признавалъ государемъ законнымъ».

Эта льстивая, хитрая рѣчь такъ понравилась хану, что онъ тутъ же обнялъ молодого Василія, поздравилъ его великимъ княземъ и приказалъ Юрію *вести подъ нимъ коня;* это азіатское обыкновеніе означало власть верховнаго государя надъ княземъ, зависящимъ отъ него. Но Василій Васильевичъ не допустилъ дядю до такого униженія, и возвратясь въ отечество, они, казалось, уже забыли свои несогласія и жили спокойно, каждый въ своемъ владѣніи, какъ вдругъ совсѣмъ неожиданно вспыхнула между ними новая, кровопролитная ссора, и вотъ по какой причинѣ.

Бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, пріѣхавъ изъ Орды, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда великій князь, такъ много обязанный ему, назначитъ день свадьбы своей съ его дочерью. Но, къ удивленію его, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорили о свадьбѣ государя, и невѣстою объявили не дочь Ивана Дмитріевича, а княжну Марію Ярославовну, внучку знаменитаго и такъ много любимаго народомъ князя Владиміра Андреевича Храбраго! Нельзя представить себѣ, какъ разсердился за это гордый Иванъ Дмитріевичъ! Онъ поклялся отмстить за эту обиду великому князю, и тотчасъ же, не дожидаясь окончанія свадьбы, уѣхалъ въ Костромской Галичъ къ дядѣ его, Юрію Димитріевичу, и предложилъ ему услуги свои—погубить Василія.

Между тѣмъ какъ эти два жестокіе врага князя выдумывали средства отмстить за себя, новая ссора въ Москвѣ доставила имъ еще двухъ усердныхъ помощниковъ.

Два сына Юрія Димитріевича, Василій *Косой* и Дмитрій *Шемяка* остались въ Москвѣ пировать на свадьбѣ молодого государя и двоюроднаго брата своего. *Косой* былъ въ это время сговоренъ на внучкѣ боярина Ивана Дмитріевича. Дѣдушка невѣсты, въ день сговора, подарилъ жениху золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями. Зная богатство Ивана Дмитріевича, *Косой* не любопытствовалъ спросить, откуда достался ему этотъ прекрасный поясъ, но только любовался его чудесною отдѣлкой, блескомъ изумрудовъ и рубиновъ, красотою искусно сдѣланныхъ цѣпочекъ. Нетерпѣливо хотѣлось ему обновить дорогой подарокъ на какомъ нибудь

празднике, и скоро случай представился. 8-го февраля 1433 года назначена была свадьба великаго князя. Весело отправился во дворецъ Василій Юрьевичъ въ золотомъ своемъ поясѣ, и уже заранѣе восхищался, какъ онъ удивитъ всѣхъ гостей богатымъ нарядомъ своимъ. Онъ, точно, удивилъ, но зато и самъ удивленъ былъ. Когда уже молодые пріѣхали изъ церкви и всѣ гости сидѣли съ ними за пышнымъ столомъ, одинъ изъ бояръ ростовскихъ началъ всматриваться въ драгоцѣнный поясъ *Косого* и какъ будто бы припоминать себѣ что-то знакомое. Наконецъ, оборотясь къ матери великаго князя, княгинѣ Софіи, бояринъ тихо сказалъ ей: «Государыня! видишь ты поясъ на князѣ Васильѣ Юрьевичѣ; онъ не простой, но изъ кладовыхъ великокняжескихъ. Этотъ поясъ подаренъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ зятю его, нашему незабвенному государю Димитрію Донскому. Въ день свадьбы его онъ затерялся: говорили, что будто бы одинъ изъ самыхъ близкихъ къ великому князю бояръ подмѣнилъ его, но до сихъ поръ неизвѣстно было, кто именно. Я удивляюсь, какъ могъ этотъ драгоцѣнный для всѣхъ насъ поясъ попасть къ молодому Василію Юрьевичу!» Пылкая, гордая Софія, имѣвшая причину не любить семейства Юрія Димитріевича, обрадовалась и дорогой находкѣ, и случаю сдѣлать непріятность сыну врага своего. Поспѣшно подошла она къ Василію Юрьевичу, надменно спросила, гдѣ взялъ онъ богатый поясъ свой и, не дождавшись отвѣта, собственными руками сорвала его! Удивленіе и гнѣвъ молодого князя были неописанны! Не имѣя понятія о томъ, что поясъ достался боярину Ивану Дмитріевичу точно потому, что былъ подмѣненъ однимъ изъ предковъ его, Василій Юрьевичъ видѣлъ въ немъ только подарокъ дѣда невѣсты своей и не хотѣлъ лишиться его. Братъ его, Димитрій *Шемяка*, держалъ его сторону, но спорить было нельзя: поясъ былъ уже въ рукахъ Софіи Витовтовны, которая приказывала молчать сыновьямъ Юрія!..

Кровь кипѣла въ молодыхъ князьяхъ отъ такой жестокой обиды: въ бѣшенствѣ выбѣжали они оба изъ дворца и въ тотъ же часъ отправились въ Галичъ, къ отцу. Тамъ

давно ожидали ихъ два старика, ненавидѣвшіе великаго князя. Разсказъ о новой обидѣ еще болѣе увеличилъ ихъ злобу, и вы пожалѣете, милыя дѣти, сколько новыхъ несчастій вытерпѣли предки наши за свадьбу государя своего съ княжною Маріею Ярославною и за поясъ Василія *Косого!..*

ДИМИТРІЙ ШЕМЯКА.

ОТЪ 1433 ДО 1446 ГОДА.

(13 лѣтъ).

Изъ всѣхъ враговъ, возставшихъ на великаго князя въ день его свадьбы, самымъ жестокимъ былъ *Димитрій Шемяка*. Ни дядя Юрій, ни сынъ его Василій Косой, ни даже мстительный бояринъ Иванъ Дмитріевичъ не причинили столько зла великому князю, какъ этотъ двоюродный братъ его. Правду сказать, что и онъ самъ не всегда былъ справедливъ и очень часто заслуживалъ тѣ несчастія, какія терпѣлъ. Особливо Шемяка былъ, кажется, назначенъ Богомъ на то, чтобы показать великому князю, что еще и въ здѣшнемъ мірѣ зло бываетъ наказано. Прочитайте разсказъ о кровопролитныхъ ссорахъ ихъ, и не забудьте никогда того сильнаго доказательства правосудія Божія, которое вы найдете въ немъ.

Свадебные праздники Василія Васильевича были, кажется, послѣдними пріятными днями для этого несчастнаго государя: не прошло мѣсяца послѣ нихъ, какъ уже Юрій Димитріевичъ съ сыновьями своими изгналъ его изъ Москвы и, изъ милости давъ ему въ удѣлъ городъ Коломну, объявилъ себя великимъ княземъ. Правда, княженіе его продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ и Василій опять возвратился въ Москву, но Юрій могъ бы сдѣлаться для него опаснымъ, еслибы вскорѣ потомъ не умеръ. Однакожъ, съ нимъ не умерли всѣ враги Василія, и сыновья его, *Косой* и *Шемяка*, имѣли точно такія же честолюбивыя намѣренія, какъ и отецъ ихъ. Косой, какъ старшій,

объявилъ первый право свое на престолъ великокняжескій и, нанявъ вятчанъ, уже пошелъ съ ними къ Москвѣ; но великій князь съ вѣрными москвитянами, чрезвычайно любившими его, побѣдилъ гордаго брата своего, и тогда же обезславилъ себя ужаснымъ злодѣйствомъ, напоминавшимъ Россіи XII вѣкъ и несчастнаго Василька Ростиславича: приказалъ ослѣпить Василія *Косого!* Такой жестокій поступокъ уменьшилъ любовь русскихъ къ великому князю и извинилъ нѣсколько все зло, какимъ впослѣдствіи отмстилъ ему Шемяка за несчастіе брата. Сначала этотъ хитрый князь не показывалъ Василію ненависти своей и даже вмѣстѣ съ нимъ называлъ врагомъ отечества бѣднаго слѣпца; но это все было только для того, чтобы получить во владѣніе свое тѣ богатые удѣлы, которыми великій князь хотѣлъ вознаградить ему несчастіе Косого. Какъ скоро новыя области были ему отданы, онъ началъ думать о мщеніи, и недолго искалъ къ тому случая; въ Россіи, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, такіе случаи были не рѣдки.

Въ 1437 году ханъ татарскій *Махметъ* былъ изгнанъ изъ Орды братомъ своимъ *Кичимомъ.* Сдѣлавъ въ царствованіе свое много добра для Василія Васильевича, онъ надѣялся жить спокойно въ отечествѣ нашемъ и пріѣхалъ въ одинъ изъ городовъ русскихъ. Но Василій не помнилъ благодѣяній и, узнавъ о пріѣздѣ Махмета, тотчасъ приказалъ ему удалиться изъ предѣловъ Россіи. Ханъ, обиженный такою неблагодарностію и привыкшій видѣть въ великомъ князѣ своего данника, не хотѣлъ послушаться его, имѣя у себя 3,000 воиновъ. Василій послалъ на него войско подъ начальствомъ Шемяки. Заранѣе радовался Шемяка пріятному случаю досадить брату: всѣ селенія, мимо которыхъ проходилъ онъ, были разграблены, а у стѣнъ того маленькаго городка, гдѣ жилъ Махметъ, русское войско вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ пришло въ такой страхъ, что, почти не начиная сраженія, пустилось бѣжать назадъ. Татары удивились и, поскакавъ за бѣглецами, почти всѣхъ ихъ изрубили.

Злой умыселъ Шемяки въ этомъ дѣлѣ былъ явный, но совѣсть все еще мучила великаго князя за ослѣпле-

ніе Косого,—и не смѣя наказывать брата его, онъ оставилъ его спокойно княжить въ удѣлахъ, ему данныхъ.

Между тѣмъ ханъ Махметъ, зная, что ему нельзя долго жить въ Россіи и спорить съ Василіемъ, пошелъ чрезъ мордовскую землю въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ была Казань, разоренная русскими въ 1399 году. Это прекрасное, изобильное мѣсто, любимое татарами Батыя, понравилось и потомкамъ ихъ, и изгнанный ханъ кипчакскій сдѣлался возобновителемъ знаменитаго царства казанскаго, которое потомъ около ста лѣтъ было страшно для русскихъ. Слухъ о ласковости и добродушіи Махмета, о выгодахъ, какія доставлялъ онъ всѣмъ желавшимъ поселиться въ Казани, привлекалъ къ нему новыхъ жителей со всѣхъ сторонъ. Кромѣ болгаръ, черемисовъ, татаръ, къ нему пріѣзжали цѣлыя семейства изъ Золотой орды, изъ Астрахани, Азова, такъ что Казань чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ наполнилась людьми. Чрезъ годъ Махметъ ходилъ уже грабить московское княжество, а въ 1445 году историки наши уже говорятъ о настоящемъ нашествіи на Россію того же царя казанскаго. Онъ взялъ Нижній-Новгородъ, а двухъ сыновей своихъ послалъ къ Суздалю. Это нападеніе было такъ неожиданно, что великій князь не успѣлъ собрать всѣхъ своихъ защитниковъ, а Шемяка опять обманулъ его: не поѣхалъ самъ къ нему на помощь и не прислалъ обѣщаннаго войска.

Этотъ обманъ дорого стоилъ великому князю: имѣя только 1,500 воиновъ, онъ не только былъ разбитъ татарами при Суздалѣ, но даже и взятъ въ плѣнъ съ прострѣленной рукою, съ тринадцатью ранами на головѣ и безъ нѣсколькихъ отсѣченныхъ пальцевъ.

Какъ радовался Шемяка несчастію Василія, особливо когда Махметъ прислалъ къ нему своего мурзу или вельможу съ дружескими предложеніями! Онъ уже не сомнѣвался, что добьется себѣ у Махмета престола великокняжескаго, а Василію вѣчной неволи, какъ вдругъ все перемѣнилось: въ то время, какъ казанскій царь праздновалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ побѣды свои, какой-то татарскій князь овладѣлъ Казанью. Махметъ, желая скорѣе возвратиться въ столицу свою, не сталъ дожидаться возвращенія

посла своего къ Шемякѣ и ласково отпустилъ великаго князя въ Москву, взявъ съ него только выкупъ.

Неожиданное возвращеніе восхитило радостію печальное семейство Василія Васильевича и весь народъ его, но въ то же время встревожило новою досадою сердце Димитрія. Съ этой минуты онъ опять поклялся погубить врага своего и уже рѣшился не ожидать случая отъ времени, но измѣною и заговоромъ кончить дѣло скорѣе.

Для этого ему нужны были помощники, и какъ дурныхъ людей вездѣ много, то онъ скоро нашелъ ихъ. Главнымъ изъ нихъ—кромѣ многихъ бояръ, купцовъ, дворянъ и даже монаховъ—былъ двоюродный братъ Василія и Димитрія Шемяки: князь *Іоаннъ Андреевичъ Можайскій*. Заговорщики условились овладѣть нечаянно столицею и схватить великаго князя.

Они выбрали то время, когда Василій поѣхалъ въ Троицкій монастырь благодарить Бога и св. Сергія за избавленіе свое изъ плѣна. Это было въ 1446 году. 12-го февраля, ночью, злодѣи вошли въ Кремль и безъ труда овладѣли этою крѣпостію, гдѣ всѣ спали, а потомъ и всею Москвою. Въ ту же ночь Шемяка отправилъ въ Троицкій монастырь вѣрнаго друга своего Іоанна Можайскаго схватить тамъ великаго князя. Несчастный государь, вовсе не ожидая жестокой судьбы своей, усердно молился въ церкви въ ту самую минуту, какъ злодѣи вошли и взяли его предъ самою гробницею св. Сергія! Безъ всякой жалости они бросили бѣднаго князя въ голыя сани и привезли въ Москву, прямо на дворъ къ Шемякѣ. Напрасно умолялъ онъ отпустить его, обѣщая постричься въ монахи, напрасно плакалъ предъ врагомъ своимъ: Шемяка былъ неумолимъ, и чтобы заставить Василія испытать всѣ тѣ страданія, какія терпѣлъ отъ него Василій Косой, приказалъ ослѣпить его и потомъ сослалъ въ Угличъ.

———

Тогда же онъ объявилъ себя великимъ княземъ, и во время непродолжительнаго правленія своего показалъ столько безсмысленности, столько несправедливости, сколько неуваженія къ прежнимъ законамъ нашимъ, что съ тѣхъ поръ появилась въ народѣ пословица *о судѣ Шемякинѣ*. И теперь еще всякое несправедливое и безтолковое разбирательство какой нибудь ссоры или дѣла называютъ иногда *судомъ Шемякина*.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ КНЯЖЕНІЯ ВАСИЛІЯ ТЕМНАГО.

отъ 1446 до 1462 года.

(16 лѣтъ).

Василія III со времени ослѣпленія называли *Темнымъ* или *Слѣпымъ*. Это несчастіе—одно изъ самыхъ горестныхъ для человѣка—было полезно для него. Оно заставило его раскаяться въ прежнихъ несправедливыхъ поступкахъ, примирило совѣсть его съ Богомъ, сдѣлало его опять столько же любимымъ, какъ былъ онъ любимъ всѣми до ослѣпленія Василія Косого. Не прошло года,—и эта общая любовь народа возвратила ему престолъ великокняжескій. Съ христіанскою кротостію онъ простилъ Шемяку, взявъ съ него торжественную клятву при епископахъ: никогда не думать о великомъ княжествѣ.

Но для злого человѣка, который не боится Бога, клятва немного значитъ: въ 1450 году Шемяка уже опять пришелъ съ войскомъ на великаго князя, и 27-го января было у нихъ жестокое сраженіе у Галича, особенно замѣчательное тѣмъ, что оно было *послѣднее* въ междоусобныхъ ссорахъ князей: величіе Россіи уже близко и несчастное несогласіе удѣльныхъ князей скоро утихнетъ подъ хранительнымъ могуществомъ *одного* государя. Шемяка былъ совершенно разбитъ москвитянами и, потерявъ наслѣдственный удѣлъ свой, Галичъ, убѣжалъ въ Устюгъ,—городъ и теперь существующій въ Вологодской губерніи.

Болѣе двухъ лѣтъ Василій Темный не тревожилъ этого мятежника въ Устюгѣ; наконецъ въ 1453 году, собравъ

войско, пошелъ наказать его. Еще разъ побѣжденный Шемяка убѣжалъ въ Новгородъ и тамъ умеръ отъ яда. Неизвѣстно кто отравилъ его, но эта смерть обрадовала многихъ, въ томъ числѣ и великаго князя.

Избавясь отъ врага, котораго жестокость двадцать лѣтъ тревожила отечество наше, Василій Темный спокойнѣе принялся за дѣла государственныя. Въ 1456 году онъ усмирилъ новгородцевъ такъ, какъ еще ни одинъ изъ князей не усмирялъ ихъ. Въ 1459 году покорилъ Вятку, которая, хотя и принадлежала къ области Костромского Галича, присоединеннаго къ московскому княжеству еще при жизни Шемяки, но долго не хотѣла повиноваться Василію.

Въ послѣдніе годы жизни своей великій князь почти не платилъ никакой дани татарамъ и счастливо побѣждалъ ихъ, когда они приходили иногда разорять наши области. При немъ сдѣлалась извѣстна еще новая Орда, составленная старымъ Эдигеемъ изъ черноморскихъ татаръ. Она называлась *Крымскою* и находилась на полуостровѣ Крыма, т. е. въ нашей нынѣшней Таврической губерніи. Эдигей, незадолго до смерти, оставляя эту Орду сыновьямъ своимъ, просилъ ихъ не дѣлиться и жить въ дружбѣ между собою, но они не послушали его, раздѣлились и погибли! Тогда крымскіе татары выбрали себѣ въ ханы молодого *Ази*, потомка Чингисъ-ханова, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ *Гиреемъ*. Изъ благодарности къ своему благодѣтелю молодой Ази принялъ и его имя и назвался *Ази-Гиреемъ*. Съ того времени всѣ ханы крымскіе всегда назывались Гиреями. Эта новая орда притѣснителей нашего отечества долго тревожила его.

Въ тотъ годъ, когда скончался *Темный*, Греческая имперія была завоевана османскими турками, которые и теперь еще владѣютъ ею. Это несчастіе знаменитаго государства записано было на память и нашими историками, потому что русскіе, со времени принятія вѣры христіанской, привыкли почитать Грецію какъ будто вторымъ отечествомъ своимъ; привыкли любить грековъ и принимать участіе во всемъ, что̀ касалось до нихъ. Въ то время у насъ говорили о Константинополѣ точно такъ же, какъ теперь говорятъ о Парижѣ или Лондонѣ. Строеніе цер-

квей, домовъ, даже обычаи и нравы—все перенимали мы у грековъ. Это пристрастіе къ нимъ спасло насъ отъ несчастія слишкомъ сблизиться съ нашими жестокими врагами—татарами. Были примѣры въ исторіяхъ разныхъ государствъ, что побѣжденные народы, принимая обычаи своихъ побѣдителей, смѣшивались съ ними такъ, что впослѣдствіи составляли одинъ народъ; но мы избавились отъ этого униженія и должны благодарить за то грековъ. Обычаи татаръ, которые были прежде идолопоклонниками, потомъ магометанами, были такъ непріятны для предковъ нашихъ, что они называли ихъ *погаными,* и оттого болѣе и болѣе любили все то, что было *греческое.* Съ другими государствами Европы мы не имѣли еще никакого сообщенія, кромѣ торговли новгородцевъ съ нѣмецкими городами.

Семейство великаго князя Василія III Васильевича Темнаго.

Супруга: Марія Ярославовна, внучка князя Владиміра Андреевича.

Сыновья: 1) Юрій, умеръ въ дѣтствѣ. 2) Іоаннъ. 3) Юрій. 4) Андрей старшій. 5) Симеонъ, умеръ въ дѣтствѣ. 6) Андрей младшій. 7) Димитрій, умеръ въ дѣтствѣ. 8) Борисъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III И ГРЕЧЕСКАЯ ЦАРЕВНА СОФІЯ.

ОТЪ 1462 ДО 1472 ГОДА.

(10 лѣтъ).

Наконецъ мы дошли до самаго знаменитаго изъ старинныхъ государей нашихъ—до великаго князя Іоанна III. Онъ освободилъ насъ отъ жестокой власти татаръ, онъ возвратилъ отечеству нашему прежнюю славу его, наконецъ онъ исполнялъ великую мысль единовластія, т. е. покореніе всѣхъ областей удѣльныхъ подъ власть одного государя. Нѣкоторые изъ князей имѣли также эту мысль, но не имѣли возможности исполнить ее; Іоанну III удалось это, и наша благодарность къ нему должна быть

очень, очень велика. Онъ такъ много сдѣлалъ хорошаго, умнаго, славнаго во время сорока-трехъ-лѣтняго княженія своего, что вы, вѣрно, съ удовольствіемъ будете читать разсказы о великихъ дѣлахъ его.

Сдѣлавшись на двадцать-второмъ году великимъ княземъ, наслѣдникомъ отца своего Василія *Темнаго*, Іоаннъ, при самомъ вступленіи на престолъ, уже показывалъ необыкновенную твердость, умъ, осторожность въ дѣлахъ государственныхъ. Въ 1464 году было первое знаменитое дѣло его: онъ усмирилъ гордаго царя казанскаго Ибрагима и, окруживъ войскомъ Казань, принудилъ его заключить миръ *на всей волѣ* государя московскаго.

Въ 1470 году началась и два года продолжалась война съ Новгородомъ, котораго безпокойные жители все еще искали случая освободиться отъ власти великихъ князей. Здѣсь вы, милые читатели, увидите явленіе, дотолѣ неслыханное у насъ на Руси. Женщина вздумала сдѣлать возмущеніе, вздумала быть защитницею своей родины, Новгорода, и устроить судьбу его! Эта безразсудная женщина была пылкая, гордая, честолюбивая *Марѳа*, жена бывшаго посадника *Исаака Борецкаго* и мать двухъ взрослыхъ сыновей. Домъ ея былъ самый богатый и великолѣпный въ Новгородѣ; всѣ уважали ее, какъ вдову знаменитаго посадника: даже самъ великій князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ старшему сыну ея важный чинъ боярина московскаго; но всего этого было недовольно для надменной души ея: ей хотѣлось управлять всѣмъ Новгородомъ, и какъ это было невозможно подъ властію государя московскаго, то она начала увѣрять всѣхъ новгородцевъ, что они напрасно считаютъ себя подданными князей московскихъ, что Новгородъ самъ себѣ господинъ, что жители его вольные люди, что имъ нуженъ только покровитель и что этимъ покровителемъ надобно выбрать не Іоанна, но Казимира, короля польскаго и князя литовскаго. Хитрая Марѳа хотѣла въ это время выйти замужъ за какого-то вельможу литовскаго, и вмѣстѣ съ нимъ, подъ именемъ Казимира, управлять своимъ отечествомъ. Однакожъ вредныя для Россіи намѣренія этой честолюбивой женщины не исполнились и хотя

послы ея уже отправились къ Казимиру, но великій князь еще во-время пришелъ съ войскомъ къ Новгороду и одинъ изъ лучшихъ полководцевъ его, князь Холмскій, одержалъ на берегахъ рѣки Шелони такую побѣду надъ мятежниками, что около 12,000 ихъ было убито на мѣстѣ, а остальные разбѣжались въ разныя стороны. Вступивъ въ Новгородъ, Іоаннъ поступилъ съ преступниками по всей строгости законовъ. Главные измѣнники, въ томъ числѣ и старшій сынъ Мароы, были казнены. Съ нею же Іоаннъ поступилъ со всею снисходительностію государя великодушнаго: оставилъ ее какъ слабую женщину—безъ наказанія. Прочіе новгородцы внесли за вину свою 15,500 рублей или около 80 пудовъ серебра и, благодаря милости Іоанна, еще остались со своими прежними законами, съ своими правами, съ нѣкоторою свободою; великій князь предоставлялъ себѣ только верховный судъ въ такихъ случаяхъ, когда намѣстники его будутъ въ чемъ либо несогласны съ новгородскими судьями. Защищая владѣнія свои то отъ хана Ахмата, то отъ польскаго и литовскаго короля, Казимира, онъ еще не могъ имѣть столько силъ и войска, чтобы совершенно уничтожить вольность новгородскую, и благоразумно отложилъ это трудное дѣло еще на нѣсколько времени.

Въ 1472 году случилось съ Іоанномъ происшествіе, которое заставило всѣ государства европейскія съ любопытствомъ посмотрѣть на неизвѣстную имъ и отдаленную Россію. Это происшествіе было: свадьба великаго князя, и надобно сказать правду, что не столько женихъ, какъ невѣста дѣлала эту свадьбу, примѣчательною для Европы. Это и не удивительно. Тогда Россія была не то, что она теперь. Теперь царицу русскую называютъ *царицею полсвѣта,* но тогда супругъ ея былъ еще подданнымъ татаръ! Это отдаляло чужеземныхъ принцевъ отъ родства съ князьями русскими и заставляло государей нашихъ жениться на княжнахъ удѣльныхъ княжествъ, а потомъ на своихъ подданныхъ; такое обыкновеніе продолжалось даже до временъ Петра Великаго. Но для Іоанна III, въ судьбѣ котораго примѣтно было съ самыхъ молодыхъ лѣтъ какое-то необыкновенное величіе, назначено было и

въ этомъ случаѣ нѣчто особенное. Вскорѣ послѣ кончины первой супруги его, княжны тверской Маріи Борисовны, папа Павелъ II предложилъ ему чрезъ посла своего, какого-то грека, руку греческой царевны Софіи, дочери Ѳомы Палеолога, брата послѣдняго императора, при которомъ завоевана была Грецiя турецкимъ султаномъ Магометомъ II. Послѣ разоренія отечества несчастное семейство царей греческихъ жило въ Римѣ, гдѣ пользовалось всеобщимъ уваженіемъ и покровительствомъ папы. Папа имѣлъ особенную причину благодѣтельствовать этому знаменитому семейству: боясь, чтобы жестокость и ужасная сила Магомета II, не разорила и его владѣній, онъ полагалъ, что будущій супругъ царевны Софіи, получивъ вмѣстѣ съ рукою ея право на престолъ константинопольскій, захочетъ освободить Грецію отъ власти турокъ и тѣмъ избавить Италію отъ страшныхъ сосѣдей.

Эта причина заставила папу искать жениха для царевны между знаменитыми государями европейскими, и онъ выбралъ Іоанна, самаго близкаго къ грекамъ по закону. Вѣроятно послы польскіе и литовскіе и духовенство греческое, жившее послѣ разоренія имперіи въ Римѣ, разсказывали папѣ о той славѣ, какую обѣщали Россіи великія достоинства молодого государя ея.

Іоаннъ обрадовался предложенной ему чести и вмѣстѣ съ своею матерью, духовенствомъ, боярами и всемъ народомъ думалъ, что знаменитая невѣста, послѣдняя отрасль императоровъ греческихъ, имѣвшихъ одну вѣру съ русскими, послана ему отъ самого Бога. Прекрасный портретъ, гдѣ представлено было умное и привлекательное лицо молодой царевны, еще болѣе увеличилъ радость и благодарность Іоанна къ папѣ.

17-го января 1472 года отправлены были послы за невѣстою. Съ большими почестями приняли ихъ въ Римѣ и 1-го іюня царевна въ церкви св. Петра была обручена государю *Бѣлой Россіи* [1]), котораго лицо представлялъ главный посолъ его.

---

[1]) Іоаннъ III началъ первый называть государство свое *Бѣлою Русію.* Слово *бѣлая,* по смыслу языковъ восточныхъ, значитъ *великая.*

Папа далъ за царевною богатое приданое и отправилъ съ нею въ Россію легата, т. е. посла своего, которому поручено было охранять ее во время дороги. 24-го іюня она выѣхала со всѣмъ дворомъ своимъ изъ Рима, и 1-го сентября пріѣхала въ Любекъ, а потомъ на кораблѣ въ Ревель. Здѣсь богато угощали ее ливонскіе рыцари; въ Дерптѣ же встрѣтилъ ее посолъ московскій съ поздравленіями отъ имени государя и всей Россіи.

Первая русская область, въ которую надобно было въѣхать царевнѣ, была—Псковская. О! еслибъ вы знали, дѣти, какая суматоха происходила тогда въ этой области! Всякой только о томъ и думалъ, какъ бы показать свое усердіе къ будущей государынѣ. Правители городовъ приготовляли для нея подарки, столовые запасы, медъ и вина. Вы знаете, что предки наши были очень гостепріимны и любили угощать и потому не удивляйтесь, что они прежде всего позаботились о вкусныхъ кушаньяхъ и напиткахъ для царевны. Потомъ они украсили разноцвѣтными флагами и лентами всѣ суда и лодки свои: вѣдь имъ надобно было встрѣтить Софію и потомъ везти ее на судахъ по Чудскому озеру, потому что тутъ начинались границы русскихъ владѣній. Съ восхищеніемъ дождались они наконецъ этой встрѣчи и показали столько усердія и любви, что царевна была тронута до слезъ. Съ удовольствіемъ провела она пять дней во Псковѣ и, уѣзжая, ласково сказала жителямъ: «Спѣшу къ моему и вашему государю, благодарю бояръ и весь великій Псковъ за угощеніе и рада при всякомъ случаѣ просить за васъ въ Москвѣ». Псковитяне, прощаясь съ Софіею, поднесли ей въ подарокъ *пятьдесятъ*, а послу Іоаннову—*десять* рублей деньгами.

Съ такою же радостію встрѣчали царевну и по всѣмъ другимъ областямъ. Наконецъ 12-го ноября, рано поутру, она въѣхала въ Москву. Митрополитъ ожидалъ ее въ церкви. Получивъ благословеніе его, она пошла къ матери Іоанна и тамъ въ первый разъ увидѣлась съ женихомъ. Въ тотъ же день праздновала была и свадьба.

Такъ совершился во второй разъ союзъ государей на-

шихъ съ императорами греческими [1]). Съ того времени Іоаннъ принялъ и гербъ ихъ—*двуглаваго орла*—и соединилъ его на печати своей съ гербомъ московскимъ.

СОВЕРШЕННОЕ ПОКОРЕНІЕ НОВГОРОДА.

отъ 1472 до 1478 года.

(6 лѣтъ).

Іоаннъ, назначенный Богомъ воскресить отечество наше къ славѣ и счастію, никогда не дѣлалъ ничего необдуманно и неосторожно, но прежде всегда долго разсматривалъ свое намѣреніе, разсуждалъ о томъ, какъ лучше исполнить его, приготовлялъ все нужное къ этому исполненію и потомъ уже приступалъ къ дѣлу.

Такъ было и съ покореніемъ Новгорода. Чтобы собрать всѣ силы для усмиренія этой безпокойной области, Іоанну надобно было не бояться нападеній окружавшихъ его враговъ: поляковъ, литовцевъ и татаръ. Судьба и проницательный умъ его доставили ему средство, если не совсѣмъ избавиться отъ этихъ враговъ, то по крайней мѣрѣ останавливать ихъ дерзость.

Вы помните, читатели мои, что со временъ Василія *Темнаго* составилась у татаръ новая орда—*Крымская* или *Таврическая*. Знаменитый основатель ея Ази-Гирей умеръ, оставивъ шесть сыновей. Братья долго спорили о наслѣдствѣ, и престолъ крымскій принадлежалъ то одному изъ нихъ, то другому. Примѣчательный изъ нихъ и владѣвшій долѣе всѣхъ другихъ Крымомъ былъ *Менгли-Гирей*, отнявшій престолъ у старшаго брата своего, Нордаулата. Часто ссорясь и съ царемъ Золотой Орды, Ахматомъ, и съ литовскимъ княземъ Казимиромъ, который покровительствовалъ обиженному Нордаулату, убѣжавшему въ Литву, Менгли-Гирей находился въ затруднительномъ

[1]) Вѣрно читатели помнятъ царевну Анну, супругу Владиміра Святого.

положенiи между двумя сильными врагами. Іоаннъ III, разсчитавъ, что̀ могутъ выиграть русскiе отъ дружбы съ непрiятелемъ двухъ главныхъ враговъ своихъ, предложилъ крымскому хану свою помощь. Онъ не ошибся въ разсчетѣ: Менгли-Гирей и прежде уважалъ Іоанна, а теперь къ этому искреннему уваженiю присоединилась жаркая благодарность за великодушную помощь, и онъ на всю жизнь свою сдѣлался усерднымъ другомъ и защитникомъ Іоанна противъ общихъ враговъ.

Это дружество было чрезвычайно полезно для русскихъ: оно увеличивало силы ихъ и удерживало Казимира и Ахмата отъ нападенiй на владѣнiя наши. Имѣя такую вѣрную защиту отъ татаръ и поляковъ, осторожный Іоаннъ увидѣлъ наконецъ возможность навсегда усмирить непокорныхъ новгородцевъ. Неблагодарные къ великодушiю государя, еще оставившаго имъ часть прежней свободы, они доказали безпрестанными ссорами своими и безпорядками разнаго рода, какъ вредна эта свобода и какъ необходимо покорить эту безпокойную область совершенно одинакимъ законамъ со всѣми другими областями Руси. Но Іоаннъ никогда не желалъ сдѣлать это силой; напротивъ того, ему хотѣлось, чтобы хотя часть новгородцевъ сама поняла необходимость такой перемѣны. Въ семь лѣтъ, прошедшихъ со времени послѣдняго усмиренiя ихъ, въ 1471 году, ему удалось достичь своей цѣли: верховный судъ, которому въ теченiе всего этого времени часто подвергались дѣла новгородцевъ, показалъ въ немъ такой умъ, такое безпристрастiе, такую заботливость о пользѣ народа, что благоразумные изъ новгородцевъ, съ огорченiемъ смотря на неустройство правленiя и безпорядки чиновниковъ своихъ, искренно желали, чтобы государь принялъ все подъ власть свою и далъ всему новое устройство. Того же хотѣли и всѣ бѣдные граждане и большая часть народа. Но не такъ думали важные и богатые новгородцы. При власти государя они лишались многихъ выгодъ, которыми своевольно пользовались и потому они употребляли всѣ усилiя, чтобы возмущать народъ противъ Іоанна, и споры при этомъ случаѣ дошли до такой степени, что Новгородъ раздѣлился на двѣ стороны: *одна*—

хотѣла видѣть Іоанна *полнымъ властителемъ* и *государемъ* своимъ, соглашалась не имѣть у себя другихъ судей, кромѣ княжескихъ, отдать ему Дворъ Ярославовъ и не имѣть вѣча, котораго собранія такъ часто оканчивались кровопролитіемъ; *другая* же—не хотѣла слышать объ этомъ, даже не называли великаго князя *государемъ* своимъ, но, по прежнему обыкновенію, только *господиномъ,* и явно возмущала противъ него всѣхъ. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончился этотъ споръ, еслибы новгородцы не узнали, что Іоаннъ идетъ къ столицѣ ихъ съ многочисленнымъ, отборнымъ войскомъ. Съ нимъ были всѣ храбрые князья и полководцы того времени и всѣ братья его. Устрашенные мятежники испугались и отправили въ станъ Іоанна своего архіепископа Ѳеофила и знатнѣйшихъ гражданъ для переговоровъ. Эти переговоры продолжались отъ 23-го ноября 1477 до 7-го января 1478 года и окончились слѣдующимъ объявленіемъ всѣхъ новгородцевъ: «Соглашаемся не имѣть ни вѣча, ни посадника; молимъ только, чтобы государь утолилъ навѣки гнѣвъ свой и простилъ насъ искренно». Трудно было довести новгородцевъ до такого смиренія, но благоразуміе и твердость Іоанна умѣли сдѣлать это.

15-го января всѣ знатные граждане, бояре, житые люди, купцы и весь народъ присягали великому князю, и бояре московскіе объявили всѣмъ имъ, что государь забываетъ навѣки вины ихъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслію.

Такъ новгородцы, шесть сотъ лѣтъ называвшіеся *людьми вольными,* покорились Іоанну III! При этомъ важномъ случаѣ не произошло никакого кровопролитія; непріятельскія дѣйствія даже не начинались и великій князь приказалъ взять подъ стражу только нѣсколько человѣкъ изъ главныхъ мятежниковъ, въ томъ числѣ и непокорную Мароу Борецкую.

Отправляясь въ Москву, Іоаннъ ласково простился съ новгородцами, нѣсколько разъ угощалъ обѣдами архіепископа и знатнѣйшихъ бояръ ихъ, принималъ подарки отъ всего народа—потому что не было человѣка, который бы не желалъ показать государю чѣмъ нибудь своего усер-

дія,—одаривалъ и самъ каждаго. 5-го марта возвратился онъ въ Москву и вслѣдъ за нимъ привезли туда вѣчевой колоколъ, на звонъ котораго уже сходились теперь не гордые граждане новгородскіе для шумныхъ совѣщаній своихъ, но мирные жители Москвы для благочестивой молитвы: онъ повѣшенъ былъ на колокольнѣ Успенскаго собора.

ОСВОБОЖДЕНІЕ РУСИ.

отъ 1478 до 1480 года.

(2 года).

У великой княгини Софіи были уже три дочери. Она и супругъ ея желали имѣть сына, и Богъ исполнилъ ихъ желаніе: въ 1478 году у нихъ родился сынъ *Василій*, который былъ потомъ наслѣдникомъ престола. Но ни эти семейныя радости, ни слава, ни безпрестанныя побѣды русскихъ, не могли доставить совершеннаго счастія ни великому князю, ни супругѣ его. Обоихъ занимала только одна мысль: видѣть Русскую землю, освобожденною отъ власти татаръ. Умная, гордая Софія искусно умѣла усиливать въ сердцѣ супруга ненависть его къ ханамъ! Какъ часто даже на веселыхъ праздникахъ княжескихъ, когда Іоаннъ восхищался величественнымъ видомъ ея, богатствомъ ея царскаго наряда, красотою дѣтей своихъ, Софія съ хитростію спрашивала у него: «Долго ли быть мнѣ и дѣтямъ моимъ подданными хана татарскаго?» Іоаннъ, который почти безпрестанно и самъ дѣлалъ себѣ этотъ вопросъ, радовался, находя то же самое желаніе и въ сердцѣ супруги своей, и еще усерднѣе старался исполнить его. Случай къ тому скоро представился.

Князья русскіе всегда должны были съ особенными обрядами встрѣчать пословъ татарскихъ, которые привозили съ собою *басму*, т. е. изображеніе или болванъ хана. Князья выходили на эту встрѣчу за городъ пѣшкомъ, кланялись посламъ и для слушанія ханскихъ грамать подстилали

мѣхъ соболій подъ ноги чтецу и сами становились на колѣни. На томъ мѣстѣ, гдѣ бывала эта встрѣча, построили потомъ церковь, которая и теперь еще называется *Спасомъ на Болвановкѣ*. Софія, чувствуя достоинство супруга своего, не могла перенести мысли, чтобы онъ преклонилъ колѣна предъ *болваномъ* хана, и уговорила его не ходить навстрѣчу пословъ. Нѣкоторые историки говорятъ, что Іоаннъ не только исполнилъ желаніе ея, но даже изломалъ басму, бросилъ ее на землю, растопталъ ногами и сказалъ послу: «Объяви это хану: что сдѣлалось съ его *басмою*, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ». Отпустивъ съ такими словами посла, онъ не далъ ему нисколько дани, за которою тотъ пріѣзжалъ изъ орды. Такая смѣлость государя русскаго разсердила ужасно хана Ахмата. Хитрый король польскій Казимиръ, желавшій всегда вредить Россіи, постарался воспользоваться этою ссорою и наговорилъ столько на Іоанна, что царь татарскій приказалъ войску своему готовиться къ нападенію на русскія земли. Казимиръ обѣщалъ быть его союзникомъ.

Въ это трудное для Россіи время крымскій ханъ Менгли-Гирей доказалъ свою вѣрность и дружество къ Іоанну: онъ напалъ на польскія и литовскія владѣнія и тѣмъ помѣшалъ Казимиру исполнить обѣщаніе, данное Ахмату. Іоаннъ отправилъ другихъ крымскихъ царевичей, братьевъ Менгли-Гирея, жившихъ въ Россіи, и съ ними звенигородскаго воеводу Ноздреватаго съ отдѣльнымъ отрядомъ къ Сараю во время отсутствія хана разорить столицу его и по дорогѣ къ ней—селенія или улусы татарскіе.

Между тѣмъ великій князь собиралъ войско, непремѣнно хотѣлъ самъ предводительствовать имъ и приготовился дать рѣшительное сраженіе, котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ весь народъ, потому что увѣренъ былъ въ искусствѣ и счастіи государя своего; но Іоаннъ, по обыкновенной осторожности своей, не спѣшилъ начать войну, жалѣлъ проливать безъ нужды кровь своихъ подданныхъ и, дойдя съ войскомъ только до береговъ Угры [1]), гдѣ онъ могъ удержать Ахмата отъ вторженія во внутренность го-

[1]) Рѣка Угра течетъ въ нынѣшней Калужской губерніи.

сударства своего, ожидалъ извѣстія о томъ, что̀ сдѣлалъ воевода Ноздреватый. Чрезъ нѣсколько времени подошелъ и Ахматъ съ своимъ войскомъ, также къ Угрѣ, и расположился на правомъ берегу ея противъ русскихъ, стоявшихъ на лѣвомъ. Въ числѣ главныхъ воеводъ русскихъ былъ также и молодой сынъ великаго князя отъ первой супруги, *Іоаннъ*. Двѣ недѣли оба войска смотрѣли другъ на друга, ничего не дѣлая: Ахматъ поджидалъ литовцевъ, о которыхъ не было и слуху, Іоаннъ высматривалъ мѣстоположеніе, гдѣ удобнѣе было бы сражаться, и наконецъ выбралъ для того поля боровскія и приказалъ своему войску отступить туда. Князья, бояре и воины удивились и съ досадою думали, что государь ихъ боится сраженія: они не поняли осторожнаго Іоанна. Татары же поняли его еще менѣе, вообразивъ, что русскіе обманываютъ ихъ и, нарочно отступая, заманиваютъ въ приготовленныя засады. Непостижимый ужасъ овладѣлъ Ахматомъ: онъ спѣшилъ уйти изъ Русской земли и дорогою разорилъ двѣнадцать городовъ, бывшихъ во владѣніи литовцевъ, за то, что Казиміръ не пришелъ къ нему на помощь. Никто не понималъ, отчего ханъ татарскій такъ неожиданно оставилъ русскія области, но вскорѣ узнали причину: онъ получилъ извѣстіе, что въ Сараѣ и во всѣхъ окрестностяхъ его производятъ страшное опустошеніе посланные Іоанномъ царевичи крымскіе и воевода Ноздреватый. Итакъ, Ахмату надобно было оставить отечество наше, чтобы защищать собственную землю. Но онъ не дошелъ до нея. Ногайскіе татары, подъ начальствомъ шейбанскаго князя Ивака, слыша о богатой добычѣ Ахмата, отнятой въ городахъ литовскихъ, напали на него, загнали къ берегамъ Азовскаго моря и тамъ убили. Потомъ Ивакъ окончательно разорилъ Сарай, котораго развалины еще и теперь видны на берегахъ Ахтубы, и прислалъ пословъ сказать великому князю, что врага его уже нѣтъ на свѣтѣ, а онъ, какъ потомокъ Чингисъ-хана, проситъ только дружбы государя русскаго. Дѣти Ахматовы долго еще бродили съ остатками своей орды по степямъ, окружавшимъ прежнія владѣніи ихъ; воевали съ крымскими татарами, ненавидя Менгли-Гирея за его преданность къ государю русскому;

уговаривали казанскихъ татаръ идти съ ними на русскихъ, и можетъ быть это и удалось бы имъ сдѣлать, еслибы въ Казани все было въ это время въ прежнемъ порядкѣ; но, напротивъ того, тамъ послѣ царя Ибрагима происходили страшныя ссоры за наслѣдство престола, и народъ раздѣлился на разныя партіи, изъ которыхъ однѣ старались уничтожить другихъ. Іоаннъ воспользовался такимъ неустройствомъ и послалъ въ Казань храбраго воеводу своего, князя Холмскаго, который усмирилъ всѣхъ и возвелъ на престолъ одного изъ царевичей, Махметъ-Аминя, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ данникомъ Іоанна. Послѣ того казанскому царю уже нельзя было согласиться на приглашеніе Ахматовыхъ дѣтей идти на русскихъ, но, напротивъ того, надобно было по присягѣ, данной государю русскому, считать ихъ врагами своими. Такимъ образомъ, не получая ни отъ кого помощи, орда Кипчакская была совершенно истреблена неутомимымъ врагомъ свомъ Менгли-Гиреемъ за три года до кончины Іоанна, и послѣдній ханъ ея, Шигъ-Ахматъ, просившій помощи въ Литвѣ, умеръ тамъ въ темницѣ.

Такъ, наконецъ, бѣдное отечество наше освободилось отъ жестокой власти своихъ завоевателей. О! какъ должны мы благодарить Бога за то, что Онъ помогъ добрымъ предкамъ нашимъ перенесть столько бѣдъ и горя! Вспомните все, что они терпѣли со временъ Ярослава Всеволодовича, перваго изъ князей нашихъ, принужденнаго покориться царямъ татарскимъ. Можно ли было перенесть всѣ эти страданія безъ особеннаго покровительства и помощи Божіей? Можно ли было Руси, растерзанной и жестокими татарами, и собственными князьями, и чужеземными государями, дойти одной, безъ этой небесной помощи, до той степени славы, въ какой она уже была при Іоаннѣ III? Конечно, нѣтъ! А чѣмъ же, думаете вы, милые читатели мои, предки наши заслужили эту помощь, эту любовь, эту милость къ нимъ Бога?.. Тѣмъ, что они были самыми усердными христіанами; тѣмъ, что они любили Бога выше всего на свѣтѣ, что они надѣялись на Него Одного, а не на свои силы и умъ, и не начинали никакого дѣла, не помолясь прежде Ему и не попросивъ Его благословенія.

Такъ жили у нихъ и князья, и бояре, и купцы, и простые люди, и усердіе ихъ такъ пріятно было Богу, что Онъ спасалъ ихъ во всѣхъ опасностяхъ и, наконецъ, возвратилъ имъ счастіе.

Точно, любезные друзья мои, вѣра и набожность ихъ были примѣрныя. За то Богъ примѣрно и наградилъ ихъ. Славное княженіе Іоанна III есть еще только начало этой награды. Вы увидите въ слѣдующихъ разсказахъ, какъ слава ихъ будетъ постепенно увеличиваться и какъ, наконецъ, отечество наше достигнетъ до настоящаго могущества своего. Мы можемъ по справедливости сказать, что благословеніе Божіе часто самымъ очевиднымъ образомъ сопровождало дѣла предковъ нашихъ. Постараемся же и мы, потомки ихъ, заслужить это драгоцѣнное благословеніе: постараемся имѣть къ Богу такую же твердую вѣру, такое же искреннее усердіе, такую же пламенную любовь, какую имѣли они, и—счастіе отечества нашего будетъ всегда неизмѣнно!

НОВОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

отъ 1480 до 1498 года.

(18 лѣтъ).

Съ того времени, какъ Россія избавилась отъ власти жестокихъ татаръ, какъ она сдѣлалась опять государствомъ независимымъ, все въ ней какъ будто переродилось, все получило другой видъ! Имя Іоанна начало гремѣть еще болѣе и безпрестанныя побѣды прославили его воинство. Это чувствовали и рыцари ливонскіе, и литовцы, и казанцы, и вятчане, и тѣ изъ князей удѣльныхъ, которые оставались до сихъ поръ независимыми и теперь должны были покориться самодержавной власти Іоанна.

И чужеземные государи смотрѣли уже совсѣмъ другими глазами на Россію и желали не только дружества, но даже родства съ ея владѣтелемъ. Первый, показавшій это желаніе, былъ господарь молдавскій, Стефанъ IV. Онъ

выдалъ дочь свою Елену въ 1488 году за старшаго сына государя русскаго, Іоанна. Этотъ новый союзъ былъ почти столько же полезенъ для великаго князя, какъ и дружество его съ крымскимъ ханомъ, Менгли-Гиреемъ, всегда вѣрнымъ защитникомъ его противъ Литвы.

Вскорѣ послѣ этой свадьбы пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ знатный рыцарь Николай Поппель, посломъ отъ императора римскаго Фридриха III. Ему поручено было увѣрить Іоанна въ дружествѣ императора, просить его помощи, если король польскій вздумаетъ воевать Венгрію, принадлежавшую императору, и обѣщать помощь Іоанну, если поляки нападутъ на русскія владѣнія. Кромѣ того, послу велѣно было предложить великому князю выдать его дочь, княжну Елену или Ѳеодосію, за маркграфа Баденскаго, племянника императорскаго.

Іоаннъ принялъ этого посла со всѣмъ достоинствомъ государя, равнаго императору, и когда Поппель, въ концѣ аудіенціи своей, предложилъ ему, что Фридрихъ можетъ пожаловать его въ короли, Іоаннъ съ благородною гордостію приказалъ боярамъ своимъ сдѣлать слѣдующій отвѣтъ на такое предложеніе: «Государь нашъ, великій князь, наслѣдовалъ державу русскую отъ Бога и предковъ своихъ, и ни отъ кого другого никогда не захочетъ быть жалованнымъ». На сватовство за дочь Іоаннъ отвѣчалъ, что союзъ съ маркграфомъ не довольно знаменитъ для государя русскаго, брата древнихъ царей греческихъ. Однакожъ этотъ отказъ сдѣланъ былъ очень учтиво, такъ что Поппель, окончивъ всѣ порученія свои, выѣхалъ изъ Москвы безъ всякаго неудовольствія, и вслѣдъ за нимъ Іоаннъ отправилъ отъ себя къ императору посломъ грека Трахоніота, также съ изъявленіями дружества и богатыми подарками.

Такъ слухъ о достоинствахъ и славѣ Іоанна доставилъ ему въ римскомъ императорѣ третьяго защитника противъ Польши и Литвы. Но скоро и сама Литва начала искать союза съ нимъ.

Въ 1492 году умеръ Казимиръ. Старшій сынъ его, *Альбертъ,* сдѣлался королемъ польскимъ, а младшій, *Александръ,* великимъ княземъ литовскимъ.

Литва, отдѣлясь отъ Польши, уже не имѣла столько силъ какъ прежде, и молодой государь ея, слыша, что со всѣхъ сторонъ сбираются на него союзники Іоанна, очень желалъ помириться съ Россіей. Ему казалось, что самымъ лучшимъ средствомъ къ тому было: сдѣлаться зятемъ великаго князя. Долго послы его и Іоанновы переѣзжали изъ Вильны въ Москву и изъ Москвы въ Вильну, прежде нежели государь русскій рѣшился отдать любимую дочь свою *Елену* за князя латинской вѣры. Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ онъ согласился съ условіемъ, чтобы Александръ никогда не принуждалъ супруги своей къ перемѣнѣ греческаго закона ея.

6-го января 1495 года пріѣхало въ Москву великое посольство литовское за невѣстою. Оно состояло изъ знатнѣйшихъ князей и пановъ Александра. Всѣ они отличались великолѣпнымъ нарядомъ, множествомъ слугъ, богатыми уборами лошадей. Іоаннъ еще разъ подтвердилъ главнымъ посламъ, напомнить Александру условіе ихъ о томъ, чтобы дочь его ни въ какомъ случаѣ не перемѣняла закона, и чтобы у ней была своя придворная церковь греческая. Обнимая въ послѣдній разъ Елену передъ самымъ отъѣздомъ ее, онъ вложилъ ей въ руку слѣдующую записку: «Память великой княжнѣ Еленѣ. Въ церковь латинскую не ходить, а ходить въ греческую; изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь латинскій, но только одинъ или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ идти съ собою въ церковь, то проводи ее до дверей и скажи ей учтиво, что идешь въ свою церковь». Такъ набожный Іоаннъ заботился о томъ, чтобы милая дочь его не оставила православной, отечественной вѣры своей!

Литовскій народъ радостно встрѣчалъ молодую невѣсту. Вѣдь вы помните, милые читатели, что большая часть государства литовскаго состояла изъ русскихъ областей, отнятыхъ у предковъ нашихъ Гедиминомъ и Витовтомъ. Въ нихъ жили русскіе, терпѣвшіе много притѣсненій отъ литовцевъ. Вотъ эти-то бѣдные соотечественники наши всѣхъ болѣе радовались, встрѣчая русскую княжну: теперь они могли надѣяться, что будетъ кому

попросить за нихъ государя, будетъ кому защитить ихъ отъ злыхъ литовцевъ.

Александръ встрѣтилъ Елену со всѣмъ дворомъ своимъ за три версты отъ Вильны. Невѣста и женихъ вмѣстѣ въѣхали въ столицу: онъ верхомъ, а она въ богато-украшенныхъ саняхъ. Великая княжна пріѣхала прямо въ греческую церковь и отслужила молебенъ. Здѣсь московскія боярыни, по старинному обыкновенію, расплели ей косу, надѣли на голову *кику* или кокошникъ съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели въ церковь св. Станислава, гдѣ было вѣнчаніе. И русскіе, и литовцы долго веселились вмѣстѣ на богатыхъ пирахъ этой свадьбы, но не получили отъ нея тѣхъ выгодъ, какихъ ожидали; несогласія между Іоанномъ и зятемъ его почти не уменьшились, а чрезъ четыре года сдѣлались еще сильнѣе: Александръ вздумалъ принуждать всѣхъ русскихъ подданныхъ своихъ греческаго закона принимать вѣру латинскую. Знатнѣйшіе изъ нихъ князья и вельможи, владѣвшіе большими областями, не желая оставить своей вѣры, перешли въ подданство къ Іоанну со всѣми принадлежавшими имъ городами. Іоаннъ считалъ долгомъ вступиться за своихъ единовѣрцевъ, и посланное имъ войско безъ труда овладѣло всею литовскою или западною Русью, отъ нынѣшнихъ губерній Калужской и Тульской до Кіевской.

Такъ счастіе вездѣ было съ Іоанномъ, такъ успѣвалъ онъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ было: дать новую жизнь Россіи. Вы видите, какъ счастливо это удалось ему! Никто не узналъ бы въ Іоанново время той Россіи, которая такъ униженно кланялась Батыю и Узбеку.

ДВА НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА.

отъ 1498 до 1505 года.

(7 лѣтъ).

Іоаннъ, счастливый почти во всемъ, былъ несчастливъ только въ семействѣ своемъ. Отъ первой супруги былъ у него сынъ Іоаннъ, котораго для отличія отъ отца называли *Іоанномъ Младымъ*. Вы помните, что онъ женился на молдавской княжнѣ Еленѣ. Этотъ молодой князь, кроткій и ласковый ко всѣмъ, чрезъ два года послѣ свадьбы своей скончался. У него остался маленькій сынъ *Димитрій*. Іоаннъ сильно огорченъ былъ этою жестокою потерею и никто не могъ утѣшить его горести, кромѣ милаго внука, малютки Димитрія. Любовь его къ этому ребенку сдѣлалась такъ велика, что великая княгиня Софія начала досадовать: у ней были свои дѣти, и нѣжной, огорченной матери казалось, что супругъ ея менѣе любитъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ родился Димитрій. Она имѣла еще другую причину досадовать на этого мальчика: гордая царевна греческая думала, что старшій сынъ ея, *Василій*, имѣетъ болѣе правъ быть наслѣдникомъ престола отцовскаго, нежели *внукъ*. Это думала не она одна, но и многіе изъ бояръ, приверженныхъ къ ней. Между тѣмъ другіе находили, что по всей справедливости престолъ долженъ принадлежать *Димитрію*, сыну прежняго наслѣдника. Мать его, княгиня Елена, столько же гордая и честолюбивая, какъ Софія, старалась всѣми силами поддерживать это мнѣніе. Такимъ образомъ дворъ раздѣлился на двѣ стороны и каждый бояринъ былъ или другъ или врагъ той или другой княгини. Маленькіе князья, окруженные каждый своими, росли, не любя другъ друга. Іоаннъ, всегда занятый дѣлами государственными, не могъ обращать много вниманія на это семейное несогласіе и никогда не думалъ, чтобы оно могло сдѣлаться важнымъ до тѣхъ поръ, какъ уже Василію было двадцать лѣтъ. Въ это время вдругъ доносятъ ему, что нѣсколько молодыхъ людей, друзей Василія, согласились отравить ядомъ Димитрія, разгра-

бить казну княжескую и объявить государемъ своимъ — Василія. Гнѣвъ Іоанна былъ ужасенъ: всѣхъ заговорщиковъ наказали примѣрно и приставили стражу даже къ Василію, который, вѣроятно, не зналъ о намѣреніяхъ безразсудныхъ друзей своихъ, потому что былъ всегда почтителенъ къ отцу. Софію же съ того времени государь не хотѣлъ видѣть, подозрѣвая, что она болѣе всѣхъ желала отравить Димитрія, и чтобы наказать ее самымъ чувствительнымъ для нея образомъ, объявилъ всему народу наслѣдникомъ престола внука своего и назначилъ день его коронованія. Это было первое царское вѣнчаніе, подробно описанное въ нашей исторіи. Оно происходило въ Успенскомъ соборѣ 4-го февраля 1498 г., куда государь самъ привелъ молодого Димитрія. Митрополитъ и пять епископовъ встрѣтили ихъ со всѣмъ духовенствомъ и служили молебенъ. Посреди церкви сдѣлано было возвышеніе, на которомъ стояли три кресла. Послѣ молебна Іоаннъ и митрополитъ сѣли, но Димитрій стоялъ на возвышеніи. Тогда великій князь сказалъ: «Отецъ митрополитъ! предки наши, государи русскіе, давали великое княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ имъ моего старшаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало: благословляю теперь внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя, великимъ княжествомъ владимірскимъ, московскимъ, новогородскимъ,—и ты, отецъ мой, дай ему благословеніе!» Митрополитъ всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, положилъ руку на его голову и громко молился, чтобы Богъ принялъ подъ святое покровительство свое новаго государя. Послѣ этой молитвы два архимандрита подали вѣнецъ и бармы Мономаха [1]). Митрополитъ, читая приличныя на этотъ случай молитвы, передалъ царскія утвари въ руки Іоанна, который надѣлъ то и другое на внука. Послѣ этого пѣли многолѣтіе обоимъ государямъ, и митрополитъ съ епископами и всѣмъ дворомъ поздравилъ дѣда и внука. Послѣ обѣдни повели Димитрія въ

---

[1]) *Бармы* значатъ родъ воротника съ оплечьями. Они вмѣстѣ съ вѣнцомъ были присланы Мономаху отъ царей греческихъ и съ того времени употребляются при коронованіи нашихъ государей.

вѣнцѣ и бармахъ въ соборъ Архангельскій. Тамъ, по старинному обыкновенію, его осыпали въ дверяхъ, въ знакъ богатства и изобилія, золотыми и серебряными деньгами. Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у государя.

Вы вѣрно догадаетесь, мои читатели, что на этомъ праздникѣ всѣхъ довольнѣе и всѣхъ счастливѣе была великая княгиня Елена. Она достигла въ полной мѣрѣ своего желанія: пятнадцати-лѣтній сынъ ея—уже государь Россіи, и гордая Софія, вмѣстѣ съ блестящею надеждою своею—Василіемъ, окружена стражею и лишена даже радости видѣть супруга своего! Но непродолжительно было счастіе Елены. Уже въ самый день коронованія государь былъ не совсѣмъ веселъ: замѣтно было, что онъ грустилъ о супругѣ, съ которою былъ двадцать пять лѣтъ счастливъ, о сынѣ, котораго рожденіе всегда казалось ему особенною милостію Бога, ниспосланною на молитвы его. Приверженцы Димитрія догадывались о такомъ расположеніи Іоанна и, боясь перемѣны, не смѣли слишкомъ радоваться своему счастію. Прошелъ годъ—и эта страшная для нихъ перемѣна точно сдѣлалась: Іоаннъ узналъ, что доносы на Софію и Василія были несправедливы, и со всею строгостію осудилъ и казнилъ за то знатнѣйшихъ вельможъ, друзей великой княгини Елены.

Чрезъ шесть недѣль послѣ этого суда Іоаннъ объявилъ Василія *великимъ княземъ Новгорода и Пскова*, а чрезъ три года—*государемъ-наслѣдникомъ престола Всероссійскаго*. Въ тотъ же день отдано было приказаніе приставить къ Димитрію и матери его стражу. Итакъ, этотъ несчастный молодой князь, кроткій и добрый, какъ отецъ его, невинный въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ матери, для того только съ такою пышностію вѣнчался на престолъ, чтобы еще живѣе чувствовать свое бѣдствіе! Елена скончалась отъ горести и тоски чрезъ два года послѣ своего заключенія, но сынъ ея жилъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ уже въ княженіе своего соперника—Василія.

Это семейственное огорченіе имѣло вліяніе на здоровье Іоанна, особенно съ того времени, какъ скончалась супруга его, княгиня Софія. Онъ примѣтно ослабѣвалъ, но всетаки не переставалъ неутомимо заниматься великими обя-

занностями государя. Напрасно зять его, литовскій князь Александръ, сдѣлавшійся послѣ смерти брата Альберта и королемъ польскимъ, и все еще не помирившійся съ тестемъ, думалъ воспользоваться его болѣзнію и прислалъ въ Москву пословъ требовать возвращенія завоеванныхъ Іоанномъ городовъ у Литвы. Іоаннъ, для котораго слава Россіи была дороже даже спокойствія милой дочери, страдавшей отъ несогласія отца съ супругомъ, не хотѣлъ слышать о требованіяхъ и предложеніяхъ Александра, и гордо сказалъ посламъ его: «Великій князь русскій никому не отдаетъ своего. Для истиннаго, прочнаго мира Александръ долженъ уступить мнѣ и Смоленскъ, и Кіевъ, также принадлежавшіе нѣкогда Россіи». Послѣ этого король польскій удостовѣрился въ невозможности помириться съ Іоанномъ такъ, какъ ему хотѣлось, и долженъ былъ исполнить желаніе великаго князя.

Такимъ образомъ Іоаннъ до конца жизни своей заботился о счастіи отечества нашего, и даже въ день смерти своей отдавалъ приказанія и говорилъ о дѣлахъ государственныхъ. Этотъ горестный для Россіи день былъ 27 октября 1505 года.

Исторія назвала Іоанна *Великимъ*. Обдумавъ все сдѣланное этимъ государемъ, мы должны согласиться, что такое названіе очень справедливо. Не однѣми побѣдами онъ заслужилъ его: зная, что счастіе народа не заключается въ одной славѣ его, Іоаннъ гораздо болѣе думалъ о хорошемъ управленіи своими подданными, нежели о распространеніи своихъ владѣній. Онъ приказалъ собрать всѣ законы и граматы прежнихъ князей, разсмотрѣлъ, исправилъ и издалъ ихъ подъ названіемъ *Уложенія;* устроилъ лучшее войско, завелъ городскую исправу или полицію, почту, почтовые дворы, гдѣ всѣмъ проѣзжимъ давали не только лошадей, но даже пищу, если на то былъ приказъ государевъ; велѣлъ исправлять дороги; не терпѣлъ нетрезвости. Однимъ словомъ, Іоаннъ заботился о всѣхъ своихъ подданныхъ, и за то самые отдаленные потомки ихъ должны чувствовать вѣчную благодарность къ этому великому государю, къ этому незабвенному освободителю Россіи отъ власти варваровъ, *двѣсти пятьдесятъ лѣтъ* ее угнетавшихъ.

Семейство великаго князя Іоанна III Васильевича.

Супруги: 1) *Марія* Борисовна, княжна тверская. 2) *Софія,* царевна греческая.

Сыновья: a) Іоаннъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. b) Василій наслѣдовалъ престолъ послѣ отца. c) Юрій. d) Симеонъ. e) Андрей. f) Борисъ.

Дочери: g) Елена, была въ супружествѣ за великимъ княземъ Литовскимъ, Александромъ. h) Ѳеодосія—за княземъ Василіемъ Даніиловичемъ Холмскимъ. i) Елена, умерла въ дѣтствѣ.

ПОКОРЕНІЕ ПСКОВА И СОВЕРШЕННОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ УДѢЛОВЪ.

отъ 1505 до 1523 года.

(18 лѣтъ).

Василій Іоанновичъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ знаменитаго отца своего, старался во всемъ подражать ему, и хотя не имѣлъ отъ природы великихъ способностей его, но усердныя старанія никогда не остаются напрасны: исторія называетъ Василія IV достойнымъ сыномъ Іоанна III.

Первое важное дѣло его, о которомъ надобно разсказать читателямъ, было покореніе *Пскова.* Вы знаете, что во Псковѣ было такое же народное правленіе, какъ и въ Новгородѣ. Псковъ назывался даже *братомъ* его, прежде *младшимъ,* а потомъ за оказанныя услуги Новгороду—*равнымъ.* Законы, вѣче, посадники, однимъ словомъ, всѣ учрежденія псковитянъ были такія же, какъ у новгородцевъ. Псковитяне отличались только тѣмъ отъ братьевъ своихъ, что не были такъ горды, дерзки, своевольны и за то долѣе ихъ наслаждались своею свободою. Іоаннъ III хотя посылалъ и къ нимъ своихъ намѣстниковъ, но приказалъ управлять ими не иначе, какъ по ихъ собственнымъ законамъ. И такъ, къ досадѣ новгородцевъ, во Псковѣ все еще раздавался звонъ вѣчевого колокола и жители все еще сходились на шумныя собранія свои. Но это было недолго: на одномъ

изъ такихъ собраній земледѣльцы объявили, что не хотятъ платить дани гражданамъ. Ихъ хотѣли принудить къ тому силою, и при этомъ случаѣ всѣ перессорились такъ, что намѣстникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ великому князю.

Василій, видя явное доказательство того, какія несчастія терпитъ народъ отъ излишней свободы, которою никогда не умѣетъ пользоваться, рѣшился навсегда уничтожить ее во Псковѣ, какъ отецъ его уничтожилъ ее въ Новгородѣ.

Это было въ январѣ мѣсяцѣ 1510 года. Молодой государь, недовольный псковитянами, поѣхалъ разбирать ссоры ихъ не во Псковъ, но въ Новгородъ, куда пріѣхало къ нему многочисленное посольство псковское, состоявшее изъ семидесяти знатнѣйшихъ бояръ. Разбирательство кончилось тѣмъ, что всѣхъ ихъ посадили подъ стражу и объявили, что великій князь, недовольный дерзостью ихъ противъ намѣстника его и несправедливостію противъ народа, требуетъ, чтобы они уничтожили свое вѣче и приняли государевыхъ намѣстниковъ не только въ Псковъ, но и во всѣ города свои. Въ такомъ случаѣ онъ проститъ ихъ и пріѣдетъ къ нимъ помолиться св. Троицѣ [1]).

Псковскіе бояре, и чувствуя вину свою, и не надѣясь имѣть столько силъ, чтобы противиться великому князю, съ горестію согласились исполнить волю его и писали во Псковъ, прося весь народъ сдѣлалъ то же.

Такая просьба привела въ ужасное уныніе Псковъ: *вольные люди* (какъ называли себя псковитяне), узнавъ о согласіи первыхъ бояръ своихъ, лишились всякой надежды сохранить свободу свою, и на другой день съ неописанною печалью, съ горькими слезами, сошлись въ послѣдній разъ на звукъ своего колокола и объявили послу великокняжескому, что покоряются волѣ государя.

Посолъ въ тотъ же день отправился къ великому князю, который вскорѣ потомъ пріѣхалъ во Псковъ, учредилъ въ немъ совсѣмъ новый порядокъ, опредѣлилъ новыхъ чиновниковъ, принялъ присягу въ вѣрности всѣхъ жите-

---

[1]) Во Псковѣ главною церковью былъ соборъ св. Троицы. Онъ существуетъ и теперь.

лей, заложилъ новую церковь во имя св. Ксеніи [1]), отправилъ триста семействъ знатныхъ псковитянъ въ Москву, а на мѣсто ихъ велѣлъ перевесть туда столько же изъ другихъ городовъ и, устроивъ все, уѣхалъ чрезъ мѣсяцъ въ столицу. Вскорѣ послѣ отъѣзда его повезли туда же и вѣчевой колоколъ псковитянъ, которые, чувствуя пользу новаго правленія, уже менѣе жалѣли о немъ, нежели въ ту минуту, когда спускали его съ колокольни.

Въ то самое время, какъ Василій занимался дѣлами Пскова, на него сбирались враги съ двухъ сторонъ. Первые изъ нихъ были *литовцы,* эти всегдашніе непріятели нашего отечества; вторые *крымцы.* Помня добраго Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Іоанна III, конечно, читатели удивятся, что подданные его вдругъ вздумали ссориться съ русскими? Но въ этомъ виноваты также литовцы. Князя ихъ Александра уже давно не было на свѣтѣ: наслѣдникомъ Литвы и Польши былъ братъ его *Сигизмундъ,* который еще болѣе Александра вредилъ Россіи. Онъ-то поссорилъ насъ съ Менгли-Гиреемъ, или, лучше сказать, съ молодыми и смѣлыми сыновьями его, Ахматомъ и Бурнашъ-Гиреями, которые по своей волѣ управляли старымъ отцомъ своимъ: онъ былъ уже такъ слабъ и дряхлъ, что никто не узнавалъ въ немъ прежняго храбраго, умнаго и благороднаго Менгли-Гирея. Сигизмундъ обѣщалъ имъ платить каждый годъ 15,000 червонцевъ, если они нападутъ вмѣстѣ съ нимъ на наши области. Молодые царевичи, именемъ отца, согласились на это предложеніе и исполнили желаніе Сигизмунда, который, ненавидя русскихъ, какъ литовецъ, имѣлъ еще другую причину сердиться на великаго князя: Василій милостиво принялъ къ себѣ одного изъ знаменитѣйшихъ вельможъ литовскихъ, измѣнившаго королю своему,—князя Михаила Глинскаго съ братьями, и не только отказалъ Сигизмунду выдать ихъ, но даже далъ имъ у себя цѣлые города въ помѣстья. Вотъ эти Глинскіе,—и особенно Михаилъ,—много помо-

[1]) Память святой Ксеніи праздновалась въ тотъ день, когда уничтожилась вольность Пскова.

гали великому князю въ войнѣ съ Сигизмундомъ: кромѣ того, что съ ними выѣхало въ Россію много пановъ и дворянъ литовскихъ, они нанимали искусныхъ воиновъ для Василія даже въ Богеміи и Германіи, и съ этою помощію война шла такъ счастливо для великаго князя, что ему удалось даже возратить въ свое владѣніе Смоленскъ, бывшій сто десять лѣтъ подъ властію Литвы.

Вы не можете представить себѣ, какъ обрадовались жители Смоленска тому, что присоединились опять къ старинному своему отечеству! Хотя въ теченіе ста лѣтъ они поневолѣ уже переняли многое у своихъ завоевателей, но все еще твердо помнили, что они русскіе, и любили Россію какъ милую мать, съ которою литовцы разлучили ихъ. Эта любовь, не менѣе Михаила Глинскаго, помогла Василію овладѣть Смоленскомъ; Михаилъ же показывалъ такое усердіе недаромъ: онъ думалъ, что великій князь, изъ благодарности къ его заслугамъ, сдѣлаетъ его владѣтельнымъ княземъ Смоленска, но ошибся. Великій князь не любилъ Михаила и никакъ не согласился отдать ему этотъ городъ. Да и какъ можно было отдать? Если уже онъ измѣнилъ отечеству, то Россіи могъ бы измѣнить еще скорѣе. Такъ и сдѣлалось: обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ тотчасъ перешелъ опять на сторону Сигизмунда и надѣлалъ бы много хлопотъ, еслибы воеводы наши не поймали его. По приказанію Василія его сковали и отвезли въ Москву.

Между тѣмъ въ 1515 году умеръ Менгли-Гирей. Сынъ и наслѣдникъ его, Магметъ-Гирей, не имѣвшій никакихъ достоинствъ отца, попеременно былъ союзникомъ то русскаго, то литовскаго государя, смотря по тому, кто изъ нихъ болѣе давалъ ему денегъ. Однажды Магметъ, получивъ отъ Сигизмунда огромную сумму, ворвался съ своими крымцами въ Россію и едва было не напомнилъ ей временъ Батыя и Тохтамыша!

Наконецъ вотъ что нѣсколько усмирило крымскаго хана: услышавъ, что въ Москву пріѣхалъ посолъ изъ Константинополя и привезъ великому князю ласковое письмо отъ знаменитаго и страшнаго для всей Европы турецкаго султана *Солимана*, Магметъ-Гирей испугался, чтобы онъ не

вступился за русскихъ, и на нѣкоторое время отложилъ свои нападенія на наши области.

Сигизмундъ также боялся сосѣда своего, опаснаго Солимана, и уже, не споря о Смоленскѣ, заключилъ съ великимъ княземъ миръ на пять лѣтъ.

Пользуясь этимъ спокойствіемъ, Василій Іоанновичъ спѣшилъ исполнить намѣреніе великаго отца своего и свое собственное: спѣшилъ совершенно уничтожить удѣлы. Правда, ихъ оставалось уже очень немного: главнымъ было—княжество *Рязанское* и другое—*Сѣверское*. Молодой рязанскій князь Іоаннъ первый подалъ поводъ Василію исполнить это намѣреніе: онъ такъ подружился съ дерзкимъ ханомъ крымскимъ, Магметомъ, что хотѣлъ жениться на его дочери и объявилъ себя совсѣмъ независимымъ отъ великаго князя. Государь узналъ это и считалъ долгомъ своимъ наказать замыслы, вредные для отечества: Рязань была взята въ совершенное владѣніе великаго князя, а Іоаннъ посаженъ въ темницу, откуда убѣжалъ въ Литву и тамъ скончался.

Окончивъ безъ всякаго кровопролитія покореніе важнаго княжества Рязанскаго, болѣе 400 лѣтъ бывшаго отдѣльнымъ и независимымъ, Василію еще легче было присоединить къ своей коронѣ Сѣверское. Княземъ его былъ *Василій Шемякинъ*, внукъ того Димитрія Шемяки, котораго вы, вѣрно, помните. Будучи смѣлъ, гордъ, непримиримъ, онъ напоминалъ собою дѣда своего и много безпокоилъ великаго князя: нѣсколько разъ Василій подозрѣвалъ его въ дружбѣ съ Литвою, и наконецъ въ 1523 году открылъ переписку его съ Сигизмундомъ. Князь Шемякинъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ.

Такъ навсегда кончились удѣлы въ Россіи! такъ соединились всѣ части ея въ одно *цѣлое;* такъ это *цѣлое* стало зависѣть уже не отъ мелочныхъ требованій *нѣсколькихъ* владѣтелей, но отъ высокой, самодержавной и неизмѣнной воли *одного* государя!

НРАВЫ И ОБЫЧАИ РУССКИХЪ ПРИ ВАСИЛІИ IV.

отъ 1523 до 1533 года.

(10 лѣтъ).

Пріятно знать не только о важныхъ дѣлахъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, какъ предковъ своихъ, напримѣръ о ихъ походахъ, побѣдахъ, завоеваніяхъ, но даже и о самыхъ обыкновенныхъ: о томъ, что дѣлали они въ домашнемъ кругу своемъ, какъ они веселились, какъ показывали печаль свою, какъ угощали друзей своихъ; даже мнѣ бы хотѣлось знать, какое платье они носили, какія кушанья подавали на обѣдахъ ихъ, о чемъ разговаривали они во время этихъ обѣдовъ. Я увѣрена, что и читатели мои точно такъ же любопытны, какъ я, и имъ также хочется узнать все это. Очень рада, друзья мои, и постараюсь выбрать изъ исторіи самыя занимательныя для васъ описанія нравовъ и обыкновеній нашихъ добрыхъ предковъ. И какъ кстати мы остановились теперь на томъ самомъ времени, какъ Василій IV, уже самодержавный государь Россіи, усмиривъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ отечества нашего, праздновалъ въ 1526 году вторую свадьбу свою. Для маленькихъ охотниковъ до веселостей и всѣхъ происшествій, не совсѣмъ обыкновенныхъ, вѣрно всего пріятнѣе будетъ, если я начну разсказъ мой нѣсколькими словами о томъ великомъ веселіи, какое было тогда на Руси.

Но если вы думаете, что тогдашніе свадебные праздники и угощеніе походили на нынѣшніе, то очень ошибаетесь. Напримѣръ, сказать ли вамъ, что̀ разносили гостямъ на свадьбѣ Василія Іоанновича вмѣсто нашихъ нынѣшнихъ затѣйливыхъ, можно сказать даже великолѣпныхъ, конфектъ? Калачи, *перепечу* [1]) и сыры! а вмѣсто вина шампанскаго въ нашихъ прекрасныхъ бокалахъ изъ граненаго хрусталя подавали романею [2]), рейнское, но еще

---

[1]) *Перепеча*—сдобное пирожное особенной формы, съ гранью, похожею на ананасную.

[2]) *Романеею* называлось бургонское вино.

болѣе—медъ и пиво въ большихъ золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ или ковшахъ.

Хотите ли знать, какъ одѣтъ былъ государь-женихъ? О! совсѣмъ не такъ, какъ одѣваются теперь. На немъ былъ бархатный, золотой *кожухъ* или *тулупъ* на собольемъ мѣху, да шуба русская соболья, крытая бархатомъ золотымъ. Полы этой шубы *закинуты были назадъ за плеча.* Поясъ былъ кованый золотой, шапка—горлатная изъ черныхъ лисицъ.

Нарядъ невѣсты также вовсе не походилъ на то платье, какое она надѣваетъ у насъ теперь. Русскія дѣвицы встарину не носили на головѣ никакого другого убора, кромѣ широкой повязки, похожей на ту, въ какой вѣрно многія изъ маленькихъ читательницъ моихъ пляшутъ по-русски. Въ такой повязкѣ верхъ головы оставался открытымъ, а волосы заплетались въ косу, которая спускалась по спинѣ. Къ концу косы старинной княжны, боярышни или простой дѣвушки русской привязывался *косникъ* или треугольникъ изъ картузной бумаги, который обвивался шелковою матеріею, а у богатыхъ украшался жемчугомъ и дорогими каменьями. Косу старались плесть такъ широко, чтобы она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей, и постепенно съуживалась до косника. У невѣстъ косы были распущены, и въ церкви, послѣ вѣнчанія, имъ заплетали двѣ косы, надѣвали кокошникъ и покрывали *фатою* [1]). Платье, которое называлось ферязью или *сарафаномъ,* спереди до подола, также рукава аршина въ три и стоячій воротникъ, пальца въ три, унизывались крупнымъ жемчугомъ.

Вотъ какъ богато одѣта была невѣста Василія IV, Елена, молодая княжна Глинская, племянница того Михаила Глинскаго, который прослылъ въ исторіи измѣнникомъ сперва своему природному государю, потомъ—русскому. Вы помните, читатели мои, что за эту послѣднюю измѣну онъ посаженъ былъ въ темницу и получилъ совершенное прощеніе только тогда, какъ великій князь сдѣлался супругомъ его племянницы.

Имѣя теперь нѣкоторое понятіе о праздникахъ и одеждѣ предковъ нашихъ, мы поговоримъ о другихъ обыкновеніяхъ

---

[1]) *Фата* походила на то, что мы называемъ теперь вуаль.

ихъ. Всѣ они—и знатные бояре, и бѣдные дворяне, казалось, были спѣсивы. Къ боярамъ никто не смѣлъ въѣзжать на дворъ: надобно было оставлять лошадей у воротъ. Дворяне стыдились ходить пѣшкомъ и мало знакомились съ мѣщанами.

Гость, входя въ комнату, прежде всего молился образамъ и потомъ уже подходилъ къ хозяину, цѣловался съ нимъ и говорилъ: «*дай Богъ тебѣ здоровья!*» Тутъ начинались взаимные поклоны, послѣ которыхъ гость и хозяинъ садились и разговаривали. Когда гость уходилъ, хозяинъ провожалъ его до крыльца, а иногда и до самыхъ воротъ.

Молодыя женщины почти всегда сидѣли дома, даже въ церковь рѣдко ходили. Главное рукодѣлье ихъ было—прясть и шить; главная забава — качаться на качеляхъ. Русскіе вообще очень любили и любятъ до сихъ поръ качели: мы видимъ это и теперь на Святой недѣли.

Къ чужеземцамъ предки наши были гораздо горделивѣе насъ; даже послы ихъ жаловались на ту важность, съ которою ихъ принимали въ Россіи. Когда иностранный посолъ объявлялъ о себѣ въ первомъ русскомъ городѣ намѣстнику государеву, то ему дѣлали множество вопросовъ: «Изъ какой земли? отъ кого онъ ѣдетъ? знатный ли человѣкъ? бывалъ ли прежде въ Россіи? говорилъ ли нашимъ языкомъ?» Замѣтьте этотъ послѣдній вопросъ, дѣти; онъ доказываетъ, что предки наши только по необходимости говорили чужимъ языкомъ и всегда предпочитали свой собственный всякому другому.

Не подумайте, однакожъ, чтобы предки наши, любя все отечественное, обходились дурно съ иностранцами. Нѣтъ! они всегда уважали добрыхъ и умныхъ изъ нихъ, старались перенимать у нихъ всѣ полезныя знанія, и государи наши, особенно Іоаннъ III и Василій IV, даже приглашали многихъ чужеземныхъ художниковъ и ремесленниковъ переселяться къ намъ въ Москву. Такимъ образомъ у насъ были и тогда уже иностранные зодчіе или архитекторы, денежники [1]), слесари и даже живописцы, которые списывали портреты. Всѣ они жили весело и богато въ

[1]) Люди, дѣлавшіе деньги.

нашей гостепріимной Москвѣ и обучали русскихъ тому, что знали сами. Однакожъ надобно признаться, что не всѣ иностранцы приносили пользу отечеству нашему: иные изъ нихъ вредили ему и не всегда были благодарны Россіи, въ которой почти всегда обогащались.

Возвращаясь къ описанію нравовъ предковъ нашихъ, скажемъ, что главною чертою ихъ характера была набожность, усердіе къ вѣрѣ и привязанность къ монашеству. Почти всѣ они желали умереть въ *ангельскомъ образѣ.* Такъ называли они *постриженіе* и *принятіе схимы,* и тѣ, которые не успѣвали постричься за нѣсколько лѣтъ до смерти, старались сдѣлать это по крайней мѣрѣ за нѣсколько часовъ. Это случилось и при кончинѣ великаго князя Василія IV, котораго жизнь неожиданно прекратилась на 54 году. Онъ почти никогда не чувствовалъ никакихъ болѣзней, любилъ дѣятельность и движеніе, былъ всегда веселъ и счастливъ, особенно со времени рожденія сына своего, будущаго грознаго государя Россіи Іоанна IV, тогда еще трехлѣтняго мальчика.

Въ 1533 году великій князь праздновалъ день св. Сергія 25-го сентября, въ Троицкой лаврѣ, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми. Въ то же время онъ благодарилъ Бога за избавленіе отъ непріятелей, крымскихъ татаръ, сдѣлавшихъ опять набѣгъ на наши владѣнія. Въ тотъ же день великій князь ѣздилъ на охоту и занемогъ такою болѣзнью, которая сначала совсѣмъ не казалась опасною: у него сдѣлался вередъ на лѣвой ногѣ; но этотъ вередъ такъ разболѣлся, что чрезъ два мѣсяца причинилъ смерть его. 21-го ноября въѣхалъ онъ въ Москву шагомъ, въ саняхъ, на постели и скрытно, чтобы не встревожить народъ, горячо любившій его. Какъ скоро внесли его во дворецъ Кремлевскій, онъ тотчасъ созвалъ бояръ и приказалъ имъ писать духовную, въ которой объявилъ трехлѣтняго сына своего Іоанна наслѣдникомъ государства, подъ опекою матери и бояръ до пятнадцати-лѣтняго возраста; назначилъ удѣлъ меньшему сыну Юрію; просилъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея, не забыть обѣщанія ихъ, служить вѣрно племяннику; устроилъ многія дѣла государственныя и церковныя; однимъ словомъ, не забылъ

ничего, что касалось спокойствія его подданныхъ и отечества. Исполнивъ эту обязанность государя, онъ послалъ за супругою и дѣтьми. Малютку Іоанна принесъ на рукахъ братъ матери его, князь Иванъ Глинскій. Умирающій отецъ благословилъ его крестомъ св. Петра митрополита. Дитя не плакало: оно не понимало еще, кого лишалось! Но зато нельзя было видѣть безъ слезъ отчаянія великой княгини: ее вынесли на рукахъ изъ спальни государя.

Разставшись съ супругою, Василій Іоанновичъ уже ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о Богѣ и душѣ своей. Онъ тотчасъ сказалъ духовнику своему, протоіерею Алексію: «Не похороните меня въ бѣлой одеждѣ: я не останусь въ мірѣ, если я выздоровлю». Это значило: «постригите меня въ монахи». Алексій, митрополитъ Даніилъ и все бывшее тутъ духовенство радовались такому желанію государя, но князья, братья Василія, и нѣкоторые изъ вельможъ противились этому: они говорили, что ни св. Владиміръ, ни Димитрій Донской не были монахи, но, вѣрно, заслужили вѣчное блаженство. Долго они спорили и шумѣли; между тѣмъ взоры великаго князя темнѣли, языкъ едва произносилъ шопотомъ молитвы; рука не могла сдѣлать креста. Замѣтивъ это, огорченные князья забыли споръ свой, и митрополитъ, пользуясь ихъ безмолвною печалію, самъ постригъ государя, названнаго въ монашествѣ *Варлаамомъ*. Едва успѣлъ онъ кончить этотъ обрядъ и положить Евангеліе на грудь умирающаго, Василій скончался. Всѣ зарыдали, и этотъ плачъ семейства и первыхъ вельможъ государевыхъ въ ту же минуту перешелъ на улицы дворцовыя, гдѣ толпился огорченный народъ, и тотчасъ распространился до Красной площади. Василія называли *добрымъ, ласковымъ* государемъ, и потому неудивительно, что смерть его была такъ горестна для всѣхъ.

Во все двадцатисеми-лѣтнее княженіе свое онъ *судилъ* и *рядилъ землю,* т. е. занимался дѣлами государственными, всякое утро до самаго обѣда; любилъ сельскую жизнь и почти всегда проводилъ лѣто не въ Москвѣ, а въ окрестностяхъ ея; часто ѣздилъ на охоту въ Можайскъ и Волоколамскъ; но и тамъ даже, не любя терять время на-

прасно или на одни веселости, занимался дѣлами и иногда принималъ пословъ чужеземныхъ. Онъ первый началъ ѣздить на охоту съ собаками: прежде русскіе считали этихъ животныхъ нечистыми и не любили ихъ.

Василій IV прибавилъ къ двору своему новыхъ чиновниковъ: *оружничаго,* у котораго хранились оружія; *ловчихъ,* завѣдывавшихъ охотою; *крайчаго,* подававшаго при столѣ питье государю, и *рындъ.* Крайчій значилъ то же, что теперь *оберъ-шенкъ;* а *рынды*—были оруженосцы или родъ пажей. Въ эту должность выбирали молодыхъ людей, красивыхъ лицомъ и стройныхъ станомъ, изъ знатныхъ фамилій. Они носили бѣлое атласное платье, держали въ рукахъ маленькіе серебряные топорики и всегда шли впереди великаго князя, когда онъ выходилъ къ народу. Василій любилъ пышность, когда она нужна, и особенно показывалъ ее во время пріема чужестранныхъ пословъ, чтобы они видѣли и богатство, и славу государства его. Въ тотъ день, когда они представлялись, приказано было запирать всѣ лавки и останавливать всѣ дѣла и работы. Чиновники выходили на встрѣчу посламъ: купцы и мѣщане, ничѣмъ не занятые, спѣшили толпами къ Кремлевскому дворцу. Войско, которое уже со временъ Іоанна III не распускалось по домамъ, какъ прежде, стояло въ ружьѣ. Въ пріемной комнатѣ все было тихо. Государь сидѣлъ на тронѣ: подлѣ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ: бояре сидѣли на скамьяхъ, въ платьѣ, вышитомъ жемчугомъ, и въ высокихъ шапкахъ изъ дорогихъ мѣховъ. Однимъ словомъ, все было важно, величественно, пышно, все показывало знаменитость государя, самодержавную власть его надъ народомъ, богатство этого народа и безпредѣльную преданность его къ своему повелителю. Болѣе всего удивляла пословъ эта преданность. Пламенное усердіе русскихъ къ доброму государю, отцу ихъ, казалось такъ непонятно для хладнокровныхъ сердецъ чужеземныхъ гостей, что одинъ изъ посланниковъ, баронъ Герберштейнъ, разсказывалъ объ этой преданности, какъ о чудѣ, своимъ соотечественникамъ. Послушайте, какъ онъ говоритъ: «Русскіе увѣрены, что великій князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенныя слова ихъ: «*такъ угодно Богу и государю;*

это знаетъ Богъ и государь!» Усердіе этихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдого старика, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ, потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: *«Ахъ, господинъ баронъ! мы служимъ государю не по вашему!»*

Не правда ли, милые читатели, что вамъ очень понравился этотъ прекрасный отвѣтъ? Не правда ли, что баронъ Герберштейнъ, побывавъ въ нашемъ Петербургѣ, могъ бы сказать точно то же и о насъ русскихъ XIX столѣтія, что онъ сказалъ о русскихъ XVI вѣка? Въ этомъ священномъ случаѣ мы будемъ вѣчно тѣ же, и какое бы платье ни носили, какія бы обыкновенія ни приняли, любовь къ государю, это святое, сладостное чувство русскаго, будетъ всегда чисто, цѣло, неизмѣнно въ сердцахъ нашихъ!

Семейство великаго князя Василія IV Іоанновича.

Супруга: 1) *Соломонія* Юрьевна, дочь дворянина Сабурова. 2) Княжна *Елена* Васильевна Глинская.

Сыновья: a) Іоаннъ, наслѣдовалъ престолъ. b) Юрій.

РЕГЕНТСТВО ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛЕНЫ.

ОТЪ 1533 ДО 1538 ГОДА.

(5 лѣтъ).

Никогда Россія не была въ такомъ ненадежномъ состояніи, какъ послѣ смерти Василія IV: государемъ ея былъ трехлѣтній ребенокъ: опекуншею его и правительницею государства—молодая княгиня изъ народа литовскаго, всегда ненавидѣвшаго Россію, изъ семейства *Глинскихъ*, памятныхъ измѣнами и непостоянствомъ. Правда, что въ духовной покойнаго великаго князя ей приказано было управлять государствомъ не одной, но съ Думою бояр-

скою, т. е. государственнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ братьевъ Василія Іоанновича и двадцати знаменитыхъ бояръ. Но такъ приказано было, однакожъ такъ не исполнялось. Главнымъ бояриномъ въ Думѣ государственной, не смотря на многихъ старыхъ и почтенныхъ князей, былъ молодой князь Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ-Оболенскій, имѣвшій знатный чинъ *конюшаго боярина.* Его одного слушалась правительница; ему одному позволяла дѣлать все, что̀ онъ находилъ нужнымъ для государства. Власть его была такъ велика, что даже родной дядя Елены, князь Михаилъ Глинскій, былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней за то только, что осмѣлился сказать племянницѣ, какъ она дурно исполняла обязанности правительницы и матери государя!

Послѣ такой жестокости Елены съ ближайшимъ родственникомъ своимъ, вы можете судить, милыя дѣти, что̀ было съ другими совѣтниками Думы! Они не смѣли разсуждать сами ни о чемъ, но должны были только исполнять то, чего желалъ князь Телепневъ. Такъ съ самаго начала его правленія ему показался опаснымъ старшій дядя маленькаго государя, князь Юрій Іоанновичъ, и, по приказанію Елены, бѣдный князь былъ посаженъ въ темницу и чрезъ нѣсколько времени умеръ въ ней отъ голода! Такъ потомъ избалованный любимецъ началъ бояться замысловъ меньшого брата его, князя Андрея Іоанновича, и успѣлъ погубить и послѣдняго дядю государева! Къ супругѣ и сыну этого несчастнаго князя приставили стражу, а бояръ и всѣхъ вѣрныхъ слугъ его мучили и умерщвляли безъ всякой пощады; дѣтей же боярскихъ, числомъ около тридцати, которые вздумали было защищать Андрея, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ новгородской. Богъ знаетъ, до чего дошли бы ужасы правленія Елены, еслибы оно было продолжительнѣе; но чрезъ четыре года она вдругъ совсѣмъ неожиданно скончалась въ цвѣтущей молодости. Многіе подозрѣвали, что она умерла не своею смертью. Такое подозрѣніе было неудивительно, судя по жестокостямъ, обыкновеннымъ въ то время. Но, не чувствуя никакой любви къ Еленѣ, ни бояре, ни народъ не отыскали злодѣевъ, сдѣлавшихъ это преступленіе, и даже не показали

никакой печали при погребеніи этой слабой и несчастной государыни. Только маленькій великій князь и Телепневъ неутѣшно плакали: первый—лишился матери, послѣдній—предчувствовалъ, что владычество его кончилось.

ДѢТСТВО И ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ІОАННА IV.

ОТЪ 1538 ДО 1546 ГОДА.

(8 лѣтъ).

Изъ всѣхъ людей, которыхъ вы знаете, дѣти, никто не любитъ васъ такъ нѣжно, какъ ваши родители. Съ какою заботливостію стараются они сдѣлать васъ добрыми, умными, любезными! Какъ веселятъ ихъ малѣйшіе успѣхи ваши! Какъ огорчаютъ недостатки! Ничѣмъ нельзя болѣе обрадовать ихъ, какъ сказавъ: «Какія добрыя дѣти у васъ! Какъ они хорошо занимаются ученьемъ своимъ! Какъ хорошо ведутъ себя во всемъ! Вы очень, очень счастливы!» Слушая это, всѣ родители чувствуютъ себя, точно, счастливыми и вознагражденными за всѣ тѣ безчисленныя попеченія и заботы, какихъ стоитъ для нихъ воспитаніе дѣтей. Эти попеченія и заботы въ самомъ дѣлѣ безчисленны. Вспомните все то, что они дѣлаютъ для васъ каждый день, и вы сами поймете, что чужой человѣкъ никогда не вздумаетъ, никогда не догадается и даже никогда не захочетъ сдѣлать такъ много. Стало быть, потерять родителей есть такое несчастіе для ребенка, которое не можетъ сравниться ни съ какимъ другимъ. Почти никогда, или очень рѣдко, встрѣтитъ онъ людей, которые могли бы въ полной мѣрѣ замѣнить его потерю. Іоаннъ IV даже и на тронѣ не нашелъ такихъ! О! какъ вы пожалѣете объ этомъ маленькомъ государѣ, когда узнаете, что было съ нимъ послѣ смерти матери!

Правленіе осталось тогда въ рукахъ думы боярской, или, лучше сказать, въ рукахъ тѣхъ бояръ, которые, будучи смѣлѣе другихъ, присвоили себѣ власть надъ всѣми.

То были князья *Шуйскіе,* потомки князей суздальскихъ, всегда ненавидѣвшіе великихъ князей за уничтоженіе удѣловъ. Главнымъ изъ нихъ былъ князь Василій Васильевичъ. Преклонивъ къ себѣ разными средствами многихъ бояръ и сановниковъ, онъ объявилъ себя въ самый день кончины Елены *главнымъ* въ правленіи, и чрезъ недѣлю велѣлъ схватить князя Телепнева и сестру его, боярыню Агриппину, которая была любимою надзирательницею при маленькомъ Іоаннѣ. Ни просьбы, ни слезы бѣднаго малютки-государя не спасли любимцевъ его, и перваго Шуйскій уморилъ голодомъ въ темницѣ, вторую сослалъ въ небольшой городъ Каргополь и велѣлъ постричь въ монахини. Чтобъ еще надежнѣе утвердить власть свою, онъ постарался сдѣлаться родственникомъ государя и жениться на двоюродной сестрѣ его. Но, не смотря на все это, Богъ не допустилъ его долго управлять Россіею, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ занемогъ и умеръ, оставивъ всю власть въ рукахъ родного брата своего, князя Ивана Васильевича Шуйскаго. Бѣдное отечество наше терпѣло еще болѣе при этомъ новомъ правителѣ: онъ не имѣлъ никакихъ хорошихъ качествъ и былъ золъ, гордъ и дерзокъ не только противъ бояръ, но даже противъ самого государя, который и въ дѣтскомъ возрастѣ долженъ быть предметомъ глубокаго уваженія для подданныхъ. Обращеніе Шуйскаго совсѣмъ не показывало того: во всѣхъ поступкахъ его примѣтно было, что онъ считалъ себя гораздо важнѣе маленькаго Іоанна. Кромѣ того, онъ былъ такъ жаденъ, что бралъ изъ казны великокняжеской множество золота, приказывалъ дѣлать изъ него разную посуду для себя и вырѣзывать на ней имена своихъ предковъ. Всѣ важныя должности и выгодныя мѣста онъ раздавалъ родственникамъ и друзьямъ своимъ, которые безъ милосердія разоряли ввѣренныя имъ области. При такомъ нравѣ и при такихъ распоряженіяхъ главнаго вельможи и правителя государства, читатели могутъ представить себѣ, каково было воспитаніе Іоанна! Ни онъ, ни помощники его—три другіе князя Шуйскіе, Иванъ и Андрей Михайловичи и Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій,—совсѣмъ не думали, что счастіе всего народа зави-

ситъ отъ качествъ сердца и ума его государя. Напротивъ того, они разсуждали, что всего выгоднѣе для нихъ самихъ было бы то, еслибъ Іоаннъ и въ совершенномъ возрастѣ не входилъ ни въ какія дѣла и предоставилъ бы имъ управлять государствомъ, и для того рѣшились воспитать его такъ, чтобы онъ не любилъ никакихъ занятій и думалъ объ однихъ забавахъ и удовольствіяхъ. Къ тому же, исполняя всѣ дѣтскія желанія великаго князя, они надѣялись, что онъ ни къ кому не будетъ такъ привязанъ, какъ къ Шуйскимъ. Итакъ, эти гордые, самолюбивые, жестокіе бояре, думавшіе только о себѣ, а не о своемъ бѣдномъ отечествѣ, каждый день забавляли маленькаго государя то новыми играми во дворцѣ, то разнаго рода охотою въ полѣ. Охота, во время которой люди съ такимъ веселіемъ убиваютъ невинныхъ животныхъ, располагаетъ сердце къ жестокости, и дѣти, такъ легко принимающія всѣ впечатлѣнія и неимѣющія еще разсудка взрослыхъ людей, чтобы предохранить себя отъ дурныхъ, никогда не должны видѣть охоту, а не только сами участвовать въ ней. Бѣдный малютка Іоаннъ, смотря почти каждый день на травлю дикихъ животныхъ, невольно привыкъ къ такой жестокости, что уже для него сдѣлалось удовольствіемъ мучить и домашнихъ. Часто, сидя на высокомъ крыльцѣ Кремлевскаго дворца, бросалъ онъ оттуда на землю комнатныхъ собачекъ, кошекъ, кроликовъ, бѣлокъ, и когда несчастныя визжали самымъ жалобнымъ голосомъ отъ ушибовъ, а другіе и совсѣмъ умирали, жестокій ребенокъ весело смѣялся и радовался ихъ мученіямъ, а безразсудные бояре говорили: «*пусть державный веселится!*» Для этой забавы онъ держалъ медвѣдей и часто, когда добрый народъ сходился на площадь дворцовую поглядѣть на *свое красное солнышко, надежу-государя,*—этотъ государь приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей, которые бросались на всѣхъ, кто не успѣвалъ убѣжать отъ нихъ. Такъ царственное дитя, одаренное отъ природы рѣдкимъ умомъ и великими способностями, проводило драгоцѣнное время свое во все правленіе Шуйскихъ, которые старались отдалять отъ него всѣхъ умныхъ, добродѣтельныхъ и усердныхъ бояръ. Они

употребляли къ тому всевозможныя средства и многіе были сосланы, заключены въ темницы, даже лишены жизни. Въ числѣ такихъ жертвъ властолюбія Шуйскихъ знаменитѣе, добрѣе и несчастнѣе всѣхъ былъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій, родственникъ государя. По уму и добродѣтелямъ онъ одинъ могъ быть достойнымъ воспитателемъ Іоанна и правителемъ государства. Шуйскіе замѣтили это— и несчастный князь, не смотря на высокое мѣсто, занимаемое имъ въ Думѣ боярской, не смотря на пользу, какую принесли Россіи совѣты его во время бывшаго въ 1541 году нашествія на наши области хана крымскаго и царя казанскаго, не смотря на близкое родство его съ великимъ княземъ, былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ потомъ умерщвленъ въ ней безъ вѣдома Іоанна, по одному приказанію Шуйскихъ.

Такое ужасное состояніе Двора и всего народа продолжалось до тринадцати-лѣтняго возраста государя. Въ это время два дяди его—князья Глинскіе, Юрій и Михаилъ Васильевичи, ненавидѣвшіе Шуйскихъ,—начали говорить племяннику, что уже пора ему отнять власть у жестокихъ бояръ, управлявшихъ его именемъ, что пора ему объявить себя настоящимъ государемъ и, избавивъ народъ отъ неслыханныхъ притѣсненій, наказать главныхъ тирановъ. Іоаннъ, никогда не любившій Шуйскихъ за ихъ дерзкое обращеніе съ нимъ и за то, что они всегда нападали на любимцевъ его, охотно выслушалъ совѣтъ дядей, и, ничего никому не сказывая, вдругъ созвалъ къ себѣ бояръ 29-го декабря 1543 года и объявилъ имъ, что видя, какъ безсовѣстно многіе изъ нихъ, пользуясь его молодостію, грабятъ и убиваютъ его подданныхъ, онъ рѣшился наказать виновныхъ, и прежде всѣхъ—князей Шуйскихъ. Бояре были чрезвычайно удивлены смѣлостію маленькаго князя, до сихъ поръ думавшаго объ однѣхъ забавахъ, и прежде нежели успѣли опомниться, главный изъ Шуйскихъ уже былъ выведенъ на улицу и отданъ на волю *псарей*, которые, въ свою очередь, отдали его звѣрямъ на растерзаніе. Всѣ молчали и никто изъ родственниковъ и друзей несчастнаго не смѣлъ показать ни малѣйшаго неудовольствія: такъ грозенъ былъ видъ тринадцати-лѣтняго госу-

даря и такъ искусно новые правители—князья Глинскіе—устроили планъ свой.

Въ тотъ же день всѣхъ Шуйскихъ и приверженцевъ ихъ заключили въ темницы или сослали въ отдаленныя мѣста. Народъ радовался паденію притѣснителей своихъ, воображая, что теперь всѣ будутъ спокойны и счастливы. Но какъ жестоко обманулся онъ! Враги его не исчезли, но только перемѣнили имя, и вмѣсто Шуйскихъ сдѣлались Глинскіе; а государь, входя въ возрастъ, не любилъ ни въ чемъ противорѣчій, и съ малолѣтства пріученный къ жестокости, не имѣлъ никакого понятія о страданіи и не жалѣлъ никого. Безпрестанно говорили то о гнѣвѣ великаго князя на того изъ бояръ, то о новомъ наказаніи другого, то о ссылкѣ третьяго. Такъ одному придворному чиновнику за нѣсколько дерзкихъ словъ отрѣзали языкъ; такъ пятидесяти новгородцамъ отрубили головы за то только, что они осмѣлились пожаловаться Іоанну на притѣсненія, какія дѣлали имъ бояре—любимцы его. Однимъ словомъ, нѣсколько лѣтъ первой молодости Іоанна IV предвѣщали столько жестокостей и столько бѣдствій для его подданныхъ, что только одна безпредѣльная привязанность русскихъ къ государю своему помогла имъ перенесть страданія ихъ. Не смѣя роптать на того, кто назначенъ былъ Богомъ управлять ими, они усердно просили Господа умилостивить сердце его и послать ему умныхъ и добрыхъ совѣтниковъ, которые бы говорили ему о нуждахъ народа, а не о забавахъ и веселостяхъ. Уже четыре года русскіе молились о томъ, и Іоанну исполнилось семнадцать лѣтъ.

ЧУДЕСНАЯ ПЕРЕМѢНА.

1547 годъ.

Было утро 16-го января 1547 года. Яркіе лучи солнца хотя мало грѣли, но за то осыпали алмазными искрами бѣлый снѣгъ, покрывавшій улицы московскія. По этимъ улицамъ, — не широкимъ и великолѣпнымъ какъ тѣ, ко-

торыя окружаютъ теперь Кремль, но узкимъ, застроеннымъ бревенчатыми домами,—толпился народъ въ праздничномъ нарядѣ, ѣхали бояре въ разукрашенныхъ саняхъ, шло войско, хотя не похожее видомъ и одеждою на наше нынѣшнее, но столько же храброе, столько же усердное къ отечеству, столько же вѣрное государю.

Всѣ эти люди были веселы, на всѣхъ лицахъ написано было какое-то пріятное ожиданіе. Какъ вы думаете, милые читатели, куда всѣ они шли и какой праздникъ былъ тогда въ Москвѣ?—О! былъ праздникъ большой, торжественный, драгоцѣнный для народа русскаго во всѣ времена исторіи: было коронованіе или вѣнчаніе на царство государя.

Іоаннъ вскорѣ послѣ того, какъ ему исполнилось семнадцать лѣтъ, объявилъ митрополиту и вельможамъ, что онъ намѣренъ короноваться. Извѣстіе о такомъ намѣреніи обрадовало весь народъ: всѣ надѣялись, что священная минута, въ которую Іоаннъ въ церкви и передъ престоломъ Божіимъ приметъ на себя, вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ, святыя обязанности государя, будетъ имѣть счастливое дѣйствіе на сердце его; что онъ почувствуетъ всѣ ужасы дурного правленія и сдѣлается другимъ человѣкомъ. Такъ думали добрые предки наши, и усердныя молитвы ихъ, нѣсколько лѣтъ возносимыя къ Богу объ исправленіи Іоанна, давали имъ право надѣяться такого чуда отъ милосердія Того, Кому все возможно.

Вотъ отчего они такъ весело спѣшили въ Кремль къ Успенскому собору, гдѣ уже все было готово въ такомъ же порядкѣ, какъ при коронованіи несчастнаго Димитрія Іоанновича, котораго читатели мои вѣрно не забыли. Іоаннъ, такъ же какъ и тотъ молодой князь, торжественно шелъ изъ дворца въ соборъ въ сопровожденіи брата, дядей и всего двора, также сидѣлъ съ митрополитомъ на возвышеніи, покрытомъ золотою парчею, также вѣнчался тою царскою короною, присланною изъ Греціи, которую, какъ говорятъ намъ лѣтописи, Владиміръ Мономахъ отдалъ сыну своему Георгію. Судьба, украсивъ ею на одну минуту Димитрія, не дала ему счастія носить ее; итакъ первый государь русскій, удостоившійся вѣнчаться ею, былъ Іоаннъ IV. Съ той минуты, какъ этотъ драгоцѣнный знакъ

достоинства царей возложенъ былъ на молодого государя, онъ уже сдѣлался не только *великимъ княземъ,* какъ всѣ предки его, но и *царемъ* Россіи. Мысль объ этомъ высокомъ призваніи, о важности обязанностей его, о присутствіи Бога, принимающаго обѣщаніе царей любить подданныхъ, какъ дѣтей своихъ,—все это вмѣстѣ подѣйствовало такъ сильно на пылкую душу Іоанна, что, выходя изъ церкви, онъ искренно желалъ сдѣлать счастливыми всѣхъ своихъ подданныхъ. Народъ, восхищенный величественнымъ видомъ перваго царя своего, ласковыми взорами его, надеждою на будущее счастіе, съ восторгомъ бросился къ царскому мѣсту и оборвалъ съ него всю золотую парчу. Каждому хотѣлось имѣть хотя маленькій лоскутокъ на память этого незабвеннаго дня.

Между тѣмъ, еще за нѣсколько недѣль до коронаціи, знатные чиновники придворные посланы были во всѣ области русскія съ указами государя о томъ, чтобы бояре и дворяне, имѣвшіе дочерей дѣвицъ, везли ко двору всѣхъ самыхъ прекрасныхъ изъ нихъ. Вы вѣрно удивляетесь, друзья мои, зачѣмъ нужно было при дворѣ такое собраніе красавицъ? А вотъ зачѣмъ: многіе изъ старинныхъ государей нашихъ не хотѣли жениться на принцессахъ иностранныхъ и, надѣясь прожить счастливѣе съ своею соотечественницею, выбирали невѣстъ изъ своихъ подданныхъ. Для этого привозили изъ всѣхъ мѣстъ Россіи молодыхъ дѣвицъ, прекрасныхъ собою, дочерей бояръ и дворянъ, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, и государь выбиралъ изъ нихъ ту, которая болѣе всѣхъ ему нравилась.

Но ни при одномъ изъ такихъ случаевъ не собиралось въ Москвѣ столько прекрасныхъ, милыхъ, добрыхъ дѣвицъ, какъ въ январѣ 1547 года, когда Іоаннъ, вскорѣ послѣ коронованія, хотѣлъ праздновать и свадьбу свою. Съ каждою изъ нихъ пріѣзжали родители, а часто и родственники, и по этому вы вѣрно воображаете, что въ Москвѣ было въ это время очень шумно и весело. О, какъ же вы ошибаетесь! Всѣ эти дѣвицы, или, какъ тогда называли ихъ, *боярышни,* не пользовались почти ни однимъ изъ тѣхъ невинныхъ удовольствій, какія имѣютъ теперь

наши русскія барышни. Всѣ онѣ проводили жизнь въ теремахъ[1]) родительскихъ, совсѣмъ отдѣльныхъ отъ той части дома, гдѣ отецъ или братья принимали гостей своихъ. Почти никогда не выходили онѣ за порогъ своихъ комнатъ, и къ тому же ихъ не учили никакимъ пріятнымъ искусствамъ, которыми онѣ могли бы развлечь скуку своего уединенія. Онѣ не умѣли не только рисовать или играть на какомъ нибудь инструментѣ, но даже не имѣли понятія о простомъ чтеніи и письмѣ, въ которыхъ у насъ теперь иныя пятилѣтнія дѣвочки бываютъ искусны. О! вѣрно вы рады, что не родились въ то время, не правда ли, милыя читательницы мои? Скучно было бы вамъ сидѣть въ какомъ-нибудь высокомъ теремѣ и ничего болѣе не дѣлать, какъ прясть, да шить, и иногда развѣ прогонять свою скуку какою нибудь заунывною пѣсенкою, въ которыхъ, говорятъ, были очень искусны наши пра-пра-прабабушки.

Красавицамъ, привезеннымъ ко двору молодого царя Іоанна Васильевича, и въ Москвѣ не было веселѣе, тѣмъ болѣе, что слухи о строгомъ, сердитомъ и даже жестокомъ нравѣ жениха такъ пугали бѣдняжекъ, что и самыя честолюбивыя не очень желѣли быть избранными. Другія же, болѣе скромныя, даже боялись этого выбора и едва поднимали прекрасные глаза свои, когда молодой государь смотрѣлъ на нихъ. Но, какъ обыкновенно, скромность нравится болѣе всего въ дѣвицѣ, то и Іоаннъ выбралъ изъ всѣхъ красавицъ самую скромную, и оттого самую прелестную, Анастасію, дочь небогатой вдовы Захарьиной. Покойный отецъ невѣсты, Романъ Юрьевичъ, былъ окольничимъ, а дѣдушка бояриномъ при Іоаннѣ III. Предки ихъ происходили отъ одного прусскаго князя, выѣхавшаго въ Россію съ двумя сыновьями и крестившагося въ греческую вѣру въ 1287 году. Не забудьте этого Романа Юрьевича, дѣти: отъ него произойдетъ впослѣдствіи драгоцѣнное для насъ поколѣніе Романовыхъ,—Романовыхъ, уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ составляющихъ счастіе Россіи.

---

[1]) *Теремомъ* назывались у предковъ нашихъ отдѣльныя комнаты для дѣвицъ, обыкновенно помѣщаемыя въ верхней части зданія.

Итакъ, Анастасія была дочь знаменитаго родоначальника царей нашихъ. Всѣ историки того времени съ восторгомъ говорятъ о прекрасныхъ качествахъ души и сердца этой первой *царицы* русской! Благочестіе, умъ, чувствительность, неизъяснимая кротость—все соединялось въ прелестной супругѣ Іоанна Васильевича. Смотря на ея милое, привлекательное лицо, на ея небесные взоры, можно было подумать, что молитвы добраго народа услышаны и прекрасный ангелъ рая посланъ на землю превратить грубое, суровое сердце Іоанново въ нѣжное и сострадательное. Жестокости Іоанна въ самомъ дѣлѣ уменьшились послѣ женитьбы его, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и совсѣмъ кончились. Эта счастливая перемѣна была такъ удивительна, что читатели мои вѣрно будутъ довольны, если я разскажу имъ, какъ она сдѣлалась.

Іоаннъ, и послѣ коронованія своего, мало думалъ о царскихъ обязанностяхъ и, не любя заниматься дѣлами, предоставлялъ все на волю Глинскихъ, родственниковъ и любимцевъ своихъ, которые, не заботясь о пользѣ народа, думали только о своей собственной, и безсовѣстно притѣсняли всѣхъ, кто хотя въ бездѣлицѣ противорѣчилъ имъ, такъ что народъ возненавидѣлъ не только ихъ, но даже всѣхъ ихъ друзей и знакомыхъ.

Случай показать эту ненависть вскорѣ представился. Въ Москвѣ, состоявшей почти изъ однихъ деревянныхъ домовъ, выстроенныхъ безъ всякаго порядка и очень близко одинъ къ другому, часто бывали пожары. Они были ужасны въ то время, когда еще не знали никакихъ пожарныхъ снарядовъ. 1547 годъ былъ особенно несчастливъ такими случаями. Въ два мѣсяца были тогда три страшныхъ пожара. Все горѣло—и царскіе дворцы, и боярскія палаты, и монастыри, и церкви. Люди, теряя не только имѣніе, но даже и родныхъ, или раздавленныхъ, или сгорѣвшихъ, *выли* какъ *дикіе звѣри* — сказано въ исторіи. И въ этомъ горестномъ положеніи никто не утѣшалъ ихъ: Іоаннъ и всѣ первые вельможи уѣхали въ село *Воробьево*, недалеко отъ Москвы, и, будучи сами въ безопасности, не думали о бѣдныхъ жителяхъ столицы. Недовольные рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ. Главные не-

пріятели были Глинскіе, и такъ на нихъ-то обратилась вся ненависть народа. Хитрецы, подстрекавшіе простолюдиновъ, выдумали глупую сказку, будто бы мать Глинскихъ, княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ и клала въ воду, кропила ею всѣ улицы, и оттого сдѣлался пожаръ. Бояре и другіе умные люди не вѣрили такому вздору, но нарочно молчали, потому что и сами не любили Глинскихъ, и ожидали, чтобы легкомысленный народъ повѣрилъ и избавилъ всѣхъ отъ общихъ притѣснителей. Такъ и случилось. Какъ скоро сказка разнеслась по городу, всѣ встревожились и съ шумомъ собрались на площади Кремлевской, требуя отъ бояръ, чтобы имъ выдали всѣхъ Глинскихъ. Одинъ изъ нихъ, князь Юрій, стоя тутъ же съ боярами, услышалъ этотъ крикъ и хотѣлъ спрятаться въ Успенской церкви, но не успѣлъ: народъ ворвался въ церковь вслѣдъ за нимъ и въ безумной ярости своей сдѣлалъ неслыханное злодѣйство: убилъ въ храмѣ Божіемъ дядю государева! Вы можете судить, друзья мои, что послѣ этого страшный бунтъ, грабительство и убійство распространились по всему городу.

Въ эти ужасныя минуты, когда и самъ грозный, безстрашный Іоаннъ встревожился въ Воробьевомъ дворцѣ своемъ и не зналъ, что дѣлать,—въ царскую комнату его вошелъ какой-то простой священникъ. Лицо его было сурово, взоры строги. Держа въ рукахъ Св. Писаніе, онъ подошелъ безъ всякаго страха къ Іоанну и пророческимъ голосомъ сказалъ, что Богъ наказываетъ Москву за вины государя, не исполняющаго своихъ обязанностей. Святая книга была раскрыта на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ описывались эти обязанности. Онъ далъ прочесть молодому царю— и все перемѣнилось въ Іоаннѣ. Въ эту священную минуту исправленія своего онъ почувствовалъ въ полной мѣрѣ всѣ проступки свои, всю несправедливость, всю безпечность свою о народѣ, котораго счастіе зависѣло отъ одного его. Горькія слезы полились изъ глазъ его; съ жаромъ благодарилъ онъ добродѣтельнаго священника и не хотѣлъ разстаться съ нимъ, чтобы имѣть всегда съ собою совѣтника и наставника въ трудномъ дѣлѣ правленія государствомъ. Съ того же дня священникъ, котораго родина была Нов-

городъ, а имя Сильвестръ, остался во дворцѣ, и все пошло иначе. У Іоанна былъ еще одинъ любимецъ, прекрасный молодой человѣкъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, котораго современники называли *земнымъ ангеломъ:* такъ онъ былъ добръ, уменъ, благороденъ. Вотъ эти два человѣка со дня исправленія молодого государя сдѣлались почти единственными совѣтниками его. Прежде всего онъ усмирилъ бунтовщиковъ и помогъ всѣмъ бѣднымъ, потерпѣвшимъ отъ пожара; потомъ, чтобъ еще болѣе утвердиться въ добрыхъ намѣреніяхъ своихъ, онъ нѣсколько время постился, каялся въ грѣхахъ своихъ и наконецъ причастился Св. Таинъ. Примирясь такимъ образомъ съ Богомъ и совѣстію, этотъ великій государь хотѣлъ показать свое исправленіе не только передъ Москвою, но и передъ всею Россіею, и для того велѣлъ созвать изъ всѣхъ городовъ людей избранныхъ всѣхъ состояній. Они всѣ съѣхались, не зная за какимъ дѣломъ призывалъ ихъ государь въ столицу,—и вотъ, въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, Іоаннъ вышелъ изъ Кремля со всѣмъ духовенствомъ, боярами и войскомъ на большую площадь, гдѣ находилось возвышеніе, называемое Лобнымъ мѣстомъ [1]). Вся площадь была покрыта народомъ, но все было тихо. Отслужили молебенъ. Тогда Іоаннъ обратился къ митрополиту и сказалъ: «Святый владыко! знаю твою любовь къ отечеству: помоги мнѣ въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а вельможи не старались обо мнѣ: своевольствовали, отнимали моимъ именемъ у людей чины и богатство, притѣсняли народъ—и никто не останавливалъ ихъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я былъ какъ будто глухъ и нѣмъ: не слушалъ бѣдныхъ и не защищалъ ихъ. Судьи несправедливые! вы дѣлали, что̀ хотѣли. Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося! Я не виноватъ въ этой крови и слезахъ!» Здѣсь молодой царь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ такъ: «Люди Божіи и Богомъ намъ данные! умоляю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ: будьте великодушны! Нельзя исправить *прошедшаго* зла! Я могу только *впередъ* спасать васъ отъ притѣсненій. За-

[1]) Оно существуетъ и теперь.

будьте, чего ужъ нѣтъ и не будетъ! Соединимся всѣ любовію христіанскою. Съ этого дня я вашъ судія и защитникъ!»

Чего нельзя было ожидать отъ такого государя, который въ семнадцать лѣтъ, и при всемъ дурномъ воспитаніи своемъ, имѣлъ столько величія и благородства! О! какъ сильно кроткія слова его восхитили всѣхъ русскихъ! Они увидѣли счастливую перемѣну въ сердцѣ царя, увидѣли исполненіе молитвъ своихъ и съ радостными слезами обнимали и поздравляли другъ друга съ новымъ правленіемъ. Оно — съ этого счастливаго дня — въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось новое: власть бояръ кончилась и государь началъ управлять не по ихъ волѣ, но по своей собственной, всегда болѣе благодѣтельной для народа.

КАЗАКИ.

ОТЪ 1547 ДО 1552 ГОДА.

(5 лѣтъ).

Вмѣстѣ съ нравомъ Іоанна перемѣнилось и все его окружавшее. На Кремлевской площади уже не слышны были крики людей, бѣжавшихъ отъ злыхъ медвѣдей; въ комнатахъ дворца уже не раздавался хохотъ шутовъ, шутихъ и скомороховъ[1]), которыхъ было тамъ множество въ то время, когда Іоаннъ занимался только забавами. Нѣтъ! теперь занятія его были совсѣмъ другого рода: каждый часъ употреблялъ онъ на что нибудь полезное, каждую минуту думалъ о томъ, чтобы вознаградить недостатокъ своего воспитанія. Во время же отдыха отъ трудовъ наслажденіемъ его были не прежнія жестокія забавы, но пріятное общество добродѣтельной и прелестной супруги и умнаго друга его—Адашева. Благочестивая, кроткая, прекрасная душа первой утверждала молодого царя во всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ его и молилась о продолженіи ихъ; а прони-

---

[1]) Такъ называли людей веселыхъ и забавныхъ, которыхъ привозили изъ разныхъ областей: должность ихъ была смѣшить государя во всякое время, когда позволялось это.

цательный, твердый, дѣятельный умъ второго помогалъ ему открывать несправедливость и защищать слабыхъ отъ притѣсненій сильныхъ. Великія способности Іоанна Васильевича съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удивляли счастливыхъ подданныхъ его. Какъ скоро образъ жизни его перемѣнился, не смотря на множество различныхъ и трудныхъ занятій, не смотря на чрезвычайную молодость свою, онъ принялся за дѣло, самое важное для государства: *законодательство.* Вмѣстѣ съ умнѣйшими боярами онъ разсмотрѣлъ всѣ прежніе законы великихъ князей и послѣднее уложеніе Іоанна III и, дополнивъ его новыми постановленіями, издалъ въ 1550 году книгу законовъ: *Судебникъ,* или вторую *Русскую Правду.*

Для лучшаго образованія юношества, приготовлявшагося къ духовному званію, молодой, попечительный государь приказалъ завести училища въ Москвѣ и въ другихъ городахъ.

Онъ хотѣлъ просвѣтить не одно духовенство, но и весь народъ свой, и для того поручилъ одному саксонцу Шлитту, который жилъ въ Москвѣ, вывезти изъ нѣмецкой земли разныхъ ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ и другихъ искусныхъ людей. Это благодѣтельное намѣреніе молодого государя не исполнилось: Шлиттъ, хотя и отправился въ Германію и уже набралъ тамъ 120 человѣкъ, но литовскіе рыцари, боясь, что, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ Россіи, могущество и сила ея еще болѣе увеличатся, не допустили въ Москву умныхъ нѣмцевъ и самого Шлитта посадили въ темницу. Однакожъ нѣкоторые изъ нихъ пробрались потомъ въ Россію и были полезны для предковъ нашихъ своими знаніями.

Ливонцы тѣмъ болѣе боялись Россіи, что въ это время рыцари ихъ уже не были тѣми храбрыми, неустрашимыми воинами, которымъ не разъ удавалось побѣждать предковъ нашихъ. Лишась помощи нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, уничтоженнаго польскимъ королемъ Сигизмундомъ въ 1522 году, они сдѣлались гораздо слабѣе и, уже не смѣя нападать на владѣнія наши, заключили въ 1503 году перемиріе съ Россіею на пятьдесятъ лѣтъ.

Во время такого продолжительнаго спокойствія ливонцы болѣе занимались торговлею, отъ которой такъ

разбогатѣли, такъ привыкли къ пріятностямъ жизни, къ нѣгѣ, къ роскоши, что рыцари и дворяне ихъ ничего болѣе не дѣлали, какъ только строили себѣ великолѣпные зàмки и думали уже не о войнѣ и ея опасностяхъ, но о томъ, какъ бы имъ веселѣе пожить и попировать въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ. Они охотно откупались отъ всякой войны деньгами, чтобы только не разставаться съ своими пріятными забавами, и поэтому читатели могутъ судить, что Іоанну IV нечего было опасаться Ливоніи. Онъ досадовалъ на нее только за то, что она не пропустила къ намъ людей, для него нужныхъ, и сбирался жестоко наказать ее за такую дерзость.

Но гораздо болѣе тревожили его ханы крымскіе. Изъ нихъ Магметъ-Гирей, еще при Василіи Іоанновичѣ, имѣлъ намѣреніе соединить три Батыева царства: Казань, Астрахань и Крымъ или Тавриду въ одно государство, и тогда бѣдные предки наши, можетъ быть, опять подпали бы подъ власть татаръ; но Богъ избавилъ Россію отъ этого новаго несчастія, и хотя Магметъ-Гирею удалось сдѣлать казанскимъ царемъ брата своего Саипъ-Гирея, однакожъ онъ самъ вскорѣ убитъ былъ ногайскимъ ханомъ Мамаемъ, а наслѣдники его не имѣли столько ума и твердости, чтобы исполнить его намѣреніе. Они вмѣстѣ съ казанцами только тревожили границы наши частыми набѣгами и разоряли жителей, но Іоаннъ Васильевичъ, имѣя храбрыхъ воеводъ, умѣлъ усмирять ихъ и даже могъ уже думать о совершенномъ покореніи этихъ безпокойныхъ враговъ. Опаснѣе всѣхъ казались ему казанцы, какъ самые близкіе и самые хитрые сосѣди владѣній нашихъ. Нѣсколько разъ уже молодой царь посылалъ войско для покоренія этой области, но напрасно: крѣпость казанская, хотя и деревянная, выдерживала всѣ нападенія и не сдавалась. Однакожъ Іоаннъ Васильевичъ, какъ всѣ умные и твердые люди, не боялся неудачъ; напротивъ того, при каждой изъ нихъ онъ увеличивалъ свои усилія, и всегда думалъ, что рано или поздно они будутъ успѣшны. Такъ, возвращаясь въ одномъ изъ такихъ походовъ отъ стѣнъ казанскихъ, онъ остановился въ 30 верстахъ отъ нихъ, у высокой горы, называвшейся *Круглою*. Подлѣ нея течетъ рѣка Свіяга. Съ вершины этой горы открывался

неизмѣримый видъ во всѣ стороны. Іоаннъ, любуясь красотою мѣста, съ восхищеніемъ вскричалъ: «Здѣсь будетъ городъ христіанскій! Стѣснимъ Казань: Богъ отдастъ ее намъ въ руки!» Молодой, но великій государь сказалъ это — и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасный городъ *Свіяжскъ* уже красовался на круглой горѣ и, возвышаясь почти надъ самою Казанью, какъ будто уже предвѣщалъ свою будущую надъ нею побѣду.

Построивъ эту новую крѣпость для защиты подданныхъ своихъ отъ нападеній казанцевъ, Іоаннъ IV чрезъ годъ построилъ еще двѣ другія отъ набѣговъ крымскихъ татаръ: городъ *Михайловъ*, на рѣкѣ Пронѣ, въ Рязанской области, и *Шатскъ*, на рѣкѣ Цнѣ, въ нынѣшней Тамбовской губерніи. Но главною защитою той части отечества нашего, которая лежала между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, сдѣлался въ то время новый, храбрый и неустрашимый народъ, о которомъ давно уже пора разсказать моимъ читателямъ.

Это были казаки, — казаки, которые такъ смѣлы на войнѣ, такъ искусны въ сраженіяхъ, такъ ловки и проворны верхомъ на маленькихъ, быстрыхъ лошадкахъ своихъ, — казаки, которыхъ всѣ вы такъ любите, которыхъ *атаманомъ* или главнымъ начальникомъ теперь нашъ Августѣйшій Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Мы видимъ Его въ казачьемъ мундирѣ чаще, нежели въ другихъ: стало быть Онъ любитъ казаковъ, а эта любовь доказываетъ, что они добрые, честные, благородные люди. Какъ же должно быть пріятно узнать о томъ, гдѣ и какъ они жили встарину, отъ кого произошли, всегда ли были такими, какъ они теперь. О! исторія ихъ любопытна. Послушайте, друзья мои!

Каждый народъ улучшается со временемъ: такъ и казаки, въ началѣ своего существованія при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ далеки были отъ славныхъ потомковъ своихъ, отъ того неустрашимаго, отъ того всегда неизмѣннаго государю и отечеству войска донского, которое извѣстно всей Европѣ. Повѣрите ли вы даже, что первые казаки были бѣглецы, оставившіе свою родину, Россію и жившіе всякими несправедливостями? Защищая своихъ любимцевъ,

читатели мои, уже знающіе римскую исторію, вѣрно скажутъ, что и римляне были такого же происхожденія, и сдѣлались потомъ первымъ народомъ въ свѣтѣ. Точно, вы правы: происхожденіе никогда не можетъ уменьшить цѣну хорошихъ качествъ человѣка, и тѣмъ менѣе можетъ вредить нашимъ добрымъ донскимъ соотечественникамъ, что они не сами начали такой родъ жизни, но только подражали тому народу, къ которому присоединились, оставивъ отечество.

Этотъ народъ были *черные-клобуки*, которыхъ князья русскіе, во время прежнихъ ссоръ своихъ, часто нанимали, чтобы вести войну другъ съ другомъ. Они были славные наѣздники, охотники драться и грабить, и за деньги съ радостію рѣшались на всякія опасности. Ихъ называли также *казаками* [1]). Они жили на низовыхъ берегахъ Днѣпра и Днѣстра. Вотъ, въ то время, когда татары безъ всякой жалости разоряли Россію, многіе изъ предковъ нашихъ, жившихъ въ южныхъ областяхъ, и особенно малороссіяне, лишенные жестокими варварами своихъ родственниковъ, а часто и всего имѣнія, оставляли бѣдное отечество и уходили плакать о своихъ несчастіяхъ къ казакамъ, которые ласково принимали ихъ въ свою службу, давали имъ лошадей, оружіе, учили ихъ удальству и наѣздничеству, называли своими братьями-казаками. Несчастные, потерявъ все, что̀ было для нихъ мило, ненавидя татаръ, радовались случаю мстить имъ, охотно исполняли всѣ приказанія казаковъ, гордились ихъ именемъ и съ того времени не называли себя иначе. Пріятный климатъ, прекрасныя мѣста, изобиліе и свобода во всемъ увеличивали съ каждымъ годомъ число бѣглецовъ, такъ что чрезъ двѣсти лѣтъ они совсѣмъ смѣшались съ черными-клобуками и составили одинъ народъ, уже называвшійся *казаками*. Владѣнія ихъ дошли до Азовскаго моря, и казаки, жившіе на берегахъ его, назывались *азовскими;* а первые, жившіе около Днѣпра и Днѣстра—*запорожскими*, а потомъ

---

[1]) Имя *казаковъ* происходитъ отъ *косоговъ*, народа, жившаго около Чернаго моря. Читатели, конечно, помнятъ, что еще Святославъ I побѣдилъ ихъ.—Слово *казакъ* значитъ: *легко-вооруженный конный воинъ.*

украинскими. Были также казаки *ордынскіе:* ихъ называли такъ потому, что они состояли по большей части изъ татаръ или бѣглецовъ изъ Орды. Всѣ эти различные казаки управлялись атаманами, которыхъ сами выбирали. Главныя качества ихъ, которыми они любили хвалиться, были: удальство и удивительная храбрость. Они такъ безстрашно нападали на своихъ непріятелей, такъ ловко защищались, такъ проворно скрывались отъ нихъ, что предки наши не могли надивиться ихъ искусству и часто нанимали ихъ въ свою службу, а потомъ, насмотрѣвшись на нихъ, заводили и у себя въ пограничныхъ городахъ такіе же полки и называли ихъ *казачьими*.

Въ 1480 году азовскіе казаки оказали важную услугу нашему отечеству: 16,000 ихъ было съ тюменскимъ княземъ Ивакомъ въ то время, когда онъ побѣдилъ послѣдняго хана Золотой Орды Ахмата, послѣ котораго Россія уже не была данницею татаръ. Но азовскіе и ордынскіе казаки существовали только до 1500 года: состоя болѣе изъ бѣглецовъ татарскихъ, они, вѣроятно, разошлись по домамъ или пристали къ кочующимъ калмыкамъ. Какъ бы то ни было, только исторія съ тѣхъ поръ уже ничего не говоритъ о нихъ, но зато очень много о казакахъ, поселившихся около 1500 года на берегахъ рѣки Дона, и оттого названныхъ *донскими*. Эти всѣ уже были наши русскіе выходцы и бѣглецы, исповѣдовали одну съ нами вѣру, говорили однимъ съ нами языкомъ, имѣли одни съ нами обычаи. Итакъ, о нихъ, какъ о самыхъ близкихъ къ намъ по происхожденію, мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе.

Они жили по правому берегу Дона, отъ устья рѣки Аксая до границъ нынѣшней Воронежской губерніи. Маленькіе городки ихъ были разбросаны въ глуши лѣсовъ и между болотъ, и состояли изъ шалашей и землянокъ, очень некрасивыхъ, потому что казаки вовсе не заботились объ этой красотѣ для того, какъ говорили ихъ прадѣды: *чтобы глазъ непріятельскій не любовался ими*, и чтобы можно было безъ сожалѣнія оставить ихъ во время сильнаго нападенія враговъ.

Главный городъ ихъ былъ—*Раздоры*, а потомъ *Чер-*

каскъ. Сюда собирались они изъ всѣхъ городковъ своихъ на совѣтъ, который назывался у нихъ не вѣче, какъ у новгородцевъ, но *кругъ*. На этомъ *кругу* рѣшались всѣ дѣла общественныя, и тутъ каждый годъ народъ выбиралъ атамановъ и старшинъ своихъ. Надобно сказать вамъ, что своевольство казаковъ было гораздо хуже новгородскаго; они не признавали надъ собой никакого государя и только тогда уже, когда короли польскіе начали притѣснять всѣхъ запорожскихъ и литовскихъ казаковъ, — донскіе назвались подданными Іоанна IV. Но они желали только покровительства его, не думая повиноваться ему въ полной мѣрѣ. Только одно приказаніе Іоанна Васильевича исполняли они всегда въ точности: приказаніе защищать границы его государства отъ татаръ крымскихъ, ногайскихъ и другихъ варваровъ, еще бродившихъ около южныхъ областей нашихъ.

Видя какъ усердно казаки подстерегали непріятелей, какъ искусно и храбро били и прогоняли ихъ, Іоаннъ IV былъ доволенъ ими, ничего больше не требовалъ и даже не наказывалъ ихъ за безпрестанныя своевольства.

Таковы еще были донскіе казаки въ началѣ царствованія Іоанна Васильевича. Такъ мы ихъ оставимъ теперь сторожить границы наши, а сами поспѣшимъ въ Москву: тамъ молодой государь сбирается на какое-то важное дѣло.

ПОКОРЕНІЕ ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО.

1552 годъ.

Положась на храбрость казаковъ, Іоаннъ не безпокоился объ южныхъ областяхъ своихъ. Швеція и Ливонія также не были страшны: онѣ ничего болѣе не желали, какъ свободной торговли съ Россіею. Польскимъ королемъ былъ уже не безпокойный Сигизмундъ, умершій въ 1548 году, но сынъ его *Августъ*, который занимался болѣе забавами, нежели государственными дѣлами. Итакъ, почти со всѣхъ сторонъ Іоаннъ могъ быть спокоенъ: одни казанцы безпрестанно нападали на наши области.

Всегдашняя ненависть ихъ къ русскимъ сдѣлалась еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Казанью владѣли крымскіе ханы. Саипъ-Гирей послѣ смерти брата своего Магмета уѣхалъ управлять Крымомъ, а въ Казани оставилъ племянника своего Сафа-Гирея; законный же царь казанцевъ Шигъ-Алей, изгнанный народомъ своимъ, жилъ въ Москвѣ подъ покровительствомъ государя русскаго. Нѣсколько разъ Іоаннъ возвращалъ ему потерянный престолъ, но вскорѣ онъ опять лишался его. Казанцы не любили Шигъ-Алея за то, что онъ признавалъ власть Россіи надъ Казанью и былъ всегда вѣренъ Іоанну.

Въ 1549 году умеръ Сафа-Гирей. Наслѣдникомъ его остался двухлѣтній сынъ Утемишъ-Гирей правительницею Казани, во время его малолѣтства,—мать его, царица *Сююнбека* или *Сумбека*. Смотря на эту молодую женщину, совсѣмъ не привыкшую къ дѣламъ государственнымъ, и на маленькаго Утемишъ-Гирея, еще не умѣвшаго говорить, многіе изъ вельможъ казанскихъ боялись за отечество свое и послали къ крымскому хану просить защиты противъ царя русскаго. Другіе, приверженные къ законному государю своему Шигъ-Алею, звали его на престолъ казанскій и клялись въ вѣчной вѣрности къ нему и Россіи. Можно представить себѣ, какая суматоха была тогда въ Казани. Каждый дѣлалъ что хотѣлъ и огорченная Сумбека часто плакала, не зная какъ справиться съ своими непокорными подданными.

Между тѣмъ Іоаннъ Васильевичъ спѣшилъ воспользоваться такимъ состояніемъ враговъ, болѣе ста лѣтъ разорявшихъ подданныхъ его своими набѣгами, и съ лучшимъ воинствомъ и царемъ Шигъ-Алеемъ пошелъ самъ къ Казани. Это былъ тотъ самый походъ, во время котораго построенъ былъ городъ Свіяжскъ. Полудикіе народы—чуваши, мордва, черемисы, жившіе въ окрестностяхъ его и бывшіе данниками казанцевъ, такъ удивились неожиданному появленію этого прекраснаго города на высокой горѣ своей, такъ поражены были волшебною, по мнѣнію ихъ, силою того, кто могъ сдѣлать это, что сами послали своихъ знатныхъ людей къ Іоанну и просили его взять ихъ въ подданство къ себѣ.

Умный государь предвидѣлъ большую пользу отъ новыхъ подданныхъ: отдѣляясь отъ Казани, они уменьшали силы ея и увеличивали его собственныя, и потому Іоаннъ принялъ ихъ благосклонно, осыпалъ милостями и подарками, и не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: казанцы, потерявъ помощь столь многихъ данниковъ, сдѣлались гораздо сговорчивѣе и скоро согласились на всѣ требованія государя русскаго, признали царемъ своимъ Шигъ-Алея и отправили въ Москву Сумбеку и сына ея. Хотя потомки хановъ крымскихъ беззаконно владѣли престоломъ казанскимъ, но жалко было смотрѣть, какъ эта бѣдная государыня, еще такъ недавно гордившаяся своею славою и красотою, теперь слабая и печальная, отправлялась плѣнницею въ столицу русскую. Тихо ѣхала она въ колесницѣ до рѣки Казанки, гдѣ стояла богатая лодка. За нею — пѣстуны несли на рукахъ маленькаго Утемишъ-Гирея, который, ничего не понимая, радовался новой прогулкѣ и весело улыбался. Бывшая царица, садясь въ лодку, печально поклонилась народу, провожавшему ее, и навсегда простилась съ нимъ.

Между тѣмъ безпокойные казанцы недолго были довольны новымъ царемъ, хотя, правду сказать, и самъ Шигъ-Алей виноватъ былъ: онъ обходился съ ними слишкомъ жестоко и тѣмъ заставилъ всѣхъ возненавидѣть себя до того, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пріѣхали въ Москву послы казанскіе и объявили Іоанну Васильевичу, что Казань умоляетъ его избавить ее отъ Шигъ-Алея и дать только *намѣстника московскаго*, которому она будетъ повиноваться охотнѣе, нежели жестокому царю своему.

Іоаннъ еще разъ милостиво выслушалъ казанцевъ, еще разъ исполнилъ просьбу ихъ: убѣдилъ Шигъ-Алея выѣхать изъ Казани и сдѣлалъ намѣстникомъ ея князя Микулинскаго. Покореніе безпокойнаго царства казалось ему несомнительнымъ, но прежде нежели князь Микулинскій успѣлъ доѣхать туда, Казань еще разъ измѣнила.

На эту, уже послѣднюю, измѣну преклонилъ ее опять крымскій ханъ, но уже не Саипъ-Гирей, недавно умершій, а племянникъ его Девлетъ-Гирей. Онъ обѣщалъ турецкому султану, начинавшему бояться могущества Россіи, спасти

Казань и поддержать прежнюю славу татарскаго царства. Сдѣлавъ казанскимъ царемъ астраханскаго царевича Эдигера, Девлетъ-Гирей отправилъ его туда, а самъ, зная, что Іоаннъ занятъ теперь одною Казанью и что даже большая часть казаковъ находится тамъ въ службѣ его, вздумалъ сдѣлать сильное нападеніе на русскія области.

Но благоразуміе, храбрость и всего болѣе вѣра Іоанна спасли Россію. Надѣясь на Бога, помогающаго справедливости, онъ принялъ самъ начальство надъ войскомъ, не смотря на слезы царицы Анастасіи и всего народа, которые умоляли его беречь драгоцѣнную жизнь свою и остаться въ Москвѣ. Утѣшая плачущихъ и обнимая нѣжную супругу свою, онъ показалъ такую твердость, какой нельзя было ожидать отъ его молодости. Смотря на его веселое, мужественное лицо, всѣ самые слабые люди ободрялись и съ какою-то надеждою простились съ нимъ 16-го іюня 1552 года.

Эта надежда была не напрасна: не прошло мѣсяца и крымскій ханъ уже бѣжалъ изъ России, скорѣе нежели пришелъ туда, а побѣдитель его уже отправился въ походъ на казанцевъ. Однакожъ покореніе этого мятежнаго народа дорого стоило русскимъ, не смотря на то, что они имѣли гораздо болѣе познаній въ военномъ искусствѣ, нежели казанцы. Здѣсь въ первый разъ говорится въ исторіи нашей о подкопахъ, которыми русскіе взрывали стѣны и башни казанскія и которые помогли имъ наконецъ ворваться въ городъ и одержать совершенную побѣду. Предки наши очень гордились этою побѣдою и имѣли на то полное право, потому что казанцы, рѣшившись скорѣе умереть, нежели покориться, сражались такъ отчаянно, что осада Казани, не смотря на всѣ убѣжденія Іоанна Васильевича, на всѣ мирныя предложенія его, продолжалась съ августа мѣсяца до 1-го октября. Въ этотъ день сдѣланъ былъ рѣшительный приступъ, взорвано нѣсколько новыхъ подкоповъ, и послѣ геройства, почти невѣроятнаго съ обѣихъ сторонъ, гордая Казань наконецъ сдалась русскому войску, котораго начальникомъ былъ знаменитый князь Воротынскій, и назвала государемъ своимъ Іоанна Васильевича. Но жители ея, прежде нежели рѣшились на

это, сдѣлали все, что только подавало имъ малѣйшую надежду къ спасенію своего царства: они зажигали свои домы, сражались даже посреди города, въ улицахъ, и наконецъ царь ихъ Эдигеръ съ остальными казанцами еще около часа защищался въ укрѣпленномъ дворцѣ царскомъ. Но храбрость русскихъ побѣдила все. Не гордясь своею побѣдою, они приписывали ее святой помощи Бога, и благочестивый государь, войдя въ пылавшій городъ, прежде всего принесъ благодарность Небесному Помощнику своему и, отслуживъ молебенъ у главныхъ городскихъ воротъ, называвшихся *Царскими,* поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ и назначилъ быть тамъ первой церкви христіанской. Тутъ же послѣ молебна представили ему бывшаго царя казанскаго Эдигера. Іоаннъ принялъ его съ кротостію, и видя, что онъ раскаивается въ своемъ упрямствѣ и даже желаетъ креститься въ вѣру христіанскую, не упрекалъ его ни въ чемъ. Впрочемъ, молодой государь былъ такъ счастливъ славною побѣдою своею, такъ радовался покоренію знаменитаго царства, такъ утѣшался мыслію, что подданные его навсегда избавились отъ нападеній жестокихъ казанцевъ, что ему не хотѣлось ни на кого сердиться: онъ былъ ласковъ ко всѣмъ, благодарилъ за храбрость и знатныхъ воеводъ, и простыхъ воиновъ, утѣшалъ раненыхъ, плакалъ объ убитыхъ, заботился даже о врагахъ, хвалилъ ихъ мужество, и такъ обходился съ побѣжденными, что разбѣжавшіеся жители Казани на другой же день возвратились въ домы свои и сдѣлались вѣрными подданными его.

Устроивъ новый порядокъ въ Казани, сдѣлавъ намѣстникомъ ея князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, а товарищемъ его князя Серебрянаго, и оставивъ у нихъ около 5,000 войска, Іоаннъ Васильевичъ отправился 11-го октября въ Москву. Нельзя описать, съ какою радостію встрѣчали его по всей дорогѣ! Молодой двадцатидвухлѣтній побѣдитель народа жестокаго и отчаянно-храбраго, народа, 115 лѣтъ разорявшаго Россію, казался всѣмъ человѣкомъ неземнымъ, казался ангеломъ, посланнымъ отъ Бога вознести отечество наше выше другихъ государствъ! Мы въ настоящее время никакъ не можемъ понять всей ра-

дости, какую чувствовали предки наши, услышавъ о побѣдѣ Іоанна! Это былъ какой-то неизъяснимый восторгъ, о которомъ всѣ историки ихъ говорятъ какъ поэты.

Въ то самое время, какъ Москва готовилась встрѣтить государя любимаго, судьба, казалось, хотѣла дать ему почувствовать все счастіе, возможное для человѣка: у него родился первый сынъ и наслѣдникъ—царевичъ Димитрій. Эта новая радость восхитила сердце Іоанна: онъ не зналъ, какъ благодарить Бога за всѣ милости, ему посылаемыя! Чувствуя всю великость ихъ, онъ съ слезами на глазахъ подъѣзжалъ къ столицѣ и еще за шесть верстъ отъ нея встрѣченъ былъ народомъ, который тѣснился около его лошади, цѣловалъ его ноги, руки и безпрестанно кричалъ: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанъ!» Ласково кланяясь на всѣ стороны, государь едва могъ проѣхать сквозь тѣсные ряды народа. Отслушавъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, Іоаннъ спѣшилъ во дворецъ. Здѣсь-то, обнимая супругу и сына, слушая поздравленія окружавшихъ его вельможъ, видя искреннюю любовь народа, толпившагося съ радостными криками на площади дворцовой, молодой герой почувствовалъ всю цѣну счастія, какимъ Богъ наградилъ твердое намѣреніе его исправиться, и благословилъ минуту своей чудесной перемѣны. Ахъ! еслибы онъ навсегда остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ это незабвенное время! Тогда Россія назвала бы его не *Грознымъ*, но *Великимъ* Іоанномъ!

КОНЧИНА АНАСТАСІИ.

отъ 1552 до 1560 года.

(8 лѣтъ).

Послѣ побѣды казанской много было праздниковъ при дворѣ, но самымъ лучшимъ и пріятнымъ было крещеніе царевича-наслѣдника и двухъ бывшихъ царей казанскихъ: Эдигера и маленькаго Утемишъ-Гирея. Первый, назван-

ный *Симеономъ*, жилъ потомъ въ Кремлѣ, имѣлъ много бояръ, служившихъ при немъ, и женился на дочери одного знатнаго чиновника, Кутузова. Сохранивъ до смерти имя царя казанскаго, онъ совершенно забылъ прежнее свое царство и во всю жизнь свою былъ вѣрнымъ подданнымъ Россіи. Что-жъ касается до маленькаго Утемишъ-Гирея, котораго въ крещеніи назвали *Александромъ*, то государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и заботился о немъ, какъ о сынѣ.

Еще жители московскіе не успѣли наговориться о покороніи Казани, еще не успѣли нарадоваться славѣ молодого царя своего, какъ вдругъ разнеслась ужасная вѣсть объ его опасной болѣзни: Іоаннъ занемогъ сильною горячкою. Всѣ встревожились, всѣ съ отчаяніемъ говорили: «Видно грѣхи наши страшно велики, когда Богъ отнимаетъ у насъ такого государя!» Это отчаяніе было общее, начиная отъ дворца до самыхъ бѣдныхъ жилищъ: всѣ равно любили Іоанна добраго, великаго, обѣщавшаго такъ много славы народу своему.

Между тѣмъ, какъ это новое несчастіе заставляетъ плакать всю Москву, мы посмотримъ, что дѣлается во дворцѣ Кремлевскомъ, и особенно въ почивальнѣ государя! О! тамъ была еще сильнѣйшая горесть: тамъ плакала царица о супругѣ нѣжно любимомъ, тамъ плакали бояре о славѣ и величіи Россіи, которыя должны были погаснуть вмѣстѣ съ жизнію Іоанна! Но не всѣ изъ нихъ были заняты этою мыслію, и когда умирающій Іоаннъ объявилъ наслѣдникомъ сына своего малютку Димитрія и приказалъ знатнѣйшимъ чиновникамъ присягнуть ему, — не всѣ согласились на это. Многіе изъ бояръ начали шумѣть, спорить, говорили, что они не намѣрены опять подвергнуться тѣмъ несчастіямъ, какія уже испытали во время малолѣтства Іоанна, и хотѣли, по смерти его, сдѣлать государемъ своимъ не родного брата его Юрія, слабаго умомъ и памятью, но двоюроднаго, Владиміра Андреевича, имѣвшаго много блестящихъ достоинствъ. Вообразите себѣ ужасное положеніе Іоанна Васильевича, какъ царя и отца! Не смотря на всю жестокость болѣзни, онъ былъ въ полной памяти и слышалъ весь этотъ споръ. И безъ того невы-

разимо-грустно было для него разставаться съ жизнію, оставлять столько радостей, столько счастія, столько славы! Оставлять прекрасную, добродѣтельную супругу, шестимѣсячнаго сына, добрый народъ, такъ искренно простившій прежніе пороки его и такъ нѣжно любившій его!.. Все это, живо представляясь Іоанну, мучило его жестокою тоскою, и въ это самое время онъ услышалъ споръ бояръ, отвергавшихъ сына его! Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ остановить ихъ, а нечувствительные, забывъ о государѣ умирающемъ, шумѣли въ самой спальнѣ его. Въ числѣ ихъ Іоаннъ съ новою горестію увидѣлъ и окольничаго Ѳедора Адашева, отца любимца его Алексія, и духовника своего Сильвестра.

Но Богъ, вѣроятно, хотѣлъ только испытать этою болѣзнію твердость молодого государя: къ радости всѣхъ, онъ выздоровѣлъ, и хотя въ немъ осталось непріятное воспоминаніе о томъ, что люди самые приближенные къ нему не хотѣли назвать царемъ сына его, но великая отъ природы душа Іоанна простила вину ихъ. Можетъ быть и самое воспоминаніе объ этомъ жестокомъ оскорбленіи современемъ совершенно изгладилось бы изъ его сердца, еслибъ не слѣдующій случай, въ достовѣрности котораго увѣряли современники.

Государь, желая показать пламенную благодарность свою къ Богу, ѣздилъ послѣ выздоровленія вмѣстѣ съ супругою и даже маленькимъ царевичемъ въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь[1]) и тамъ видѣлся съ бывшимъ епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда большею милостію великаго князя Василія IV, но потомъ, въ правленіе бояръ, былъ сосланъ за хитрости и жестокость. Съ того времени онъ ненавидѣлъ бояръ и, не смотря на старость свою, искалъ всѣхъ случаевъ вредить имъ. Какъ же онъ обрадовался, когда государь пріѣхалъ въ тотъ монастырь, гдѣ онъ жилъ, а еще болѣе, когда пришелъ къ нему въ келію, началъ милостиво разговаривать съ нимъ

---

[1]) Этотъ монастырь и нынѣ существуетъ, и находится въ Новгородской губерніи, при озерѣ Одольскомъ, въ 36 верстахъ отъ Бѣлаго-Озера.

о томъ времени, когда Вассіанъ былъ еще при дворѣ и, уважая въ немъ любимца отца своего, просилъ у него совѣта, какъ лучше управлять государствомъ. Хитрый старецъ воспользовался этою минутою и этимъ вопросомъ и съ злою радостію сказалъ молодому, доброму царю: «Если хочешь быть настоящимъ государемъ, то не имѣй совѣтниковъ умнѣе себя: ты долженъ учить, а не учиться, повелѣвать, а не слушаться: тогда будешь твердъ на царствѣ, и вельможи будутъ бояться тебя!»

Такой совѣтъ былъ согласенъ съ тогдашнимъ расположеніемъ духа Іоаннова, которому еще живо представлялась дерзость бояръ во время его болѣзни. Съ чувствомъ благодарности поцѣловалъ онъ руку бывшаго епископа и вскричалъ: «Самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!»

Съ этой минуты искра неудовольствія, таившаяся въ сердцѣ государя, начала разгораться и произвела впослѣдствіи всѣ пороки его и всѣ несчастія Россіи. Да, милые читатели, много значитъ одно слово злого человѣка; часто его довольно бываетъ, чтобы испортить десять добрыхъ сердецъ. Берегитесь же злыхъ людей, никогда не слушайте совѣтовъ ихъ, и помните несчастный примѣръ Іоанна. Но зачѣмъ заранѣе печалить васъ, друзья мои! Еще Іоаннъ добръ, благороденъ, великъ; еще слова Вассіана не успѣли укорениться въ его сердцѣ и памяти, но только слегка представляются ему. Современемъ они сдѣлаютъ то, чего хотѣлъ злой Вассіанъ, но теперь мы еще можемъ насладиться добродѣтелями молодого царя, еще можемъ порадоваться громкой славѣ его.

Возвратясь съ богомолья, Іоаннъ съ прежнимъ усердіемъ занялся дѣлами государственными, и хотя въ душѣ его скрывалось теперь болѣе неудовольствія на бояръ, обидѣвшихъ его, но онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не показалъ его. Впрочемъ, ему и времени не было много думать о нихъ: неугомонные жители царства казанскаго, не смотря на то, что были уже подданными Россіи, часто затѣвали новыя безпокойства, такъ что русскіе еще около пяти лѣтъ не могли быть совершенно увѣрены въ ихъ покорности. Послѣ этого времени многіе изъ нихъ начали креститься въ вѣру христіанскую, которая смягчила

нравы ихъ; другіе же усмирены были казаками или *стрѣльцами* [1]), жившими, по приказанію Іоанна, въ крѣпостяхъ и городахъ казанскихъ.

Въ 1557 году слава Іоанна увеличилась покореніемъ новаго царства: *Астрахани.* Городъ Астрахань, построенный при устьѣ Волги и называвшійся прежде *Астороканью,* существовалъ еще при началѣ государства русскаго. Въ немъ жили прежде казары, потомъ алане, наконецъ, послѣ разоренія Золотой Орды, Асторокань была столицею татарскихъ хановъ, одноплеменныхъ съ ногайскими князьями. Эти ханы никогда не были сильными владѣтелями и, спасаясь отъ притѣсненій черкесовъ и крымцевъ, часто прибѣгали къ покровительству Россіи, и послѣдній изъ нихъ *Дербышъ,* обязанный сохраненіемъ престола своего Іоанну IV, въ минуту искренней благодарности своей къ благодѣяніямъ его, поклялся вмѣстѣ со всѣмъ народомъ повиноваться русскому царю, какъ своему верховному государю. Но прежде нежели отборное войско, посланное къ нему на помощь отъ Іоанна и состоявшее изъ царскихъ дворянъ, жильцовъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, успѣло удалиться, Дербышъ измѣнилъ своей клятвѣ и передался крымскому хану Девлетъ-Гирею. Подданные его, уже испытавшіе разницу между благодѣтельнымъ покровительствомъ Россіи и дерзкими поступками крымцевъ, очень недовольны были измѣною своего государя и обрадовались, когда храбрые стрѣльцы и казаки совершенно разбили его и заставили бѣжать въ Азовъ. Тогда они всѣ дали новую присягу Россіи и навсегда уже остались ея вѣрными подданными.

Наша нынѣшняя *Астрахань* построена въ нѣсколькихъ верстахъ отъ старинной *Асторокани.* Даже камни на построеніе нѣкоторыхъ домовъ новаго города брали изъ развалинъ стараго. Астрахань славится теперь большими пло-

---

[1]) Іоаннъ IV, улучшая войско наше, завелъ *стрѣльцовъ;* это были пѣхотные полки, которыхъ выбирали изъ сельскихъ людей и вооружали пищалями. *Пищаль* значитъ старинное ружье, ставившееся для прицѣливанія на сошкѣ. Стрѣльцы составляли безсмѣнное войско, жили обыкновенно въ городахъ и употреблялись болѣе всего для осады крѣпостей.

доносными садами и богатѣйшими рыбными ловлями. Во время же Іоанна IV пріѣзжали туда торговать купцы изъ Шемахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы; жители многихъ изъ этихъ земель хотѣли, такъ же, какъ и астраханцы, быть въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ ласково принималъ ихъ и своими умными, благодѣтельными распоряженіями доставлялъ столько счастія новымъ подданнымъ своимъ, что слухъ о славѣ его достигъ до отдаленныхъ странъ Сибири.

Сибирь не была еще въ то время тою обширною землею, которой пространству и непроходимымъ лѣсамъ вѣрно вы удивляетесь теперь, милые друзья, смотря во время географическаго урока на карту Азіи. Нѣтъ, тогда извѣстна была подъ именемъ Сибири только средняя часть нынѣшней Тобольской губерніи. Ею управляли князья монгольскіе, потомки Батыева брата, *Шибана*. Русскіе ничего болѣе не знали объ этой Сибири, но послѣ покоренія царствъ казанскаго и астраханскаго пріѣхали въ Москву два посла отъ князя сибирскаго Эдигера съ поздравленіемъ къ царю, по случаю побѣдъ его, и съ просьбою защитить его отъ другихъ князей татарскихъ, разорявшихъ его землю. Эдигеръ обѣщалъ платить за это богатую дань царю: по соболю и по бѣлкѣ съ каждаго человѣка въ годъ. По его словамъ, въ Сибири было тогда 30,700 человѣкъ жителей.

Вотъ какъ возвысилась Россія въ царствованіе Іоанна IV! Кто бы изъ предковъ нашихъ, съ такимъ страхомъ отправлявшихся на судъ въ Золотую Орду, повѣрилъ, что настанетъ время, когда потомки жестокихъ и гордыхъ притѣснителей ихъ будутъ искать чести быть подданными царей русскихъ! Но не думайте, друзья мои, чтобы только одни необразованные татары показывали такое уваженіе къ Іоанну; нѣтъ, слава о немъ долетѣла даже до Англіи, не имѣвшей прежде никакого понятія объ отечествѣ нашемъ: въ августѣ 1553 года вошелъ англійскій корабль въ Двинскій заливъ Бѣлаго моря и присталъ къ берегу, гдѣ былъ монастырь св. Николая и гдѣ потомъ построенъ городъ *Архангельскъ*. Русскіе рыбаки, увидѣвшіе въ первый разъ большой корабль, испугались и хотѣли уплыть въ лодкѣ своей подальше отъ невиданнаго чуда, но капитанъ корабля *Ченслеръ* оста-

новилъ ихъ и сказалъ, что онъ пріѣхалъ изъ Англіи съ письмами къ государю ихъ отъ своего короля, который желаетъ завести съ русскими торговлю. Начальники Двинской земли тотчасъ дали знать объ этомъ Іоанну, который, понимая, какъ выгодна можетъ быть для народа его торговля съ англичанами, уже и тогда славившимися своими морскими путешествіями и богатымъ купечествомъ, приказалъ послу англійскому пріѣхать въ Москву и принялъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ англичанъ такъ милостиво и такъ ласково, что они не могли безъ особеннаго чувства благодарности писать о томъ въ Лондонъ, и съ того времени и торговыя сношенія русскихъ съ англичанами, и дружество государей ихъ продолжались во все время царствованія Іоанна.

Но высоко-уважаемый и самыми отдаленными владѣтелями, онъ не находилъ такого расположенія въ близкихъ сосѣдяхъ своихъ и безпрестанно долженъ былъ бояться нападеній то шведскаго короля Густава Вазы, то польскаго — Августа, то крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Всѣ они боялись возрастающаго могущества Россіи и старались всѣми силами вредить ей. Густава Вазу, который былъ тогда уже очень старъ, скоро усмиряли храбрые полки русскіе; крымскаго хана прогоняли отъ границъ нашихъ стрѣльцы, и въ особенности днѣпровскіе или литовскіе казаки, перешедшіе тогда въ подданство Россіи съ атаманомъ своимъ, княземъ Вишневецкимъ. Что же касается польскаго и литовскаго короля Августа, то главною причиной несогласій его съ русскимъ царемъ была Ливонія. Іоаннъ жестоко мстилъ ей за то, что она, стараясь помѣшать просвѣщенію Россіи, не пропускала въ нее выписанныхъ имъ ученыхъ и художниковъ. Къ тому же, онъ почиталъ Ливонію землею, давно принадлежавшею Россіи, потому что еще великій князь Ярославъ I, названный въ св. крещеніи Юріемъ, завоевалъ ее, и въ 1030 году основалъ въ ней городъ, названный по его имени *Юрьевымъ*, а потомъ *Дерптомъ*; построилъ тамъ церкви греческія и наложилъ дань на всю землю, которая съ того времени считалась Русскою и только въ 1210 году отнята была у насъ ливонскими рыцарями. Іоаннъ IV, помня все

это и еще болѣе помня послѣднюю дерзость ливонцевъ, непремѣнно рѣшился возвратить Россіи прежнія владѣнія ея, и уже взялъ Нарву, Нейшлотъ, Адежъ, Нейгаузъ, Дерптъ и много другихъ городовъ, а король польскій, желая не менѣе ливонцевъ вредить русскимъ, уговаривалъ рыцарей не терять бодрости и съ радостію обѣщалъ имъ свою помощь и покровительство, когда магистръ ливонскаго ордена, со всѣми рыцарями и дворянствомъ, присягнулъ ему въ вѣрности и просилъ защиты противъ Іоанна. Ливонцы хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи. Послѣ этого надобно было ожидать настоящей войны съ Литвою и Польшею; ливонская же продолжалась уже два года, и во все это время войско русское не переставало побѣждать. Изъ воеводъ Іоанновыхъ всѣхъ болѣе отличались въ этой войнѣ князья: Андрей Курбскій, Иванъ Мстиславскій, Петръ Шуйскій, Василій Серебряный и Даніилъ Адашевъ, братъ Алексія. Несчастная Ливонія почти вся была разорена и выжжена; слабые рыцари, не смотря на всю храбрость магистра своего, молодого Кетлера, вездѣ уступали; между тѣмъ русскіе, гордясь необыкновенными достоинствами царя своего, его славою, его неизмѣннымъ счастіемъ и своими побѣдами, уже надѣялись скоро поздравить другъ друга съ усмиреніемъ Ливоніи и Польши, какъ вдругъ разнеслась горестная вѣсть о неожиданномъ несчастіи и остановила надежду и побѣды ихъ, остановила всѣ радости народа, всѣ мечты о счастіи самого Іоанна! Эта ужасная вѣсть была кончина кроткаго ангела прекрасной царицы Анастасіи. Въ іюлѣ 1560 года она вдругъ занемогла, и больная испугалась сильнаго пожара, случившагося въ Москвѣ. Испугъ усилилъ болѣзнь и, не смотря на все искусство врачей, Анастасія скончалась 7-го августа. Какъ описать то, что̀ происходило тогда въ Москвѣ? Государь былъ въ совершенномъ отчаяніи: этотъ твердый, мужественный, великій Іоаннъ плакалъ и рвался какъ слабая женщина! Бояре, окружавшіе его, и даже самъ братъ его, князь Юрій Васильевичъ, боялись утѣшать его; одинъ митрополитъ иногда осмѣливался подходить къ нему и напоминать о томъ, что христіанинъ долженъ быть покоренъ Богу. Народъ неутѣшно рыдалъ; бѣдные, идучи за гробомъ

доброй благодѣтельницы своей, называли ее всѣми нѣжнѣйшими именами, и въ глубокой, нелицемѣрной горести даже отказывались принимать милостыню. Однимъ словомъ, всѣ какъ будто предчувствовали, что вмѣстѣ съ прекрасною душою Анастасіи отлетятъ на небо и добродѣтели царя, и счастіе народа его! Они угадали: слава Іоанна добродѣтельнаго кончилась съ жизнію супруги его и, оплакивая первую, незабвенную *царицу* свою, предки наши приготовлялись къ тѣмъ горькимъ слезамъ, которыя проливали они потомъ отъ жестокостей уже не великаго, но грознаго, но страшнаго своими пороками Іоанна!

ОПРИЧНИКИ И СЛОБОДА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ.

ОТЪ 1560 ДО 1569 ГОДА.

(9 лѣтъ).

Мы дошли теперь до ужаснаго мѣста исторіи нашей, милые читатели. До сихъ поръ вы видѣли, что государи русскіе всегда любили народъ свой, всегда заботились о немъ съ отеческою нѣжностію, и если встарину, во времена междоусобій, были въ числѣ ихъ князья жестокіе, безжалостно разорявшіе свои области, то это были князья-враги между собою, которые мстили за сдѣланныя имъ обиды и, примирясь другъ съ другомъ, старались вознаградить народъ за несчастія, причиненныя ихъ несогласіемъ. Но теперь бѣдные предки наши видѣли предъ собою государя, который былъ жестокъ не къ врагамъ, но къ вѣрнымъ подданнымъ своимъ; который съ удовольствіемъ могъ смотрѣть на мученіе умирающихъ, который иногда даже собственными руками отрѣзывалъ въ шутку уши у любимцевъ своихъ, или убивалъ ихъ за одно неосторожное слово! Вы пугаетесь и, конечно, едва вѣрите тому, что я разсказываю,—вы, возрастающіе въ кроткое, отеческое правленіе царствующаго Государя нашего,—вы, привыкшіе видѣть его нѣжныя попеченія не только о под-

данныхъ, достойныхъ по заслугамъ своимъ его драгоцѣннаго вниманія, но даже и о дѣтяхъ, еще ничѣмъ не заслужившихъ эту высокую честь [1]). Такъ, друзья мои, намъ трудно повѣрить *жестокостямъ* протекшаго времени; даже и предки наши, видѣвшіе ихъ собственными глазами, едва вѣрили имъ и говорили, что онѣ происходятъ не отъ сердца царя, но по волѣ Божіей, наказующей ихъ за грѣхи. Эта мысль помогала имъ переносить безъ малѣйшаго ропота страданія свои, а намъ поможетъ выслушать разсказъ объ ужасныхъ дѣлахъ Іоанна IV, еще такъ недавно добраго и великаго.

Вы помните совѣтъ, какой далъ молодому государю старый епископъ Вассіанъ. Этотъ совѣтъ причинилъ первое зло: онъ отдалилъ отъ сердца Іоанна тѣхъ людей, которыхъ усердію и добродѣтелямъ онъ обязанъ былъ своею славою—священника Сильвестра и Алексія Адашева. Возвратясь изъ монастыря Кириллова, онъ уже не любилъ ихъ, но еще уважалъ заслуги ихъ, и при жизни ангела-хранителя своего, доброй Анастасіи, еще могъ удерживать дурныя склонности и злыя помышленія свои. Но съ тѣхъ поръ, какъ ея не стало, все перемѣнилось: пылкая душа Іоанна, потерявъ милое и единственное существо, имѣвшее власть надъ нею, увлекаемая льстецами, раздражаемая людьми злыми, пришла снова въ то состояніе, въ какомъ была за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, и еще хуже, ожесточилась такъ, что Іоанна уже не могли умолить никакія просьбы, не могли смягчить никакія слезы. Какъ скоро государыня скончалась, враги Сильвестра и Адашева распустили слухъ, что она отравлена ими. Іоаннъ въ безотрадной тоскѣ по умершей повѣрилъ ложному слуху, не хотѣлъ выслушать оправданій обвиняемыхъ и по рѣшенію несправедливаго суда наказалъ ихъ: Сильвестра сослалъ на дикій островъ Бѣлаго моря, въ монастырь Соловецкій; Адашева въ го-

[1]) Вѣрно многіе изъ читателей моихъ или сами воспитываются или имѣютъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ и друзей въ корпусахъ и институтахъ, и вѣрно всѣ они видятъ или слышатъ, какъ милостивъ и снисходителенъ Государь, какъ добра и ласкова Государыня къ дѣтямъ, воспитывающимся подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ихъ Величествъ.

родъ Дерптъ, гдѣ чрезъ два мѣсяца этотъ добродѣтельный другъ царя, названный въ исторіи *красою вѣка и человѣчества,* умеръ въ темницѣ.

Послѣ этихъ двухъ первыхъ жертвъ несправедливости Іоанна начались страданія друзей и приверженцевъ ихъ: всѣ они были или сосланы или казнены. Любимцами Іоанна сдѣлались теперь люди, отличавшіеся не храбростію, не благородствомъ, не добротою души, но злостію, клеветою, низкими доносами; только они могли жить спокойно; добрые же бояре каждую минуту боялись смерти или *опалы,* т. е. гнѣва царскаго. Многіе изъ нихъ отъ страха уходили въ Литву и Польшу. Въ числѣ такихъ измѣнниковъ былъ, къ сожалѣнію всѣхъ русскихъ, и знаменитый герой, участвовавшій въ завоеваніяхъ Казани и Ливоніи, прежній любимецъ царя — князь Андрей Курбскій. Хотя онъ съ чрезвычайною горестію рѣшился на эту измѣну, но тѣмъ не менѣе она покрыла имя его вѣчнымъ стыдомъ и заставила совѣсть его испытать вѣчныя мученія. Съ какою невыразимою грустію слушалъ онъ разсказы о вѣрности другихъ бояръ Іоанна; какъ завидовалъ той твердости, съ которою они, не смотря на всѣ лестныя предложенія короля польскаго, не измѣнили чести и терпѣливо переносили жестокость Іоанна, какъ наказаніе, посланное имъ отъ Бога. Но это терпѣніе и покорность не умилостивили сердце жестокое: довольно было одного подозрѣнія, чтобы раздражить Іоанна, а онъ подозрѣвалъ каждаго. Всѣ вельможи казались ему тайными злодѣями, друзьями Курбскаго. Находясь въ такомъ безпокойномъ состояніи, выдумалъ онъ новое средство для своей безопасности. Послушайте, друзья мои, и подивитесь, до чего можетъ дойти человѣкъ — это прекрасное созданіе Божіе, — когда дастъ волю своимъ страстямъ!

Въ концѣ 1564 года Іоаннъ вдругъ собрался ѣхать куда-то со всѣмъ своимъ семействомъ, приближенными, любимцами, со всѣмъ богатствомъ и деньгами изъ дворцовъ и даже изъ церквей придворныхъ. Бояре и народъ съ удивленіемъ смотрѣли на этотъ таинственный отъѣздъ и въ страхѣ ожидали чего нибудь чрезвычайнаго. Вскорѣ

услышали, что царь со всѣмъ дворомъ остановился въ слободѣ Александровской [1]).

Прошелъ мѣсяцъ. Все было въ прежней унылой тишинѣ ожиданія. Вдругъ 3-го января 1565 года митрополитъ получаетъ письмо отъ государя. Іоаннъ описывалъ въ немъ беззаконія бояръ, разорявшихъ Россію во время его малолѣтства; говорилъ, что духъ ихъ до сихъ поръ не перемѣнился; что они все еще злодѣйствуютъ, а если государь вздумаетъ наказывать ихъ, то митрополитъ и все духовенство вступаются за виновныхъ. (Это правда, что служители Божіи осмѣливались иногда умолять грознаго царя за несчастныхъ, осужденныхъ на казнь). «И потому»,— продолжалъ Іоаннъ,—«не желая терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ жалости сердца оставили государство и поѣхали, куда Богъ покажетъ намъ путь!»

Этого было довольно, чтобы встревожить весь народъ, которому безначаліе казалось страшнѣе всѣхъ жестокостей. «Государь оставляетъ насъ!»—кричали съ горестію вѣрные москвитяне. — «Мы погибаемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ отъ чужеземцевъ! Кто будетъ начальникомъ царства нашего?—и въ эту минуту отчаянія всѣ пороки, всѣ злодѣйства Іоанна исчезли въ глазахъ добраго народа: онъ видѣлъ въ немъ только царя своего и умолялъ митрополита умилостивить Іоанна. Духовенство, бояре и всѣ чиновники со слезами просили о томъ же и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «Пусть царь казнитъ своихъ злодѣевъ, но царство безъ царя быть не можетъ. *Мы всѣ ѣдемъ за тобою, бить челомъ государю и плакаться!*»

Они исполнили это, и въ тотъ же день отправились въ слободу Александровскую. Іоаннъ ожидалъ ихъ: онъ зналъ народъ свой, зналъ его пламенную, безпредѣльную привязанность къ царямъ своимъ и мнимое отреченіе отъ государства было только хитростію. Какъ будто противъ воли и только для просьбы митрополита согласился онъ быть опять государемъ Россіи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы никто изъ духовенства никогда не вмѣшивался въ дѣла

---

[1]) Теперь городъ *Александровъ* въ Владимірской губерніи, 156 верстъ отъ Москвы. Слобода Александровская была любимымъ мѣстомъ Іоанна IV.

его и не просилъ за виновныхъ, которыхъ онъ найдетъ достойными казни.

2-го февраля царь въѣхалъ въ Москву и на другой же день созвалъ къ себѣ духовенство, бояръ и знатнѣйшихъ чиновниковъ. Но какъ же удивились всѣ, увидѣвъ Іоанна! Наружность его, прежде привлекательная, такъ перемѣнилась, что вѣрные подданные едва узнали его! Свѣтлые, проницательные, полные огня глаза его были теперь мрачны и дики; всѣ черты прежняго, моловиднаго лица сдѣлались безобразны, а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса. И все это произошло оттого, что онъ безпрестанно предавался сильному гнѣву и жестокости. Это ужасно, ужасно, милые читатели мои!

Іоаннъ объявилъ собравшимся боярамъ, что онъ намѣренъ для своей и государственной безопасности учредить новыхъ тѣлохранителей. Сначала никто не удивился этой новости, потому что всѣ знали боязливость его съ тѣхъ поръ, какъ онъ перестаъ быть добродѣтельнымъ; но когда объяснилось, какіе будутъ это тѣлохранители, то всѣ ужаснулись.

Іоаннъ объявилъ своею собственностію девятнадцать городовъ съ разными волостями; выбралъ 6,000 человѣкъ изъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и далъ имъ имѣнія въ этихъ городахъ, а тамошнихъ владѣльцевъ перевелъ въ другія мѣста; въ самой Москвѣ взялъ себѣ также нѣсколько улицъ, откуда должны были выѣхать всѣ незаписанные въ царскіе тѣлохранители; назначилъ себѣ *особенныхъ* чиновниковъ для услугъ: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ и другихъ ремесленниковъ и, не желая жить во дворцѣ своихъ предковъ, приказалъ строить себѣ новый, за рѣчкою Неглинною. Вотъ эта часть Россіи и Москвы, эта шести-тысячная дружина тѣлохранителей, этотъ новый дворъ, неимѣвшій другого начальника, кромѣ самого царя, были названы *Опричниною,* а все остальное, т. е. все государство—*Земщиною,* которую Іоаннъ поручилъ *боярамъ земскимъ,* велѣвъ имъ рѣшать всѣ дѣла съ прежними чиновниками, а въ важныхъ случаяхъ относиться къ нему.

Новые ужасы начались вмѣстѣ съ новымъ порядкомъ въ правленіи и особенно вмѣстѣ съ страшною опричниною!

Въ нее выбраны были молодые люди, отличные не достоинствами, но удальствомъ и дерзкою готовностію на все. Царь взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ *земскими*, не водить съ ними хлѣба-соли, не знать отца и матери, знать одного государя. За такую совершенную преданность Іоаннъ отдалъ въ жертву своимъ *опричникамъ* всю Россію: они дѣлали все, что̀ хотѣли, и были всегда правы въ судахъ. Опричникъ могъ безъ всякаго страха притѣснять своего сосѣда, а если онъ пожалуется — брать пеню за безчестье. Послѣ этого подумайте, чего не могли дѣлать эти своевольные тѣлохранители немилосердаго Іоанна! Доносы ихъ на людей *земскихъ*, т. е. на всѣхъ, не принадлежавшихъ къ ихъ ужасной дружинѣ, были безконечны; злодѣйства — безчисленны; ненависть къ нимъ всего народа — неописанна! Но они не огорчались этою ненавистью: чѣмъ сильнѣе нанавидѣли ихъ, тѣмъ болѣе довѣренности имѣлъ къ нимъ Іоаннъ. Онъ далъ имъ достойное отличіе: опричники ѣздили всегда съ *собачьими головами* и съ *метлами*, привязанными къ сѣдламъ ихъ, въ знакъ того, что они *грызутъ* злодѣевъ царскихъ и *метутъ* Россію. О! какъ ра̀довались этому отличію бѣдные жители московскіе, проходившіе по улицамъ! По крайней мѣрѣ, благодаря ему, они съ перваго взгляда узнавали злодѣевъ и спѣшили скрываться отъ нихъ, такъ что иногда многолюдныя прежде улицы столицы были пусты, какъ въ какомъ нибудь необитаемомъ городѣ. Уныніе и пустота Москвы еще примѣтнѣе сдѣлались съ тѣхъ поръ, какъ государь разлюбилъ ее и, не считая себя безопаснымъ даже въ новомъ, крѣпкомъ дворцѣ своемъ, жилъ по большей части въ слободѣ Александровской. Съ того времени эта слобода сдѣлалась городомъ и украсилась церквами, домами и лавками каменными. Царь жилъ въ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; чиновники—въ особенныхъ домахъ. Здѣсь-то Іоаннъ проводилъ почти все время, занимаясь церковною службою: казалось, онъ думалъ успокоить молитвами душу свою. Набожность его была такъ велика, что дворецъ походилъ на монастырь. Любимцевъ своихъ онъ называлъ монахами, себя—игумномъ; всѣ они ходили въ скуфейкахъ и черныхъ

рясахъ, подъ которыми носили богатые кафтаны съ собольими опушками. Въ четыре часа утра Іоаннъ ходилъ самъ на колокольню съ первымъ любимцемъ и другомъ своимъ, Малютою Скуратовымъ, благовѣстилъ къ заутрени; потомъ самъ же пѣлъ, читалъ и молился такъ усердно, что на лбу всегда оставались у него знаки земныхъ поклоновъ. Въ восемь часовъ опять собирались къ обѣднѣ; вечеромъ къ вечернѣ.

Въ прекрасной трагедіи Пушкина „*Борисъ Годуновъ*" есть разсказъ одного старца-монаха о тогдашней жизни Іоанна:

Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ;
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ,
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенья,
Ты Никодимъ, ты Сергій, ты Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную воспріиму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилась
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.

Но напрасно молились они: характеръ Іоанна не исправлялся. Можетъ быть въ наше время искусство врачей открыло бы, что причиною необыкновенной жестокости

его была какая нибудь болѣзнь тѣла или разстройство души, слишкомъ сильно пораженной невозвратною потерею нѣжно любимой супруги; но тогда не думали этого; тогда никто не воображалъ, чтобы сильная горесть могла имѣть какое нибудь чрезвычайное вліяніе на здоровье человѣка, и потому, вовсе не подозрѣвая никакой болѣзни въ Іоаннѣ, предки наши присоединяли его къ числу тѣхъ ужасныхъ правителей, которыхъ иногда Богъ посылаетъ для наказанія народовъ, и какими у римлянъ были *Калигула* и *Неронъ*, у французовъ—*Лудовикъ XI*. И римляне, и французы ужасались имени этихъ государей, но не таково было чувство русскихъ къ Іоанну: когда побѣды храбрыхъ войскъ его раздавались и въ Ливоніи, и въ Литвѣ, и въ Крыму, когда умными распоряженіями его торговля русская цвѣла не только въ Москвѣ, Астрахани и Казани, но даже въ Германіи и Англіи, когда онъ торжественно въѣзжалъ въ Москву и съ обыкновеннымъ своимъ великолѣпіемъ принималъ знаменитыхъ пословъ иностранныхъ, когда они со всѣми знаками глубочайшаго уваженія стояли передъ нимъ и слушали остроумные разговоры его о важныхъ дѣлахъ государственныхъ,—добрый народъ забывалъ свои страданія, забывалъ слободу Александровскую со всѣми ея ужасами и, гордясь величіемъ Россіи, помнилъ только, что Іоаннъ — царь его! Это имя, священное для русскихъ, производило въ такія минуты свое чудесное дѣйствіе надъ сердцами ихъ: имъ казалось, что они любили Іоанна!

СЛАБОСТЬ РОССІИ.

ОТЪ 1569 ДО 1582 ГОДА.

(13 лѣтъ).

Но величіе Россіи не могло быть продолжительно при такомъ государѣ и при такихъ происшествіяхъ въ государствѣ. Іоаннъ, истребляя иногда цѣлыя поколѣнія князей и бояръ, не щадилъ и тѣхъ изъ нихъ, которые отли-

чались великими заслугами своими въ дѣлахъ военныхъ или гражданскихъ: онъ казнилъ ихъ наравнѣ съ обыкновенными преступниками, и оттого число умныхъ и знаменитыхъ совѣтниковъ царскихъ безпрестанно уменьшалось, такъ что вскорѣ Іоаннъ остался почти одинъ съ своими недостойными любимцами, съ своею ужасною дружиною опричниковъ и съ своими глупыми шутами и забавниками.

Враги, окружавшіе Россію и съ завистію смотрѣвшіе на ея могущество, обрадовались такой перемѣнѣ и спѣшили воспользоваться ею. Тогда-то узналъ жестокій Іоаннъ свою ошибку; тогда-то почувствовалъ онъ самъ отвращеніе къ ненавистнымъ опричникамъ, лишившимъ его клеветами своими лучшихъ вельможъ и полководцевъ. Но напрасны были всѣ сожалѣнія его: сдѣланнаго перемѣнить было невозможно. Въ первомъ пылу досады и гнѣва онъ уничтожилъ опричнину. Это случилось спустя семь лѣтъ послѣ ея учрежденія. Однакожъ зло не поправилось тѣмъ: убитые князья: Горбатый-Шуйскій, Серебряный, Одоевскій, Куракинъ—не воскресли, а между тѣмъ враги нападали со всѣхъ сторонъ на бѣдное отечество наше.

Первымъ изъ нихъ былъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей. Набравъ болѣе ста тысячъ войска, онъ неожиданно подошелъ къ городу Серпухову, гдѣ находился самъ Іоаннъ. Вмѣсто того, чтобы показать рѣшительное сопротивленіе, царь, уже не прежній мужественный, великій Іоаннъ, окруженный героями, но слабый, ненадѣявшійся не только на искусство, но даже и на усердіе своихъ полководцевъ, бѣжалъ въ Коломну, потомъ въ слободу Александровскую, наконецъ въ Ярославль, а ханъ между тѣмъ пробрался прямо въ Москву, и разорилъ, и сжегъ ее такъ, что изъ всѣхъ зданій остался одинъ Кремль. Девлетъ-Гирей не хотѣлъ осаждать его, и на другой день, посмотрѣвъ съ Воробьевыхъ горъ на опустошенную столицу, отправился назадъ, испугавшись ложнаго слуха, что многочисленное войско идетъ на помощь къ русскимъ. Такъ бѣдная Москва еще разъ была въ рукахъ варваровъ! Возвратившійся государь не скоро могъ опять поправить ея разрушенныя стѣны, населить ея опустѣвшія улицы. Онъ еще не успѣлъ заняться этимъ, какъ новые враги уже спѣшили въ Россію!

То были поляки. Но прежде, нежели мы будемъ говорить о нихъ читателямъ, надобно узнать о главной причинѣ ссоръ ихъ съ русскими,—о землѣ ливонской. Вы вѣрно не забыли, въ какое жалкое положеніе привели побѣды Іоанна эту несчастную страну еще въ 1560 году. Съ того времени русскіе не переставали разорять ее и въ 1561 году рыцари ливонскіе уже не существовали болѣе: орденъ ихъ уничтожился и ливонцы признали государемъ своимъ польскаго короля Августа, который, получивъ въ свое владѣніе всю южную Ливонію, обѣщалъ не измѣнять ни вѣры, ни законовъ ея. Послѣдній магистръ Кетлеръ, сложивъ съ себя это достоинство, получилъ отъ короля званіе наслѣдственнаго герцога Курляндіи. Прочія земли орденскія раздѣлились еще на три части: Нарва, Дерптъ и всѣ мѣста, сосѣдственныя съ Россіею, были завоеваны Іоанномъ; Гаррія, Ревель и половина Вирландіи—шведами; Эзель принадлежалъ датскому принцу Магнусу. Всѣ эти различные владѣтели безпрестанно ссорились между собою, желая вытѣснить одинъ другого. Пока знаменитые полководцы Іоанна IV еще жили и начальствовали войскомъ его, русскіе были вездѣ побѣдителями и города Ливоніи одинъ за другимъ покорялись оружію ихъ; но когда въ 1577 году Іоаннъ казнилъ послѣдняго изъ героевъ, прославившагося при взятіи Казани—князя Михаила Воротынскаго, счастіе, какъ будто желая справедливо наказать Іоанна, совершенно оставило его, и войско русское, лучше нежели когда нибудь устроенное, но подъ начальствомъ новыхъ, неискусныхъ предводителей, забыло побѣждать и послѣ каждаго сраженія должно было стыдиться то шведовъ, то поляковъ. Особенно послѣдніе славились въ это время своими успѣхами. Они обязаны были этою славою новому знаменитому въ исторіи королю своему—Стефану Баторію. Еще въ 1573 году умеръ слабый Сигизмундъ-Августъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Поляки долго не знали, кого выбрать государемъ своимъ; многіе изъ нихъ, чтобы привесть отечество свое въ безопасность отъ враговъ, окружавшихъ его, турокъ и австрійцевъ, охотно желали видѣть на престолѣ своемъ сильнаго царя русскаго или одного изъ сыновей его и даже посылали для того

вельможъ своихъ въ Москву; но другіе, слыша о жестокостяхъ Іоанна, боялись быть подъ властію его и спорили съ своими соотечественниками, приверженными къ Россіи; къ тому же и самъ Іоаннъ, не предвидя большихъ для себя выгодъ отъ соединенія Россіи съ Польшею, которой надобно было безпрестанно помогать въ ея войнахъ съ Турціею, Австріею и Крымомъ, не слишкомъ желалъ чести быть королемъ поляковъ, или дать имъ своего сына, и предложилъ посламъ такія затруднительныя условія, что они безъ всякаго успѣха возвратились въ Варшаву. Тогда народъ польскій, въ угодность самому опасному изъ враговъ своихъ—турецкому султану Селиму, избралъ королемъ друга его, князя семиградскаго [1]), Стефана *Баторія*. Впрочемъ, слухъ о достоинствахъ Стефана давно уже носился въ Польшѣ; всѣ знали, что онъ получилъ свое княжество по выбору народа семиградскаго, который, удивляясь его уму, учености, краснорѣчію, отличной храбрости, надѣялся быть счастливымъ подъ его правленіемъ и не обманулся въ своей надеждѣ. Видя это, и поляки съ радостію назвали его королемъ своимъ. Благодарный за такую довѣренность, Баторій спѣшилъ исполнить ожиданія новыхъ подданныхъ своихъ, и зная, что болѣе всего онъ можетъ угодить имъ униженіемъ Россіи, обратилъ на нее все свое вниманіе. Прежде всего онъ обѣщалъ полякамъ возвратить всѣ области, нѣкогда отнятыя Россіею у Польши и Литвы.

Но для войны съ Іоанномъ надобно было запастись союзниками. Баторій скоро нашелъ ихъ въ короляхъ шведскомъ и датскомъ и въ ханѣ крымскомъ. Кромѣ того, къ нему пришли изъ Трансильваніи и земли нѣмецкой опытные наемные воины, прежде служившіе ему; его увѣряли въ своемъ дружествѣ—султанъ турецкій и самъ папа, однимъ словомъ, все, казалось, соединилось на погибель отечества нашего, все угрожало ему нападеніемъ и некому было думать о защищеніи его, не смотря на то, что восемьдесятъ крѣпостей нашихъ были наполнены воинами и

[1]) Великое княжество Семиградское называется теперь *Трансильваніею* и составляетъ часть венгерскаго королевства.

всѣми нужными снарядами, что одинъ особенный царскій полкъ имѣлъ 40,000 дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, что, кромѣ русскихъ, готовы были сражаться за Россію и князья черкесскіе, шевкалскіе, мордовскіе, ногайскіе, и царевичи, и мурзы старинной Золотой Орды, также казанской и астраханской.

Читая это, вы вѣрно съ трудомъ можете повѣрить, дѣти, что при такомъ многочисленномъ войскѣ некому было думать о защитѣ отечества! Но, къ несчастію, это была правда! Что значитъ самое пламенное усердіе народа, если государь не ободряетъ его примѣромъ своимъ? Что значитъ самое храброе войско безъ храбрыхъ и умныхъ начальниковъ? Въ такомъ случаѣ и народъ, и войско часто совсѣмъ погибаютъ. Такъ едва не случилось и съ Россіей во время войны съ Баторіемъ. При извѣстіи о первыхъ побѣдахъ его, Іоаннъ уже потерялъ бодрость, предоставилъ начальство надъ войскомъ воеводамъ и самъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи. Въ началѣ войны жилъ онъ нѣсколько времени во Псковѣ, но потомъ уѣхалъ въ слободу Александровскую и оттуда вотъ какъ писалъ къ главнымъ воеводамъ: «Промышляйте дѣломъ государевымъ, какъ Всевышній вразумитъ васъ и какъ лучше для безопасности Россіи. Всю надежду мою возлагаю на Бога и на ваше усердіе». Воеводы, видя несмѣлость царя, сами дѣлались робкими и, не смотря на храбрость, всегда неразлучную съ русскими, города наши одинъ за другимъ сдавались Баторію. Прежде всего онъ взялъ Полоцкъ, потомъ еще девять городовъ, въ числѣ которыхъ и Старую Руссу. Въ Ливоніи войска Стефана опустошили всѣ города, такъ недавно еще завоеванные русскими, и Богъ знаетъ, до какого униженія доведено было бы отечество наше этою несчастною войною, еслибы наконецъ гордость Баторія не смирилась у стѣнъ древняго города Ольги—Пскова. Здѣсь были еще воеводы надежные, присягнувшіе Іоанну умереть, но не сдаться непріятелю. Первыми изъ нихъ были князья Шуйскіе: Иванъ Петровичъ и Василій Ѳедоровичъ Шуйскій-Скопинъ. Они-то вмѣстѣ съ храбрыми псковитянами поддержали честь имени русскаго и спасли Россію отъ величайшей опасности: еслибы Псковъ сдался, то Ба-

торій взялъ бы Смоленскъ и всю землю Сѣверскую, а можетъ быть даже и Новгородъ. Но они своею неустрашимостью остановили его посреди самыхъ блестящихъ побѣдъ, и послѣ четырехъ-мѣсячной осады заставили, наконецъ, согласиться на десятилѣтнее перемиріе съ Іоанномъ. Правда, что условія этого перемирія были тягостны: русскіе должны были отказаться отъ всей Ливоніи, и прежней, принадлежавшей еще стариннымъ государямъ русскимъ, и вновь завоеванной Іоанномъ, и уступить Польшѣ — Полоцкъ и Велижъ, но за то Стефанъ возвратилъ намъ всѣ взятые имъ города Псковской области.

Русскіе успокоились, но еще были унылы: имъ грустно было видѣть необыкновенную слабость своего отечества, имъ грустно было слушать разсказы о той горести, съ которою соотечественники ихъ отдавали родные города свои литовцамъ и полякамъ. Но вдругъ новое несчастіе перемѣнило тихую печаль ихъ въ ужасъ и горькія слезы. Приготовьтесь, читатели мои, услышать страшное происшествіе, которое заставитъ васъ еще болѣе пожалѣть о той крайности бѣдствія, въ которую повергла Іоанна его неукротимая вспыльчивость.

Послѣ смерти царицы Анастасіи, Іоаннъ Васильевичъ былъ нѣсколько разъ женатъ и имѣлъ многихъ дѣтей, но болѣе всѣхъ любилъ онъ *Іоанна,* старшаго сына первой супруги своей. Никогда не разлучаясь съ отцомъ, молодой царевичъ былъ во всемъ похожъ на него. Однакожъ, не смотря на чрезвычайную жестокость своего нрава, онъ показывалъ иногда чувствительность къ несчастіямъ отечества, и во время послѣднихъ переговоровъ о мирѣ съ Баторіемъ, досадуя на уступчивость отца, просилъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля и освободить отъ стыда имя русское. Іоаннъ ужасно разсердился и закричалъ: «И ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!» Въ жестокомъ гнѣвѣ своемъ онъ даже ударилъ тростью по головѣ любимаго сына. Въ ту же минуту несчастный царевичъ упалъ, обливаясь кровью, и черезъ четыре дня скончался, 19 ноября 1582 года.

Ужасно было отчаяніе Іоанна. Никто не думалъ тогда,

чтобы печальный государь, въ нѣмой горести сидѣвшій надъ тѣломъ милаго сына, былъ тотъ же грозный Іоаннъ, предъ которымъ дрожали и поданные, и чужеземцы. Неумолимое сердце его готово было въ то ужасное для него время прощать и миловать всѣхъ, готово было даже отдать собственную жизнь, чтобы только воскресить драгоцѣнное дитя свое! Но ни раскаяніе, ни слезы не помогали: надобно было покориться волѣ Божіей! Іоаннъ чувствовалъ, что это ужасное несчастіе послано на него съ небесъ, какъ страшное наказаніе за безчисленныя жестокости его и былъ такъ глубоко пораженъ имъ, предавался такому горестному отчаянію, что не только всѣ добрые подданные его, но даже и тѣ, которые еще ненавидѣли его за претерпѣнныя страданія, не могли безъ слезъ смотрѣть на его горесть. Иногда мученія совѣсти внушали виновному Іоанну обѣты покаянія, и тогда любимою мыслію его было кончить жизнь въ монастырѣ. Такая мысль казалась новымъ несчастіемъ для вѣрнаго народа, еще такъ недавно испытавшаго слабость своего отечества. Огорченная и встревоженная Россія давно уже не была въ такомъ несчастномъ положеніи, но, благодаря Бога, оно было непродолжительно, и вскорѣ новое завоеваніе воскресило надежды ея и разсѣяло нѣсколько ужасную тоску царя.

ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

отъ 1582 до 1584 года.

(2 года).

Императоръ нашъ, въ громкомъ титулѣ своемъ, называется также государемъ *югорскимъ*, *обдорскимъ* и *кондійскимъ*. Не знаете ли вы, дѣти, отъ чего произошли эти названія и гдѣ эти Югорскія, Обдорскія и Кондійскія земли, ему принадлежащія? Вѣрно нѣтъ, потому что теперь уже такъ не зовутъ ихъ. Итакъ, я скажу вамъ: онѣ лежатъ въ нашей богатой Сибири, друзья мои,—въ Сибири, которую

еще предки наши, не имѣвшіе понятія объ ея драгоцѣнныхъ рудникахъ, называли *золотымъ дномъ*, и изъ которой мы получаемъ теперь самые лучшіе металлы, самые прекрасные камни и яшмы, самые дорогіе мѣха бобровые, собольи, куньи и лисьи.

Смѣлые новгородцы были первые изъ предковъ нашихъ, рѣшившіеся еще въ XI вѣкѣ переѣхать горы Уральскія, отдѣляющія Сибирь отъ Европы. Смѣлость ихъ была вознаграждена: полудикіе жители странъ зауральскихъ, отъ страха къ незнакомымъ пришельцамъ, согласились платить имъ выгодную дань прекрасными мѣхами. Новгородцы назвали земли новыхъ данниковъ своихъ: *Югорскими*. Впослѣдствіи времени купцы, ѣздившіе торговать въ богатую Югорскую землю, называли страны, лежавшія по берегамъ рѣки Оби—*Обдоріею*, по берегамъ Конды—*Кондіею*. Но эти страны еще не принадлежали русскимъ совершенно, хотя Іоаннъ IV уже назывался не только государемъ обдорскимъ и кондійскимъ, но даже и *сибирскимъ*, съ тѣхъ поръ, какъ Эдигеръ, князь сибирскій, самъ захотѣлъ быть его данникомъ. Читатели, конечно, не забыли, что Эдигеръ сдѣлалъ это сколько изъ уваженія къ славѣ государя русскаго, столько и изъ страха къ окружавшимъ его разнымъ князьямъ татарскимъ, которые часто нападали на его владѣнія. Но Эдигеръ ошибся въ своихъ разсчетахъ: отдаленное разстояніе Сибири отъ Москвы препятствовало Іоанну во-время помогать ему, и прежде нежели царь узналъ объ опасностяхъ своего новаго данника, Эдигеръ уже былъ убитъ Кучумомъ, сыномъ киргизскаго хана. Побѣдитель завладѣлъ его столицею, *Искеромъ*[1]), и назвался *царемъ сибирскимъ*. Сначала Кучумъ, боясь гнѣва Іоаннова и еще неувѣренный въ покорности новыхъ подданныхъ своихъ, призналъ надъ собою, какъ и Эдигеръ, верховную власть царя русскаго, но потомъ, утвердясь въ своихъ владѣніяхъ, не только не хотѣлъ платить назначенной дани, но даже часто дѣлалъ набѣги на границы наши, и особенно на землю пермскую, лежавшую ближе всѣхъ къ его вла-

[1]) Городъ *Искеръ* назывался также и *Сибирью*, и былъ построенъ при рѣкѣ Иртышѣ, въ 16 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска.

дѣніямъ. Іоаннъ, занятый въ это время безпрестанными войнами, не могъ послать ни одного отряда войскъ своихъ для усмиренія дерзкаго князя татарскаго; но въ богатой землѣ Пермской жило много русскихъ семействъ, занимавшихся выгодною торговлею съ сосѣдственными народами. Самыми знаменитыми изъ нихъ были: Яковъ и Григорій *Строгановы*. Они отличались своимъ умомъ, богатствомъ, усердіемъ къ государю, любовью къ отечеству. Зная уваженіе и привязанность всѣхъ жителей страны Пермской къ Строгановымъ, Іоаннъ избралъ ихъ быть защитниками границъ нашихъ, и для того далъ имъ много земель по рѣкамъ Камѣ, Сылвѣ и Чусовой, позволилъ строить крѣпости, имѣть свое войско, торговать двадцать лѣтъ безъ пошлинъ съ бухарцами и киргизами, съ тѣмъ условіемъ только, чтобы они оберегали Россію отъ нападеній сибирскихъ татаръ на то время, пока войска его имѣютъ дѣло съ другими непріятелями. Строгановы вѣрно исполняли возложенную на нихъ обязанность, но не могли справиться съ Кучумомъ: полки ихъ, набранные изъ разныхъ людей вольныхъ, не были многочисленны, потому что жители земли Пермской болѣе любили заниматься торговлею, нежели войною. Итакъ, Строгановы рѣшились не здѣсь, но гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ искать храбрыхъ, неустрашимыхъ воиновъ, съ которыми бы можно было вѣрнѣе исполнить желаніе царя и побѣдить враговъ его. Какъ вы думаете, друзья мои, гдѣ надѣялись они найти такихъ воиновъ?.. Точно, вы угадали, у казаковъ! Эти ловкіе наѣздники имѣли съ излишествомъ то, чего недоставало у пермскихъ жителей: если они сами не вели ни съ кѣмъ войны и никто изъ сосѣднихъ государей не нанималъ ихъ сражаться за себя, то самые отважные и, можно сказать, самые дурные люди изъ нихъ выѣзжали на большія дороги и тамъ грабили и бились съ проѣзжими. Между такими недостойными удальцами были въ это время пять атамановъ: Ермакъ Тимофѣевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Они дѣлали такъ много зла, что уже были подъ гнѣвомъ государя, и Иванъ Кольцо даже осужденъ имъ на смерть. Строгановы умѣли обратить въ пользу отечества ихъ отчаянную храбрость и

дерзкое безстрашіе, необходимыя для войны съ жестокими варварами и для безчисленныхъ опасностей, какія могли встрѣтиться съ войскомъ въ странѣ чужой и неизвѣстной. Они думали сдѣлать въ одно время два добрыя дѣла: доставить царю нужныхъ людей и обратить на путь истинный преступниковъ.

Усердіе Строгановыхъ имѣло полный успѣхъ: въ ту самую минуту, какъ атаманы прочитали ласковое письмо ихъ, мысль примириться съ совѣстію и заслужить снова милость государя такъ тронула еще не совсѣмъ ожесточенныя сердца пяти казаковъ, что они съ радостію, даже со слезами благодарности на глазахъ, согласились на предложеніе Строгановыхъ—быть воинами *царя Бѣлаго* и защищать христіанъ пермскихъ отъ притѣсненій невѣрныхъ.

Скоро собрали они дружину изъ 540 храбрыхъ казаковъ, и подъ начальствомъ лучшаго и смѣлѣйшаго изъ нихъ—Ермака, весело поплыли по Волгѣ, къ Строгановымъ. Какъ скоро безстрашные донцы показались въ разныхъ мѣстахъ границъ русскихъ, кончились набѣги татаръ, и трусливые варвары такъ присмирѣли, что уже черезъ годъ и Строгановы, и Ермакъ могли думать о походѣ въ землю Сибирскую, чтобы выгнать изъ нея хана Кучума. Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Строгановы, кромѣ казаковъ, набрали еще нѣсколько нѣмецкихъ и литовскихъ плѣнниковъ, обѣщали имъ именемъ государя свободу за вѣрную службу, поручили все войско, изъ 840 человѣкъ состоявшее, храброму Ермаку, и съ молитвами проводили его 13-го сентября 1581 года до берега рѣки Чусовой [1]). Здѣсь небольшой, но отборный отрядъ сѣлъ на легкія суда и отправился къ горамъ Уральскимъ искать смерти или славы, и съ нею—прощенія прежнихъ проступковъ своихъ.

Такъ, вы въ полной мѣрѣ заслужили это прощеніе, храбрые воины, почти всѣ заплатившіе жизнію за свою славу! Сколько трудностей они перенесли! До горъ Уральскихъ надобно было ѣхать водою, часто по узкой рѣкѣ, между нависшими скалами; потомъ перевезти сухимъ пу-

---

[1]) Рѣка *Чусовая* протекаетъ въ Пермской губерніи и впадаетъ въ рѣку Каму.

темъ суда на другую сторону горъ, до рѣки Журавли, уже протекавшей въ Сибири. Прибавьте къ тому, что, проѣзжая въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, они каждую минуту могли ожидать непріятелей, скрывавшихся въ лѣсахъ, опасностей для судовъ отъ подводныхъ камней въ рѣкахъ быстрыхъ и незнакомыхъ. Кромѣ того, не зная, далеко ли простирались земли Сибирскаго царства, они не могли быть увѣрены въ томъ, что у нихъ достанетъ припасовъ и что они не умрутъ отъ голода. Но храбрость и усердіе все преодолѣли! Съ первыми шагами казаковъ за горами Уральскими раздались побѣды ихъ, не смотря на многочисленность непріятеля, у котораго была и конница, и пѣхота. Правда, что они вооружены были одними стрѣлами и копьями: татары еще не знали въ то время употребленія пороха, и оттого Ермакъ съ сотнею воиновъ, стрѣлявшихъ огнемъ, разгонялъ часто цѣлыя тысячи. Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ похода ихъ, какъ храбрый атаманъ, взявъ всѣ городки сибирскіе, мимо которыхъ проходилъ, уже стоялъ 23-го октября подъ стѣнами Искера, гдѣ находился самъ Кучумъ, племянникъ его Маметкулъ и всѣ главныя силы ихъ. Здѣсь мужество казаковъ могло бы поколебаться, еслибы они были не такъ храбры, потому что небольшое число ихъ уже довольно уменьшилось во время нѣсколькихъ жаркихъ сраженій, которыя они имѣли съ татарами; но, давъ слово смирить Кучума, или смертію загладить вины свои предъ государемъ, смѣлые атаманы вскричали: «Мы долго жили съ худою славою, умремъ же съ доброю! Богъ даетъ побѣду, кому хочетъ: нерѣдко слабымъ мимо сильныхъ. Да святится имя Его!» Вся дружина, сказавъ въ одинъ голосъ: «*аминь, съ нами Богъ!*» пустилась къ укрѣпленіямъ татаръ. Битва была сильная, непріятели защищали столицу свою такъ отчаянно, что казаки едва успѣвали заряжать свои пищали. Но, къ несчастію татаръ, главный начальникъ ихъ, Маметкулъ, получилъ тяжелую рану и долженъ былъ оставить сраженіе. Войско его смѣшалось и побѣжало.

Надобно сказать читателямъ, что Кучумъ былъ слѣпъ и не могъ самъ начальствовать войскомъ, но во время

битвы стоялъ на горѣ Чувашьей вмѣстѣ съ муллами[1]) и молился Магомету о спасеніи своего царства. Услышавъ о бѣгствѣ полковъ своихъ и о томъ, что знамена христіанскія уже развѣваются на стѣнахъ Искера, Кучумъ благодарилъ судьбу, что не могъ видѣть этого, и убѣжалъ въ степи Ишимскія, гдѣ въ разбросанныхъ кочевьяхъ своихъ соотечественниковъ надѣялся найти не только безопасность, но, можетъ быть, и помощь.

Сраженіе при Искерѣ было главное и кровопролитное. Въ немъ погибло 107 храбрыхъ казаковъ, но за то оно рѣшило покореніе почти всей Сибири: хотя послѣ того и были еще непріятельскія дѣйствія подъ начальствомъ выздоровѣвшаго Маметкула, но безъ всякаго успѣха для татаръ, а наконецъ и самъ Маметкулъ попался въ плѣнъ къ Ермаку. Тогда унылые жители Сибири, видѣвъ совершенное паденіе царства своего, начали добровольно покоряться знаменитому побѣдителю, который, благосклонно принимая присягу на подданство Іоанну IV съ князей смиренныхъ улусовъ, былъ неумолимъ къ непокорнымъ.

Такимъ образомъ то ласкою, то угрозами утвердилъ онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ власть государя русскаго надъ новымъ царствомъ, котораго обширныя страны, соединяя въ себѣ всѣ климаты, представляютъ всѣ разнообразныя, безчисленныя выгоды каждаго изъ нихъ. Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о числѣ мѣстъ, завоеванныхъ безсмертнымъ Ермакомъ, надобно назвать самые главные изъ городовъ и селеній покоренныхъ. Первые, добровольно согласившіеся быть подданными Іоанна, были два князя вогульскіе. Владѣнія одного простирались по берегамъ Конды; другого — въ окрестностяхъ Тоболя. Потомъ казаки завоевали нѣсколько селеній и юртъ остяцкихъ, города ихъ Нарымъ, Назымъ и много другихъ крѣпостей на берегахъ Оби. Здѣсь остановился Ермакъ и не захотѣлъ идти далѣе: природа въ этихъ сѣверныхъ мѣстахъ была такъ бѣдна, такъ сурова, такъ уныла, что не могла ничѣмъ привлечь къ себѣ завоевателя. Можно судить о суровости климата сѣверной Сибири по тому, что даже березы, эти простыя

[1]) *Муллами* называютъ татары своихъ священниковъ.

деревья, такъ хорошо растущія въ нашихъ странахъ, почитаются тамъ рѣдкостью, и въ 900 верстахъ отъ Тобольска есть маленькій городокъ, построенный спустя десять лѣтъ послѣ покоренія Сибири и названный *Березовымъ*, потому что на мѣстѣ его была березовая роща, удивлявшая собою всѣхъ тамошнихъ жителей. При всемъ томъ Березовъ еще не самый сѣверный городъ: въ Сибири есть еще тремя стами верстами далѣе его—*Обдорскъ*. Въ этомъ послѣднемъ городѣ не только березъ нѣтъ, но даже и трава растетъ худо. Взгляните же на югъ Сибири: тамъ такъ тепло, что въ простыхъ садахъ жителей городка Семипалатинска растутъ не только всѣ прекраснѣйшіе цвѣты оранжерей нашихъ, но даже дыни и арбузы! А трава такъ нѣжна и питательна и въ такомъ изобиліи покрываетъ землю, что стада круглый годъ пасутся на обширныхъ лугахъ. Но, оставивъ богатства природы въ южной Сибири, возвратимся въ сѣверную, гдѣ мы оставили бѣднаго Ермака среди снѣговъ, болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ. Боясь потерять отъ жестокихъ морозовъ небольшой остатокъ своего храбраго войска, онъ спѣшилъ отъ границъ нынѣшняго Березовскаго уѣзда возвратиться въ Искеръ.

Здѣсь первымъ дѣломъ счастливаго побѣдителя было отправить посольство въ Москву и повергнуть передъ государемъ всю славу своего завоеванія и все раскаяніе сердца, нѣкогда виновнаго. Посломъ выбранъ былъ храбрѣйшій изъ атамановъ послѣ Ермака—Иванъ Кольцо и съ нимъ нѣсколько товарищей. Дорогою они заѣзжали къ Строгановымъ и вмѣстѣ съ ними отправились въ Москву, гдѣ народъ все еще былъ въ уныніи послѣ унизительнаго мира съ Баторіемъ. Какая же радость, какое веселіе оживили всѣ сердца, когда узнали о покореніи новаго царства, когда увидѣли пословъ Ермака, вошедшихъ во дворецъ съ богатыми дарами отъ своего предводителя: они привезли съ собою и дорогихъ соболей, и черныхъ лисицъ, и бобровъ. Всѣ были въ восхищеніи: и государь, и народъ. Первый не зналъ, какъ наградить смѣлыхъ казаковъ, осыпалъ милостями прежняго преступника Ивана Кольцо, дарилъ и его, и всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ деньгами, сукнами, золотыми парчами; послалъ богатые дары и всѣмъ оставшимся въ Сибири атаманамъ

и рядовымъ, а начальнику ихъ, Ермаку, котораго назвалъ *княземъ Сибирскимъ* — латы, серебряный кубокъ и шубу съ плеча царскаго.

Съ восхищеніемъ и благодарностію принялъ Ермакъ милость государеву, но непродолжительно было счастіе этого добраго и неустрашимаго воина! Еще около двухъ лѣтъ онъ управлялъ Сибирью: Іоаннъ, хотя и прислалъ съ Иваномъ Кольцомъ воеводу и 500 стрѣльцовъ, но главное управленіе новою страною поручилъ умному и храброму Ермаку. Первымъ несчастіемъ русскихъ въ Сибири были болѣзни и голодъ, отъ которыхъ умерли многіе изъ казаковъ и стрѣльцовъ, и даже самъ воевода, присланный изъ Москвы, князь Болховскій. Потомъ довѣрчивые донцы были обмануты татарскимъ княземъ *Карачею,* который, притворясь другомъ русскихъ, просилъ Ермака прислать къ нему для защиты отъ ногаевъ нѣсколько казаковъ. Ермакъ послалъ сорокъ человѣкъ съ Иваномъ Кольцомъ, и злой Карача всѣхъ ихъ умертвилъ. Наконецъ послѣднее несчастіе было печальнѣе всего, милые читатели мои! Узнайте, какая горестная участь постигла сибирскаго героя, и пожалѣйте о немъ.

Въ Сибирь, которая, съ появленіемъ въ ней казаковъ, начала выходить изъ прежняго, дикаго состоянія своего, уже ѣздили купцы бухарскіе съ разными товарами. Караваны ихъ привозили множество вещей всякаго рода, потому что всѣ жители Сибири, и русскіе, и татары, и остяки, и вогуличи, съѣзжались покупать ихъ. Въ это время ярмарки Искеръ, унылая столица сибирскаго царства, оживлялась весельемъ и наполнялась народомъ. Однажды Ермакъ, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода каравановъ, вдругъ услышалъ, что изгнанникъ Кучумъ, бродя безъ дѣла по степи Вагайской, вздумалъ не пропускать къ намъ бухарцевъ. Досада и гнѣвъ въ одно время вспыхнули въ сердцѣ горделиваго побѣдителя: онъ удивился дерзости слабаго непріятеля, уже давно побѣжденнаго, и, презирая ее, тотчасъ отправился съ пятьюдесятью казаками встрѣтить купцовъ. Цѣлый день напрасно искалъ онъ ихъ и Кучума, и поздно вечеромъ, возвращаясь назадъ, расположился ночевать въ шатрахъ на берегу Иртыша. Это было 8-го августа 1584 года. Чувствуя сильную усталость, Ермакъ и хра-

брые товарищи его скоро уснули глубокимъ, сладкимъ сномъ въ то самое время, какъ ангелъ смерти уже леталъ надъ ними: на другой сторонѣ рѣки стоялъ Кучумъ и тайно замѣчалъ всѣ движенія враговъ своихъ. О! какъ обрадовался онъ, когда все затихло въ станѣ русскихъ! Даже въ лѣтописи, въ которой описывается это печальное происшествіе, сказано: «Заиграло Кучумово сердце». Онъ напалъ на сонныхъ казаковъ и всѣхъ изрубилъ, кромѣ двухъ: одинъ убѣжалъ въ Искеръ, другой—былъ нашъ храбрый и несчастный Ермакъ! Онъ пробудился отъ звука мечей и стоновъ умирающихъ. Ужасно было это пробужденіе для того, кто привыкъ къ однѣмъ побѣдамъ! Въ смертельной тоскѣ отчаянія вскочилъ онъ съ своего мѣста, еще далъ нѣсколько ударовъ саблею убійцамъ и бросился въ быстрый Иртышъ, котораго волны, высоко вздымаясь въ то время отъ сильной бури, заглушили грознымъ шумомъ своимъ послѣдній вздохъ героя!

Такая смерть была ужасна: она поразила несчастнаго въ ту минуту, когда онъ воображалъ, что слава его исчезнетъ и завоеванное съ такимъ трудомъ царство снова достанется въ руки враговъ Россіи. Но если души, оставившія міръ нашъ, еще имѣютъ понятіе о земныхъ событіяхъ, то, вѣрно, благородная и великая душа Ермака уже утѣшена: она видитъ, что славное отечество его навсегда удержало подъ властію своею обширную страну, имъ покоренную, и что благодарное потомство никогда не перестанетъ прославлять память воина, сравнившагося смѣлостію своего предпріятія съ величайшими завоевателями въ свѣтѣ! Такъ, дѣти, Ермакъ достоинъ этой славы, достоинъ нашего глубокаго уваженія! Сдѣлавшись постарше, вы поймете всю цѣну его знаменитаго дѣла, вы узнаете всѣ источники богатствъ, всѣ безчисленныя выгоды, доставленныя намъ его завоеваніемъ, и тогда полюбите Ермака еще болѣе и еще справедливѣе!

КОНЧИНА ІОАННА ГРОЗНАГО.

1584 годъ.

Пасмурно разсвѣло утро 18-го марта 1584 года. Тихо звонили колокола московскіе; уныло стоялъ народъ въ церквахъ и усердно молился. Всѣ—и старые, и молодые—плакали: казалось, всѣ просили Бога о какой-то милости, о какомъ-то великомъ благодѣяніи. Угадаете ли вы, милые читатели, о чемъ молились предки наши? Они молились о выздоровленіи Іоанна IV. Такъ, друзья мои, слухъ объ опасной болѣзни государя заставилъ всѣхъ позабыть его несправедливость: всѣ видѣли въ немъ только умирающаго царя, а этотъ видъ горестенъ для всякаго народа, и тѣмъ болѣе для русскаго.

Но молитвы ихъ были напрасны: Іоаннъ скончался въ тотъ же день и въ то самое время, когда, чувствуя облегченіе, онъ располагался играть съ княземъ Бѣльскимъ въ шашки и уже разставилъ ихъ. Имѣя не болѣе пятидесяти-трехъ лѣтъ отъ роду, онъ могъ бы еще долго жить, но сильное волненіе, которое безпрестанно происходило въ немъ, то отъ гнѣва, то отъ страха; досада на успѣхи враговъ его государства; угрызенія совѣсти о сдѣланныхъ злодѣяніяхъ; наконецъ страшная мысль объ убійствѣ сына, все это вмѣстѣ сокрушило силы Іоанна: съ каждымъ днемъ здоровье его разстроивалось, слабѣло и, наконецъ, жизнь прекратилась ударомъ.

Такъ исчезъ изъ міра человѣкъ, соединявшій въ себѣ разительныя противоположности хорошаго и худого! Вспомнивъ о всѣхъ добрыхъ и дурныхъ свойствахъ его, зная изъ лѣтописей того времени о его превосходномъ умѣ и твердости духа, нельзя понять его настоящаго характера, и можно думать, что этотъ необыкновенный государь посланъ былъ отъ Бога въ отечество наше по Его неисповѣдимому промыслу съ какою нибудь особенною цѣлію, неизвѣстною для насъ, точно такъ же, какъ неизвѣстны людямъ еще многія чудныя явленія въ природѣ.

Непонятенъ былъ Іоаннъ для народа своего, — непонятно было и чувство этого народа къ Іоанну. Это было

соединеніе и страха, и ненависти, и любви. Во время жестокостей Іоанна, продолжавшееся двадцать четыре года, подданные его переносили бѣдствія свои съ христіанскимъ великодушіемъ. Самые невинные изъ нихъ умирали спокойно, покорясь судьбѣ своей, какъ назначенію Божіей воли, по слову святого писанія: «*Чти царя твоего*».

Такія кроткія, набожныя чувства добрыхъ предковъ нашихъ еще болѣе усилились со времени кончины государя: не боясь болѣе его страшнаго гнѣва, они забыли всѣ *жестокія* и помнили только одни *славныя* дѣла его. Три покоренныя царства татарскія: казанское, астраханское и сибирское; новая книга законовъ — Судебникъ; новыя учрежденія по дѣламъ церковнымъ и гражданскимъ; новыя училища для образованія народа; множество новыхъ городовъ, построенныхъ въ это царствованіе; многочисленное войско; выгодная торговля русскихъ съ иностранными государствами, богатство и пышность, оттого происходившая при дворѣ и въ народѣ,—все это напоминало русскимъ не пороки, но великія качества умершаго государя, и потому неудивительно, что они называли Іоанна IV не *мучителемъ*, какъ нѣкоторые звали его при жизни, но только *грознымъ*. Имъ казалось, что это имя довольно выражало и суровость нрава Іоанна, и ту *грозу* небесъ, которая гремѣла надъ ними во все время его правленія, и можетъ быть, по особенному промыслу Творца, была такъ же полезна для Россіи, какъ бываютъ полезны для земли громъ и молнія, убійственные для нѣсколькихъ жизней и благодѣтельные для всего живущаго.

Семейство Іоанна IV Васильевича Грознаго.

Супруги: 1) *Анастасія*, дочь боярина *Романа Юрьевича Захарьина-Юрьева.*

Отъ нея дѣти: a) *Димитрій*, скончался въ дѣтствѣ. b) *Іоаннъ*, убитый отцомъ. c) *Ѳеодоръ*, наслѣдовалъ престолъ. d) *Анна*, e) *Марія*—скончались въ дѣтствѣ.

2) *Марія* Темрюкована, княжна Черкасская. 3) *Марѳа* Васильевна Собакина, дочь купца новгородскаго. 4) *Анна*

Алексѣевна Колтовская. 5) *Анна* Васильчикова. 6) *Марія* Θеодоровна Нагихъ.

Отъ послѣдней сынъ: Царевичъ *Димитрій.*

НОВЫЙ ЦАРЬ И ЛЮБИМЕЦЪ ЕГО.

отъ 1584 до 1591 года.

(7 лѣтъ).

Изъ всѣхъ дѣтей Іоанна IV остались въ живыхъ только двое: двадцати-семи-лѣтній царевичъ *Θеодоръ,* сынъ любимой супруги его Анастасіи Романовны, и пятимѣсячный царевичъ *Димитрій,* сынъ послѣдней царицы Маріи Θеодоровны изъ рода *Нагихъ.* Перваго онъ объявилъ наслѣдникомъ своимъ, второму назначилъ въ удѣлъ, вмѣстѣ съ матерью, городъ Угличъ.

Никогда отецъ и сынъ не имѣли такъ мало сходства между собою, какъ Іоаннъ IV и наслѣдникъ его; никогда послѣ такого гнѣвнаго, жестокаго, могущественнаго государя не бывало такого кроткаго и слабаго.

Θеодоръ, отъ природы былъ робокъ, застѣнчивъ и чрезвычайно набоженъ: одна мысль согрѣшить въ чемъ нибудь передъ Богомъ была такъ ужасна для него, что съ самаго начала своего царствованія, чувствуя слабыя способности свои и боясь оттого дурно исполнить великія обязанности государя и тѣмъ прогнѣвать Бога,—смиренный царь отказался отъ занятій дѣлами государственными. Онъ не зналъ, что такимъ образомъ прогнѣвлялъ Бога гораздо болѣе, потому что для Него всегда пріятнѣе видѣть, когда люди не только усердно молятся, но и подтверждаютъ дѣлами слова свои. А Θеодоръ, проводя большую часть дня въ постѣ и молитвѣ, не дѣлалъ—отъ излишней ненадѣянности на себя—и половину того, что могъ бы сдѣлать и съ самыми слабыми способностями. При такомъ бездѣйствіи новаго государя народъ могъ бы сдѣлаться еще несчастнѣе, нежели былъ при всѣхъ жестокостяхъ прежняго; но Богъ избавилъ его отъ этой новой опасности.

При дворѣ Θеодора былъ человѣкъ, щедро одаренный отъ природы всѣмъ, чего недоставало молодому царю, способный исполнить всѣ трудныя обязанности его: человѣкъ, который заслужилъ бы вѣчную благодарность русскихъ, еслибы впослѣдствіи времени не сдѣлалъ одного ужаснаго преступленія. Это былъ *Борисъ Θедоровичъ Годуновъ*, братъ молодой царицы *Ирины*, супруги Θеодора, воспитанный во дворцѣ и съ самаго дѣтства сдѣлавшійся любимцемъ и грознаго Іоанна, и кроткаго сына его. Необыкновенная красота, величественный видъ, рѣдкій умъ, пріятное обхожденіе отличали Бориса еще въ цвѣтущей молодости, когда, какъ родственникъ и воспитанникъ царскій, онъ находился въ числѣ страшныхъ опричниковъ. Никогда не участвуя въ ихъ жестокостяхъ, онъ являлся какъ ангелъ-утѣшитель къ несчастнымъ, которые страдали отъ безчеловѣчныхъ поступковъ ужасной дружины; помогалъ имъ деньгами, облегчалъ судьбу ихъ нѣжнымъ участіемъ, иногда осмѣливался просить за нихъ Іоанна, и даже многіе говорили, что онъ подалъ грозному царю первую мысль объ уничтоженіи опричнины. Однимъ словомъ, Борисъ дѣлалъ все, чѣмъ только можно заслужить любовь народа, и въ полной мѣрѣ достигъ своего желанія! всѣ съ восхищеніемъ смотрѣли на умнаго и миловиднаго брата прелестной царицы, всѣ любили молодого боярина, всегда добраго и ко всѣмъ привѣтливаго. Но, къ несчастію, при этой наружной добротѣ и привѣтливости въ властолюбивомъ сердцѣ Бориса, въ хитромъ умѣ его таилась гордая мысль—быть первымъ человѣкомъ въ государствѣ по близкому родству съ супругою Θеодора. Послѣ несчастной смерти старшаго царевича эта мысль еще болѣе укрѣпилась въ пылкой головѣ молодого честолюбца: будущимъ царемъ былъ супругъ нѣжной сестры его, князь робкій, слабый, вовсе неспособный царствовать, чрезвычайно любившій супругу свою и совершенно покорный волѣ ея. Правда, что она не употребляла во зло этой власти, потому что была самою доброю и кроткою женщиною; но за то братъ ея надѣялся въ полной мѣрѣ пользоваться слабостію Θеодора, и, точно, не ошибся: молодой царевичъ, сдѣлавшись государемъ, радовался, что имѣетъ такого умнаго родственника, и безъ вся-

кихъ размышленій о послѣдствіяхъ поручилъ ему всѣ дѣла государственныя, оставивъ при себѣ только одно имя царя. Народъ, привыкшій видѣть въ Иринѣ свою милую благодѣтельницу, привыкшій называть *ее второю Анастасіею*, не только не роптал, но даже радовался, что добрый братъ ея, не боявшійся защищать несчастныхъ и предъ царемъ жестокимъ, помогаетъ слабому и больному Ѳеодору управлять государствомъ. Его умъ, познанія, твердость нрава были необходимы для царя, и Борисъ, оставшись только *правителемъ* Россіи, *ближнимъ великимъ бояриномъ* и наконецъ *слугою* [1]) Ѳеодора, остался бы благодѣтелемъ отечества нашего и великимъ человѣкомъ своего времени; но онъ захотѣлъ быть *царемъ*, захотѣлъ увеличить несмѣтное богатство свое[2]) сокровищами всего государства, и съ этой минуты слава его помрачилась, всѣ великія достоинства потеряли свою цѣну: Борисъ началъ приготовляться къ злодѣйству ужасному, которое поразитъ нѣжныя сердца ваши, мои милые читатели! Эта перемѣна въ расположеніи души правителя, это безпокойство, которое всегда примѣтно въ человѣкѣ, когда онъ имѣетъ какое нибудь злое намѣреніе, не скрылись отъ проницательныхъ глазъ добрыхъ вельможъ, засѣдавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ думѣ боярской: они начали подозрѣвать, какого рода замыслы могли таиться въ гордомъ сердцѣ любимаго брата царицы, при государѣ, не имѣвшемъ дѣтей, и въ страхѣ за жизнь царя, хотя слабаго, но все-таки любезнаго народу, въ страхѣ за жизнь маленькаго царевича Димитрія [3]), послѣдней надежды рус-

---

[1]) Титло *слуги* было знаменитѣе боярскаго, и въ продолженіе цѣлаго столѣтія оно дано было только тремъ вельможамъ: князю *Симеону Ряполовскому*, котораго отецъ спасъ маленькаго Іоанна III отъ злобы Шемяки; князю *Ивану Михайловичу Воротынскому*—за славныя побѣды его, и сыну его, безсмертному *князю Михаилу*—за взятіе Казани.

[2]) Годуновъ получалъ годового доходу со всѣхъ своихъ земель, помѣстьевъ, лѣсовъ и луговъ до девяти сотъ тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ. Ни одинъ вельможа русскій, во все существованіе Россіи, не имѣлъ такого богатства: оно доставляло Борису средства вывести въ поле на свой счетъ до 100,000 войска *(См. Ист. Карамзина*, т. X, стр. 15).

[3]) Такъ какъ у царя Ѳеодора Іоанновича не было дѣтей, то царевичъ Димитрій, меньшій братъ его, былъ наслѣдникомъ престола и послѣднимъ княземъ царскаго поколѣнія Рюрика по мужескому колѣну.

скихъ, добрые и вѣрные бояре, вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ и со многими дворянами и купцами московскими, рѣшились открыться Ѳеодору и умолять его быть осторожнымъ; но прежде нежели они успѣли сдѣлать это, хитрый правитель узналъ чрезъ приверженцевъ своихъ о заговорѣ и жестоко отмстилъ за него. Наказавъ смертію купцовъ, ссылками бояръ и князей: Шуйскихъ, Мстиславскихъ, Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, жестокій Борисъ въ гнѣвѣ своемъ не пощадилъ и знатнѣйшаго изъ Шуйскихъ, спасителя Пскова и чести имени русскаго, героя, которому удивлялись всѣ народы Европы,—знаменитаго князя Ивана Петровича!... Считая его главнымъ и, можетъ быть, самымъ опаснымъ врагомъ, Годуновъ недоволенъ былъ одною ссылкою его на Бѣлоозеро: онъ приказалъ удавить его въ темницѣ! Даже и митрополитъ, не смотря на всю важность своего званія, не остался безъ наказанія: его сослали въ одинъ изъ монастырей новгородскихъ. Теперь вы можете судить, какъ велика была власть Бориса! Хотя онъ всегда отдавалъ свои приказанія отъ имени царя, но всѣ знали и въ Россіи, и даже въ иностранныхъ земляхъ, что Ѳеодоръ не занимался ничѣмъ, кромѣ молитвъ и разговоровъ съ монахами и священниками, и что одинъ Борисъ управлялъ государствомъ. Съ нимъ однимъ чужеземные государи имѣли сношенія по разнымъ дѣламъ своимъ; къ нему одному пріѣзжали посланники ихъ, и надобно отдать справедливость его искусному правленію—Россія уже не показывала той слабости, которая печалила предковъ нашихъ въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV. Крымцы, литовцы, поляки, датчане, шведы, нѣмцы, даже страшные въ то время для всей Европы турки уважали русскихъ и не тревожили владѣній ихъ, которыя въ 1591 году еще увеличились возвращеніемъ отъ шведовъ завоеванныхъ ими городовъ нашихъ: Яма, Копорья, Ивана-города и всей области Корельской. Эту войну съ шведами началъ Борисъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ослабить силы ихъ противъ насъ. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что около этого времени славный король польскій Баторій умеръ, и на престолъ его поляки и литовцы выбрали его племянника и сына ко-

роля шведскаго принца Сигизмунда. Вы можете представить, что съ тѣхъ поръ Польша и Швеція какъ будто бы породнились и могли дѣйствовать заодно противъ сосѣдки своей—Россіи. Но Борисъ, умный, проницательный твердый, умѣлъ разстраивать вредныя для предковъ нашихъ намѣренія этихъ двухъ союзницъ, умѣлъ внушать имъ страхъ къ русскимъ. Борисъ умѣлъ бы сдѣлать многое для славы отечества своего и своей собственной, еслибъ не властолюбіе его! Оно затмило громкую славу его, оно призвало на него гнѣвъ Божій, оно погубило послѣднюю отрасль знаменитаго поколѣнія святого Владиміра: послѣдняго Іоаннова сына, составлявшаго надежду Россіи.

УГЛИЧЪ И ПОСЛѢДНІЙ ПОТОМОКЪ РЮРИКА ПО МУЖЕСКОМУ КОЛѢНУ.

отъ 1591 до 1597 года.

(6 лѣтъ).

Въ Ярославской губерніи, въ 340 верстахъ отъ Москвы, на правомъ берегу Волги, лежитъ старинный городъ Угличъ. Читатели мои знаютъ, что онъ былъ нѣкогда удѣломъ князя Димитрія Юрьевича Шемяки. И теперь еще Угличъ довольно богатъ и красивъ: въ немъ около 8,000 жителей; много церквей и домовъ каменныхъ, много заводовъ кожевенныхъ и кирпичныхъ, много лавокъ и амбаровъ съ товарами. Но не таковъ былъ онъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича: тогда окружность его была 24 версты, церквей въ немъ было 150, монастырей 12, а жителей болѣе 30,000 человѣкъ. Въ то время Угличъ могъ славиться предъ другими городами русскими: въ немъ жилъ меньшой сынъ Іоанна Грознаго, царевичъ Димитрій съ матерью. Правда, что Годуновъ, ненавидя его, какъ наслѣдника престола, въ случаѣ, если Ѳеодоръ умретъ, не оставивъ дѣтей, разлучилъ его съ братомъ и отправилъ въ Угличъ, какъ въ ссылку; но бѣдный малютка не понималъ этого: онъ былъ вмѣстѣ съ своею милою матерью и ничего не желалъ болѣе. Жители Углича

также были счастливы, радуясь тому, что умирающій Іоаннъ выбралъ область ихъ въ удѣлъ своему сыну. Они съ восхищеніемъ смотрѣли на маленькаго царевича, ожидаемаго наслѣдника царства, послѣдняго изъ рода государей, составлявшихъ такъ долго славу Россіи, и гордились тѣмъ, что онъ выростетъ въ стѣнахъ ихъ. Они не помышляли, чтобы какая нибудь опасность могла угрожать прекрасному малюткѣ; онъ былъ всегда такъ здоровъ и веселъ, его такъ нѣжно любилъ и братъ его, и каждый русскій; о немъ молились милліоны людей, надѣявшихся нѣкогда быть его подданными. Однимъ словомъ, казалось, все улыбалось счастливому Димитрію; печально было только лицо царицы, матери его. Бѣдное сердце ея, угадывая намѣренія Годунова, какъ будто предчувствовало судьбу милаго сына: каждую минуту казалось ей, что убійцы стерегутъ его, что жизнь его въ опасности и потому старалась какъ можно менѣе разлучаться съ Димитріемъ. Въ такомъ безпрестанномъ страхѣ она воспитывала его до восьми-лѣтняго возраста. Въ это время честолюбіе Годунова достигло высочайшей степени: адскій планъ его былъ совершенно устроенъ и оставалось найти злодѣя, который бы, не боясь Бога, могъ совершить ужасное дѣло. Послѣднее было труднѣе всего для преступнаго правителя: многимъ уже дѣлалъ онъ страшное предложеніе, но всѣ отказывались.

Наконецъ явился къ Борису человѣкъ, какого могъ онъ желать, дьякъ *Михаилъ Битяговскій*. Звѣрскій видъ его показывалъ, что онъ вѣрно исполнитъ всякое преступленіе, ему порученное. Борисъ обѣщалъ ему и кучу золота, и вѣчную милость свою, отправилъ его въ Угличъ будто для того, чтобы управлять земскими дѣлами и хозяйствомъ царицы Маріи Ѳеодоровны.

Несчастная государыня, и безъ того бывшая всегда въ безпокойствѣ, еще болѣе встревожилась, увидѣвъ Битяговскаго, пріѣхавшаго къ ней отъ имени царя и правителя. Материнское сердце, по непонятному предчувствію, сказало ей, что она должна бояться этого человѣка, и съ тѣхъ поръ царица не оставляла сына своего ни на одну минуту: она спала въ одной съ нимъ комнатѣ; изъ собственныхъ рукъ кормила его; вмѣстѣ съ нимъ ходила въ

церковь, вмѣстѣ съ нимъ гуляла въ садахъ и рощахъ, окружавшихъ богатый дворецъ угличскій. Нѣжная мать такъ неусыпно охраняла любимца души своей, такъ заботливо берегла милое дитя свое, драгоцѣнное для всей Россіи, что злодѣй Битяговскій началъ сомнѣваться въ успѣхѣ, хотя онъ былъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ: сынъ его *Даніилъ* и племянникъ *Никита Качаловъ*, да, кромѣ того, онъ подкупилъ еще двухъ новыхъ помощниковъ: мамку царевича, боярыню *Василису Волохову*, и сына ея, *Осипа*. Каждый день эти злодѣи сходились совѣтоваться между собою, придумывали новыя средства, искали новыхъ случаевъ и, не надѣясь тайно убить Димитрія, всегда неразлучнаго съ матерью, рѣшились сдѣлать это явно; они увѣрены были, что Годуновъ будетъ умѣть оправдать ихъ.

Назначили день. Это было 15-го мая 1591 года. Въ шестомъ часу дня царица пришла съ сыномъ изъ церкви. Накрывали столъ для обѣда, и между тѣмъ какъ слуги носили кушанья, царевичъ разсматривалъ съ дѣтскимъ любопытствомъ живопись, которая украшала стѣны комнатъ царскихъ и представляла разныя сцены изъ Священнаго Писанія [1]). Въ эту самую минуту мамка Волохова позвала его погулять по двору; царица остановилась за чѣмъ-то въ другой комнатѣ. Кормилица малютки, Ирина Жданова, добрая и усердная женщина, со всею нѣжностію любившая своего питомца, сама не зная почему, не пускала его изъ дома, но мамка силою вывела его въ сѣни, потомъ на крыльцо. Здѣсь явились сынъ ея Осипъ Волоховъ, Даніилъ Битяговскій и Никита Качаловъ. Главный же злодѣй, управлявшій всѣми ихъ движеніями, Михаилъ Битяговскій, не показался на глаза къ царевичу, потому что бѣдное дитя боялось страшнаго лица его и вѣрно бы закричало, увидѣвъ его. Осипъ Волоховъ подошелъ первый къ Димитрію, взялъ его за руку и сказалъ: «Государь, у тебя новое ожерелье?» Малютка едва успѣлъ поднять

---

[1]) Дворецъ или каменная палата о двухъ этажахъ съ расписанными стѣнами, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій съ матерью, и теперь еще существуетъ въ Угличѣ.

невинную головку свою и съ улыбкой отвѣчать: «нѣтъ, старое...», какъ острый ножъ сверкнулъ въ рукѣ Волохова, опустился на нѣжную шею дитяти и, слегка ранивъ ее, упалъ на полъ. Убійца, испугавшись, пустился бѣжать изъ дворца. Кормилица въ ужасѣ закричала, обняла крѣпко царевича, но Даніилъ Битяговскій и Качаловъ вырвали несчастное дитя и безжалостно умертвили его!... Все это произошло такъ скоро, что когда царица на крикъ кормилицы выбѣжала изъ сѣней на крыльцо, убійцы уже сбѣжали съ лѣстницы и были у воротъ. Въ отчаяніи бросилась несчастная мать къ умирающему,—но поздно! Младенческая, невинная душа его уже перестала страдать и летѣла на небо, чтобы тамъ, вмѣстѣ съ ангелами, славить Бога и молиться о милой матери.

Царица, увѣрясь въ своемъ бѣдствіи, увѣрясь въ томъ, что уже никакая власть земная не оживитъ прекраснаго младенца, упала безъ чувствъ на полъ подлѣ доброй кормилицы его, также безъ памяти лежавшей. Однакожъ онѣ успѣли назвать по именамъ злодѣевъ, и всѣ вѣрные слуги царицы спѣшили ловить ихъ. Въ нѣсколько минутъ весь городъ узналъ о горестной потерѣ: пономарь соборной церкви, случайно проходя мимо дворца, видѣлъ убійство и, взбѣжавъ на колокольню, ударилъ въ набатъ. Этого было довольно, чтобы встревожить всѣхъ жителей. Въ страшномъ испугѣ сбѣжались они къ дворцу, услышали ужасный разсказъ и не прошло часа, какъ уже главный злодѣй Михаилъ Битяговскій и всѣ сообщники его были убиты. Ярость народа была неописанна: отмщая за любимца своего, онъ былъ безжалостенъ не только къ злодѣямъ, но даже ко всѣмъ родственникамъ и друзьямъ ихъ. Многіе изъ нихъ передъ смертію признались, что исполнили приказаніе Бориса Годунова. Такое признаніе ужаснуло вѣрныхъ подданныхъ Өеодора: они знали, какъ близокъ былъ къ нему Борисъ, и потому, проливая слезы надъ тѣломъ невиннаго царевича, признаннаго нашею церковію святымъ мученикомъ, они могли бояться и за жизнь старшаго брата его. Но этотъ страхъ былъ непродолжителенъ: онъ кончился вмѣстѣ съ ихъ жизнію. Борисъ, получивъ изъ Углича донесеніе объ убіеніи Димитрія и о томъ, съ какою яро-

стію народъ бросился на всѣхъ, кого подозрѣвалъ въ этомъ убійствѣ, прислалъ чиновниковъ своихъ изслѣдовать это дѣло, и—повѣрите ли вы, чѣмъ кончилось это слѣдствіе? Присланные чиновники донесли царю, что царевичъ Димитрій, въ припадкѣ падучей болѣзни, зарѣзалъ самъ себя ножемъ: что царица и братъ ея, Михаилъ Нагой, напрасно обвиняя въ убійствѣ Волохова, Качалова и Битяговскихъ, приказали умертвить ихъ; что граждане угличскіе повѣрили несправедливымъ обвиненіямъ и погубили многихъ невинныхъ.

Выслушавъ это донесеніе, въ которомъ не было ни одного слова правды, Борисъ, именемъ Ѳеодора, объявилъ наказаніе виновнымъ. Началось съ царицы, этой горестной матери, едва переносившей жизнь: ее постригли въ монахини и отвезли въ отдаленный монастырь; всѣхъ родственниковъ ея, Нагихъ, также сослали и заключили въ темницы; гражданъ угличскихъ, числомъ около двухъ-сотъ, какъ убійцъ людей невинныхъ, казнили смертію; другимъ отрѣзали языки, многихъ послали въ Сибирь; и съ того времени исчезла знаменитость славнаго города Углича. Борисъ боялся, чтобы въ чьей нибудь памяти не остались послѣднія признанія убійцъ, и для того истребилъ всѣхъ, на кого не могъ надѣяться.

Ему удалось и это: никто не смѣлъ говорить вслухъ о томъ, что подозрѣвалъ правителя въ убійствѣ маленькаго царевича; казалось, никто не смѣлъ даже думать такъ дерзко. Вскорѣ новыя происшествія: сперва сильный пожаръ въ Москвѣ, а потомъ нашествіе тогдашняго крымскаго хана *Казы-Гирея* совсѣмъ отвлекли мысли народа отъ ужаснаго убійства послѣдняго потомка Рюрикова. Во время пожара Борисъ показалъ столько участія въ бѣдствіи москвитянъ, а во время неожиданнаго нашествія татаръ — столько благоразумія и храбрости, что всѣ русскіе—или утѣшенные его благодѣяніями, или спасенные отъ варваровъ его умными распоряженіями—уже не хотѣли вѣрить, чтобы добрый правитель былъ убійцею царевича и не смѣли обижать его своими подозрѣніями.

Такъ хитрый Борисъ, при величайшемъ злодѣяніи своемъ, умѣлъ сохранить довѣренность и любовь народа, умѣлъ

сдѣлать еще болѣе: завладѣть престоломъ, и не силою, не принужденіемъ, но по общему, единодушному желанію всѣхъ русскихъ! Изъ слѣдующаго разсказа вы узнаете подробности этого важнаго происшествія въ нашей исторіи.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, ЦАРЬ РОССІИ.

ОТЪ 1597 ДО 1600 ГОДА.

(3 года).

Уже прошло болѣе шести лѣтъ послѣ убіенія царевича, уже народъ началъ привыкать къ горестной мысли, что поколѣніе царей его кончится съ смертію Ѳеодора и что наслѣдникомъ его уже не будетъ князь, происшедшій отъ святой крови Владиміра. Стараясь всѣми силами увѣрить русскихъ, что они должны въ этомъ случаѣ покориться волѣ Божіей, Борисъ въ то же время старался показать себя съ самой выгодной стороны. Его милосердіе, кротость, правосудіе были безпримѣрны; его щедрость, великодушіе, любовь къ народу неописанны. Всякій разъ, когда надобно было объявить кому нибудь прощеніе и милость царя, то въ указѣ писали: «*Государь прощаетъ для ближняго своего пріятеля, слуги и конюшаго-боярина Бориса Ѳеодоровича*». Если же кого осуждали на казнь, то въ указѣ не было имени Годунова, но писали «*приговорили бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами*». По этой хитрости можно судить и о всѣхъ, какія употреблялъ Борисъ, чтобы вкрасться въ любовь ко всѣмъ русскимъ. Такія средства не могли остаться безъ успѣха, особенно съ того времени, какъ онъ подкрѣпилъ свою власть новою опорою: зная набожность народа нашего и глубокое уваженіе его къ служителямъ Божіимъ, Годуновъ предложилъ царю возвысить духовенство русское учрежденіемъ патріаршескаго достоинства. Имя патріарховъ означало главныхъ пастырей церкви, и такія были только въ пяти знаменитѣйшихъ городахъ: Римѣ, Александріи, Антіохіи, Іерусалимѣ и Константинополѣ. Съ

этимъ высокимъ званіемъ, конечно, соединялось и болѣе власти, нежели съ обыкновеннымъ достоинствомъ, особенно въ правленіе Өеодора, посвятившаго всю жизнь свою молитвамъ. Борисъ зналъ все это, зналъ, кого сдѣлать патріархомъ, и потому предложилъ объ этомъ учрежденіи Өеодору.

Какъ ожидалъ онъ, такъ и сдѣлалось: царь согласился съ удовольствіемъ; духовенство и народъ съ радостію приняли новое званіе: первому оно обѣщало лестныя отличія, второму казалось особенною милостію Божіею. Въ Москвѣ былъ въ то время константинопольскій патріархъ Іеремія; онъ посвятилъ въ достоинство патріарха русскаго—митрополита русскаго Іова, одного изъ преданнѣйшихъ друзей Годунова. Благодарный за свое возвышеніе, Іовъ началъ съ того времени еще усерднѣе служить своему покровителю.

Такимъ образомъ все исполнилось по желанію правителя. Неограниченная власть его, поддерживаемая самимъ государемъ и всѣмъ духовенствомъ, казалась для народа священною, какъ будто происходившею отъ Бога, и еще при жизни Өеодора всѣ думали, что никто другой, кромѣ брата царицы, не можетъ быть наслѣдникомъ престола. Властолюбивый Борисъ, видя такое расположеніе умовъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ счастливаго дня, въ который съ царскимъ могуществомъ его соединится и имя царя. Этотъ день настал 6-го января 1598 года. Өеодоръ опасно занемогъ и на другой день скончался. Народъ, любя этого кроткаго сына незабвенной Анастасіи за его благочестіе и набожность, за его щедрость и милосердіе къ бѣднымъ, забывалъ его слабости, искренно плакалъ по немъ и, исполняя волю его и совѣтъ Бориса, присягнулъ царицѣ Иринѣ, не смотря на то, что печальная государыня, съ первой минуты кончины нѣжнаго супруга своего, рѣшилась постричься въ монахини. Годуновъ зналъ это, но для него нужно было, чтобы русскіе поклялись въ вѣрности сестрѣ его. Эта клятва приближала его еще болѣе къ престолу, и когда чрезъ девять дней Ирина постриглась, пламенное желаніе брата ея исполнилось: вельможи, духовенство и народъ поднесли ему корону русскую! И что-жъ вы думаете, милые читатели, онъ тотчасъ съ радостію

приняль ее? Совсѣмъ нѣтъ! Притворщикъ отказывался; говорилъ, что никогда дерзкая мысль—сѣсть на престолъ кроткаго ангела и друга его Ѳеодора не приходила ему въ голову; что онъ хочетъ жить только для утѣшенія сестры своей; что онъ хочетъ такъ же, какъ и она, отказаться отъ свѣта; однимъ словомъ, онъ такъ обманулъ всѣхъ своимъ смиреніемъ, что удивленіе къ его высокимъ добродѣтелямъ еще болѣе увеличилось и всѣ еще усерднѣе начали просить его согласія. Но Годуновъ не давалъ его: шесть недѣль уже москвитяне просили его и получали одни отказы и, наконецъ, только тогда уже, когда съ просьбами ихъ соединились просьбы всей Россіи, когда изъ самыхъ отдаленныхъ областей пріѣхали депутаты и народъ, два дня служивъ молебны, на третій день съ крестнымъ ходомъ пришелъ къ избранному царю и съ колѣнопреклоненіемъ умолялъ его сжалиться надъ осиротѣвшимъ отечествомъ, хитрый властолюбецъ согласился и какъ будто противъ желанія принялъ корону, которая болѣе четырнадцати лѣтъ занимала всѣ мысли его и для которой онъ пожертвовалъ спокойствіемъ своей совѣсти и счастіемъ жизни настоящей и будущей!

1-го сентября 1598 года было коронованіе Бориса. Здѣсь кстати сказать, что до временъ Петра Великаго предки наши праздновали въ день 1-го сентября начало новаго года, то, что мы дѣлаемъ теперь 1-го января. Годуновъ выбралъ нарочно этотъ день, чтобы придать болѣе важности своему коронованію. Оно праздновалось самымъ великолѣпнымъ образомъ. Милости были безчисленны: богатые подарки лились на бояръ, деньги—на бѣдныхъ; ласки семейства царскаго—на всѣхъ подданныхъ. Супруга Бориса, новая царица Марія Григорьевна, давно славилась своими добродѣтелями; дѣти ихъ—девятилѣтній сынъ *Ѳеодоръ* и шестнадцати-лѣтняя дочь *Ксенія*—были ангелы сердцемъ и наружностію. Народъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ, какъ милостиво они разговаривали съ чиновниками, купцами и даже самыми нищими; какъ они принимали отъ нихъ хлѣбъ и соль и звали всѣхъ обѣдать къ царю. Однимъ словомъ, Борисъ старался самыми лестными угожденіями истребить въ народѣ малѣйшее воспоминаніе о несчастной кончинѣ

маленькаго царевича Димитрія. Старанія его имѣли полный успѣхъ, особенно въ первые два года его царствованія. Годы эти были самые блестящіе. Усмиреніе крымскаго хана, совершенное покореніе Сибири и истребленіе Кучума и всѣхъ приверженцевъ его, выгодный миръ съ Швеціею, Даніею, Польшею; любовь Бориса къ наукамъ, его старанія о просвѣщеніи подданныхъ, его справедливость, трудолюбіе, примѣрная нѣжность къ семейству и особенно къ сыну, въ которомъ онъ готовилъ достойнаго наслѣдника престола,—все это вмѣстѣ такъ радовало всѣхъ русскихъ, такъ увѣряло ихъ въ добротѣ сердца государя, что они совсѣмъ забыли о прежнихъ слухахъ, носившихся насчетъ Бориса, или, лучше сказать, они не вѣрили имъ и всею душою, всѣмъ пламеннымъ сердцемъ своимъ любили милостиваго, добродѣтельнаго по наружности Годунова, никакъ не думая, чтобы онъ могъ быть убійцею законнаго царя ихъ!

МУЧИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ УБІЙЦЫ.

отъ 1600 до 1603 года.

(3 года).

Такъ могли ошибаться люди; такъ Борисъ могъ скрыть отъ *нихъ* преступленіе свое; но могло ли оно утаиться отъ Бога, видящаго малѣйшія помышленія наши? О! конечно, нѣтъ; совѣсть напоминала ему объ этомъ каждый часъ его жизни и никакая слава, никакія удовольствія не могли заглушить ея страшнаго голоса, или, лучше сказать, никакое счастіе земное не могло радовать сердце несчастнаго царя! Если иногда лицо его прояснялось при мысли о томъ прекрасномъ устройствѣ, въ которое приводилъ онъ всѣ части государства своего; если иногда онъ улыбался на нѣжныя ласки милыхъ дѣтей своихъ, — то эта ясность и эта улыбка походили на тѣ тусклые лучи солнца, которые иногда, передъ бурею, прорываются на одну минуту сквозь темныя тучи и тотчасъ опять исчезаютъ, оставивъ небо еще мрачнѣе, землю — еще печальнѣе.

Какъ вѣрно представилъ Пушкинъ это безотрадное состояніе сердца несчастнаго царя! Въ одномъ мѣстѣ трагедіи его, о которой мы уже упоминали, онъ говоритъ такъ:

«Достигъ я высшей власти,
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ...
. . . .
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ!...

И потомъ, исчисливъ всѣ горести, какія переносилъ онъ на престолѣ, восклицаетъ:

«Ахъ! чувствую, ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить:
Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть.
Такъ здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ.
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста!

Мучительно такое состояніе души для всякаго человѣка, еще мучительнѣе оно было для царя! Каждую минуту Борисъ боялся, чтобы кто нибудь не прочелъ на лицѣ его страшную тайну, и для того старался видѣть какъ можно менѣе людей, пересталъ показываться народу запросто, но всегда съ такою пышностію, которая никого не допускала подходить къ нему близко; часто давалъ для народа обѣды; для вельможъ — пиры, и такіе богатые, какихъ русскіе не видали ни при одномъ изъ прежнихъ государей. Все это бѣдный царь дѣлалъ для того, чтобы развеселить тайную грусть свою, чтобы хотя ненадолго разсѣять мрачное безпокойство души своей. Праздники Годунова были такъ великолѣпны и такъ хорошо показывали нравы и обычаи его времени, что мнѣ хочется дать нѣкоторое по-

нятіе о нихъ моимъ читателямъ. Мы выберемъ для того случай самый любопытный: пріѣздъ въ Москву жениха царевны Ксеніи, датскаго принца *Іоанна*.

Современники съ удивленіемъ говорили о красотѣ дочери Годунова: она такъ восхищала предковъ нашихъ, что въ исторіи есть даже описаніе ея наружности. Послушайте, какъ одинъ изъ писателей ихъ говоритъ о ней: «Царевна Ксенія, отроковица чюднаго домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалости слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣльною блисташе, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію обліянна, возрастомъ ни высока, ни низка; власы имѣя черные велики, аки трубы по плечамъ лежащу: во истину во всѣхъ женахъ благочиннѣйша и писанію книжному искусна: гласы воспѣваемые любляше и пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше».

Надѣюсь, что изъ этого описанія вы поймете, что прекрасная царевна была роста средняго, тѣломъ полна и стройна; имѣла молочную бѣлизну, волосы черные, лежавшіе локонами по плечамъ, лицо свѣжее, румяное, глаза большіе, черные, которые дѣлались еще прелестнѣе, когда въ нихъ блистали слезы жалости; что она изъ всѣхъ женщинъ была самою скромною: плѣняла всѣхъ не одною красотою, но и умомъ образованнымъ; любила читать книги и пѣть пѣсни духовныя.

Для такой доброй, умной и прелестной дочери не трудно было царю русскому найти жениха. Датскій принцъ согласился оставить для нея отечество и быть удѣльнымъ княземъ Россіи. Борисъ умѣлъ цѣнить такую жертву, и еще не видавъ Іоанна, уже любилъ его какъ сына.

10-го августа 1602 года женихъ пріѣхалъ на адмиральскомъ кораблѣ къ устью рѣки Наровы, гдѣ начиналась граница русская. При громѣ пушекъ онъ ступилъ на нее и присланные навстрѣчу къ нему бояре *Салтыковъ* и *Власьевъ* ввели его въ богатый шатеръ и поднесли въ подарокъ отъ имени царя восемьдесятъ самыхъ дорогихъ соболей. Во все продолженіе пути до Москвы знаменитый гость почти каждый день получалъ новые дары

отъ будущаго тестя: царь безпрестанно посылалъ ему то шапки, низанныя жемчугомъ, то поясы и кушаки драгоцѣнные, то золотыя цѣпи, то сабли съ бирюзою и яхонтами. Для спокойствія герцога приказано было везти его тихо, такъ что, рѣдко дѣлая болѣе тридцати верстъ въ день, онъ не прежде 19-го сентября въѣхалъ въ Москву.

Въ этотъ день Москва представляла пріятную и веселую картину. Надобно сказать вамъ, милые читатели, что русская столица была въ это время гораздо красивѣе, нежели прежде. Царь Борисъ любилъ украшать ее новыми зданіями и безпрестанно что нибудь строилъ въ Кремлѣ. И теперь еще существуетъ въ Москвѣ огромный памятникъ его царствованія: колокольня Ивана Великаго, конченная въ 1600 году. Домы боярскіе строились также гораздо лучше, нежели прежде; они были уже всѣ изъ сосноваго лѣса, въ два или три этажа, съ большими крыльцами, съ досчатыми свислыми кровлями, а на дворахъ были лѣтнія спальни и каменныя кладовыя. Улицы были вымощены деревомъ; но ужъ, конечно, маленькіе читатели мои догадаются, что эта мостовая вовсе не походила на тотъ гладкій паркетъ, который такъ красиво стелется у насъ по Невскому проспекту. Нѣтъ! тогдашняя мостовая московская была сдѣлана просто изъ досокъ; предки наши были рады и тому: по крайней мѣрѣ теперь имъ можно было не бояться грязи. Но возвратимся къ встрѣчѣ важнаго гостя Москвы—герцога датскаго.

Между тѣмъ какъ народъ съ ранняго утра толпился по улицамъ, чиновники военные и гражданскіе и купечество поѣхали встрѣтить герцога за нѣсколько верстъ отъ города въ полѣ. Онъ ласково выслушалъ рѣчь бояръ, сѣлъ на лошадь и тихо ѣхалъ посреди ихъ, потомъ еще тише по городу, какъ будто для того, чтобы дать полюбоваться собою народу: Іоаннъ былъ красавецъ. Во всѣхъ церквахъ звонили колокола и всѣхъ громче раздавался звонъ кремлевскаго, который употреблялся только въ важныхъ случаяхъ. Въ этотъ день герцогъ еще не представлялся Борису, но поѣхалъ прямо въ назначенный для него домъ. Сюда прислали ему царскій обѣдъ. Какъ вы думаете, друзья мои, сколько кушаньевъ принесли къ нему? Не менѣе *ста*,

и всѣ они положены были на золотыхъ блюдахъ съ такими же крышками. У царя Бориса было иногда и по *двѣсти* кушаньевъ за обѣдомъ. Кажется трудно придумать столько разныхъ блюдъ, но хлѣбосольные предки наши, любя сытно покушать, не затруднялись въ этомъ случаѣ: они дѣлали изъ каждаго блюда нѣсколько различныхъ приготовленій; напримѣръ у нихъ были: и *куря тушеное*, и *куря въ рѣпѣ*, и *куря въ лапшѣ; тетеревъ съ шафраномъ* и *тетеревъ съ сливами; уха куричья шафранная* и *уха куричья черная*, и *уха куричья бѣлая*. Изъ одного журавля дѣлали восемь блюдъ. изъ лебедя—столько же; а пирогамъ, короваямъ и блинамъ такъ счета не было! Кажется это были любимыя ихъ кушанья. Изъ напитковъ же болѣе всего былъ въ употребленіи медъ; его дѣлали изъ разныхъ ягодъ и очень неумѣренно пили за столомъ! Вотъ этихъ разныхъ медовъ принесли къ герцогу болѣе семидесяти ведеръ. Кромѣ того, было много разныхъ винъ иностранныхъ. И все это для одного обѣда! Іоаннъ удивлялся такому пышному угощенію, но удивился еще болѣе богатству русскихъ, чрезъ недѣлю, въ день своего представленія, когда онъ обѣдалъ у царя, въ Грановитой палатѣ, за серебрянымъ столомъ. Борисъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, подъ висѣвшей надъ нимъ короною съ боевыми часами. Послѣ обѣда поднесли принцу дорогіе подарки. Но онъ все еще не видѣлъ невѣсты: у предковъ нашихъ не было обыкновенія показывать дѣвицу жениху прежде, нежели родители совершенно кончатъ всѣ условія. До обрученія и свадьбы все семейство царское ѣздило въ Троицкую лавру помолиться Богу о счастіи Ксеніи. Обрядъ этого выѣзда очень любопытенъ. Если вамъ, дѣти, хочется знать—походилъ ли онъ на наши нынѣшнія церемоніи, то вы можете сдѣлать это сравненіе: я разскажу вамъ, какъ говорили о немъ очевидцы. Слушайте.

«Впереди всѣхъ ѣхали шестьсотъ человѣкъ верхомъ и двадцать пять лошадей, всѣ въ золотѣ и серебрѣ; за ними двѣ кареты: пустая, царевича, обитая краснымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ государь, обѣ въ шесть лошадей: около первой ѣхали верховые, около второй шли придворные чиновники. Далѣе ѣхалъ верхомъ

молодой царевичъ, лошадь его вели знатные бояре. Чрезъ полчаса выѣхала царица въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла царевна: первую везли десять бѣлыхъ лошадей; вторую—восемь. Впереди сорокъ лошадей и дружина престарѣлыхъ вершниковъ, съ длинными бородами; сзади двадцать четыре боярыни на бѣлыхъ лошадяхъ. Шляпы боярынь украшались золотыми пуговицами и кистями, висѣвшими до плечъ, а сапожки на всѣхъ были желтые. Вокругъ шли триста приставовъ съ жезлами».

Видите ли, милые читатели, какая пышность всегда окружала Бориса! Какъ онъ старался какъ будто отдалять ею отъ себя людей, какъ будто заглушать шумомъ и блескомъ ея безпокойство своей виновной совѣсти. Но это не помогло, и несчастіе, казалось, и въ здѣшнемъ мірѣ уже преслѣдовало тайнаго убійцу и семейство его. Милая, невинная Ксенія лишилась жениха своего прежде, нежели возвратилась изъ Троицкой лавры: Іоаннъ вдругъ занемогъ и чрезъ недѣлю скончался. Это былъ добрый принцъ, обѣщавшій много хорошаго той землѣ, которую уже называлъ вторымъ отечествомъ своимъ. Годуновъ непритворно плакалъ о немъ; въ то же время онъ плакалъ и о преступленіи своемъ: ему казалось, что уже наказаніе его началось и что вмѣстѣ съ нимъ будетъ страдать все невинное семейство его.

Отъ такой мысли сердце его сдѣлалось еще безпокойнѣе, думы—мрачнѣе. Безпрестанно казалось ему, что тайное убійство его открыто; безпрестанно слышалось ему страшное имя *Димитрія!...* Вездѣ представлялась ему измѣна, во всѣхъ боярахъ думалъ онъ видѣть хитрыхъ обманщиковъ, замышлявшихъ противъ него заговоры. Разумѣется, что при такомъ расположеніи подозрительнѣе всѣхъ казались ему ближайшіе родственники прежняго царскаго дома—*Романовы*. Кромѣ этого священнаго права на любовь и уваженіе всѣхъ русскихъ, Романовы отличались своими добродѣтелями, своею привязанностію къ отечеству, своимъ усердіемъ къ пользѣ народа. Могли ли всѣ эти достоинства ближайшихъ родственниковъ св. Димитрія не внушать страха похитителю престола? Онъ почувствовалъ этотъ страхъ въ полной мѣрѣ и несчастія, одно за дру-

гимъ, поражали знаменитыхъ предковъ нынѣшнихъ государей нашихъ. Но чтобы погубить ихъ, надобно было выдумать какой нибудь предлогъ. Это не остановило Бориса: клеветниковъ было у него довольно. Родственникъ и любимецъ его Семенъ Годуновъ тотчасъ придумалъ средство: онъ подкупилъ казначея Романовыхъ, далъ ему нѣсколько мѣшковъ съ кореньями, велѣлъ спрятать ихъ въ кладовой господъ своихъ и донести на нихъ, что они занимаются составленіемъ яда и хотятъ отравить царя. Низкая хитрость удалась: страшное преступленіе, взведенное на Романовыхъ, встревожило и духовенство, и всѣхъ знатнѣйшихъ чиновниковъ, и никто не противился, когда осужденныхъ взяли подъ крѣпкую стражу и велѣли судить. Не смотря на то, что при самомъ строгомъ судѣ, при самыхъ ужасныхъ пыткахъ, никого не нашли виновнымъ,— несчастные погибли по одному доносу, а Бориса назвали *неслыханно-милосердымъ*, когда онъ осудилъ Романовыхъ и всѣхъ родственниковъ ихъ — не на смерть, а на одну ссылку и заключеніе. Вотъ сколько жертвъ принесъ Годуновъ своему страху.

Старшаго изъ Романовыхъ, боярина Ѳеодора Никитича, постригли, назвали *Филаретомъ* и сослали въ Сійскій Антоніевскій монастырь, находившійся въ Архангельской области; супругу его Ксенію, также постриженную и названную *Мареою* — въ одну изъ деревень Заонежскихъ; брата его, втораго Романова — *Александра Никитича* — въ Усолье, къ Бѣлому морю; третьяго — *Михаила* — въ Великую Пермь, въ село Ныробъ; четвертаго — *Ивана* — въ Пелымъ; пятаго и послѣдняго — *Василія* — въ Яренскъ; зятя ихъ князя черкасскаго, съ женою и порученными ей дѣтьми ея брата Ѳеодора Никитича, шестилѣтнимъ сыномъ *Михаиломъ* и маленькою сестрою его — на Бѣлоозеро. Всѣ ихъ богатыя помѣстья роздали другимъ вельможамъ, всѣ домы, драгоцѣнности и деньги взяли въ казну.

Избавивъ себя такимъ образомъ отъ людей, казавшихся для него самыми опасными, Борисъ думалъ успокоиться, думалъ освободиться отъ всякаго страха и наконецъ насладиться счастіемъ, какъ вдругъ новая гроза загремѣла надъ головой его! Случилось то, о чемъ не думалъ убійца

и въ самомъ величайшемъ страхѣ своемъ; что̀ было для него ужаснѣе всѣхъ прежнихъ опасностей, что̀ поразило его почти смертельнымъ ужасомъ: разнеслась вѣсть, что̀ царевичъ Димитрій, что святый младенецъ, убитый въ Угличѣ,—живъ!...

САМОЗВАНЕЦЪ.

отъ 1603 до 1605 года.

(2 года).

Къ несчастію, эта вѣсть была несправедлива; это былъ ужаснѣйшій обманъ, какой когда либо могъ прійти въ голову человѣка безсовѣстнаго и безбожнаго! Прочитайте разсказъ объ этомъ, почти невѣроятномъ происшествіи, и подивитесь, какими безчисленными несчастіями, какимъ горькимъ униженіемъ угодно было Богу довести отечество наше до нынѣшняго величія его!

Въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, жилъ старый монахъ, бывшій прежде бояриномъ — *Замятня-Отрепьевъ.* Видно было, что несчастія заставили бѣднаго старика постричься: лицо его было всегда печально, и правду сказать, недаромъ печалился Замятня. У него было только два сына и тѣ оба умерли въ молодыхъ лѣтахъ. У одного изъ нихъ Богдана, служившаго сотникомъ въ стрѣльцахъ, осталась жена и маленькій сынъ *Юрій,* или какъ запросто звали его—*Юшка.* Мальчикъ былъ уменъ, но золъ, непослушенъ, упрямъ, такъ что бѣдная мать, которая была, впрочемъ, умная женщина и сама учила его грамотѣ, часто не знала, что дѣлать съ негоднымъ шалуномъ. Она жаловалась дѣдушкѣ; но Юрій не боялся и дѣдушки! Старикъ горевалъ вмѣстѣ съ невѣсткою и утѣшалъ ее тѣмъ, что когда Юша выростетъ постарше, то будетъ умнѣе и добрѣе. Но не тутъ-то было! Какъ скоро Юрій научился хорошо читать часовникъ и псалтирь,—а это почиталось въ то время большою ученостью,—то и ушелъ отъ матери и опредѣлился въ службу знаменитаго дома Романовыхъ, когда еще

онъ былъ въ полномъ блескѣ своего счастія. Здѣсь насмотрѣлся она на первыхъ вельможъ государства, полюбилъ богатство, окружавшее ихъ, и, завидуя ему, началъ жестоко досадовать на бѣдность свою, не смотря на то, что не имѣлъ еще и четырнадцати лѣтъ отъ роду. Хитрый мальчикъ принялся съ того времени искать всѣхъ средствъ разбогатѣть и вести жизнь спокойнѣе и пріятнѣе той, какую онъ велъ въ домѣ благодѣтелей своихъ, и въ одно утро вдругъ исчезъ, не сказавъ ни имъ, ни дѣду и ни матери своей о томъ, куда онъ отправился. Не прежде какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ услышали, что постригся въ монахи, названъ *Григорьемъ* и живетъ въ суздальскомъ Ефимьевскомъ монастырѣ. Родные его радовались такому извѣстію и надѣялись, что примѣръ святой жизни служителей Божіихъ и ихъ благочестивыя наставленія сдѣлаютъ наконецъ изъ непокорнаго шалуна — человѣка добраго и богобоязненнаго. Но Григорій не о томъ думалъ: не прошло года, какъ онъ былъ уже въ другомъ монастырѣ, потомъ въ третьемъ, такъ что въ три или четыре года онъ пережилъ въ нѣсколькихъ и, наконецъ, явился въ Чудовъ монастырь въ келію дѣда своего Замятни. Старикъ обрадовался, увидѣвъ внука. Это былъ уже не злой шалунъ, дерзкій со всѣми, но умный молодой монахъ съ самою скромною наружностію, съ самымъ тихимъ нравомъ, съ самымъ лучшимъ образованіемъ того времени. Григорій научился уже скрывать свои пороки и показывать хорошія способности, которыми природа щедро надѣлила его. Въ короткое время онъ сдѣлался извѣстенъ патріарху: Іовъ такъ полюбилъ его, что посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для переписки и занятія *книжнымъ дѣломъ*. Надобно сказать вамъ, что Григорій славился не только тѣмъ, что умѣлъ лучше всѣхъ списывать, но даже и сочинять молитвы и духовныя пѣсни святымъ. Сдѣлавшись почти необходимымъ для патріарха, онъ былъ съ нимъ часто и во дворцѣ; тамъ завистливый діаконъ увидѣлъ величіе и пышность царей и плѣнился ими болѣе, нежели нѣкогда въ домѣ Романовыхъ знаменитостію и богатствомъ бояръ. Удачно исполнивъ прежнее желаніе свое и сдѣлавшись изъ бѣднаго мальчика важнымъ человѣкомъ при патріархѣ, дерзкій Григо-

рій вообразилъ, что для него нѣтъ ничего невозможнаго, вообразилъ, что онъ можетъ сдѣлаться царемъ! Вмѣсто того, чтобы испугаться такой преступной мысли и помолиться Богу о прощеніи грѣха своего, несчастный оправдывалъ себя разсужденіями о томъ, что онъ хотѣлъ бы отнять престолъ не отъ настоящаго государя, но отъ убійцы его [1]); онъ думалъ даже, что Богъ избралъ его для наказанія Бориса. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе занимался онъ своими дерзкими намѣреніями и, наконецъ, уже началъ въ шутку говорить чудовскимъ монахамъ: «Знаете ли, что я буду царемъ въ Москвѣ?» Почти всѣ, слыша это, смѣялись, называли его безстыднымъ лгуномъ и разсказывали другъ другу о глупыхъ шуткахъ монаха Григорья. Слухъ о нихъ дошелъ чрезъ митрополита до самого царя, который тотчасъ же приказалъ отправить Григорія, какъ безумнаго, въ Соловецкій монастырь. Это приказаніе отдали такому чиновнику, который былъ въ родствѣ съ Отрепьевымъ, и потому Григорій былъ уже далеко отъ Чудова монастыря, прежде нежели вздумали искать его.

Въ то набожное время монахи принимаемы были вездѣ хорошо и потому Отрепьеву не трудно было уйти очень далеко отъ Москвы. Но съ его намѣреніемъ, ужаснымъ для Россіи, не нужно было идти далѣе Литвы; тамъ всегда были люди, готовые вредить нашему отечеству. Итакъ, будущій самозванецъ отправился прямо въ Кіевъ и тамъ искусно распустилъ слухъ, что царевичъ Димитрій былъ спасенъ отъ смерти однимъ изъ преданныхъ служителей своихъ и скрывается въ Литвѣ. Готовясь скоро приступить къ исполненію своего дерзкаго намѣренія и еще чувствуя необходимость много учиться, чтобы походить на сына царскаго, Отрепьевъ снялъ съ себя монашеское платье [2]) и въ легкомъ нарядѣ казака отправился учиться военному искусству. У кого же вы думаете, милые читатели? У запорожскихъ казаковъ, или, лучше сказать, у разбойниковъ, жившихъ грабежемъ по берегамъ Днѣпра. Изъ этой шайки

---

[1]) Отрепьевъ, бродя по разнымъ городамъ и монастырямъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ Угличѣ, и потому имѣлъ случай слышать самыя вѣрныя подробности убіенія царевича Димитрія и зналъ убійцу его.

[2]) По этой причинѣ звали его *Разстригою.*

онъ перешелъ въ школу волынскаго городка Гащи и тамъ учился языкамъ польскому и латинскому. Имѣя необыкновенныя способности, онъ скоро успѣлъ и въ этихъ познаніяхъ, и тогда уже — совсѣмъ готовый на свое дерзкое дѣло — явился на службу къ одному изъ знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ, князю Адаму *Вишневецкому*. Добившись притворнымъ усердіемъ благорасположенія гордаго пана, сильнаго своимъ богатствомъ, но не дальновиднаго умомъ, самозванецъ, съ величайшею тайною, открываетъ ему, что онъ сынъ Іоанна IV, царевичъ Димитрій, почитаемый всѣми давно умершимъ, но спасенный отъ смерти вѣрнымъ докторомъ своимъ; что злодѣи, присланные Борисомъ, умертвили сына какого-то священника, а Димитрія добрые вельможи отправили въ Литву, гдѣ онъ и воспитывался. Простодушный Вишневецкій повѣрилъ этой сказкѣ; ему пріятно было видѣть прежняго слугу своего — царевичемъ; ему лестно было благодѣтельствовать этому царевичу, и какъ для славы люди часто рѣшаются на дѣла самыя трудныя, то и гордый князь польскій рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить русскій престолъ законному наслѣднику Іоанна IV. Онъ сказалъ объ этомъ намѣреніи брату своему князю Константину Вишневецкому и тестю его, воеводѣ сендомирскому Юрію *Мнишекъ*. Они оба были согласны съ великодушіемъ своего родственника; послѣдній показалъ вскорѣ особенное усердіе въ этомъ дѣлѣ и вотъ почему.

У него была прекрасная дочь. Марину называли всѣ гордою красавицею, потому что она отказывала всѣмъ женихамъ, которые до сихъ поръ искали руки ея. Отецъ называлъ отказы ея упрямствомъ, но не принуждалъ ее, думая, что еще не явился человѣкъ, который бы ей нравился. Но какъ же онъ доволенъ былъ этимъ въ ту минуту, когда въ домѣ его показался будущій царь Россіи. Какая радость видѣть дочь свою царицею! О такомъ блаженствѣ никогда и не снилось старому воеводѣ! Въ томъ, что Марина понравится царевичу, Мнишекъ и не сомнѣвался: она такъ прекрасна, такъ ловка, такъ хитра. Къ тому же ей и самой такъ хочется быть царицею, что она вѣрно постарается ему понравиться. Старикъ не ошибся: не смотря на свою очень непривлекательную наружность,

обманщикъ, котораго мы будемъ называть теперь, какъ зовутъ его въ исторіи, *Лжедимитрій*, понравился гордой Маринѣ, какъ скоро она узнала знаменитое происхожденіе его, а низкій разстрига не могъ быть разборчивымъ: онъ любилъ бы прелестную княжну польскую и тогда, когда бы она и совсѣмъ не была хороша, потому что ему нужна была помощь ея родственниковъ.

Итакъ, все шло по желанію хитреца: Вишневецкіе и Мнишекъ усердно старались доставить ложному царевичу помощь короля своего Сигизмунда, который проводилъ большую часть своего времени въ молитвахъ и во всемъ повиновался католическимъ монахамъ и послу папскому. Лжедимитрій зналъ это и заранѣе подружился съ ними, обѣщалъ имъ не только самъ креститься, но и крестить весь народъ русскій въ вѣру латинскую, если они помогутъ ему взойти на престолъ. Папа всегда очень желалъ соединить римскую церковь съ греческою и потому посолъ его чрезвычайно обрадовался, когда мнимый царевичъ сдѣлалъ ему такое предложеніе, и вмѣстѣ съ монахами и Вишневецкими началъ просить короля принять подъ свое покровительство несчастнаго сына государя знаменитаго и дать ему войско, съ которымъ бы онъ могъ завоевать свое наслѣдство. Сигизмунда не нужно было долго уговаривать, да и щедрый царевичъ не хотѣлъ пользоваться даромъ его помощію: онъ отдавалъ Польшѣ нѣсколько уѣздовъ княжества Сѣверскаго и, кромѣ того, дарилъ тестю своему, Мнишеку, княжество Смоленское, а прекрасной невѣстѣ—двѣ великія области: Новгородскую и Псковскую.

Между тѣмъ какъ польскій король и паны его съ папскимъ посланникомъ рѣшаютъ судьбу нашего бѣднаго отечества и, собирая войско, уже заранѣе радуются тому ужасу, какой они наведутъ на Россію, посмотримъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ, гдѣ мы оставили царя въ неописанномъ страхѣ отъ одного имени *Димитрія*. Какъ онъ ни увѣренъ былъ, что это обманщикъ и что истинный царевичъ спитъ сномъ непробуднымъ, но страхъ все-таки не уменьшался. И могъ ли онъ уменьшиться? Это былъ страхъ виновной совѣсти, которая говорила ему, что настала минута наказанія Божія за ужасный грѣхъ его! Какъ

скоро эта мысль представилась встревоженному уму Бориса, послѣднее мужество его исчезло, и вмѣсто того, чтобы скорѣе собрать войско и идти навстрѣчу самозванца, уже вступившаго на границы русскія 16 октября 1604 года, несчастный царь въ уныніи, въ мучительной тоскѣ грѣшника, отчаявался и дѣйствовалъ такъ слабо, что въ прежнихъ многочисленныхъ полкахъ русскихъ едва собралось до 50,000 человѣкъ! И тѣ всѣ шли неохотно. Состояніе царя явно показывало вину его: смотря на его робость, на его блѣдное, унылое лицо, народъ удостовѣрился въ истинѣ разглашаемаго слуха, что онъ точно убійца Димитрія, котораго Богъ чудесно спасъ отъ смерти и теперь возвращаетъ отечеству. Съ такими чувствами могло ли и войско усердно защищать Бориса и сражаться съ тѣмъ, кого считало истиннымъ сыномъ царей своихъ. Напротивъ того, и оно, и весь народъ готовы были съ радостію встрѣтить его и посадить на престолъ. Самозванецъ зналъ это расположеніе и умѣлъ воспользоваться имъ. При самомъ вступленіи его въ отечество наше съ поляками и преданными ему запорожскими казаками, онъ посылалъ граматы къ народу русскому, какъ настоящій государь его, напоминалъ ему присягу, данную Іоанну IV, просилъ его оставить похитителя престола и служить царю законному. Это объявленіе или манифестъ его такъ подѣйствовалъ, что уже не одна чернь, но и всѣ жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ проходилъ, покорялись ему какъ настоящему царевичу. Спустя мѣсяцъ послѣ появленія его въ въ Россіи, ему принадлежали уже города: Моравскъ, Черниговъ, Рыльскъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ, однимъ словомъ, всѣ области до Новгорода-Сѣверскаго. Здѣсь только встрѣтилъ онъ сопротивленіе отъ одного воеводы, оставшагося вѣрнымъ Борису—*Петра Басманова*. Но вѣрность и усердіе одного человѣка не могли спасти цѣлаго царства. Годуновъ видѣлъ погибель свою въ безпрестанныхъ измѣнахъ, о которыхъ доносили ему, чувствовалъ ее въ каждомъ убійственномъ упрекѣ совѣсти и, будучи не въ состояніи переносить долѣе страданій своихъ, скончался скоропостижно 13 апрѣля 1605 года.

Въ то время измѣна еще не дошла до Москвы и древняя столица, исполняя долгъ свой, присягнула въ вѣрности сыну скончавшагося царя шестнадцати-лѣтнему Ѳеодору. Но непродолжительно было царствованіе этого несчастнаго государя: чрезъ шесть недѣль его уже не было на престолѣ! И какъ вы думаете, милые читатели, кто такъ ускорилъ паденіе всего дома Годуновыхъ и торжество самозванца? Трудно повѣрить, но это была правда: тотъ же самый Петръ Басмановъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ такъ блистательно показалъ предъ всею Россіею свою вѣрность и благородство! Борисъ не зналъ въ то время, какъ выразить ему свою благодарность: возвысилъ его въ санѣ, дарилъ помѣстьями и, кромѣ того, изъ своихъ рукъ далъ ему золотое блюдо, полное червонцевъ, и двѣ тысячи [1]) рублей серебромъ. Ѳеодоръ, получившій отъ умнаго отца лучшее образованіе по тому вѣку, заботился съ первыхъ дней своего царствованія о томъ, чтобы въ такое опасное время дать войску искуснаго и вѣрнаго воеводу и, по совѣту матери и опытныхъ бояръ, не могъ выбрать никого лучше Басманова. Умилительно было видѣть и слышать, какъ молодой государь, прекрасный и невинный какъ ангелъ, отправляя новаго воеводу къ войску, съ слезами на глазахъ сказалъ ему: «Служи намъ, какъ ты служилъ отцу моему». Казалось Басмановъ еще не думалъ объ измѣнѣ въ эту торжественную минуту, потому что съ пламеннымъ усердіемъ далъ клятву Ѳеодору умереть за него; но чрезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда своего къ войску склонилъ его къ измѣнѣ и самъ присягнулъ самозванцу. Причина такого низкаго поступка перваго воеводы того времени непонятна: онъ очень хорошо зналъ, что подъ именемъ Димитрія скрывался обманщикъ, и развѣ только одно безчестное желаніе пользоваться неограниченною милостію самозванца заставило Басманова, до сихъ поръ вѣрнаго подданнаго Годуновыхъ, сдѣлаться измѣнникомъ. Но эта измѣна рѣшила судьбу дерзкаго разстриги: какъ скоро герой Новгорода-Сѣверскаго, никакъ не хотѣвшій прежде покориться самозванцу, назвалъ

---

[1]) Тогдашніе 2,000 составляли нынѣшнихъ 100,000 рублей серебряныхъ.

его государемъ своимъ, сомнѣнія исчезли: все войско, весь народъ, однимъ словомъ, вся Россія увидѣла въ немъ истиннаго сына Іоанна IV и вездѣ раздались радостные крики: «Да здравствуетъ отецъ нашъ, государь Димитрій Іоанновичъ!»

Съ этимъ восклицаніемъ шумныя толпы народа ворвались 1-го іюня во дворецъ московскій и съ проклятіями вывели оттуда несчастнаго Өеодора, мать и сестру его. Бѣдная царица молила только о жизни милыхъ дѣтей ея. Народъ, всегда склонный къ жалости, согласился на просьбы ея и несчастное семейство отвезено было въ прежній собственный домъ Борисовъ; но Лжедимитрій и Басмановъ, и другіе достойные служители обманщика не знали жалости — и 10-го іюня пріѣхали въ Москву чиновники съ повелѣніемъ умертвить все семейство Бориса, прежде нежели новый царь въѣдетъ въ столицу. Повелѣніе самозванца было исполнено въ тотъ же день, и несчастная царица и невинный сынъ ея удавлены!.. Необыкновенная красота Ксеніи остановила убійцъ: ее оставили живою, но постригли въ монахини.

Такъ ужасенъ былъ конецъ величія, для котораго властолюбивый Борисъ Годуновъ пролилъ святую кровь Димитрія; такъ явно было наказаніе Божіе надъ убійцею и всѣмъ семействомъ его!

Семейство царя Бориса Өеодоровича Годунова.

Супруга: Марія Григорьевна, дочь военачальника Малюты-Скуратова.

Дѣти ихъ: *Сынъ: Өеодоръ*, наслѣдовалъ послѣ отца, но былъ убитъ чрезъ шесть недѣль послѣ восшествія своего на престолъ.

Дочь: Ксенія, пострижена въ монахини.

ПОЛЯКИ ВЪ МОСКВѢ.

отъ 1605 до 1606 года.

(1 годъ).

Въ то время, какъ правосудіе Вѣчнаго истребляло весь родъ *одного* похитителя престола русскаго, *другой*, еще во всемъ блескѣ и счастіи, веселился въ Тулѣ. Тамошній дворецъ едва могъ помѣщать въ себѣ множество знатныхъ вельможъ и бояръ, пріѣзжавшихъ изъ всѣхъ городовъ Россіи съ поздравленіями къ царевичу. Во всей же Тулѣ собралось тогда болѣе 100,000 человѣкъ. Шумные крики народной радости раздавались на городскихъ улицахъ съ утра до вечера: русскіе думали, что давно оплаканный народомъ Димитрій воскресъ для счастія своихъ подданныхъ, и веселились отъ всей души. Самозванецъ старался увеличить веселье народа виномъ и притворнымъ участіемъ въ ихъ радости. Я говорю *притворнымъ*, потому что онъ никогда не любилъ русскихъ и во всякомъ случаѣ предпочиталъ имъ поляковъ. Впослѣдствіи времени это предпочтеніе было главною причиною его погибели, потому что поляки безсовѣстно имъ пользовались и оскорбляли русскихъ какъ хотѣли. Читателямъ моимъ, вѣрно, досадно будетъ узнать о томъ униженіи, какое терпѣли тогда бѣдные предки наши; но я напередъ скажу имъ, что оно будетъ непродолжительно, что русскіе отмстятъ за себя и что время счастія и славы ихъ уже близко! Вооружимся же терпѣніемъ, друзья мои, и съ твердостію прочтемъ еще нѣсколько разсказовъ о ихъ бѣдствіяхъ. Самыми тягостными были тѣ, которыя ожидали ихъ тогда въ Москвѣ, куда уже отправился подъ драгоцѣннымъ именемъ святого младенца—бродяга, болѣе презрительный, нежели послѣдній изъ его подданныхъ.

26-го іюня 1605 года—чрезъ десять дней послѣ убіенія молодого Ѳеодора—самозванецъ въѣхалъ въ столицу. Этотъ въѣздъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ. Казалось, бѣглый діаконъ Чудова монастыря боялся, чтобы кто нибудь изъ московскихъ жителей не узналъ его и потому

старался скрыться подъ самымъ пышнымъ нарядомъ и окружить себя самою многочисленною свитою. Большую часть ея составляли не русскіе, но поляки, литовцы и нѣмцы. Польскіе литаврщики и трубачи, и литовскіе музыканты, ѣхавшіе впереди, заглушали даже пѣніе молебна, который служили на лобномъ мѣстѣ, гдѣ духовенство московское встрѣтило царя. Такое неуваженіе къ святынѣ, непривычное для русскихъ, огорчило ихъ, не смотря на общее веселье праздника. Бѣдные встревожились еще болѣе, когда вслѣдъ за царемъ и духовенствомъ вошли въ соборную церковь Успенія и всѣ иновѣрцы, поляки, венгерцы, нѣмцы и другіе: тогда еще не было въ обыкновеніи позволять иностранцамъ входить въ церковь, а допущеніе музыки казалось народу еще большимъ неприличіемъ. Съ ужасомъ подумали многіе: «Нашъ ли это благочестивый государь позволяетъ гремѣть музыкѣ во время молебна и впускаетъ въ церковь Божію некрещеныхъ! Видно, что онъ выросъ не на своей православной Руси, а у поляковъ!» Такъ разсуждали предки наши, смотря на самозванца въ первые дни его царствованія, когда поступки его еще не были слишкомъ безразсудны и онъ хотя нѣсколько старался угождать народу: дѣлалъ много милостей, возвратилъ изъ ссылки несчастныхъ бояръ, сосланныхъ Борисомъ, показалъ особенную благосклонность къ Романовымъ, какъ мнимымъ родственникамъ своимъ, назначилъ старшаго изъ нихъ Филарета—митрополитомъ ростовскимъ; удвоилъ жалованье чиновникамъ и войску; велѣлъ заплатить всѣ казенные долги Іоаннова царствованія; отмѣнилъ разныя пошлины. Но все это было только въ первые недѣли; послѣ же коронованія, 21 іюля, онъ уже пересталъ притворяться и явно занимался одними поляками. Будучи обязанъ Польшѣ своимъ величіемъ, онъ предпочтительно любилъ эту страну и, восхищаясь обычаями и учрежденіями ея, непремѣнно хотѣлъ ввести ихъ и у насъ. Прежде всего онъ началъ перемѣнять порядокъ нашей старинной боярской думы: приказалъ засѣдать въ ней, кромѣ патріарха, митрополитамъ и епископамъ, и назвалъ всѣхъ бояръ думы—*сенаторами*. Потомъ учредилъ новые придворные чины: великаго дворецкаго, великаго мечника, великаго

оружничаго, великаго сокольничаго, назвалъ дьяковъ—*великими секретарями.* Всѣ эти перемѣны ничего бы не значили, еслибы онъ перемѣнялъ на хорошее только то, что мы имѣли дурного и дѣлалъ бы это не унижая русскихъ; но дерзкій Отрепьевъ былъ не таковъ: онъ обижалъ подданныхъ своими насмѣшками, называлъ ихъ *невѣжами,* безпрестанно хвалилъ однихъ иностранцевъ. Смѣшнѣе всего казалась ему набожность русскихъ, которую онъ для извиненія своего называлъ суевѣріемъ и старался противорѣчить имъ на каждомъ шагу: напримѣръ, въ то время было обыкновеніе у царей нашихъ, чтобы передъ обѣдомъ священникъ благословилъ и окропилъ пищу святою водою; самозванецъ не велѣлъ дѣлать этого и садился за столъ не съ молитвою, а съ музыкою; далъ іезуитамъ, которыхъ русскіе называли *некрещеными,* лучшій домъ въ Кремлѣ и позволилъ имъ служить латинскую обѣдню. Кромѣ того, онъ былъ расточителенъ и такъ безразсудно сыпалъ деньги на всякія ненужныя вещи, что въ три мѣсяца издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей! Однимъ словомъ, добрый народъ, сначала съ радостію повѣрившій, что это истинный царевичъ Димитрій, началъ сомнѣваться, видя дѣла его и неуваженіе дерзкихъ поляковъ къ святынѣ. Вскорѣ нашлись люди, которые знали убѣжавшаго изъ Чудова монастыря діакона Григорія, и находили сходство между имъ и царемъ. Былъ еще человѣкъ, опаснѣе ихъ: князь Василій Ивановичъ Шуйскій, занимавшій главное мѣсто въ числѣ тѣхъ, которые ѣздили въ Угличъ для слѣдствія объ убіеніи царевича: онъ зналъ Димитрія живого, видѣлъ его мертваго и могъ присягнуть, что на тронѣ русскомъ сидѣлъ обманщикъ. Онъ говорилъ объ этомъ такъ громко, что вскорѣ слова его дошли до ушей перваго любимца Лжедимитріева—Басманова, и Шуйскій былъ взятъ подъ крѣпкую стражу, преданъ суду и приговоренъ къ смерти. Уже несчастный стоялъ на лобномъ мѣстѣ передъ палачемъ, уже голова его лежала на плахѣ, и народъ, любя всегда Шуйскихъ, происходившихъ отъ князя Андрея Ярославича, брата Невскаго, съ горестными слезами смотрѣлъ на него, какъ вдругъ раздался крикъ: *стой!* Царскій чиновникъ прискакалъ изъ Кремля и объявилъ прощеніе пре-

ступнику. Самозванецъ, вѣроятно, побоялся народнаго мятежа за смерть любимаго боярина, или уже, слыша о дурномъ расположенiи къ себѣ русскихъ, хотѣлъ удивить ихъ своимъ милосердiемъ,—какъ бы то ни было, но мнимый Димитрiй спасъ Шуйскаго на погибель свою.

Народъ, въ минуту объявленiя этой милости, былъ подлинно въ восхищенiи и славилъ царя; но чрезъ нѣсколько дней, когда восторгъ прошелъ, всѣ снова начали толковать о вѣроятности словъ князя Шуйскаго и о другихъ слухахъ, носившихся въ городѣ насчетъ бѣглаго Отрепьева. Мнимый царь, презирая своихъ подданныхъ, мало обращалъ вниманiя на толки ихъ и, выбравъ въ новые тѣлохранители свои триста нѣмцевъ подъ начальствомъ трехъ капитановъ: Маржерета, Кнутсена и Вандемана, почиталъ себя въ совершенной безопасности, безумно веселился съ своими поляками и въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправилъ пышное посольство за невѣстою.

Но Марина и отецъ ея не скоро выѣхали изъ Польши; гордые поляки, величаясь помощью, какую они подали царю русскому, не соглашались на обрученiе, пока онъ не прислалъ 200,000 злотыхъ на уплату долговъ воеводы Сендомирскаго; дары же, посланные невѣстѣ, стоили 800,000 рублей [1]), кромѣ той безчисленной суммы, которая была издержана на путешествiе Марины и ея свиты до Москвы.

Это путешествiе было единственное въ то время по своей блистательной пышности, и едва ли какая нибудь истинно царская невѣста ѣхала къ жениху своему съ такимъ великолѣпiемъ, какъ эта гордая полька къ своему мнимому царю-жениху.

Свита воеводы Сендомирскаго состояла изъ двухъ тысячъ человѣкъ и такого же числа лошадей. Невѣста ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Отъ мѣстечка *Краснаго* повезли ее въ великолѣпныхъ саняхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ и запряженныхъ двѣнадцатью бѣлыми лошадьми; кучера были въ парчевой одеждѣ и въ черныхъ лисьяхъ шапкахъ. Во всѣхъ селенiяхъ встрѣчали ее съ хлѣбомъ и солью; въ городахъ—съ драгоцѣнными дарами.

---

[1]) 4,000,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ.

2-го мая 1606 года Марина пріѣхала въ Москву. У городской заставы встрѣтили ее дворянство и войско. Еще не въѣзжая въ городъ, невѣста пересѣла въ колесницу съ серебряными орлами, запряженную въ десять пѣгихъ лошадей. Музыка раздавалась во всѣхъ сторонахъ. Звонъ колоколовъ, бой барабановъ, пальба изъ пушекъ оглушали всѣхъ москвитянъ. Для нихъ странно и непріятно было видѣть, что духовенство не встрѣчало царскую невѣсту: она была католичка, и самозванецъ, намѣреваясь и всѣхъ подданныхъ своихъ сдѣлать католиками, не требовалъ, чтобы она крестилась. Безразсудный не думалъ, какое негодованіе онъ возбуждалъ такими поступками въ народѣ, который всегда былъ чрезвычайно привязанъ къ вѣрѣ своей и никогда не имѣлъ еще царицею — иновѣрку [1]). Безсовѣстный обманщикъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ почтилъ невѣсту свою такою честію, какой не имѣли и самыя лучшія и добродѣтельныя царицы: короновалъ Марину, эту простую дворянку польскую, вѣнцомъ Мономаха! На нее надѣли, какъ на царей русскихъ, животворящій крестъ, бармы и цѣпь Владиміра, помазали мνромъ и причастили!

Эта послѣдняя дерзость совершенно обнаружила царя: всѣ увидѣли, что онъ не можетъ быть истиннымъ Димитріемъ, и въ то время, когда самые шумные свадебные праздники одинъ за другимъ смѣнялись при дворѣ, когда гордые паны польскіе, вездѣ занимая первое мѣсто, веселились униженіемъ народа, всегда для нихъ ненавистнаго, и надѣялись, по милости хитрой Марины и ея услужливаго супруга скоро завладѣть всею Россіею, русскіе, по наружности спокойные и равнодушные, но въ душѣ встревоженные и оскорбленные, тайно совѣтовались о средствахъ спасти святую вѣру и милое отечество.

---

[1]) Если нѣкоторые великіе князья и были женаты на дочеряхъ хановъ, то всѣ такія невѣсты прежде вѣнчанія крестились въ вѣру греческую.

СМЕРТЬ САМОЗВАНЦА.

1606 годъ.

Эти совѣщанія происходили въ домѣ того, кто первый имѣлъ смѣлость назвать Димитрія обманщикомъ, кто пострадалъ ужасно за эту смѣлость, и хотя потомъ былъ помилованъ, но сохранилъ въ душѣ жестокое воспоминаніе о минутѣ грозившей ему казни,—въ домѣ князя Василія Ивановича Шуйскаго. Зная лучше всѣхъ о смерти истиннаго царевича, онъ считалъ долгомъ вывести Россію изъ заблужденія, особенно съ того времени, какъ всѣ дѣла и поступки самозванца явно вредили счастію отечества нашего. Можетъ быть вы удивитесь, что онъ не сдѣлалъ этого съ самаго начала, но восхищеніе народа и его преданность къ воскресшему Димитрію были такъ велики, что никто не повѣрилъ бы въ то время словамъ князя Шуйскаго и онъ вѣрно сдѣлался бы жертвою своего усердія. Теперь же было совсѣмъ другое дѣло: всѣ ясно видѣли обманъ и искренно благодарили человѣка, который предлагалъ средство избавиться отъ стыда называть государемъ своимъ — бѣглаго разстригу. Князь Шуйскій былъ уменъ, хитеръ, рѣшителенъ; былъ любимъ народомъ какъ потомокъ поколѣнія царскаго и какъ герой, не страшившійся умереть за правду, и такъ ему не трудно было управлять умами всѣхъ бояръ, недовольныхъ Лжедимитріемъ и его поляками и мало-по-малу составить заговоръ, въ которомъ участвовали почти всѣ москвитяне. Онъ умѣлъ склонить на свою сторону и городскихъ чиновниковъ, и людей военныхъ: первые увѣрены были въ согласіи народа, вторые—войска. Кромѣ того, помѣщики представляли отъ себя усердныхъ слугъ, а Шуйскіе призвали въ Москву 20,000 надежныхъ людей изъ собственныхъ деревень своихъ.

Все это приготовилось очень скоро. Заговорщики рѣшились истребить самозванца и поляковъ, и уже назначили на то день: это было 17-го мая 1606 года, чрезъ недѣлю послѣ свадьбы царя.

Пышные праздники еще не всѣ кончились: Лжедимитрій располагался удивить народъ невиданною на Руси забавою; велѣлъ построить деревянную крѣпость за Срѣтенскими воротами, вывезти туда нѣсколько пушекъ изъ Кремля и представить картину приступа. Марина также сбиралась повеселить придворныхъ дамъ маскарадомъ, или, какъ русскіе говорили тогда, сбиралась плясать съ *своими полями въ личинахъ*. Вы догадаетесь, милые читатели, что предки наши называли личинами—*маски*. Надѣть маску почиталось у нихъ величайшимъ грѣхомъ, и разсказы о приготовленіяхъ царицы къ маскараду выводили изъ терпѣнія самыхъ кроткихъ и покорныхъ людей. Досадуя на такое, по мнѣнію ихъ, безбожіе, они готовы были на всѣ предложенія заговорщиковъ, особливо когда тѣ прибавляли къ разсказамъ своимъ описаніе новаго праздника, затѣваемаго царемъ. Слушая ихъ, нельзя было не вѣрить, что деревянная крѣпость строилась не для забавы, а для погибели всѣхъ бояръ русскихъ, которые будутъ на праздникѣ, и что потомъ самозванецъ отдастъ всѣ мѣста и должности, всѣ богатства и всѣхъ людей ихъ своимъ любимцамъ полякамъ. Разумѣется, что, слыша это, никакой русскій, искренно любившій свое отечество, не могъ отказаться отъ участія въ единодушномъ возстаніи. Однимъ словомъ, князь Шуйскій распоряжался въ этомъ дѣлѣ съ такою осторожностію и благоразуміемъ, что вся Москва уже съ нетерпѣніемъ ожидала назначеннаго дня, прежде нежели самозванецъ получилъ малѣйшее подозрѣніе о томъ, что̀ происходило около него. Даже наканунѣ 17-го мая, когда всѣ уже двѣнадцать воротъ московскихъ заняты были воинами Шуйскаго, а городскіе чиновники ходили по домамъ съ тайнымъ приказаніемъ, чтобы всѣ были готовы защищать церковь и царство и ожидали набата, Лжедимитрій и всѣ поляки веселились на великолѣпномъ праздникѣ, вовсе не думая о томъ, что̀ ожидало ихъ на другой день.

Всѣ они еще спали глубокимъ сномъ, какъ вдругъ въ четыре часа утра раздался звонъ набата во всей Москвѣ и народъ побѣжалъ изъ домовъ на Красную площадь. Тамъ уже ожидали его бояре и воеводы въ полномъ вооруженіи. Впереди всѣхъ былъ князь Василій Шуйскій,

съ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой. По его знаку Спасскія ворота въ Кремлѣ растворились и вслѣдъ за ними вошли туда безчисленныя толпы народа. Набожно приложился онъ въ церкви Успенія къ образу Божіей Матери Владимірской и потомъ съ жаромъ вскричалъ къ народу: «Во имя Божіе идите на злого еретика!» Этихъ немногихъ словъ было довольно на убѣжденіе: тихія толпы, еще въ какомъ-то молчаливомъ ожиданіи шедшія за боярами, сдѣлались шумными, необузданными и съ яростію бросились во дворецъ. Но тамъ они еще не скоро нашли того, кого искали. Съ первыми ударами набата самозванецъ проснулся, и въ страхѣ, не зная на что̀ рѣшиться, видя, что уже и храбрый другъ и защитникъ его Басмановъ убитъ, не могъ придумать ничего болѣе, какъ выскочить въ окно. Несчастный злодѣй вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь и голову, и упалъ прямо къ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ въ Житномъ дворѣ. Однакожъ они не сдѣлали ему ничего дурного, но, напротивъ того, слушая увѣренія его, что онъ истинный Димитрій, убѣдили собравшійся къ нимъ народъ отнести его къ царицѣ-инокинѣ и отъ нея удостовѣриться, точно ли онъ сынъ ея. Печальная государыня была вызвана изъ келіи и торжественно объявила, что истинный царевичъ скончался на рукахъ ея въ Угличѣ и что она молчала объ этомъ во все царствованіе самозванца отъ одного страха къ нему: онъ угрожалъ тайно умертвить ее за одно неосторожное слово, сказанное противъ него. Царица обвиняла себя за свое малодушіе, со слезами просила прощенія у народа, и показала ему портретъ маленькаго царевича: всѣ увидѣли, что ни одна черта его ангельскаго лица не походила на Разстригу.

Объявленіе горестной матери рѣшило судьбу обманщика. Съ него сорвали царскую одежду, еще нѣсколько минутъ разспрашивали, откуда онъ, и, не дослушавъ его разсказовъ, застрѣлили. Народъ, раздраженный такою неслыханною дерзостію, не скоро оставилъ въ покоѣ и мертвое тѣло его: всякій, кто хотѣлъ, билъ и кололъ его мечами, а потомъ чернь вытащила его изъ Кремля и положила на Лобномъ мѣстѣ съ маскою, дудкою и волынкою. Этимъ хо-

тѣли предки наши показать склонность самозванца къ пляскамъ, шутовскимъ забавамъ и музыкѣ.

Въ то самое время, когда Отрепьевъ получилъ достойную награду за дѣла свои, гордая супруга его и съ нею вся ея свита были въ ужасномъ положеніи: народъ съ яростію бѣгалъ во всѣ домы, гдѣ только думалъ найти поляковъ, и вездѣ убивалъ ихъ. Марина скрылась въ комнатахъ одной изъ придворныхъ дамъ своихъ и была оставлена живою только по просьбѣ бояръ, которые спасли также и отца ея, и Вишневецкаго.

Семь часовъ продолжались убійства и смятеніе народа. Наконецъ все утихло и къ вечеру того же дня Москва была такъ спокойна, что чужестранцы, жившіе въ ней, не могли надивиться этой быстрой перемѣнѣ, тѣмъ болѣе, что народъ не имѣлъ еще царя и даже не зналъ, кто будетъ имъ.

Но эта неизвѣстность не была продолжительна. Сердца всѣхъ стремились къ одному человѣку, всѣ увѣрены были, что никто лучше умнаго князя Шуйскаго не можетъ управлять Россіей, и 19-го мая, на третій день послѣ возстанія, Василій Іоанновичъ уже былъ названъ царемъ. Удивительно было видѣть Шуйскаго въ эту торжественную минуту на Лобномъ мѣстѣ,—тамъ, гдѣ за нѣсколько недѣль передъ этимъ онъ стоялъ приговоренный къ смерти! Какая чудная перемѣна! Тогда каждый старался скрыть слезы и состраданіе свое къ несчастному, невинно-осужденному князю; теперь каждый думалъ только о томъ, чтобы показать ему свое усердіе, каждый называлъ его избавителемъ царства русскаго. Тогда всѣ боялись одного имени Димитрія, хотя нѣкоторые уже знали обманъ; теперь тотъ же самый человѣкъ, устрашавшій всѣхъ собою, лежалъ безжизненный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ новаго царя! Всякому позволено было шутить и насмѣхаться надъ нимъ. Этого еще недовольно: и въ самой землѣ не было мѣста тѣлу самозванца. Чрезъ три дня его похоронили у большой дороги, за Серпуховскими воротами. Вдругъ нѣкоторые изъ суевѣрнаго народа начали говорить, что видѣли какія-то ужасныя чудеса надъ могилой его и что Разстрига, бывшій, по мнѣнію ихъ, большимъ колдуномъ и при жизни, вѣрно будетъ вредить Россіи волшебствомъ

своимъ и послѣ смерти. Итакъ, чтобы совсѣмъ избавиться отъ него, тѣло опять вынули изъ земли, сожгли и, смѣшавъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда самозванецъ пришелъ въ Москву. Бѣдные москвитяне думали, что съ этимъ выстрѣломъ далеко отлетятъ отъ нихъ всѣ бѣды, причиненныя злодѣемъ.

НЕСЧАСТНОЕ ЦАРСТВОВАНІЕ ШУЙСКАГО.

отъ 1606 до 1610 года.

(4 года).

Едва ли какой нибудь государь былъ несчастнѣе Василія Іоанновича! Всѣ добрыя намѣренія его не имѣли успѣха, все, что̀ думалъ онъ сдѣлать полезнаго для подданныхъ своихъ, было не понято ими; все, чѣмъ онъ хотѣлъ улучшить состояніе ихъ, было дурно принято ими. Напримѣръ, насмотрѣвшись на ужасное тиранство временъ Іоанна Грознаго и Бориса Годунова, Шуйскій хотѣлъ избавить отъ него русскихъ на будущее время и далъ имъ новыя права и преимущества. Но что-жъ? онъ угодилъ этимъ только тѣмъ боярамъ, которые были властолюбивы и желали наслаждаться неограниченною свободою; всѣ же прочіе, привыкшіе къ самодержавной волѣ государей своихъ и, можетъ быть, испытавшіе какъ опасна излишняя власть вельможъ, были недовольны новыми постановленіями и говорили, что царь отъ страха къ боярамъ даетъ имъ такую волю. И самый народъ, имѣя въ теченіе одного года четвертаго государя, не чувствовалъ уже прежняго уваженія къ этому священному званію, и чтобы снова возвратить ему всю важность и достоинство его, нуженъ былъ государь смѣлый, рѣшительный, одаренный необыкновенными способностями. Шуйскій не имѣлъ ихъ и отличался только чрезвычайною твердостію въ перенесеніи несчастій своихъ. Къ тому же, онъ былъ очень скупъ, не любилъ веселостей, и два торжества, бывшіе при немъ: коронованіе и

потомъ свадьба его съ молодою княжною Маріею Петровною Буйносовою-Ростовскою, праздновались такъ тихо, такъ скучно, что нашлось много людей, которые пожалѣли о пышныхъ и веселыхъ пирахъ самозванца. Однакожъ все это не сдѣлало бы много вреда Василію, еслибы не было главной причины всѣхъ несчастій его, истреблявшей всякое доброе расположеніе къ нему русскихъ. Эта причина заключалась въ чрезмѣрной любви народа не только къ самому *Димитрію*, но даже къ одному имени его! Цѣлый годъ царствованія обманщика; униженіе, испытанное при немъ; наконецъ мощи святого младенца, перенесенныя при Василіи Іоанновичѣ изъ Углича въ Москву и открыто поставленныя въ церкви Михаила Архангела, еще не довольно убѣдили легковѣрныхъ, и почти всѣ они готовы были снова съ радостію встрѣтить перваго пришлеца, которому вздумалось бы назвать себя Димитріемъ. Успѣхъ же Отрепьева не могъ не внушить и другимъ злодѣямъ желанія подражать его дерзости. Итакъ, новые самозванцы стали являться при самомъ началѣ царствованія Шуйскаго. Опаснѣйшій изъ всѣхъ ихъ былъ тотъ, котораго опять прислали намъ поляки. Эти непримиримые враги наши, отмщая Шуйскому за соотечественниковъ своихъ, убитыхъ въ Москвѣ съ Отрепьевымъ, поклялись во что бы то ни стало отнять у него престолъ. Прежде всего они старались сдѣлать Василія ненавистнымъ народу: увеличивали всѣ его недостатки, представляли въ дурномъ видѣ всѣ его хорошія качества, говорили даже, что онъ не можетъ называться законнымъ государемъ, потому что выбранъ одною Москвою, а не всѣми областями русскими [1]). Вмѣстѣ съ этимъ распространили они слухъ о томъ, что во время мятежа въ Москвѣ былъ убитъ не Димитрій, но одинъ изъ придворныхъ, походившій на него лицомъ; самъ же онъ успѣлъ уѣхать и скрывается теперь въ Польшѣ, у тещи своей, въ Самборскомъ зȧмкѣ. Люди легкомысленные, всему вѣрившіе; вѣтренники, полюбившіе безпрестанныя пере-

---

[1]) Шуйскій избранъ былъ чрезъ два дня послѣ мятежа въ Москвѣ. Узнавъ о его избраніи, и всѣ другія области охотно послѣдовали примѣру Москвы и присягнули ему какъ законному государю.

мѣны въ правленіи; злодѣи, надѣявшіеся пользоваться такими перемѣнами,—слушали съ жадностію эти разсказы; нашлись даже дерзкіе смѣльчаки, которые начали набирать войско и съ нимъ покорять города именемъ царя Димитрія. Въ числѣ такихъ особенно отличался князь Григорій *Шаховскій.* Онъ въ короткое время возмутилъ всю землю Сѣверскую и Рязанскую и составилъ войско изъ жителей измѣнившихъ городовъ, изъ стрѣльцовъ, казаковъ, дѣтей боярскихъ и даже крестьянъ, толпами приходившихъ подъ знамена любимца своего Димитрія. Подивитесь такому усердію, милые читатели, тѣмъ болѣе, что еще никто не видѣлъ этого новаго самозванца и что одно имя его въ теченіе года покоряло города и цѣлыя области. Полякамъ трудно было найти человѣка, который согласился бы играть эту опасную роль, и не прежде, какъ чрезъ годъ сыскался такой: одни историки называютъ этого втораго обманщика *Матвѣемъ Веревкинымъ,* бродягой и сыномъ какого-то священника; другіе—жидомъ. Съ восторгомъ приняли его во всей южной Россіи. Атаманъ днѣпровскихъ казаковъ *Заруцкій,* и начальникъ поляковъ, панъ *Рожинскій* — друзья перваго самозванца, знавшіе навѣрное, что онъ былъ убитъ, не стыдились служить и второму, какъ истинному царевичу. Они оба доставляли ему каждый день новыхъ воиновъ: къ Заруцкому приходили казаки, къ Рожинскому — богатые паны съ своими отрядами. Съ такими усердными помощниками, съ довѣрчивою любовью русскихъ къ имени Димитрія — и второй самозванецъ такъ же легко побѣждалъ, какъ и первый, и въ іюнѣ 1608 года былъ уже въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ.

Бѣдное отечество наше находилось въ это время въ самомъ жалкомъ положеніи: вѣрными царю оставались только отдаленная Сибирь и города: Казань, Саратовъ, Нижній, Коломна, Новгородъ, Переяславъ-Рязанскій. Все же прочее принадлежало мятежникамъ. Село Тушино сдѣлалось столицею новаго царя ихъ. Видѣвъ, что Москва не покоряется такъ скоро, какъ можно было ожидать того, судя по другимъ городамъ, Лжедимитрій, или, какъ предки наши называли его, *Тушинскій воръ,* укрѣпилъ столицу свою

валомъ съ глубокими рвами [1]), украсилъ новыми строеніями, обогатилъ грабежемъ. Каждый день въ Тушинѣ походилъ на праздникъ: разнаго рода веселости и болѣе всего—вино и медъ манили туда измѣнниковъ, которыхъ вскорѣ уже считалось тамъ вмѣстѣ съ поляками болѣе ста тысячъ человѣкъ. Всѣ они нетерпѣливо желали доказать усердіе свое *царику* [2]) и готовы были съ радостію умереть за него. Это усердіе еще болѣе увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ гордая и безсовѣстная Марина, отпущенная по просьбѣ польскаго короля въ отечество свое, согласилась на приглашеніе тушинскаго злодѣя и, забывъ Польшу, пріѣхала къ нему. Онъ встрѣтилъ ее торжественно, какъ царицу русскую; она же притворилась такъ искусно, что всѣ тѣ, которые еще нѣсколько сомнѣвались въ томъ, чтобы тушинскій царь былъ истинный Димитрій, должны были удостовѣриться, смотря на свиданіе его съ женою.

Съ того времени дѣла его пошли еще успѣшнѣе; въ одномъ только случаѣ онъ не могъ успѣть никакимъ образомъ: вѣрная Москва не сдавалась. Чтобы стѣснить ее до послѣдней крайности, онъ отрядилъ 30,000 войска подъ начальствомъ двухъ польскихъ пановъ, Сапѣги и Лисовскаго, взять Троицкую лавру св. Сергія. Это священное мѣсто было всегда прибѣжищемъ для предковъ нашихъ въ дни бѣдствій ихъ, но никогда оно не было такъ спасительно для нихъ, какъ въ это ужасное время! Лавра соединяла Москву съ сѣверомъ и востокомъ Россіи; мимо ея лежала дорога въ Новгородъ, Вологду, Пермь, Сибирь, въ области: Владимірскую, Нижегородскую и Казанскую. Стало быть она защищала эти земли отъ нашествія самозванца; она предохранила ихъ отъ стыда—измѣнить отечеству и государю законному. Чувствуя важность такого священнаго дѣла, всѣ монахи рѣшились лучше умереть, нежели уступить полякамъ и русскимъ измѣнникамъ, и сдѣлались совершенными воинами: надѣли на рясы свои оружіе, призывали къ себѣ вѣрныхъ защитниковъ отечества и вмѣстѣ съ ними сражались такъ храбро, что, не смотря на мало-

---

[1]) И теперь еще въ селѣ Тушинѣ примѣтны слѣды укрѣпленій.

[2]) Тушинскаго вора называли также *царикомъ*.

численность свою, не смотря на болѣзни и голодъ, продолжавшійся у нихъ всю зиму, монастырь уже болѣе года выдерживалъ жестокую осаду, и какъ будто упрекалъ въ слабости Москву, которая, имѣя гораздо болѣе войска и жителей, нежели сколько было ихъ въ Тушинѣ, не могла рѣшиться прогнать отъ стѣнъ своихъ дерзкаго самозванца, и спокойно смотрѣла, какъ и остальные города, до сихъ поръ вѣрные Василію Іоанновичу, мало-по-малу начали оставлять его и покоряться Димитрію; какъ самыя ужасныя злодѣйства происходили во всѣхъ городахъ и селеніяхъ ихъ; какъ русскіе, измѣняя Богу и присягѣ своей и унижаясь предъ недостойными поляками, казалось, уже потеряли и отечество, и вѣру свою. Невозможно описать, милые читатели, тогдашняго состоянія предковъ нашихъ! Я представлю вамъ, какъ говоритъ о томъ одинъ изъ умныхъ и добродѣтельныхъ людей, жившихъ въ то время и собственными глазами видѣвшихъ всѣ происшествія — келарь Троицко-Сергіевскаго монастыря Авраамій Палицынъ.

«Россію терзали свои болѣе, нежели чужіе: проводниками, наставниками и хранителями поляковъ были наши измѣнники. Поляки только смотрѣли и смѣялись надъ безумнымъ междоусобіемъ. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ, русскіе указывали имъ дорогу, берегли ихъ въ опасности, умирали за тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Не было милосердія: всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали смерти, бросали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ; грудныхъ младенцевъ вырывали изъ рукъ матерей и разбивали о камни. Гибли отечество и церковь; храмы истиннаго Бога разорялись, какъ храмы идоловъ во времена Владиміра. Люди уступали свои жилища звѣрямъ; медвѣди и волки, оставивъ лѣса, ходили въ пустыхъ городахъ и селеніяхъ. Могилы возвышались какъ горы. Граждане и земледѣльцы жили въ лѣсахъ или въ болотахъ, и только ночью выходили изъ нихъ осушиться. Не луною, но пожарами освѣщались ночи: грабители жгли все, чего не могли взять съ собою; они хотѣли видѣть Россію пустынею необитаемою».

Вотъ какъ ужасно было состояніе отечества нашего въ царствованіе Василія Іоанновича! Несчастный государь, не смотря на всю твердость свою, началъ отчаяваться; но Богъ, вѣроятно, умилостивленный усердными молитвами добрыхъ защитниковъ лавры Сергіевской, послалъ избавителя и имъ, и всѣмъ вѣрнымъ русскимъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

